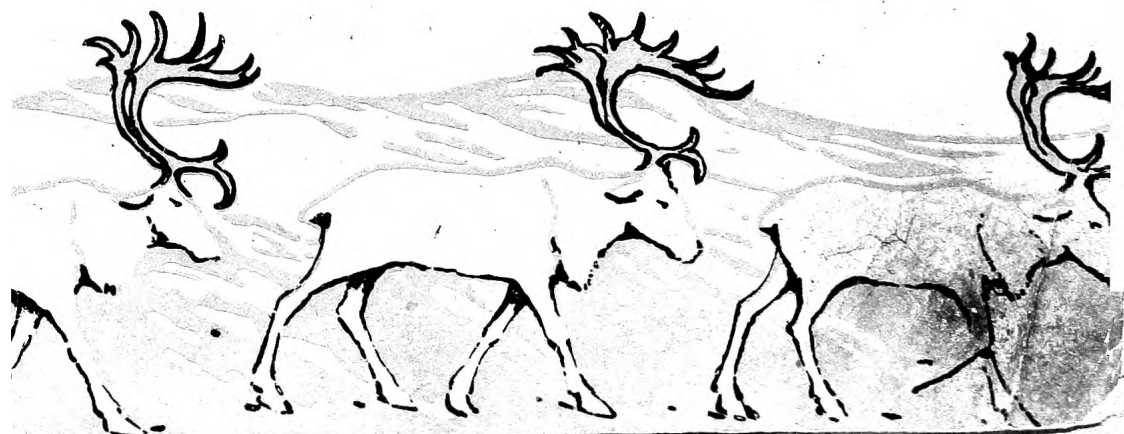

Пальниковой

ЧТОЛЬНЫЙ
Зал

Сельма Лагерлёф.

Чудеса
АНТИХРИСТА.

СЕЛЬМА ЛАГЕРЛЁФЪ.

СЕЛЬМА ЛАГЕРЛЁФЪ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ.

Томъ VI.

ИЗДАНИЕ В. М. САБЛИНА.

СЕЛЬМА ЛАГЕРЛЁФЪ.

ЧУДЕСА АНТИХРИСТА.

ПЕРЕВОДЪ В. КОРШЪ.

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ.

МОСКВА — 1910.

Типографія В. М. Саблина.
Москва, Петровка, домъ Обидиной. Телефонъ 181-34.

ЧУДЕСА АНТИХРИСТА.

„Когда придетъ Антихристъ, онъ во всемъ будетъ подобенъ Христу. И наступитъ великій голодъ, и Антихристъ будетъ ходить изъ страны въ страну и раздавать хлѣбъ нищимъ. И будетъ у него много послѣдователей“.

(Сициланское народное преданіе).

I.

Видѣніе цезаря.

Во времена, когда Августъ былъ римскимъ цезаремъ, а Иродъ — царемъ іудейскимъ, на землю спустилась великая святая ночь. Никогда еще не было такой темной ночи; можно было подумать, что вся земля провалилась въ подземелье. Было невозможно отличить воду отъ земли и легко было сбиться на хорошо знакомой дорогѣ. Да иначе и быть не могло, потому что съ неба не свѣтилъ ни одинъ лучъ. Всѣ звѣзды оставались у себя дома, а кроткій мѣсяцъ отвернулъ отъ земли свой ликъ.

И такими же глубокими, какъ мракъ, были тишина и молчаніе. Рѣки остановились въ своемъ теченіи, не было ни малѣйшаго дуновенія вѣтра, и даже листья осины перестали дрожать. Волны не катились къ морскому берегу, и песокъ не шелестѣлъ въ пустынѣ.

Все замерло и окаменѣло, чтобы не нарушить святости ночи. Трава перестала расти, туманъ не падалъ, и цвѣты не осмѣливались изливать свои ароматы.

Въ эту ночь хищные звѣри не охотились, змѣи не жалили, и собаки не лаяли. Но чудеснѣе всего было то, что и безжизненные предметы не хотѣли нарушать святости этой ночи, и ихъ нельзя было

потребить ни на какое дурное дѣло. Ни одной отмычкой нельзя было бы взломать замка, и ни одинъ ножъ не былъ бы въ состояніи пролить кровь.

Какъ разъ въ эту ночь въ Римѣ небольшая группа людей вышла изъ дворца цезаря на Палатинѣ и направилась черезъ Форумъ къ Капитолію. Въ только что истекшій день государственные мужи обратились къ цезарю съ вопросомъ, разрѣшить ли онъ воздвигнуть ему храмъ на священной горѣ Рима. Августъ не далъ имъ на это отвѣта, такъ какъ не зналъ, будетъ ли угодно богамъ, если ему воздвигнуть храмъ рядомъ съ ихъ святилищами, и сказалъ, что ночью онъ принесетъ жертву своему генію и узнаетъ его волю.

И вотъ теперь въ сопровожденіи близкихъ ему людей онъ отправлялся совершать жертвоприношеніе.

Августа несли на носилкахъ, такъ какъ онъ былъ уже старъ и ему трудно было подниматься на многочисленныя ступени Капитолія. Онъ самъ держалъ въ рукахъ клѣтку съ голубями, которыхъ хотѣлъ принести въ жертву. Съ нимъ не было ни жрецовъ, ни государственныхъ людей, ни стражи, были только его близкіе друзья. Впереди него шли факельщики, словно расчищая дорогу въ ночномъ мракѣ, а за ними слѣдовали рабы, несшіе треножный алтарь, жертвенные сосуды, ножи, священный огонь и разныя другія принадлежности жертвоприношенія.

Дорогой цезарь весело бесѣдовалъ со своими друзьями, и поэтому никто изъ нихъ не замѣчалъ безконечнаго покоя и тишины ночи. И только когда они поднялись на вершину Капитолія и достигли открытой площадки, предназначенной для новаго храма, имъ стало ясно, что происходитъ что-то необычайное.

Эта ночь не была похожа на обычныя, потому что на вершинѣ горы они увидали странное явленіе. Сначала они приняли это за старый высохшій стволъ маслины, потомъ имъ показалось, что это древнее каменное изваяніе вышло на гору изъ храма Юпитера.

Наконецъ, они поняли, что это не могъ быть никто другой, кромѣ старой сибиллы.

Они никогда еще не видали существа болѣе древняго, изсохшаго и болѣе громаднаго. Эта старая женщина наводила ужасъ. Если бы съ ними не было цезаря, они всѣ разбѣжались бы по домамъ.

—Это она!—шептались они между собой.—Та, что насчитываетъ столько же лѣтъ, сколько песчинокъ на морскомъ берегу ея родины. Почему она именно въ эту ночь вышла изъ своей пещеры? Что хочетъ она возвѣстить цезарю и государству, она, которая пишетъ свои пророчества на листьяхъ деревьевъ и знаетъ, что вѣтеръ донесетъ вѣщее слово тому, кому оно предназначено?

Они были такъ испуганы, что, сдѣлавъ сибилла хоть одно движеніе, они всѣ упали бы, распростершись, на землю. Но она сидѣла неподвижно, словно неживая. Она сидѣла, скорчившись, на выступѣ скалы и, держа ладонь надъ глазами, всматривалась во мракъ. Можно было подумать, что она поднялась на самую вершину, чтобы лучше разглядѣть то, что происходитъ гдѣ-то въ дали. Такъ, значить, она могла видѣть и въ такую ночь!

Тутъ только цезарь и его спутники замѣтили, какой глубокій мракъ царитъ вокругъ. На разстояніи протянутой руки ничего не было видно. И какая тишина! Какое молчаніе! Не слышно было даже глухого шума Тибра. Хотя воздухъ былъ душный, холодный потъ выступалъ у нихъ на лбу, и руки ихъ были вялы и безсильны. Они ожидали, что должно произойти что-нибудь ужасное.

Но никто не хотѣлъ показать своего страха, и всѣ говорили цезарю, что это добрый знакъ: вся природа затаила дыханіе, чтобы привѣтствовать новаго бога.

На самомъ же дѣлѣ старая сибилла была такъ поглощена своимъ видѣніемъ, что и не замѣтила, какъ цезарь Августъ поднялся на Капитолій. Душа ея перенеслась въ далекую страну, и ей казалось, что она бредетъ по громадной равнинѣ. Въ темнотѣ она все время

спотыкалась о что-то, казавшееся ей кочками. Она наклонялась и ощупывала рукой. Пётъ, это были не кочки, а овцы. Она шла между большихъ стадъ спящихъ овецъ.

Наконецъ, она замѣтила огонь костра. Онъ горѣлъ среди поля, и она побрела къ нему. Пастухи спали вокругъ костра, а рядомъ съ ними лежали ихъ длинныя остроконечныя посохи, которыми они защищали стада отъ дикихъ звѣрей. А развѣ не шакалы были эти маленькіе звѣрки съ блестящими глазами и пушистыми хвостами, которые пробирались къ огню? Но пастухи не бросали въ нихъ посохами, собаки продолжали спокойно спать, а овцы не шевелились, и хищные звѣри спокойно легли рядомъ съ людьми.

Все это видѣла сибилла; но она ничего не знала о томъ, что происходитъ сзади нея на горѣ. Она не знала, что тамъ воздвигли алтарь, зажгли уголь, воскурили онімѣмъ и что цезарь вынулъ изъ клѣтки голубя, чтобы принести его въ жертву. Но руки его такъ ослабли, что онъ не могъ удержать птицы. Голубь вырвался однимъ взмахомъ крыльевъ и исчезъ въ ночномъ мракѣ.

Когда это случилось, спутники цезаря недовѣрчиво взглянули на старую сибиллу. Они думали, что она причинила это несчастье.

Они не знали, что сибиллѣ все еще казалось, что она стоитъ у костра пастуховъ и прислушивается къ легкимъ звукамъ, нарушающимъ мертвую тишину ночи. Она долго вслушивалась, прежде чѣмъ замѣтила, что они поднимаются не съ земли, но доносятся изъ облаковъ. Наконецъ, она подняла голову и увидала свѣтлыя, сверкающія существа, проносящіяся во мракѣ. Это были маленькія группы ангеловъ, которые пѣли радостными голосами и, словно ища чего-то, носились взадъ и впередъ надъ огромной равниной.

Какъ разъ въ эту минуту, когда сибилла прислушивалась къ дѣнію ангеловъ, цезарь готовился принести новую жертву. Онъ омылъ руки, очистилъ алтарь и велѣлъ подать себѣ второго голубя. Но, какъ ни старался онъ держать его крѣпче, строй-

ное тѣло скользнуло изъ его рукъ, и птица исчезла въ непропааемой ночи.

Цезаря охватилъ ужасъ. Онъ палъ ницъ передъ пустымъ алтаремъ и молилъ своего генія. Онъ просилъ дать ему силу избѣгнуть несчастья, которое, повидимому, возвѣщала эта ночь.

Но и этого тоже не слыхала сибилла. Она всей душой вслушивалась въ пѣніе ангеловъ, которое становилось все громче. Наконецъ, оно стало такъ могуче, что разбудило пастуховъ. Они приподнялись на локтяхъ и смотрѣли на блестящія толпы серебристо-бѣлыхъ ангеловъ, которые пронеслись во мракѣ длинными, колеблющимися рядами, подобно перелетнымъ птицамъ. У однихъ въ рукахъ были лютни и скрипки, у другихъ—цитры и арфы, и ихъ пѣніе было радостно, какъ дѣтскій смѣхъ, и беззаботно, какъ пѣнье жаворонка. Когда пастухи увидали все это, они пошла въ горный городокъ, изъ котораго они были родомъ, чтобы рассказать тамъ о чудѣ.

Они съ трудомъ поднимались по узкой извилистой тропинкѣ, и старая сибилла шла за ними. Вдругъ высоко на горѣ стало свѣтло. Большая яркая звѣзда горѣла надъ горой, и городъ на вершинѣ ея сверкалъ какъ серебро въ лучахъ звѣзды. Всѣ ангелы съ радостными криками спѣяли туда, и пастухи ускорили свои шаги и почти бѣжали. Подойдя къ городу, они увидали, что ангелы окружили низкій сарай близъ городскихъ воротъ. Это было жалкое строеніе съ соломенной крышей, и холодная скала замѣняла его заднюю стѣну. Какъ разъ надъ нимъ свѣтила звѣзда, и сюда слетались ангелы. Одни опускались на крышу или на отвѣсную скалу позади дома, другіе, треща крыльями, рѣяли вокругъ. И высоко-высоко въ воздухѣ было свѣтло отъ ихъ сверкающихъ крыльевъ.

Въ то мгновеніе, какъ звѣзда возсіяла надъ горой, проснулась вся природа, и люди, собравшіеся на вершинѣ Капитолія, тоже ощутили это. Они почувствовали дуновеніе свѣжаго, но мягкаго вѣтра, нѣжное благоуханіе разлилось вокругъ, листья на деревьяхъ шеле-

стѣли, слышно было теченіе Тибра, звѣзды засіяли, и мѣсяць вдругъ поднялся высоко на небѣ и освѣтилъ землю. Съ облаковъ слетѣли внизъ два голубя и опустились на плечи цезаря.

Когда совершилось это чудо, Августъ поднялся въ гордой радости; но его друзья и рабы бросились ницъ. Ave, Caesar!—воскликали они,—боги отвѣтили тебѣ! Ты—божество, которому будутъ поклоняться на вершинѣ Капитолія!

И люди, охваченные восторгомъ, такъ громко славили цезаря, что это услышала и старая сибилла. Это пробудило ее отъ ея духовнаго видѣнія. Она покинула свое мѣсто на отвѣсѣ скалы и подошла къ людямъ. Казалось, что темное облако поднялось изъ глубокой бездны и окутало вершину горы. Она была ужасна своей древностью. Растрепанные волосы жидкими прядями висѣли вокругъ ея головы, сухожилія утолщились, а потемнѣвшая кожа покрывала ея тѣло, какъ древесная кора, морщина къ морщинѣ.

Но властно и внушительно подошла она къ цезарю. Одной рукой она схватила его за руку, а другой указала ему на далекій востокъ.

— Смотри!—приказала она. Цезарь поднялъ свой взоръ и взглянулъ. Все исчезло передъ его глазами, и взоры его проникли до отдаленнѣйшей мѣстности востока. И онъ увидалъ жалкое строеніе у отвѣсной скалы и у открытыхъ дверей нѣсколько колѣнопреклоненныхъ пастуховъ. Внутри онъ увидѣлъ молодую мать, стоявшую на колѣняхъ предъ младенцемъ, который лежалъ на полу на связкѣ соломы.

И длинныя костлявыя пальцы сибиллы указали ему на этого бѣднаго младенца.

— Ave, Caesar!—съ язвительнымъ смѣхомъ произнесла сибилла.— Вотъ Богъ, которому будутъ поклоняться на вершинѣ Капитолія.

Августъ отступилъ отъ нея, какъ отъ безумной. Но сибиллу охватилъ великій духъ пророчества. Ея угасшіе глаза засверкали,

руки поднялись къ небу, голосъ измѣнился, словно онъ былъ не ея, и сталъ такимъ звучнымъ и сильнымъ, что его можно бы было слышать во всемъ мірѣ. И она произнесла слова, которыя она какъ бы читала среди звѣздъ:

— На высотахъ Капитолія будутъ поклоняться обновителю міра, Христу или Антихристу, но не смертному человѣку.

Произнеся это, она прошла между разступившимися въ ужасѣ людьми, медленно сошла съ горы и исчезла.

Августъ на слѣдующій же день строго-настрого запретилъ народу воздвигать храмъ на вершинѣ Капитолія.

Вмѣсто того онъ поставилъ тамъ жертвенникъ въ честь новорожденнаго младенца и назвалъ его: „Алтарь неба“ (Ara coeli).

II.

Святой младенецъ Рима.

На высотахъ Капитолія возвышался монастырь, въ которомъ жили монахи-францисканцы. Но строенія его походили скорѣе на крѣпость, чѣмъ на монастырь. Словно сторожевая башня на морскомъ берегу, съ которой стерегутъ и высматриваютъ приближающагося врага.

Близъ монастыря находилась великолѣпная базилика Sancta Maria in Ara coeli. Базилика была построена въ воспоминаніе того, что на этомъ мѣстѣ сибилла показала Августу младенца Христа. А монастырь воздвигли, такъ какъ боялись, что исполнится предсказаніе сибиллы и на Капитоліи будутъ поклоняться Антихристу.

И монахи чувствовали себя воинами. Отправляясь въ церковь пѣть и молиться, они воображали, что идутъ на укрѣпленія и осыпаютъ тучей стрѣлъ нападающаго Антихриста.

Они жили съ непрестанной мыслью объ Антихристѣ, и все ихъ служеніе Богу было въ стремленіи не допустить Антикрита на Капитолій.

Они низко надвигали свои капюшоны, прикрывая глаза, и зорко всматривались въ міръ.

Отъ постоянного напряженія взоры ихъ стали лихорадочными и безпокойными, и имъ непрестанно казалось, что они видятъ Антикрита.—Онъ здѣсь! Онъ тамъ!—восклищали они. И они сбѣгались и готовились къ бою, похожіе въ своихъ темныхъ рясахъ на вороновъ, столпившихся на вершинѣ скалы, завидя орла.

Но одни говорили:—Къ чему служить молитва и покаяніе? Сибилла предсказала: Антихристъ долженъ притти!

А другіе возражали:—Богъ можетъ совершить чудо. Если бы борьба была бесполезна, онъ не предостерегъ бы насъ черезъ сибиллу.

Изъ года въ годъ охраняли францисканцы Капитолій покаяніемъ, дѣлами милосердія и проповѣдью слова Божія.

Они защищали его цѣлые вѣка, но чѣмъ дальше шло время, тѣмъ безплѣнѣе и слабѣе становились люди. Монахи говорили между собой:—Міръ не можетъ такъ стоять дольше. Долженъ явиться обновитель міра, какъ во времена Августа.

Они рвали на себѣ волосы и бичевали себя, такъ какъ они знали, что обновителемъ будетъ Антихристъ и что онъ водворитъ возрожденіе мечомъ и силой.

Какъ немощныхъ преслѣдуетъ мысль объ ихъ болѣзняхъ, такъ и они терзались мыслью объ Антихристѣ. И они видѣли его: онъ былъ богатъ, насколько Христосъ былъ бѣденъ, былъ злобенъ, насколько Христосъ добръ, и почитаемъ, насколько Христосъ былъ гонимъ.

Онъ приведетъ сильное войнство и пойдетъ во главѣ кроваво-жадныхъ злодѣевъ. Онъ разрушитъ церкви, умертвитъ священно-

служителей, возбудить людей къ битвѣ, и братъ возстанетъ на брата, и каждый будетъ бояться другого, и погибъ не будетъ мира.

И при каждомъ появленіи сильнаго и могучаго человѣка, совершающаго побѣдное шествіе, на сторожевой башнѣ Капитолія поднимался крикъ: „Антихристъ! Антихристъ!“

И каждый разъ, какъ человѣкъ этотъ исчезалъ или погибалъ, монахи восклицали: „Осанна!“ и пѣли „Te Deum.“ И они говорили:— По нашей молитвѣ гибнуть злые, прежде чѣмъ они успѣваютъ достигнуть Капитолія.

Но для монаховъ прекраснаго монастыря было большимъ мученіемъ, что они никогда не знали покоя. Ночи ихъ были еще тревожнѣе, чѣмъ дни. Имъ чудилось, что хищные звѣри входили въ кельи и растягивались на ложѣ рядомъ съ ними. И каждый дикій звѣрь былъ Антихристъ. Однимъ монахамъ онъ являлся въ видѣ дракона, другимъ — въ видѣ грифа, а нѣкоторымъ онъ казался сфинксомъ. И, вставая отъ сна, они чувствовали себя изнуренными, какъ послѣ тяжелой болѣзни.

Единственнымъ утѣшеніемъ этихъ бѣдныхъ людей было чудодѣйственное изображеніе Христа, хранившееся въ базиликѣ Agascoli. Когда кто-нибудь изъ монаховъ доходилъ въ своемъ ужасѣ до отчаянія, онъ шелъ туда искать утѣшенія. Онъ проходилъ черезъ всю базилику и входилъ въ запертую часовню возлѣ главнаго алтаря. Тамъ онъ зажигалъ священныя восковыя свѣчи и совершалъ молитву—прежде чѣмъ отпереть алтарный шкафъ съ желѣзными дверцами и двойнымъ замкомъ. И онъ не поднимался съ колѣнъ все время, пока созерцалъ святое изображеніе.

Это было маленькое спеленутое дитя съ золотой короной на головѣ и золотыми башмачками на ногахъ, все сверкающее драгоценностями, которыя приносились ему въ даръ молящимися. А стѣны часовни были покрыты картинами, въ которыхъ изображалось,

какъ оно спасало отъ огня и морскихъ волнъ, исцѣляло больныхъ и помогало во всевозможныхъ несчастіяхъ. Видя все это, монахъ торжествовалъ и говорилъ:—Да славится имя Господне! На Капитоліи еще поклоняются истинному Христу!

Монахъ видѣлъ, какъ лицо младенца улыбалось ему съ мистическимъ выраженіемъ сознанія своего могущества, и душа его возносила къ священнымъ областямъ успокоенія.

— Что можетъ побѣдить тебя, могущественный? — восклицалъ онъ. — Передъ тобой склоняетъ колѣна вѣчный городъ. Ты святой младенецъ Рима. Ты царь, которому поклоняются народы. Ты сильный, несущій съ собой помощь, поддержку и утѣшеніе. Тебѣ одному должно поклоняться на вершинѣ Капитолія.

Монахъ видѣлъ, какъ корона на головѣ младенца превращается въ золотое сіяніе, лучи котораго расходятся по всему міру. И куда бы ни взглянулъ онъ по направленію лучей, всюду онъ видѣлъ множество храмовъ, въ которыхъ славили Христа. Казалось, что могущественный военачальникъ показывалъ ему всѣ крѣпости и замки, охраняющіе его государство.

— Нѣтъ никакого сомнѣнія, ты не можешь пасть, — говорилъ монахъ. — Твое царство — вѣчно!

И каждый монахъ, приходившій искать помощи у святого изображенія, чувствовалъ себя на нѣсколько часовъ утѣшеннымъ и успокоеннымъ, пока страхъ снова не охватывалъ его. Но если бы монахи не владѣли этимъ изображеніемъ, — ихъ души не знали бы ни одного мгновенья покоя.

Монахи Ага соелі все свое время проводили въ молитвахъ и покаяніи, и монастырь никогда не терпѣлъ недостатка въ защитникахъ. Едва только одинъ ослабѣвалъ отъ постоянного страха, какъ другіе спѣшили занять его мѣсто.

И хотя большинство поступающихъ въ этотъ монастырь впадало въ безуміе или умирало преждевременной смертію, въ немъ ни-

когда не было недостатка въ монахахъ, потому что считалось большой заслугой передъ Господомъ бороться за него на Ага соелі.

Шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ борьба была въ полномъ разгарѣ, и, благодаря слабости времени, монахи боролись еще съ болѣшимъ усердіемъ, чѣмъ когда-либо, и ждали Антихриста еще съ болѣшей увѣренностью, чѣмъ прежде.

Въ это время въ Римъ пріѣхала одна богатая англичанка. Она поднялась на Ага соелі и увидала святое изображеніе, и оно такъ поправила ее, что ей казалось, что она не можетъ больше жить, не обладая имъ. Она часто отправлялась въ базилику любоваться на него и, наконецъ, стала просить монаховъ, чтобы она продали ей это изображеніе.

Но если бы она даже выложила весь мозаичный полъ золотыми монетами, монахи и тогда не продали бы ей изображенія Христа, бывшего ихъ единственнымъ утѣшеніемъ.

Англичанка такъ сильно полюбила святое изображеніе, что, не видя его, не имѣла ни радости ни покоя. А такъ какъ она не могла достигнуть своей цѣли никакимъ другимъ путемъ, то она и рѣшила его украсть. Она не думала о совершаемомъ ею грѣхѣ; ее влекло неудержимое желаніе, и она лучше соглашалась погубить свою душу, чѣмъ отказать своему сердцу въ наслажденіи обладать желаемымъ. Для достиженія своей цѣли она заказала сдѣлать изображеніе, вполне схожее съ тѣмъ, которое находилось въ Ага соелі.

Младенецъ Христосъ въ Ага соелі былъ вырѣзанъ изъ оливкового дерева, взятаго изъ Геосимапскаго сада; но англичанка рѣшила заказать изображеніе изъ вяза, похожаго на оливковое дерево. Святое изображеніе было раскрашено не рукой человѣка. Когда монахъ, вырѣзавшій его, приготовилъ кисти и краски, онъ заснулъ за работой. А когда онъ проснулся, изображеніе было уже раскрашено. Оно само раскрасило себя въ знаменіе того, что оно угодно Богу. Но у англичанки хватило дерзости отдать раскрасить

свое изображеніе изъ вяза смертному живописцу, который сдѣлалъ его весьма схожимъ съ святымъ младенцемъ.

Этому поддѣльному Христу она заказала корону и башмачки, но они были не изъ золота, а изъ позолоченной жести. Она заказала украшенія, накупила колець и ожерелій, и цѣпочекъ, и браслетовъ, и другихъ драгоценностей,—но все это было изъ мѣди и стекла; и она обвѣшала его ими, какъ ищущіе утѣшенія украсили истинное и неподдѣльное изображеніе Младенца.

Когда изображеніе было готово, она взяла булавку и нацарапала на коронѣ: „Царство мое лишь на землѣ“. Какъ будто она боялась, что сама не отличить одно изображеніе отъ другого. И словно этимъ она хотѣла успокоить свою совѣсть.

— Я совсѣмъ не хотѣла дѣлать подложнаго изображенія Христа. Вѣдь я написала на коронѣ: мое царство лишь на землѣ!

Потомъ она завернулась въ широкій плащъ, спрятала подъ нимъ свое изображеніе и отправилась на Ага соелі. Она попросила, чтобы ее допустили поклониться святому Младенцу.

Ее провели въ святилище, зажгли свѣчи, открыли желѣзные дверцы, и передъ ней засіяло святое изображеніе. Тогда она задрожала и зашаталась, и у нея былъ такой видъ, что она готова лишиться чувствъ. Монахъ, бывшій съ ней, поспѣшилъ въ ризницу за водой, и она осталась одна въ часовнѣ. А когда онъ вернулся, она совершила уже святотатство. Она овладѣла чудодѣйственнымъ изображеніемъ, а поддѣльное и безсильное поставила на его мѣсто.

Монахъ не замѣтилъ подмѣна. Онъ заперъ фальшивое изображеніе желѣзными дверцами и двойнымъ замкомъ, и англичанка со своимъ сокровищемъ удалилась домой. Она поставила его въ своемъ дворцѣ на мраморный постаментъ и была такъ счастлива, какъ никогда въ жизни.

На холмѣ въ Ага соелі ничего не подозрѣвали о понесенной потерѣ и продолжали чтить подложное изображеніе, какъ истинное;

и, когда наступило Рождество, ему, по обыкновенію, построили въ церкви великолѣпную пещеру. Тутъ лежалъ онъ, весь сверкая, на колѣняхъ Маріи; а кругомъ были разставлены пастухи, ангелы и волхвы. И пока стояла пещера, дѣти изъ Рима и всей Кампаньи сходились въ церковь, поднимались на маленькую кафедру, воздвигнутую въ базиликѣ, и славили милосердіе, любовь и могущество младенца Христа.

Но англичанка жила въ большой тревогѣ, что кто-нибудь откроетъ, что она похитила изображеніе Христа изъ Ага соелі. И поэтому она никому не признавалась, что изображеніе, которымъ она обладала, было настоящее. — Это поддѣльное изображеніе, — говорила она. — Оно такъ схоже съ настоящимъ, какъ только возможно быть; но оно только сдѣлано по его образцу.

Случайно у нея въ услуженіи была итальянская дѣвочка. Проходя однажды черезъ комнату, она остановилась передъ изображеніемъ и заговорила съ нимъ:

— Бѣдный поддѣльный Христосикъ, если бы ты зналъ, въ какой пышности лежитъ истинный младенецъ въ пещерѣ Ага соелі, а Марія, св. Іаковъ и пастухи стоятъ передъ нимъ на колѣняхъ. Если бы ты видѣлъ, какъ дѣти поднимаются на маленькую кафедру, склоняются передъ нимъ, посылаютъ ему поцѣлуи и такъ хорошо славятъ его, какъ только могутъ!

Нѣсколько дней спустя, маленькая служанка опять подошла къ изображенію и сказала:

— Бѣдный поддѣльный Христосикъ, ты знаешь, я была сегодня наверху въ Ага соелі и видѣла, какъ несли въ процессіи истиннаго младенца, надъ нимъ держали балдахинъ, и весь народъ падалъ на колѣни, пѣлъ и игралъ передъ святымъ изображеніемъ. Ты никогда не будешь участвовать въ такомъ великолѣпнѣ!

И еще нѣсколько дней спустя, подошла дѣвочка къ изображенію и сказала:

— Знаешь, поддѣльный Христосикъ, тебѣ лучше стоять здѣсь! Потому что истиннаго Христосика призываютъ къ больнымъ и везутъ къ нимъ въ золотой каретѣ; но онъ не можетъ имъ больше помочь, и они умираютъ въ отчаяніи. И начинаютъ говорить, что святой младенецъ потерялъ свою силу творить добро и что молитва и слезы больше не трогаютъ его. Для тебя лучше, что ты стоишь здѣсь, чѣмъ если бы къ тебѣ обращались за помощью, а ты не могъ помочь.

Но въ слѣдующую ночь совершилось чудо. Въ полночь раздался сильный звонокъ у воротъ монастыря Ага соелі. А такъ какъ привратникъ не очень спѣшилъ отпереть, — въ ворота начали стучать. Стукъ былъ рѣзкій, какъ отъ звучнаго металла, и онъ раздавался по всему монастырю. Всѣ монахи разомъ проснулись. Всѣ мучимые ужасными снами побросали свои постели, думая, что уже пришелъ Антихристъ.

Но когда открыли — на порогѣ стояло святое изображеніе! Его маленькая ручка дергала колокольчикъ, а маленькая, обутая въ золото, ножка была протянута, чтобы постучать въ ворота!

Привратникъ поднималъ святого младенца на руки. И тутъ онъ увидалъ, что у Христа на глазахъ были слезы. Ахъ, бѣдное святое дитя, ему пришлось ночью итти черезъ городъ! Что только пришлось ему видѣть! Сколько бѣдности, горя, несчастія и сколько преступленій. Страшно было подумать, что долженъ онъ былъ выпести при этомъ!

Привратникъ отправился сейчасъ же къ настоятелю и показавъ ему изображеніе. И они удивлялись, какъ могло оно выйти ночью.

Настоятель велѣлъ звонить въ колокола и сзывать монаховъ на богослуженіе. И всѣ монахи собрались въ большую полутемную базилику, чтобы со всей торжественностью поставить изображеніе на его мѣсто.

Изнуренные и измученные, шли они туда, дрожа подъ своими

тяжелыми капюшонами. Многие из них плакали, словно избѣгли смертельной опасности.

— Что было бы съ нами, — говорили они, — если бы у насъ отняли наше единственное утѣшеніе? Не Антихристъ ли выманплъ святого младенца Рима изъ безопаснаго святилища?

Но, когда они хотѣли положить изображеніе Христа въ священный шкафъ часовни, они увидали тамъ фальшивое изображеніе, на коронѣ котораго стояла надпись: „Царство мое лишь на землѣ!“

И, когда они ближе разсмотрѣли изображеніе, они увидали надпись.

Тогда настоятель обернулся къ монахамъ и сказалъ:

— Братья, пропоемъ „Te Deum“, обовѣемъ шелкомъ колонны храма, зажжемъ все свѣчи и лампы и справимъ великое празднество.

— Все время своего существованія монастырь былъ мѣстомъ страха и проклятія, но ради страданія тѣхъ, кто жилъ здѣсь, Господь явилъ намъ свою милость. Теперь мы избѣгнули всехъ опасностей!

— Господь увѣнчалъ битву побѣдой, и то, что вы сейчасъ видите, есть знаменіе, что Антихристу никогда не будутъ поклоняться на Капитоліи.

— Ибо, чтобы пророчество сибиллы не осталось невыполненнымъ, Господь послалъ это поддѣльное изображеніе Христа, хранящее на своей коронѣ слова Антихриста, и заставилъ насъ поклоняться ему, какъ великому чудотворцу.

— Но теперь мы можемъ успокоиться въ мирѣ и радости, потому что мрачное пророчество сибиллы исполнилось: здѣсь поклонялись Антихристу.

— Великъ Господь Всемогушій, разсѣявшій нашъ безумный ужасъ и исполнившій свою волю, не допустивъ міръ до поклоненія ложному образу Христа.

— Счастливъ монастырь Ага соелі, находящійся подъ покровительствомъ Господа, творящій его волю и оскѣненный его неисчерпаемыми милостями!“

Пронзая эти слова, настоятель взялъ ложное изображеніе Христа, прошелъ съ нимъ весь храмъ и отворилъ главный входъ. Здѣсь онъ вышелъ на паперть. Передъ нимъ спускалась длинная широкая лѣстница въ сто девяносто мраморныхъ ступеней, которыя словно вели отъ Капитолія въ пропасть.

Онъ поднялъ изображеніе высоко надъ головой и громко воскликнулъ:—Anathema Antichristo!—и сбросилъ его внизъ въ міръ съ высоты Капитолія.

III.

На баррикадахъ.

Проснувшись на слѣдующій день, богатая англичанка замѣтила исчезновеніе святого изображенія. Она не знала, гдѣ же ей искать его. Но она подумала, что только монахи Ага соелі могли похитить его. И она поспѣшно отправилась на Капитолій въ надеждѣ вернуть себѣ потерю.

Такъ дошла она до высокой мраморной лѣстницы, ведущей къ базиликѣ. Сердце ея сильно забилося отъ радости, когда она увидала, что на нижнихъ ступеняхъ лежитъ то, что она ищетъ. Она подняла святое изображеніе, закутала его въ плащъ и поспѣшила обратно домой. И она опять поставила его на прежнее мѣсто въ парадной залѣ.

Погрузившись въ созерцаніе своего сокровища, она замѣтила, что корона была слегка помята. Она сняла ее съ изображенія, чтобы поглядѣть, сильно ли она попорчена, и взглядъ ея упалъ на надпись, которую сама же она и ~~на~~царапала: „Царство мое лишь на

землѣ!“ И тутъ она поняла, что это было поддѣльное изображеніе, а истинное вернулось обратно въ монастырь.

Она отчаялась вернуть его себѣ и рѣшила на слѣдующій же день покинуть Римъ, гдѣ она не хотѣла больше оставаться, не имѣя возможности обладать изображеніемъ младенца Христа.

Но, уѣзжая, она взяла съ собой поддѣльное изображеніе, такъ какъ оно напоминало ей истиннаго Христа, котораго она такъ любила, и она брала его съ собой во всѣхъ своихъ путешествіяхъ.

Она нигдѣ не находила покоя и все время переѣзжала съ мѣста на мѣсто, и, такимъ образомъ, изображеніе объѣхало весь свѣтъ.

И всюду, гдѣ бы оно ни появлялось, власть Христа уменьшалась, и никто не могъ объяснить причину этого; такимъ жалкимъ и ничтожнымъ казалось это изображеніе изъ вяза въ оловянной коронѣ и стеклянныхъ камняхъ.

Когда умерла богатая англичанка, обладавшая изображеніемъ, оно перешло со всѣмъ ея наслѣдствомъ къ другой богатой англичанкѣ, которая тоже все время путешествовала, а отъ нея — къ третьей.

Однажды — это было еще при жизни первой англичанки — она пріѣхала съ изображеніемъ въ Парижъ. Когда она вѣзжала въ городъ, тамъ было возстаніе. Толпы народа съ дикими воплями ходили по улицамъ и требовали хлѣба. Они громили лавки и бросали камни въ дворцы богачей. Войска выступили противъ нихъ; тогда они начали выворачивать камни изъ мостовой, стаскивать экипажи и домашнюю утварь и строить баррикады.

И вотъ, когда богатая англичанка ѣхала въ своей большой дорожной каретѣ, толпа бросилась на экипажъ, заставила ее выйти изъ него и потащила карету къ одной изъ баррикадъ.

При попыткѣ втащить экипажъ на груды разныхъ вещей, составлявшихъ баррикаду, изъ него вывалился большой сундукъ, крышка его отлетѣла, и среди другихъ предметовъ изъ него выпало и изображение Христа.

Народъ бросился грабить покрывавшіе его драгоценности, но всѣ сейчасъ же замѣтили, что украшенія поддѣльны и не имѣютъ никакой цѣны, и тогда всѣ стали смѣяться и потѣшаться надъ нимъ.

Оно переходило изъ рукъ въ руки мятежниковъ, пока одинъ изъ нихъ не началъ пристально разсматривать корону. И тутъ онъ увидѣлъ надарпаннаго на ней слова: „Царство мое лишь на землѣ!“ Онъ громко возгласилъ ихъ, и всѣ закричали, что маленькое изображение должно быть ихъ знаменемъ. И они укрѣпили его на вершинѣ баррикады, какъ флагъ.

Среди защитниковъ этой баррикады находился одинъ человѣкъ, который былъ не бѣднымъ рабочимъ, а ученымъ, всю жизнь проводившимъ въ своемъ кабинетѣ. Онъ зналъ всѣ бѣды, тяготѣющія надъ людьми, сердце его было преисполнено жалости, и онъ непрестанно изыскивалъ средство облегчить ихъ участь. Тридцать лѣтъ онъ думалъ и писалъ объ этомъ и не могъ найти выхода. Услышавъ призывный набатъ, онъ не могъ устоять и вышелъ на улицу.

Онъ схватилъ оружіе и вступилъ въ ряды сражавшихся, потому что онъ думалъ, что неразрѣшенный имъ вопросъ, быть можетъ, можно разрѣшить силой и оружіемъ и что бѣдные смогутъ отвоевать себѣ лучшую участь.

Такъ стоялъ онъ и сражался цѣлый день; люди падали кругомъ, кровь брызгала ему въ лицо, и все людское горе казалось ему еще больше и ужаснѣе, чѣмъ когда-либо.

Но каждый разъ, какъ разсѣивался дымъ выстрѣловъ, передъ его глазами сверкало маленькое изображеніе, невредимо стоявшее въ суматохѣ битвы на вершинѣ баррикады.

Каждый разъ, какъ оно мелькало передъ нимъ, въ душѣ его звучали слова: „Царство мое лишь на землѣ!“ Наконецъ, ему стало казаться, что слова эти начертаны въ воздухѣ, и они являлись передъ его глазами то въ огнѣ, то въ крови, то въ дыму.

Онъ остановился. Онъ пересталъ стрѣлять и опустилъ ружье. Вдругъ онъ понялъ: это были слова, которыхъ онъ искалъ всю жизнь. Теперь онъ зналъ, что скажетъ людямъ; это жалкое изображение разрѣшило его задачу.

Онъ пойдетъ въ міръ съ вѣстью: „Царство ваше лишь на землѣ! Поэтому вы должны заботиться только объ этой жизни и жить, какъ братья. Вы должны раздѣлить ваши богатства, чтобы не было ни богатыхъ, ни бѣдныхъ. Вы все должны работать, земля должна принадлежать всемъ, и вы все должны быть равны.

„Никто не долженъ голодать или утопать въ излишествѣ, и никто не долженъ терпѣть нужду въ старости!

„И вы должны думать о всеобщемъ благѣ, такъ какъ васъ не ждетъ никакое вознагражденіе. Царство ваше лишь на землѣ!“

Все это проносилось у него въ мысляхъ, когда онъ стоялъ на баррикадѣ и когда это стало ему ясно, онъ бросилъ оружіе и не поднималъ его больше для борьбы и кровопролитія.

Вскорѣ послѣ этого баррикада была разрушена и взята. Войска одержали побѣду и подавили возстаніе, и къ вечеру порядокъ и спокойствіе воцарились во всемъ городѣ.

Тогда англичанка послала слугъ отыскивать ея имущество, и они отыскали разные вещи, хотя и не все. Первое, что они напли на баррикадѣ, было изображение, изгнанное изъ Ага соелі.

А человекъ, разрѣшившій свои вопросы благодаря изображенію, началъ проповѣдывать въ мірѣ новое ученіе, названное социализмомъ, но въ сущности, нечто иное, какъ антихристіанство.

Оно учить любви, самоотреченію и страданію, какъ и христіанство, и во всемъ оно подобно ему, какъ поддѣльное изображение въ Ага соелі было подобно истинному изображенію Христа.

И, какъ поддѣльное изображение, оно говорить: „Царство мое лишь на землѣ!“

И хотя изображеніе, распространившее это ученіе, ничтожно и

неизвѣстно, ученіе широко разлилось въ мірѣ, стремясь освободить и пересоздать его.

Со дня на день оно распространяется все дальше. Оно переходитъ изъ страны въ страну и носитъ много названій, и привлекаетъ къ себѣ людей тѣмъ, что обѣщаетъ имъ земное счастье и наслажденіе. И оно имѣетъ послѣдователей больше, чѣмъ всякое другое ученіе, возникавшее со временъ Христа.

Книга первая.

„И тогда наступит великій
голодъ“.

I.

Монджибелло.

Въ концѣ семидесятихъ годовъ жилъ въ Палермо одинъ бѣдный мальчикъ по имени Гаэтано Алагона. И это имя было его счастьемъ, потому что, если бы онъ не принадлежалъ къ древнему роду Алагона, ему, вѣроятно, пришлось бы умереть съ голоду. У него не было ни денегъ, ни родителей. Благодаря его имени, іезуиты Santa Maria in Gesu изъ состраданія помѣстили его въ монастырскую школу.

Однажды, когда онъ былъ занятъ приготовленіемъ уроковъ, къ нему вошелъ патеръ и позвалъ его въ пріемную, гдѣ его ждала родственница. Родственница! Онъ всегда слыпалъ, что всѣ его родственники умерли. Но патеръ Іосифъ утверждалъ, что это была настоящая живая синьора, которая приходилась ему родней и хотѣла взять его изъ монастыря. Это было всего хуже! Она хочетъ взять его изъ монастыря? Но на это она не имѣетъ никакого права! Вѣдь онъ хочетъ быть монахомъ.

Онъ совсѣмъ не желаетъ видѣть этой синьоры. Почему патеръ Іосифъ не сказалъ ей, что Гаэтано никогда не покинетъ монастыря и что совсѣмъ напрасно просить его объ этомъ.

Нѣтъ, патеръ Іосифъ сказалъ, что не слѣдуетъ, чтобы она

уѣхала, не повидавшись съ нимъ, и онъ почти силой вытолкнулъ Гаэтано въ пріемную.

Она стояла тамъ у одного изъ оконъ. У нея были сѣдые волосы, смуглое лицо, а глаза черные и такіе круглые, какъ жемчужинки. На головѣ у нея была кружевная накладка, а черное платье ея было поношенное и выпѣвшее, какъ самая старая сутана патера Іосифа.

Увидя Гаэтано, она перекрестилась.

— Слава Богу, онъ истинный Алагона! — сказала она и поцѣловала его руку.

Она говорила, какъ ей горько, что Гаэтано дожилъ до двѣнадцати лѣтъ, а никто изъ его родни ни разу не освѣдомился о немъ. Но она не знала, что сохранилась еще въ живыхъ вторая линія ихъ рода.

А какъ же она узнала объ этомъ?

Да Лука прочелъ его имя въ газетахъ въ списокѣ учениковъ, получившихъ награды. Это было полгода тому назадъ. Но до Палермо такъ далеко! Ей пришлось долго экономить, чтобы скопить денегъ на поѣздку. Она никакъ не могла пріѣхать раньше. Но все-таки она должна была поѣхать повидать его. Santissima Madre! Она такъ обрадовалась. Она, донна Элиза, тоже изъ рода Алагона. Ея покойный мужъ былъ Антонелли. Есть еще одинъ Алагона, ея братъ. Онъ тоже живетъ въ Діаманте. Но Гаэтано, навѣрное, не знаетъ, гдѣ лежить Діаманте.

Мальчикъ покачалъ головой.

Нѣтъ, конечно, она такъ и думала, и она засмѣялась. — Діаманте лежитъ на Монте-Кіаро. А ты знаешь, гдѣ находится Монте-Кіаро?

— Нѣтъ!

Она подняла брови и лукаво взглянула на него.

— Монте-Кіаро находится на Этнѣ, если ты знаешь, гдѣ Этна.

Она произнесла это такъ озабоченно, какъ будто было слишкомъ много требовать отъ Гаэтано, чтобы онъ зналъ что-нибудь объ Этнѣ. И всѣ трое разсмѣялись,—она, патеръ Іосифъ и Гаэтано.

Она стала совсѣмъ другой послѣ того, какъ ей удалось разсмѣшить ихъ.

— Хочешь поѣхать со мной, посмотреть Діаманте, Этну и Монте-Кіаро?—вдругъ спросила она. — Ты долженъ видѣть Этну! Это самая большая гора въ мірѣ. Этна — король, а всѣ окружающія горы лежатъ передъ ней на колѣняхъ и не осмѣливаются поднять на нее взора.

Тогда она начала рассказывать ему про Этну всякія чудеса. Она, навѣрное, думала, что это соблазнить его.

И вѣдь, дѣйствительно, Гаэтано до сихъ поръ никогда не думалъ, какая это гора Этна. Онъ не зналъ, что у нея снѣгъ лежитъ на темени, лѣсъ растетъ бородой, вокругъ пояса идутъ виноградники, а ноги до колѣнъ тонутъ въ апельсиновыхъ рощахъ. А посреди нея стремительно текутъ большіе, широкіе, горные потоки. Эти потоки были дѣйствительно замѣчательны: они текутъ безъ шума, волнуются безъ вѣтра, и самый плохой пловецъ можетъ перейти ихъ безъ моста. Онъ догадался, что она говоритъ о лавѣ. И она обрадовалась, когда онъ догадался. У него смышленная голова. Онъ настоящій Алагона.

Онъ еще не знаетъ, какъ велика Этна! Надо потерять три дня, чтобы объѣхать ее вокругъ, и три дня, чтобы подняться на ея вершину и спуститься внизъ! Кромѣ Діаманте, на ней пятьдесятъ городовъ, четырнадцать большихъ лѣсовъ и двѣсти маленькихъ горъ, которыя, собственно, совсѣмъ не малы, но въ сравненіи съ Этной кажутся кучей мухъ на церковной крышѣ. Тамъ были еще пещеры, въ которыя могло вмѣститься цѣлое войско, и старыя душлистыя деревья, въ которыхъ могло укрыться отъ непогоды большое стадо овецъ!

Все, что есть чудеснаго на свѣтѣ, можно встрѣтить на Этнѣ. Тамъ есть рѣки, которыхъ надо остерегаться. Вода въ нихъ такъ холодна, что умрешь, если выпьешь ея. Есть рѣки, которыя текутъ только днемъ, а другія только зимой, а есть еще и такія, которыя почти непрерывно вытекаютъ прямо изъ-подъ земли. Тамъ есть теплые источники и сѣрные ключи, и вулканы, извергающіе глину.

Жалко, если Гаэтано не увидитъ горы,—она такъ прекрасна. Подобно роскошной палаткѣ высится она въ небѣ. А пестра она, какъ карусель. Пусть бы онъ посмотрѣлъ на нее утромъ или вечеромъ, когда она вся красная, или какъ она бѣлѣетъ ночью. Онъ, вѣроятно, не повѣритъ, что она можетъ принимать всевозможныя окраски: то голубую, то черную, то коричневую, то лиловую? Или что она носитъ вуаль, какъ синьора? Что она похожа на столъ, покрытый плюшевой скатертью? Что на ней туника изъ золотыхъ нитей и мантія изъ павлиньихъ перьевъ?

И ему, навѣрное, интересно знать про короля Артура, который живетъ въ одномъ изъ ея гротовъ. Донна Элиза увѣряла, что онъ еще живетъ на Этнѣ, потому что однажды, когда епископъ изъ Катаніи переѣзжалъ черезъ гору, у него убѣжало три мула, и слуга, отправившійся на поиски ихъ, нашелъ бѣглецовъ въ пещерѣ короля Артура. И король велѣлъ слугѣ передать епископу, что раны его зажили, и онъ скоро появится со своими рыцарями Круглаго Стола и уладитъ все непорядки въ Сициліи. И всякій, у кого есть глаза, прекрасно знаетъ, что король Артуръ еще не покинулъ своего грота.

Гаэтано не хотѣлъ дать увлечь себя этими разсказами; но онъ подумалъ, что ему слѣдовало быть съ ней поласковѣе. Она все еще стояла; теперь онъ пошелъ и принесъ ей стулъ. Но только она не должна заключать изъ этого, что онъ поѣдетъ съ ней.

На самомъ дѣлѣ ему очень нравились ея разсказы о горѣ. Было

такъ весело, что въ ней таится столько чудеснаго. Разумѣется, она не похожа на Монте-Пеллегрино у Палермо, которая такъ и стоитъ на одномъ мѣстѣ. Этна можетъ дымить, какъ труба, и выбрасывать пламя, какъ факель. Она можетъ гремѣть, дрожать, извергать лаву и выбрасывать камни, сыпать пепелъ, предсказывать погоду и собирать дождь. Если Монджибелло только колыхнется,—города падаютъ одинъ за другимъ, словно постройки ихъ—карточные домики.

„Монджибелло“ — такъ называлась Этна. Она была названа Монджибелло потому, что это означаетъ: гора горь. Она заслуживаетъ это названіе.

Гаэтано казалось, что она была увѣрена, будто онъ не можетъ устоять противъ нея. У нея все лицо было въ морщинкахъ, и, когда она смѣялась, онѣ собирались въ сѣточку. Это было такъ странно, что онъ не могъ оторвать отъ нея глазъ. Но самъ онъ еще не попалъ въ ея сѣти.

А она спрашивала теперь, дѣйствительно ли у Гаэтано хватитъ мужества поѣхать на Этну? Вѣдь въ горахъ тамъ много скованныхъ великановъ и, кромѣ того, черный замокъ, охраняемый многогодовымъ псомъ. Еще есть тамъ большая кузница и хромой кузнецъ, у котораго только одинъ глазъ посреди лба. А страшнѣе всего, что въ глубинѣ горъ находится сѣрное озеро, которое кипитъ, какъ масло въ котлѣ, и въ немъ лежатъ Люциферъ и всѣ осужденные. Нѣтъ, у него, навѣрное, не хватитъ смѣлости отправиться туда,—говорила она.

А кромѣ этихъ, тамъ нѣтъ другихъ опасностей, потому что жители горы чтутъ святыхъ. Донна Элиза говорила, что они чтутъ многихъ святыхъ, а больше всего святую Агату изъ Катаніи. Если бы жители Катаніи всегда съ должнымъ благоговѣніемъ относились къ святой, имъ нечего было бы бояться ни землетрясенія, ни лавы.

Гаэтано стоялъ возлѣ нея и смѣялся на всѣ ея рассказы. Зачѣмъ пріѣхала она сюда и почему онъ не можетъ слушать ее безъ смѣха. Она была удивительная женщина.

И вдругъ онъ сказалъ, не желая обманывать ее:—Донна Элиза, я хочу быть монахомъ!

— Да, ты такъ хочешь?—произнесла она. И потомъ снова продолжала рассказывать про гору.

Она говорила, что теперь онъ долженъ слушать ее внимательно, такъ какъ она подходитъ къ самому важному. Онъ долженъ слѣдовать за ней на южный склонъ горы и спускаться почти до огромной равнины Катаніи, и тутъ они достигнутъ большой, широкой, полукруглой долины. Она была совсѣмъ черной отъ стекавшихъ въ нее со всѣхъ сторонъ потоковъ лавы. Въ ней лежали только камни, и не росло ни травинки.

А что Газтано думаетъ о лавѣ? Ему, навѣрное, кажется, что она лежитъ на Этнѣ гладко и ровно, какъ на улицѣ. Но вѣдь на Этнѣ такъ много чудеснаго. Пусть онъ только представитъ себѣ, что всѣ змѣи, драконы и вѣдьмы, которые лежали и кипѣли въ лавѣ, были выброшены вмѣстѣ съ ней во время изверженія. И они лежали, цѣпляясь, извиваясь и переплетаясь одни съ другими, стараясь выкарабкаться на землю и еще больше затягивая себя, пока лава не окаменѣла вокругъ нихъ. И имъ уже больше не выбраться. Нѣтъ, никогда!

Да и лава совсѣмъ не такъ бесплодна, какъ онъ думаетъ. Хотя на ней и не растетъ трава, но зато можно видѣть нѣчто другое. Но ему, конечно, не догадаться, что это такое. Оно цѣпляется и падаетъ, изгибается и ползетъ кверху то на 'колѣняхъ, то на головѣ, то на локтяхъ; оно то поднимается, то спускается по склонамъ долины и все покрыто колючками и шишками; на немъ плащъ изъ паутины; и на парикѣ у него пыль, и оно извивается и выгибается, словно червь. Что это такое? Что же другое, кромѣ кактуса? Знаетъ ли онъ, что кактусъ растетъ на лавѣ и обрабатываетъ землю, какъ любой земледѣлецъ? Никто другой, кромѣ кактуса, не сумѣлъ овладѣть лавой.

Она взглянула на патера Іосифа и весело засмѣялась. Кактусъ — это лучшій колдунъ изъ всѣхъ находящихся на Этнѣ; но колдунъ такъ и остается колдуномъ. Кактусъ—это сарацинъ, потому что у него много рабынь. Какъ только кактусъ утвердится гдѣ-нибудь крѣпкой ногой, онъ требуетъ возлѣ себя миндалеваго дерева. А миндалевыя деревца были какъ стройныя, прелестныя синьборны. Они едва рѣшаются выступить на черномъ полѣ, но имъ ничто не поможетъ; они должны расти здѣсь, несмотря ни на что. О, чего бы не увидалъ Газтано, если бы поѣхалъ туда! Когда миндалевыя деревца стоятъ весной осыпанныя бѣлымъ цвѣтомъ на черномъ полѣ, среди сѣрыхъ кактусовъ, они кажутся такими невинными и прекрасными, что о нихъ хочется плакать, какъ о похищенныхъ принцессахъ.

Но теперь онъ, наконецъ, узнаетъ, гдѣ лежитъ Монте-Кіаро. Она поднимается какъ разъ посреди этой черной долины.—Она попробовала поставить свой зонтикъ на полу.—Вотъ такъ стоитъ и гора. Совсѣмъ прямо. И насколько черна долина, настолько зелена Монте-Кіаро. Пальма къ пальмѣ, лоза къ лозѣ. Она была похожа на господина въ халатѣ съ крупнымъ узоромъ цвѣтами; это былъ король съ короной на головѣ, вокругъ чела котораго лежало Діаманте.

Газтано вдругъ сильно захотѣлось взять ее за руку. Удобно ли это? Отчего же нѣтъ... Онъ потянулъ къ себѣ ея руку, словно украденное сокровище. Но что же съ ней дѣлать? Можетъ быть, погладить? Если онъ тихонько погладитъ ее однимъ пальцемъ, она, можетъ быть, и не замѣтитъ! Она, можетъ быть, не обратитъ вниманія, если онъ погладитъ ее и двумя пальцами, а, пожалуй, даже если онъ и поцѣлуетъ ея руку. Она все говорила и говорила. Она ничего даже не замѣтила.

Ей еще столько надо рассказать ему. Да къ тому же рассказъ о Діаманте такая веселая исторія!

Она рассказывала, что сначала городъ лежалъ внизу въ долинѣ. И вотъ лава однажды подкралась и окинула долину огненнымъ взо-

ромъ. Что случилось? Ужъ не наступилъ ли послѣдній день? Городъ поспѣшно взвалилъ всё дома себѣ на спину и на голову, забралъ ихъ подъ мышки и бросился вверхъ по Монте-Киаро, которая какъ разъ находилась поблизости.

Городъ бѣжалъ по горѣ зигзагами. Возбравшись довольно высоко, онъ бросилъ городскія ворота и кусокъ городской стѣны. Потомъ онъ побѣжалъ спирально вокругъ горы, разбрасывая по пути дома. Дома бѣдняковъ сыпались какъ ни попало. Некогда было заботиться о нихъ. Да и чего можно было требовать въ такой суматохѣ... Отъ этого и создалась такая тѣснота, беспорядочность и кривыя улицы. Главная улица шла спирально вокругъ горы по тому пути, какъ бѣжалъ городъ, и по бокамъ ея то падала церковь, то дворецъ. Порядка все-таки было настолько, что лучшія зданія попали выше. Достигнувъ вершины горы, городъ раскинулъ площадь и разставилъ на ней ратушу, соборъ и старый палаццо Джерачи.

Вотъ если Гаэтано Алагона поѣдетъ съ ней, она поведетъ его съ собой на площадь на вершинѣ горы и покажетъ, какими участками земли старинные Алагона владѣли на Этнѣ и на равнинѣ Катанія и гдѣ они воздвигали свои укрѣпленные замки на возвышенностяхъ. Оттуда все это было видно, да еще и многое другое; видно было все море!

Гаэтано не казалось, что она говорить слишкомъ долго; но патеръ Іосифъ, всегда такой терпѣливый, ласково замѣтилъ ей: — Вотъ мы дошли и до вашего дома, донна Элиза!

Но она начала увѣрять патера Іосифа, что у нея въ домѣ нѣтъ ничего замѣчательнаго. Прежде всего ей хотѣлось показать Гаэтано большой домъ на Корсо, который назывался Лѣтнимъ дворцомъ. Онъ не былъ такъ прекрасенъ, какъ палаццо Джерачи, но дворецъ былъ большой, и во времена власти и богатства старинныхъ Алагона они переѣзжали въ него, на лѣто, чтобы быть поближе къ спѣгамъ Этны. Да, такъ она уже сказала, что съ улицы онъ не представляетъ изъ

себя ничего особеннаго; по внутри у него великолѣпный дворъ, на который съ обѣихъ сторонъ выходятъ открытыя галлерей съ колоннадами. А на крышѣ находилась терраса. Она была выложена синими и бѣлыми плитами, и на каждой плитѣ былъ выжженъ гербъ Алагона. Неужели ему не хочется поѣхать и посмотреть на все это?

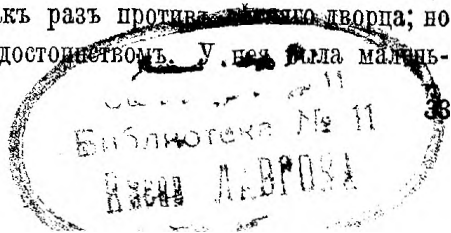
Газтано пришло въ голову, что донна Элиза, вѣроятно, привыкла, что дѣти, слушая ея рассказы, сидятъ у нея на колѣняхъ. Можетъ быть, она не замѣтитъ, если и онъ поступитъ такъ же? Онъ попробовалъ сѣсть. Такъ оно и было. Она привыкла къ этому, и не обратила никакого вниманія.

Она продолжала рассказывать о дворцѣ. Тамъ были большія парадныя залы, гдѣ старые Алагона танцовали и играли. Тамъ была большая зала съ хорами для музыкантовъ, стояла старинная мебель и часы въ формѣ маленькихъ бѣлыхъ алебастровыхъ храмовъ, стоявшихъ на подставкахъ изъ чернаго дерева. Въ парадныхъ комнатахъ никто не жилъ, но она покажетъ ему ихъ. Можетъ быть, онъ думаетъ, что она сама живетъ въ лѣтнемъ дворцѣ? Ахъ, нѣтъ! Въ немъ живетъ ея братъ, донъ Ферранте. Онъ купецъ, у него лавка въ нижнемъ этажѣ дома, а такъ какъ онъ еще не женатъ, то верхній этажъ оставленъ такъ, какъ онъ есть.

Газтано мысленно спрашивалъ себя, слѣдуетъ ли ему дольше сидѣть у нея на колѣняхъ. Прямо удивительно, какъ она ничего не замѣчаетъ. Да это и къ счастью, а то она, пожалуй, подумала бы, что онъ раздумалъ быть монахомъ.

Но она продолжала свой рассказъ все съ большимъ увлеченіемъ. Щеки ея покраснѣли, несмотря на смуглый цвѣтъ лица, и нѣсколько разъ она такъ смѣшно поднимала брови кверху. Потомъ она начала рассказывать о томъ, какъ живетъ она сама.

Оказалось, что донна Элиза живетъ въ самомъ крошечномъ домикѣ въ городѣ. Онъ стоитъ какъ разъ противъ дворца; но это и было его единственнымъ достоинствомъ. У нея была малень-

кая лавочка, въ которой она продавала образки, восковые свѣчи и все нужное для богослуженія. Но — пусть не гнѣвается на нее патеръ Іосифъ — въ настоящее время торговля эта не приноситъ большого дохода, какъ, можетъ быть, было раньше. Позади лавки помѣщалась маленькая мастерская. Тамъ ее мужъ вырѣзывалъ святыя изображенія и шарики для четокъ,—вѣдь синьоръ Антонелли былъ художникомъ. А рядомъ съ мастерской находились двѣ мышиныя норки, въ которыхъ едва можно было повернуться и приходилось сидѣть сгорбившись, какъ въ старинныхъ королевскихъ темницахъ. А потомъ лѣстница ведетъ наверхъ, въ два курятника. Въ одномъ изъ нихъ она уже положила немного соломы для гнѣзда и едѣлала насѣсть. Тамъ и будетъ жить Гаэтано, если онъ поѣдетъ къ ней.

Гаэтано захотѣлось погладить ее по щекѣ. Она, навѣрно, сильно огорчится, когда онъ откажется ѣхать съ ней. Быть можетъ, ему слѣдуетъ ее немножко приласкать. Онъ искоса поглядѣлъ на патера Іосифа. Но патеръ Іосифъ сидѣлъ, глядя въ землю, и вздыхалъ по своему обыкновенію. Онъ не обращалъ вниманія на Гаэтано, а она попрежнему ничего не замѣчала.

Она говорила о томъ, что у нея есть служанка, по имени Пачифика, и работникъ — Лука. Но отъ нихъ было мало помощи, потому что Пачифика была стара, а съ тѣхъ поръ, какъ она оглохла, она стала такъ раздражительна, что не можетъ больше помогать доннѣ Элизѣ въ лавкѣ. А Лука, который былъ, собственно, рѣзчикъ по дереву и долженъ былъ вырѣзать изображенія святыхъ, никогда не сидѣлъ спокойно въ мастерской, а все время уходилъ въ садъ и ухаживалъ за цвѣтами. Да, вѣдь у нихъ есть и садъ на грудѣ камней на Монте-Киаро. Но пусть онъ не думаетъ, что садъ представляетъ изъ себя что-нибудь особенное. Гаэтано, конечно, понимаетъ, что у нея все не такъ, какъ въ монастырѣ. Но ей такъ бы хотѣлось, чтобы онъ поѣхалъ къ ней: вѣдь онъ послѣдній изъ древняго рода Алагона. А дома и она, и Лука, и Пачифика говорили между

собой: „Развѣ мы будемъ жаловаться, если намъ прибавится не-много заботы, когда онъ переѣдетъ къ намъ“. Нѣтъ, видитъ Мадонна, они не стали бы жаловаться на это. Теперь весь вопросъ въ томъ, согласится ли онъ поѣхать съ ней.

Наконецъ, она замолчала, и патеръ Іосифъ спросилъ Гаэтано, что онъ отвѣтитъ на это. — Настоятель хочетъ, — сказалъ патеръ Іосифъ, — чтобы Гаэтано самъ рѣшилъ этотъ вопросъ. Они не имѣютъ ничего противъ того, если онъ уйдетъ въ міръ, потому что онъ послѣдній въ своемъ роду.

Гаэтано тихонько соскочилъ съ колѣнъ донны Элизы. Но отвѣтитъ! Это было не такъ-то легко! Было очень трудно отвѣтитъ ей отказомъ.

Патеръ Іосифъ пришелъ ему на помощь.

— Попроси синьору, чтобы она подождала твоего отвѣта нѣсколько часовъ, Гаэтано. — Мальчикъ всегда хотѣлъ сдѣлаться монахомъ! — сказалъ онъ въ поясненіе доннѣ Элизѣ.

Она встала, взяла зонтикъ и старалась принять веселый видъ; но на глазахъ ея стояли слезы.

— Конечно, конечно, пусть онъ подумаетъ, — говорила она, — но если бы онъ зналъ Діаманте, ему не о чемъ было бы раздумывать. Правда, теперь тамъ живутъ только крестьяне; но прежде тамъ жилъ епископъ и много священниковъ и великое множество монаховъ. Теперь ихъ тамъ нѣтъ, но память о нихъ сохранилась. Діаманте съ давнихъ поръ считается священнымъ городомъ. Въ немъ больше праздниковъ святыхъ, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ; тамъ очень много святыхъ, и еще и теперь приходятъ цѣлыя толпы богомольцевъ. Кто живетъ въ Діаманте, — не можетъ забыть Бога. Ужъ однимъ этимъ онъ становится наполовину священнослужителемъ. Поэтому онъ вполне спокойно можетъ поѣхать съ ней. Но пусть онъ обсудитъ, если хочетъ. Она вернется завтра.

Гаэтано повелъ себя очень невѣжливо. Онъ отвернулся отъ нея

и выбѣжалъ за дверь. Онъ не сказалъ ей ни слова благодарности за ея прїѣздъ. Онъ зналъ, что патеръ Іосифъ ждалъ, что онъ поблагодарить ее; но онъ не могъ этого сдѣлать. Онъ думалъ о громадной Монджибелло, которую онъ никогда не увидитъ, о доннѣ Элизѣ, которая больше не вернется, о школѣ, о запертомъ монастырскомъ дворѣ и о всей замкнутой жизни! Патеръ Іосифъ могъ ожидать отъ него чего угодно. Гаэтано долженъ былъ убѣжать.

Да и было пора. Пройдя за дверью шаговъ десять, Гаэтано расплакался. Ему было такъ жаль донну Элизу! Ахъ, ей придется возвращаться одной! Гаэтано не можетъ ѣхать съ ней!

Онъ слышалъ шаги патера Іосифа и прижался лицомъ къ стѣнѣ. Если бы ему удалось подавить рыданія!

Патеръ Іосифъ шелъ къ нему, вздыхая и бормоча что-то по своей привычкѣ. Подойдя къ Гаэтано, онъ остановился и вздохнулъ глубже обыкновеннаго.

— Ахъ, Монджибелло, Монджибелло, — произнесъ патеръ Іосифъ, — никто не можетъ устоять противъ Монджибелло.

Гаэтано вмѣсто отвѣта заплакалъ еще сильнѣе.

— Гора манитъ его къ себѣ, — пробормоталъ патеръ Іосифъ.

— Монджибелло подобна всему міру; на ней собраны всѣ красоты и прелести земли, всѣ растенія, всѣ теченія воздуха и всѣ чудеса. Да, весь міръ подошелъ къ нему и манитъ его.

Гаэтано чувствовалъ, что патеръ Іосифъ говоритъ правду. Казалось, что земля протягиваетъ руки, чтобы схватить его. Онъ чувствовалъ, что долженъ ухватиться за стѣну, чтобы не быть унесеннымъ.

— Пусть лучше онъ увидитъ міръ, — сказалъ патеръ Іосифъ. — Онъ будетъ сильнѣе тосковать по нему, если останется въ монастырѣ. Если онъ увидитъ землю, — быть можетъ, онъ снова вернется къ небесамъ.

Гаэтано не понималъ еще, что хочетъ сказать патеръ Іосифъ, но

тотъ взять его на руки, отнесъ въ пріемную и положилъ на колѣни донны Элизы.

— Возьмите его съ собой, донна Элиза, — вы завоевали его, — сказалъ патерь Іосифъ. — Покажите ему Монджибелло и постарайтесь удержать его у себя.

Очувившись снова на колѣняхъ донны Элизы, Газтано почувствовалъ себя такимъ счастливымъ, что не былъ ужъ въ состояніи бѣжать отъ нея. Онъ былъ въ плѣну, какъ если бы онъ вошелъ въ Монджибелло и гора сомкнулась за нимъ.

П.

Фра Газтано.

Газтано жилъ у донны Элизы уже цѣлый мѣсяцъ и былъ такъ счастливъ, какъ только можетъ быть счастливъ ребенокъ. Путешествіе съ донной Элизой было погоней за газелями и райскими птицами, а живя у нея, ему казалось, что его носятъ на золотомъ тронѣ подъ балдахиномъ изъ солнечныхъ лучей.

Въ это время въ Діаманте пріѣхалъ знаменитый францисканецъ патерь Гондо, и донна Элиза съ Газтано отправились на площадь послушать его. Патерь Гондо никогда не проповѣдывалъ въ церкви, но собиралъ вокругъ себя народъ на площади ~~и~~ у городскихъ воротъ.

Площадь была полна народа, но Газтано, сидѣвшій на перилахъ лѣстницы, ведущей въ ратушу, ясно видѣлъ патера Гондо, который стоялъ на срубѣ колодца. Его, главнымъ образомъ, занимала мысль, правда ли, что монахъ подъ сутаной носитъ власяницу и что веревка, которой онъ былъ подпоясанъ, вся была въ узлахъ и желѣзныхъ шипахъ и служила ему для самобичеванія.

Гаэтано не могъ понять, что говорилъ патерь Гондо; но его охватывала дрожь при одной мысли, что онъ видитъ святого.

Проговоривъ около часа, патерь показавъ движеніемъ руки, что онъ хочетъ немного передохнуть. Онъ сошелъ съ колодца, сѣлъ и опустилъ голову на руки. И, когда монахъ такъ сидѣлъ, Гаэтано слышалъ какой-то глухой шумъ. Онъ никогда не слышалъ ничего подобнаго. Онъ оглянулся, желая понять, что бы это могло быть. Это народъ, собравшійся на площади, повторялъ одни и тѣ же слова: „Будь благословенъ, будь благословенъ, будь благословенъ!“ Одни шептали, другіе бормотали эти слова, и никто не восклицалъ ихъ громко: такъ велико было ихъ благоговѣніе. И всѣ сразу нашли одно и то же слово: „Будь благословенъ, будь благословенъ!“—носилося надъ площадью: „Да будутъ благословенны твои уста, да будетъ благословенъ твой языкъ, да будетъ благословенно твое сердце!“

Голоса звучали глухо, словно подавленные рыданіемъ и волненіемъ; и все-таки казалось, что по воздуху проносится могучая буря. Это было подобно шуму тысячи морскихъ раковинъ.

Это было для Гаэтано гораздо понятнѣе, чѣмъ проповѣдь монаха. Онъ не зналъ, что онъ долженъ сдѣлать, но это тихое бормотанье наполняло его такимъ сильнымъ волненіемъ, что, казалось, онъ задохнется отъ него. Онъ взобрался на желѣзную рѣшетку надъ всѣми другими и началъ восклицать тѣ же слова, но такъ громко, что голосъ его ясно звучалъ надъ всѣми.

Донна Элиза, услышавъ это, казалась очень недовольной. Она стащила Гаэтано внизъ и, не желая больше оставаться, отправилась съ нимъ домой.

Но ночью Гаэтано вдругъ вскочилъ съ постели. Онъ одѣлся, связалъ все, что у него было, въ узелокъ, надѣлъ шапку и забралъ башмаки подъ мышку. Онъ рѣшилъ бѣжать. Онъ не могъ дольше оставаться у донны Элизы.

Послѣ того какъ онъ услышалъ патера Гондо, Діаманте и Мондибелло перестали существовать для него. Для него ничто не могло сравниться съ участію патера Гондо, на котораго сыплются благословенія народа. Газтано не хочетъ больше жить, если онъ не можетъ тоже сидѣть на площади у колодца и рассказывать народу легенды.

Но, если Газтано останется у донны Элизы и будетъ продолжать гулять по саду и ѣсть персики и апельсины, ему никогда не услышать вокругъ себя рокота народнаго моря. Онъ долженъ уйти и жить отшельникомъ на Этнѣ, онъ поселится въ одной изъ огромныхъ пещеръ и будетъ питаться кореньями и плодами. Онъ не будетъ общаться съ людьми, не будетъ стричь волосъ, а тѣло будетъ прикрывать только грязными лохмотьями. И черезъ десять-двадцать лѣтъ онъ будетъ выглядѣть какъ звѣрь, а говорить будетъ какъ ангелъ.

Это совсѣмъ не то, что носить бархатное платье и красивую шапочку, какъ онъ носить теперь. Это будетъ совсѣмъ не то, что сидѣть въ лавкѣ у донны Элизы, снимать съ полки святыхъ одного за другимъ и слушать рассказы объ ихъ чудесахъ. Не разъ бралъ онъ въ руки ножъ и кусокъ дерева и пробовалъ вырѣзать святого. Но это было трудно, а еще гораздо труднѣе было стать самому святымъ. Но онъ не страшился передъ трудностями и лишеніями.

Онъ проскользнулъ изъ своей комнаты на чердакъ, а оттуда на лѣстницу. Ему оставалось только выйти черезъ лавку на улицу; но на послѣдней ступени онъ вдругъ остановился. Налѣво отъ лѣстницы сквозь щели въ дверяхъ виднѣлся слабый свѣтъ.

Эта дверь вела въ комнату донны Элизы, и Газтано не рѣшился идти дальше, пока въ комнатѣ его пріемной матери еще виденъ свѣтъ. Если она не спитъ, она услышитъ, какъ онъ будетъ отодвигать тяжелый засовъ на дверяхъ лавки. Онъ сѣлъ потихоньку на ступени, рѣшивъ подождать.

Ему вдругъ пришло въ голову, что доннѣ Элизѣ приходится такъ долго сидѣть и работать, чтобы доставлять ему ѣду и одежду. Онъ растрогался при мысли, какъ она любитъ его и заботится о немъ. И онъ понялъ, какое горе онъ причинить ей своимъ побѣгомъ.

Эта мысль заставила его расплакаться. Но сейчасъ же онъ разсердился на донну Элизу? Какъ можно быть такой глупой, чтобы печалиться объ его уходѣ. Какая будетъ для нея радость, если онъ станетъ святымъ! Это будетъ ей наградой, потому что вѣдь она пріѣхала въ Палермо и увезла его.

Онъ плакалъ все сильнѣе, стараясь въ мысляхъ утѣшить донну Элизу. Ему было такъ сильно жаль ее, потому что она не понимала, какая награда ждетъ ее.

Ей совсѣмъ не о чемъ грустить. Гаэтано проживетъ въ горахъ только десять лѣтъ и потомъ вернется прославленнымъ отшельникомъ фра Гаэтано. И тогда онъ придетъ сюда по улицамъ Діаманте въ сопровожденіи большой толпы народа, какъ патеръ Гондо. Улицы будутъ украшены флагами, а дома—коврами, матеріями и вѣнками. Онъ остановится передъ лавкой донны Элизы, но донна Элиза не узнаетъ его и готова будетъ опуститься передъ нимъ на колѣни. Но онъ не допуститъ этого. Онъ самъ упадетъ передъ ней на колѣни и будетъ просить у нея прощенья за то, что бѣжалъ отъ нея десять лѣтъ назздъ. „Гаэтано, — отвѣтитъ тогда донна Элиза, — ты даришь мнѣ цѣлое море радости за маленькій ручеекъ горя. Неужели я не прощу тебя?“

Гаэтано видѣлъ передъ собой всю эту картину; и это было такъ прекрасно, что онъ расплакался еще сильнѣе. Онъ боялся только, что донна Элиза услышитъ его всхлипыванья, выйдетъ изъ своей комнаты и найдетъ его. И тогда она не отпуститъ его.

Онъ долженъ поговорить съ ней разсудительно. Развѣ онъ сможетъ доставить ей большее счастье, чѣмъ уйдя отъ нея теперь?

Но дѣло шло не только о доннѣ Элизѣ; вѣдь были еще Лука и Пачифика, которые такъ же будутъ радоваться, когда онъ вернется святымъ.

Они всѣ послѣдуютъ за нимъ на площадь. Здѣсь флаговъ будетъ еще больше, и Гаэтано скажетъ проповѣдь съ лѣстницы ратуши. И со всѣхъ улицъ и закоулковъ будетъ стекаться народъ на площадь.

И Гаэтано будетъ говорить такъ хорошо, что всѣ упадутъ на колѣни и воскликнутъ: „Благослови насъ, фра Гаэтано, благослови насъ!“

И тогда онъ останется въ Діаманте. Онъ поселится подъ большой лѣстницей возлѣ лавки донны Элизы.

И къ нему будутъ приносить больныхъ, и страждущіе будутъ искать у него утѣшенія.

И, когда синдикъ Діаманте будетъ проходить мимо, онъ остановится и подѣлуетъ у Гаэтано руку.

Донна Элиза будетъ продавать въ своей лавкѣ изображенія Гаэтано.

А крестница донны Элизы, Джіаннита, будетъ низко кланяться Гаэтано и не назоветъ его больше глупымъ монастырскимъ мальчишкой.

И донна Элиза будетъ такъ счастлива...

.
.

Ахъ!..

Гаэтано вздрогнулъ и проснулся. Было совсѣмъ свѣтло. Донна Элиза и Пачифика стояли и смотрѣли на него. Гаэтано сидѣлъ на лѣстницѣ со шляпой на головѣ, башмаки лежали у него на колѣняхъ, а возлѣ валялся его узелокъ. Донна Элиза и Пачифика плакали.

— Онъ хотѣлъ убѣжать отъ насъ! — говорили онѣ.

— Зачѣмъ ты здѣсь сидишь, Гаэтано?

— Донна Элиза, я хотѣлъ убѣжать!

Газтано отвѣчалъ такъ смѣло и храбро, какъ будто дѣло шло о самой обыкновенной вещи.

— Убѣжать?—повторила донна Элиза.

— Я хотѣлъ уйти на Этну и сдѣлаться отшельникомъ.

— А зачѣмъ же ты сидишь здѣсь?

— Я не знаю, донна Элиза, я, вѣроятно, заснулъ.

Теперь только донна Элиза показала все свое огорченіе. Она прижимала руки къ сердцу, какъ бы испытывая сильную боль, и горько плакала.

— Но теперь я останусь, донна Элиза,—сказалъ Газтано.

— Ты останешься! — воскликнула донна Элиза.—Ты можешь отиравляться куда угодно! Посмотри на него, Пачифика, посмотри на этого неблагодарнаго! Это не Алагона. Это какой-то бродяга!

Кровь бросилась въ лицо Газтано, онъ вскочилъ и сдѣлалъ рукой жестъ, приведшій въ изумленіе донну Элизу. Это было движеніе, присущее всѣмъ мужчинамъ ея рода. Она узнала въ немъ своего отца и дѣда, и всѣхъ гордыхъ предковъ рода Алагона.

— Вы такъ говорите, потому что не знаете, въ чемъ дѣло, донна Элиза, — сказалъ мальчикъ. — Нѣтъ, нѣтъ, вы ничего не знаете, вы не знаете, почему я долженъ служить Богу. Но теперь вы это узнаете! Слушайте! Это ужъ было давно. Отецъ и мать мои были такъ бѣдны, что намъ нечего было ѣсть, и тогда отецъ отиравился искать работы, но больше не вернулся, а мать и мы, дѣти, едва не умирали отъ голода. Тогда мать сказала: „Пойдемте искать отца!“ И мы пошли. Былъ уже вечеръ, въ этотъ день шелъ сильный дождь, и въ одномъ мѣстѣ дороги образовалась цѣлая рѣка. Мать просила въ одномъ домѣ пустить насъ переночевать. Нѣтъ, они прогнали насъ прочь. Мать и мы, дѣти, стояли на дорогѣ и плакали. Тогда мать подвязала высоко платье и рѣшила перейти потокъ. Она несла на рукахъ младшую сестренку, старшую вела за

руку, а на головѣ у нея лежалъ большой узелъ. Я шель сзади, стараясь не упасть. Я видѣлъ, какъ мать оступилась. Узелъ упалъ у нея съ головы, она хотѣла подхвалить его и выронила сестренку. Она бросилась за ней, но въ это время отъ нея оторвало старшую сестру. Мать кинулась за ними, и потокъ поглотилъ и ее. Я испугался и выпрыгнулъ на берегъ. Патеръ Іосифъ сказалъ мнѣ, что я спасся для того, чтобы служить Богу и молиться за умершихъ. И поэтому прежде я собирался быть монахомъ, а теперь хотѣлъ удалиться на Этну и стать отшельникомъ. Ничего не подѣлаешь, донна Элиза, я долженъ служить Богу!

Донна Элиза была потрясена.

— Да, да, Гаэтано,— говорила она,— но мнѣ такъ грустно! Я не хочу, чтобы ты покидалъ меня!

— Нѣтъ, я не уйду больше,— сказалъ Гаэтано. Ему было такъ весело, что онъ готовъ былъ смѣяться.—Я не уйду!

— Можетъ быть, ты хочешь поступить въ семинарію?—спросила покорно донна Элиза.—Я поговорю съ настоятелемъ.

— Нѣтъ, вы ничего не понимаете, донна Элиза, совсѣмъ ничего! Вѣдь я говорю, что хочу остаться съ вами. Я придумалъ себѣ другое.

— Что же ты придумалъ?— грустно спросила она.

— Какъ вы думаете, что я дѣлалъ здѣсь на лѣстницѣ? Я спалъ, донна Элиза, и мнѣ снился сонъ: мнѣ снилось, что я собираюсь бѣжать. Я стоялъ въ лавкѣ и хотѣлъ уже отворить двери; но я никакъ не могъ ихъ отпереть, потому что на нихъ висѣло множество замковъ. Я стоялъ въ темнотѣ и отпиралъ замокъ за замкомъ, но ихъ оставалось еще много. Я страшно гремѣлъ ими и думалъ: „Я навѣрное разбужу донну Элизу!“ — Наконецъ, двери распахнулись, и я хотѣлъ выбѣжать на улицу; но въ эту минуту я почувствовалъ, какъ ваша рука схватила меня за воротъ и потащила назадъ, а я отбивался отъ васъ и руками и ногами. Но у васъ въ

рукахъ, донна Элиза, была свѣча, и я увидѣлъ, что это были со-
всѣмъ не вы, а моя мать. Я не смѣлъ больше сопротивляться и
сильно испугался, потому что мать моя умерла. Но мать взяла
мой узелъ и начала вынимать изъ него всѣ вещи. И мать при
этомъ смѣялась, и лицо у нея было веселое, и я тоже былъ радъ,
что она не сердится на меня. И какъ странно: она вынимала изъ
узла всѣ тѣ изображенія святыхъ, какія я вырѣзывалъ, сидя у васъ
въ лавкѣ, и всѣ они были одно прекраснѣе другого. „Можешь ты
теперь вырѣзывать такія прекрасныя изображенія, Гаэтано?“—спро-
сила мать. „Да“—отвѣтилъ я.— „Такъ ты можешь этимъ послужить
Богу“,—сказала мать. — „Значить, мнѣ не надо уходить отъ донны
Элизы?“— „Нѣтъ“, отвѣчала мать.—И какъ разъ въ эту минуту вы
разбудили меня!

Гаэтано торжествующе взглянулъ на донну Элизу.

— Что этимъ хотѣла сказать мать?

Донна Элиза задумалась.

Гаэтано откинулъ голову назадъ и засмѣялся.

— Мать хотѣла сказать, донна Элиза, что вы должны меня
отдать научиться вырѣзывать прекрасныя изображенія ангеловъ и
святыхъ, и этимъ я послужу Богу!

III.

Крестовая сестра.

На благородномъ островѣ Сициліи, гдѣ сохранилось древнихъ
обычаевъ больше, чѣмъ гдѣ-либо на югѣ, принято, что каждый че-
ловѣкъ еще въ дѣтствѣ выбираетъ себѣ „крестоваго брата“ или
„крестовую сестру“, и впослѣдствіи они крестятъ другъ у друга
дѣтей.

Но не въ этомъ только заключаются ихъ обязанности. Крестовые братья и сестры должны любить другъ друга, помогать одинъ другому и мстить другъ за друга. Крестовому брату можно довѣрить сокровеннѣйшую тайну. Ему можно поручить деньги и возлюбленную, не боясь быть обманутымъ. Крестовыя сестры такъ же вѣрны другъ другу, какъ если бы онѣ были рождены одной матерью, потому что союзъ ихъ заключенъ передъ Сантъ-Джіованни Баттиста—святымъ, котораго боятся больше всего.

Въ обычаѣ также, что бѣдные люди приводятъ своихъ дѣтей къ богатымъ и просятъ принять въ крестовые братья своихъ сыновей или дочерей. А какое прелестное зрѣлище, когда въ день святаго маленькія по-праздничному одѣтыя дѣти проходятъ по улицамъ города и ищутъ себѣ крестоваго брата или сестру! Когда родителямъ удастся найти своему сыну богатаго крестоваго брата, они такъ радуются, словно оставляютъ своимъ дѣтямъ въ наслѣдство цѣлое помѣстье.

Когда Гаэтано пріѣхалъ въ Діаманте, въ лавкѣ донны Элизы постоянно вертѣлась маленькая дѣвочка. На ней была красная пелерина и остроконечная шапочка, изъ-подъ которой выбивалось восемь крупныхъ черныхъ доконовъ. Это была Джіаннита, дочь донны Оливіи, торговавшей зеленью. Донна Элиза была ея крестной матерью и часто думала о томъ, что бы она могла сдѣлать для нея.

Поэтому, когда наступилъ Ивановъ день, донна Элиза заказала экипажъ и поѣхала въ Катанію, отстоявшую въ четырехъ миляхъ отъ Діаманте. Она взяла съ собой Джіанниту, и обѣ онѣ были въ лучшихъ праздничныхъ одеждахъ. На доннѣ Элизѣ было черное шелковое платье, отдѣланное стеклярусомъ, а на Джіаннитѣ — бѣлое кисейное съ цвѣтной каймой. Въ рукахъ Джіаннита держала корзинку съ цвѣтами, на которыхъ сверху лежала спѣлая гравата.

Путешествіе прошло благополучно для донны Элизы и Джіанниты. Когда онѣ, наконецъ, пріѣхали въ Катанію, сверкавшую своей

бѣлизной на черной почвѣ лавы, экипажъ ихъ подѣхалъ къ самому великолѣпному дворцу во всемъ городѣ.

Это было такое величественное и огромное зданіе, что маленькая Джіаннита совѣтъ оробѣла при одной мысли войти въ него. Но донна Элиза смѣло вошла въ домъ, и ее провели къ кавальеро Пальмери и его женѣ, которымъ и принадлежалъ дворецъ.

Донна Элиза напомнила синьорѣ Пальмери, что онѣ были по-другами дѣтства, и просила позволить Джіаннитѣ выбрать себѣ въ крестовыя сестры ихъ дочь.

Синьора Пальмери дала свое согласіе и велѣла позвать маленькую синьорину. Это была маленькая куколка изъ легкаго шелка и венеціанскихъ кружевъ, съ большими, черными глазами и длинными вьющимися волосами. Ея маленькое тѣлце было такое тонкое и хрупкое, что его почти не было замѣтно.

Джіаннита протянула ей корзинку съ цвѣтами, и она милостиво приняла ее. Она долго задумчиво смотрѣла на Джіанниту, обошла ее вокругъ, и ей страшно понравились ея гладкіе, ровные локоны. Она сейчасъ же побѣжала за ножомъ, разрѣзала пополамъ гранату и подала половину Джіаннитѣ. Онѣ ѣли гранату и, держась за руки, говорили вмѣстѣ:

„Сестрица милая моя!
Я—твоя, а ты—моя!
Твой—мой домъ и очагъ,
Твой—моя удача и успѣхъ,
Твой—мой уголокъ въ раю!“

Потомъ онѣ поцѣловались и назвали другъ друга крестовыми сестрами.

— Ты всегда мнѣ будешь вѣрна, сестрица,—сказала маленькая синьорина, и обѣ дѣвочки были серьезны и взволнованы.

И онѣ такъ подружилсь, что заплакали, когда пришлось разставаться.

Съ тѣхъ поръ прошло уже двѣнадцать лѣтъ, и крестовныя сестры жили каждая своей жизнью и никогда не видались. Все это время Джіаннипта мирно жила въ родительскомъ домѣ и ни разу не была въ Катаніи.

Но тутъ случилось нѣчто чудесное.

Однажды послѣ обѣда Джіаннипта сидѣла въ комнатѣ позади лавки матери и выпивала. Она была искусная работница и часто была завалена работой. Но отъ вышиванья глаза быстро устаютъ, а въ комнатѣ Джіанниты было темно. Поэтому она пріоткрыла дверь въ лавку, чтобы къ ней проходило больше свѣта.

Только что пробило четыре часа, когда мимо лавки прошла вдова мельника Роза Альфари.

Лавка донны Оливіи производила съ улицы очень пріятное впечатлѣніе. Въ полуоткрытую дверь виднѣлись корзины съ свѣжей зеленью и спѣлыми плодами, а въ глубинѣ вырисовывалось очертаніе красивой головки Джіанниты. Роза Альфари остановилась и начала болтать съ донной Оливіей только потому, что лавка ея выглядѣла такъ привѣтливо.

Роза Альфари вѣчно жаловалась и плакалась. И теперь она стонала о томъ, что ночью ей придется ѣхать одной въ Катанію.

— Какое несчастье,—говорила она,—что почтовая карета проходитъ черезъ Діаманте ночью. Въ дорогѣ я засну, и у меня украдутъ деньги. И что мнѣ дѣлать въ Катаніи въ два часа ночи?

Джіаннипта вдругъ крикнула изъ лавки:

— Хотите взять меня съ собой въ Катанію, донна Альфари?

Она спросила это полусути и даже не ожидая отвѣта.

Но Роза Альфари съ жаромъ ухватила за ея предложеніе.— Боже мой, дѣвочка, ты хочешь ѣхать со мной?—говорила она.— Ты, правда, хочешь?

Джіанніта вышла въ лавку вся красная отъ радости.

— Ну еще бы мнѣ не хотѣть,—сказала она, — вѣдь я двѣнадцать лѣтъ не была въ Катаніи!

Роза Альфари съ удовольствіемъ глядѣла на нее; Джіанніта была высока и сильна, глаза ея весело сіяли, а на губахъ играла беззаботная улыбка. Она будетъ чудесной спутницей.

— Такъ собирайся! — сказала старуха. — Рѣшено, ты поѣдешь со мной!

На слѣдующій день Джіанніта ходила по улицамъ Катаніи и все время думала о своей крестовой сестрѣ. Ей казалось такимъ чуднымъ, что она гдѣ-то тутъ близко. Джіанніта любила свою крестовую сестру и не только потому, что Санъ-Джіованни приказываетъ крестовымъ сестрамъ любить другъ друга. Она обожала маленькую дѣвочку въ шелковомъ платьѣ, какъ самое прекрасное, что она когда-либо видѣла. Она была для нея почти кумиромъ.

О крестовой сестрѣ она знала только, что та была не замужемъ и продолжала жить въ Катаніи. Мать ея умерла; но она не хотѣла оставить отца и осталась хозяйкой у него въ домѣ.

„Надо устроить такъ, чтобы повидаться съ ней“, — думала Джіанніта.

При видѣ каждаго богататаго экипажа Джіанніта думала:— „Можетъ быть, это ѣдетъ моя крестовая сестра“. И она пристально всматривалась въ проѣзжающихъ, стараясь узнать среди нихъ маленькую дѣвочку съ густыми волосами и большими глазами.

Сердце ея сильно билось. Она всегда тосковала по крестовой сестрѣ. Сама она тоже была не замужемъ, потому что ей нравится молодой рѣзчикъ по дереву Газтано Алагона; но онъ никогда не выказывалъ желанія жениться на ней. Джіанніта часто сердилась на него за это, и главнымъ образомъ потому, что ей не придется пригласить на свадьбу свою крестовую сестру.

Къ тому же она гордилась своей крестовой сестрой. Она счи-

тала себя лучше другихъ, потому что у нея была такая знатная крестовая сестра. Если бы она пошла теперь къ ней, разъ ужъ она въ городѣ, это придало бы особый блескъ всему ея путешествію.

Въ то время, какъ она шла и раздумывала объ этомъ, мимо нея пробѣжалъ мальчикъ-газетчикъ, выкриковавшій: „Giornale da Sicilia! Дѣло Пальмери! Большіе подлоги!“

Сильная Джіаннита схватила мальчишку за шиворотъ, когда онъ пробѣгалъ мимо.

— Что ты сказалъ?—закричала она.—Ты лжешь, ты лжешь!— И она едва не поколотила его.

— Купите мою газету, синьора, а потомъ ужъ бейте меня,— сказалъ мальчикъ.

Джіаннита купила газету и начала читать. Она сразу нашла „Процессъ Пальмери“.

„Такъ какъ это дѣло разбирается сегодня въ судѣ“, — писала газета, — „мы хотимъ дать нѣкоторыя подробности“.

Джіаннита прочла статью и еще нѣсколько разъ перечла ее, пока, наконецъ, поняла въ чемъ дѣло. И когда поняла, каждый мускулъ ея тѣла задрожалъ отъ ужаса.

Отецъ ея крестовой сестры, владѣлецъ большихъ виноградниковъ, совершенно разорился, потому что филлоксера истребила весь виноградникъ. Но это было не самое главное. Онъ истратилъ довѣренный ему капиталъ одного благотворительнаго общества. Онъ былъ арестованъ, и сегодня его должны были судить.

Джіаннита смяла газету, бросила ее на землю и топтала ногами. Лучшаго она и не заслуживаетъ, если даетъ такія свѣдѣнія.

Потомъ она остановилась, совершенно подавленная тѣмъ, что встрѣтило ее въ Катаніи, когда она черезъ двѣнадцать лѣтъ снова пріѣхала въ нее.

— Господи,— говорила она,— можетъ быть, это послано тобою? Дома, въ Діаманте, ей, конечно, никто бы не могъ сообщить, что

здѣсь происходитъ. Можетъ быть это было предопредѣленіе, что она приѣхала именно въ день суда?

— Послушайте, донна Альфари, — сказала она, — вы можете дѣлать, что хотите, а я должна идти въ судъ.

Джіаннита говорила такъ увѣренно, что ничто не могло поколебать ее. — Развѣ вы не понимаете, что ради этого дѣла, а не ради васъ, Господь внушилъ мнѣ мысль поѣхать съ вами въ Катанію, — говорила она Розѣ Альфари.

Джіаннита ни одну минуту не сомнѣвалась, что всѣмъ этимъ руководила Божья воля.

Розѣ Альфари пришлось согласиться, и Джіаннита пробралась въ судъ. Она стояла между уличными мальчишками и рабочими въ мѣстахъ, отведенныхъ для публики, и видѣла кавальера Пальмери на скамьѣ подсудимыхъ. Это былъ изящный старикъ съ сѣдой острой бородой и сѣдыми усами. Джіаннита сразу узнала его.

Она слышала, какъ его приговорили къ полгоду тюремнаго заключенія, и Джіаннитѣ все яснѣе становилось, что она была послана сюда Богомъ. „Теперь я нужна моей крестовой сестрѣ“, — думала она.

Она снова вышла на улицу и отправилась искать палатцу Пальмери.

По дорогѣ туда ее обогнала карета. Она подняла голову, и глаза ея встрѣтились съ глазами дамы, сидѣвшей въ каретѣ. И въ ту же минуту ей словно подсказалъ кто-то, что это ея крестовая сестра. Дама была блѣдна, сидѣла сгорбившись, и глаза ея имѣли умоляющее выраженіе. Джіаннита почувствовала, какъ сильно она любитъ ее. „Ты столько доставляла мнѣ радости“, — думала она, — „потому что я ждала отъ тебя счастья. Теперь я смогу отблагодарить тебя за это!“

Джіаннита торжественно и умиленно поднималась по высокой, бѣлой мраморной лѣстницѣ, ведущей къ палатцу Пальмери; но вдругъ ее охватило сомнѣніе.

„Что хочет Господь, чтобы я сдѣлала для нея, выросшей въ такой роскоши? — думала она. — Или Господь забылъ, что я всего только бѣдная Джіаннита изъ Діаманте?“

Она попросила слугу передать синьоринѣ Пальмери ея поклонъ и сказать, что ея крестовая сестра очень хочетъ поговорить съ ней.

Она была очень удивлена, когда слуга, вернувшись назадъ, передалъ, что сегодня ее принять не могутъ. Неужели она удовольствуется этимъ? О, нѣтъ, нѣтъ!

— Передайте синьоринѣ, что я буду ждать ее здѣсь цѣлый день, потому что я должна говорить съ ней!

— Синьорина черезъ полчаса уѣзжаетъ изъ дворца, — возразилъ слуга.

Джіаннита была виѣ себя.

— Но вѣдь я ея крестовая сестра, ея крестовая сестра, понимаете вы это? — говорила она слугѣ. — Я должна говорить съ ней.

Слуга улыбался, но не трогался съ мѣста.

Но Джіаннита ни за что не хотѣла отступить. Вѣдь она послана Богомъ. — Вѣдь онъ долженъ же это понять, — говорила она, волнуясь и повышая голосъ. — Она пріѣхала изъ Діаманте и двѣнадцать лѣтъ не была въ Катаніи. До четырехъ часовъ вчерашняго дня она и не думала, что поѣдетъ сюда. Можетъ же онъ это понять? — до четырехъ часовъ вчерашняго дня!

Слуга не трогался съ мѣста. Джіаннита собиралась уже рассказать ему всю исторію, какъ вдругъ дверь отворилась и на порогѣ появилась ея крестовая сестра.

— Кто говоритъ здѣсь о четырехъ часахъ вчерашняго дня? — спросила она.

— Вотъ эта чужая, синьорина Микаэла.

Этого Джіаннита не могла выдержать. Она вовсе не чужая. Она ея крестовая сестра, Джіаннита изъ Діаманте, которая пріѣзжала

сюда двѣнадцать лѣтъ назадъ съ донной Элизой. Развѣ она ихъ забыла? Развѣ она не помнитъ, что ояѣ подѣлили пополамъ гранату?

Синьорина не слушала ея словъ. — Что вчера случилось въ четыре часа? — повторила она въ сильномъ волненіи.

— Я получила въ этотъ часъ повелѣніе отъ Господа ѣхать къ тебѣ, крестовая сестрица! — сказала Джіаннита.

Синьорина съ удивленіемъ взглянула на нее.

— Пойдемъ ко мнѣ! — сказала она, безпокоясь, что слуга можетъ услышать то, что хочетъ передать ей Джіаннита.

Онѣ прошли много комнатъ и, наконецъ, остановились. Тутъ синьорина такъ быстро обернулась къ Джіаннитѣ, что та даже испугалась.

— Говори скорѣе! — сказала она. — Не мучай меня, говори все сейчасъ же!

Она была одного роста съ Джіаннитой, но совсѣмъ не похожа на нее. Она была гораздо стройнѣе, но, несмотря на свое свѣтское воспитаніе, казалась болѣе дикой и неукротимой, чѣмъ деревенская дѣвушка. Всѣ ея чувства ясно выражались на ея лицѣ. Впрочемъ, она и не старалась скрывать ихъ.

Джіаннита была такъ поражена ея порывомъ, что не сразу смогла отвѣтить.

Тутъ ея крестовая сестра въ отчаяніи заломила руки за голову, и слова быстро полились съ ея губъ. Она говорила, что знаетъ, что Джіаннита послана Богомъ возвѣстить ей новое несчастье. Богъ ненавидитъ ее, она знаетъ это!

Джіаннита всплеснула руками: Богъ ненавидитъ ее! Да совсѣмъ напротивъ!

— Да, да, — говорила синьорина Пальмери. — Это такъ. — И, словно боясь въ глубинѣ души услышать вѣсть, принесенную Джіаннитой, она продолжала говорить. Она не давала ей произнести ни

слова и сейчас же перебивала ее. Она казалась такъ напуганной всѣмъ, что произошло за послѣдніе дни, что совершенно не могла владѣть собой.

Джіаннита, конечно, понимаетъ, что Богъ долженъ ненавидѣть ее, говорила она. Она совершила такой ужасный поступокъ. Она покинула своего отца, предала его! Вѣдь Джіаннита знаетъ четвертую заповѣдь. Вдругъ она перебила себя новымъ быстрымъ вопросомъ. Почему она не говоритъ, что она хочетъ ей сообщить? Она не ждетъ ничего хорошаго! Она готова ко всему!

Но бѣдной Джіаннитѣ никакъ не удавалось вставить слова, потому что, какъ только она собиралась заговорить, синьорина снова пугалась и перебивала ее. Она рассказывала свою исторію, словно хотѣла умолить Джіанниту не быть къ ней слишкомъ суровой.

Джіаннита не должна думать, что все ея несчастье въ томъ, что у нея не будетъ больше собственного экипажа и ложи въ театрѣ, красивыхъ нарядовъ, слугъ и богатаго дома. И не въ томъ дѣло, что она потеряла всѣхъ друзей и теперь не знаетъ, гдѣ ей искать пріюта. И не такимъ еще несчастьемъ было, что она отъ стыда не смѣетъ поднять ни на кого глазъ.

Было еще что-то гораздо худшее.

Она сѣла и помолчала нѣсколько минутъ, раскачиваясь взадъ и впередъ словно въ безысходной тоскѣ. Но, когда Джіаннитта хотѣла заговорить, она перебила ее.

Джіаннита не можетъ себя даже представить, какъ сильно любилъ ее отецъ. Она жила, окруженная блескомъ и роскошью, какъ принцесса.

Сама же она ничего не сдѣлала для него и только предоставляла ему придумывать всевозможныя удовольствія, чтобы порадовать ее. Для нея не было даже жертвы, что она не вышла замужъ, потому что она никого не любила, кромѣ отца, и ихъ домъ былъ богаче и великолѣпнѣе всѣхъ другихъ.

Но однажды отецъ пришелъ и сказать ей: — Меня хотять арестовать. Распустили слухъ, что я растратилъ чужія деньги. Но это неправда! — Она повѣрила ему и помогла ему укрыться отъ карабинеровъ. И они безуспѣшно искали его въ Катаніи, на Этнѣ и по всей Сициліи.

Но, когда полиція не могла найти кавальере Пальмери, народъ началъ говорить: „Онъ знатный господинъ, и власти помогаютъ ему, иначе его давно бы нашли“.

И тогда префектъ Катаніи пришелъ къ синьоринѣ Пальмери. Она приняла его улыбаясь, а префектъ велъ себя, словно онъ пришелъ поболтать о розахъ и хорошей погодѣ. Потомъ онъ вдругъ сказалъ: — Хотите, синьорина, взглянуть на эти бумажки? Хотите прочесть это письмецо? И, можетъ быть, вы обратите вниманіе на подпись? — Она начала читать. И что же она увидала? Ея отецъ не былъ невиненъ. Ея отецъ растратилъ чужія деньги.

По уходѣ префекта она отправилась къ отцу. — Ты виноватъ, — сказала она ему. — Ты можешь дѣлать, что хочешь, но я не могу тебѣ больше помогать! — Ахъ, она сама не знала, что говорила. Она всегда была такой гордой. Она не могла перенести, чтобы ея имя было покрыто позоромъ. У нея даже мелькнула мысль, что ея отцу лучше бы было умереть. Можетъ быть, она даже сказала ему это. Она не помнитъ хорошо, что она тогда наговорила.

Но съ той минуты Богъ покинулъ ее. Произошли ужасныя вещи. Ея отецъ повѣрилъ ея словамъ. Онъ пошелъ и отдалъ себя въ руки судей. И съ тѣхъ поръ, какъ онъ заключенъ въ тюрьму, онъ не хочетъ ее больше видѣть. Онъ не отвѣчалъ на ея письма, а когда она посылала ему пищу, онъ отсылалъ ее нетронутой назадъ. Это было ужаснѣе всего. Казалось, онъ думаетъ, что она хочетъ отравить его.

Она съ такимъ страхомъ смотрѣла на Джіанниту, словно ждала себѣ смертнаго приговора.

— Почему ты не говоришь, о чемъ ты должна сообщить мнѣ?— воскликнула она. — Ты убиваешь меня!

Но она никакъ не могла заставить себя замолчать.

— Ты должна знать, — продолжала она, — что дворецъ этотъ проданъ и владѣлецъ сдалъ его одной богатой англичанкѣ, которая хочетъ переѣхать въ него сегодня. Нѣкоторыя ея вещи привезли уже вчера, и среди нихъ есть изображеніе Христа-младенца.

— Я увидала его, Джіаннита, проходя черезъ переднюю. Его вынули изъ дорожнаго чемодана и положили на полъ. У него былъ такой непривлекательный видъ, что никому не приходило въ голову позаботиться о немъ. Корона на немъ была смята, пелены грязныя, а всѣ маленькія украшенія, покрывавшія его, заржавѣли и попортились. Увидя его лежащимъ на полу, я его подняла, отнесла въ комнату и поставила на столъ. И въ это время я подумала обратиться къ нему за утѣшеніемъ. Я опустилась передъ нимъ на колѣни и долго молилась. — Помоги мнѣ въ моемъ большемъ горѣ, — просила я младенца Христа.

— Пока я молилась, мнѣ казалось, что изображеніе хочетъ мнѣ что-то отвѣтить. Я подняла голову, но младенецъ былъ нѣмъ и неподвиженъ попрежнему. Въ эту минуту начали бить часы. Они пробили четыре раза, и казалось, что они произнесли четыре слова. Мнѣ казалось, что младенецъ Христосъ четыре раза отвѣтилъ мнѣ на мою молитву.

— Это придадо мнѣ мужества, Джіаннита, и я поѣхала сегодня въ судъ повидаться съ отцомъ. Но онъ ни разу не взглянулъ на меня, пока стоялъ передъ судьями.

— Я выбрала минуту, когда его вели обратно, и въ одномъ изъ узкихъ коридоровъ бросилась передъ нимъ на колѣни.

— Джіаннита, онъ велѣлъ солдатамъ вывести меня и не сказалъ мнѣ ни одного слова!

Развѣ ты не видишь теперь, что Богъ ненавидитъ меня.

Когда я услышала, что ты говоришь о четырех часах вчерашнего дня, я так испугалась. „Младенец Христос посылает мнѣ новое несчастье,—подумала я.—Онъ ненавидитъ меня, потому что я предала своего отца!“

Сказавъ это, она, наконецъ, замолчала и, затаивъ дыханіе, ждала, что ей скажетъ Джіаннита.

И Джіаннита рассказала ей, какъ было дѣло.

— Послушай, развѣ это не чудо? — сказала она въ заключеніе.

— Я не была двѣнадцать лѣтъ въ Катаніи и вдругъ совершенно неожиданно пріѣзжаю сюда сегодня. Я ни о чемъ не знала, но, выйдя на улицу, сейчасъ же узнаю о твоёмъ несчастьѣ. — Богъ послалъ меня, — сказала я себѣ. — Онъ призвалъ меня помочь моей крестовой сестрѣ.

Взгляды синьорины Пальмери съ тревожнымъ вопросомъ обратились на нее. Вотъ теперь будетъ нанесенъ новый ударъ. Она собрала все свое мужество, чтобы выдержать его.

— Что ты хочешь, чтобы я теперь сдѣлала для тебя, крестовая сестрица? — спросила Джіаннита. — Знаешь, о чемъ я думала, идя по улицѣ? Я спрошу у нея, не хочетъ ли она поѣхать со мной въ Діаманте, думала я. Я знаю одинъ старый домъ, въ которомъ можно жить дешево. Я буду шить и вышивать, и этого намъ хватитъ, чтобы прожить. Когда я шла по улицѣ, мнѣ казалось, что это должно устроиться; но теперь я понимаю, что это невозможно. Ты привыкла къ другой жизни; но, скажи, можетъ быть, я что-нибудь могу сдѣлать для тебя. Ты не должна отталкивать меня, потому что меня послалъ Богъ.

Синьорина наклонилась къ Джіаннитѣ. — Ну, — сказала она въ страхѣ.

— Ты должна позволить мнѣ сдѣлать для тебя все, что я могу, потому что я люблю тебя, — сказала Джіаннита, бросаясь передъ ней на колѣни и обнимая ее.

— Тебѣ больше нечего сказать мнѣ? — спросила синьорина.

— Я бы желала сказать тебѣ гораздо больше, — сказала Джіаннита, — но вѣдь я всего только бѣдная дѣвушка!

Удивительно, какъ смягчилось при этомъ лицо синьорины; краска выступила у нея на щекахъ, и глаза засіяли. Теперь было видно, что она замѣчательно красива.

— Джіаннита, — произнесла она такъ тихо, что ее едва было слышно, — ты думаешь, что это чудо? Ты думаешь, что Богъ ради меня сотворилъ чудо?

— Да, разумѣется! — прошептала Джіаннита.

— Я просила младенца Христа помочь мнѣ, и онъ послалъ мнѣ тебя! Ты думаешь, что тебя послалъ младенецъ Христосъ, Джіаннита?

— Конечно, это онъ послалъ меня, конечно!

— Такъ Богъ не покинулъ меня, Джіаннита?

— Нѣтъ, Богъ не покинулъ тебя!

Синьорина сѣла и заплакала. Въ комнатѣ стало тихо.

— Когда ты пришла, Джіаннита, я думала, что не остается ничего другого, какъ убить себя, — произнесла она. — Я не знала, куда мнѣ идти, и думала, что Богъ ненавидитъ меня!

— Но скажи же мнѣ, что я могу сдѣлать для тебя, крестовая сестрица? — спросила Джіаннита.

Вмѣсто отвѣта синьорина притянула ее къ себѣ и поцѣловала.

— Но довольно и того, что младенецъ Христосъ послалъ тебя, — сказала она. — Довольно того, что я знаю, что Богъ не покинулъ меня!

IV.

Діаманте.

Микаэла Пальмери ѣхала съ Джіаннитой въ Діаманте.

Они выѣхали въ почтовой каретѣ въ три часа утра и проѣхали по великолѣпной дорогѣ, которая огибаетъ гору по нижнему склону Этны. Было еще совсѣмъ темно, и онѣ не могли видѣть окрестностей.

Но молодая синьорина не жаловалась на это. Она сидѣла, закрывъ глаза, погруженная въ свое горе. Даже и тогда, когда наступило утро, она не хотѣла открыть глазъ и выглянуть въ окно. И только уже подъѣзжая къ Діаманте, Джіаннитѣ удалось убѣдить ее взглянуть на открывающійся видъ.

— Посмотри же! Вотъ Діаманте, которое станетъ твоей родиной, — говорила она.

Тогда Микаэла Пальмери взглянула направо и увидала величественную Этну, закрывавшую собою часть неба. Изъ-за горы какъ разъ восходило солнце, и, когда верхній край солнечнаго диска поднялся изъ-за горы, казалось, что бѣлые пласты снѣга на вершинѣ загорѣлись и отъ нихъ летятъ искры и лучи.

Но Джіаннита просила ее взглянуть на другую сторону.

А на другой сторонѣ она увидала зубчатую цѣпь горъ, окружавшихъ Этну, подобно крѣпостной стѣнѣ. Эти горы ярко горѣли въ лучахъ восходящаго солнца.

Но Джіаннита указывала ей другое направленіе. Она смотритъ совсѣмъ не туда, куда надо!

Тогда она взглянула внизъ и увидала черную долину. Земля блестѣла, какъ бархатъ, а въ глубинѣ долины, пѣнясь, бѣжала бѣлая Симето.

Но все-таки это было не то, что надо.

Наконецъ, увидала она отвѣсную Монте Кіаро, которая выступала на черной бархатистой долинѣ ярко-красная подъ утренними лучами и какъ вѣнцомъ осыпанная рядами пальмъ. А на вершинѣ горы она замѣтила городъ, окруженный стѣнами и башнями; всѣ окна и флюгера его блестѣли на солнцѣ.

При видѣ его она схватила за руку Джіанниту и спросила ее, дѣйствительно ли это городъ, въ которомъ живутъ люди.

Она думала, что это небесное селеніе, которое исчезнетъ въ сонъ. Она была увѣрена, что еще ни одинъ человѣкъ не шелъ по этой дороге, которая крутымъ подъемомъ ведетъ отъ долины Монте Кіаро и, извиваясь зигзагомъ по горѣ, исчезаетъ въ дыму, спускающемся изъ городскихъ воротъ.

Когда же онъ подѣхалъ къ Діаманте и она увидѣла его только настоящимъ, земной городъ, слезы выступили у него изъ-подъ куртки, и не тронуло, что земля все еще казалась ей прекаменною, что послѣ того, какъ земля была мѣстомъ вѣтра и щетинистой божьей, всегда будетъ казаться ей сѣрой и мрачною, если не выдалъ его въ ядовитыми цвѣтами.

Она вѣхала въ жалкое Діаманте, съ сѣрыми серебрыми воротничками, словно она вступала въ святилище. И въ Діаманте, серебряными шнурами на городѣ она встрѣтитъ столько же красоты, а на головѣ треугольная красота.

Когда онъ вошелъ на возвышенность, онъ взглянулъ, и ростомъ онъ сталъ выше, было назвать красивымъ.

Донъ Феллеріей, всѣ слушали, затаявъ

Нѣсколько дней спустя Газтано слышала, какъ изъ чернаго палатца вырѣзывалъ изъ виноградной лозы, а изъ женскаго монастыря, воскресенье, но Газтано не боялся надъ площадью дивный гимнъ. таль во славу Божію.

Асаецъ адвокатъ Фавара, одѣтый въ

Онъ былъ въ большомъ безпокойствѣ и тревогѣ. Онъ чувствовалъ, что покойная жизнь его у донны Элизы приходитъ къ концу и ему пора идти бродить по свѣту.

По всей Сициліи царилъ большая бѣдность, и нужда, переходя, подобно чумѣ, изъ города въ городъ и изъ дома въ домъ, добиралась и до Діаманте.

Къ тому же покупатели больше не заходили въ лавку донны зы. Маленькія изображенія святыхъ, заготовленныя Гаэтано, стояли по великими рядами на полкахъ, а четки цѣлыми пучками висѣли Этны. Бѣдѣ. И донна Элиза была въ большомъ горѣ и тревогѣ,

Но молъ, она ничего ни могла заработать. кривъ глаза, знакомъ для Гаэтана, что онъ долженъ покинуть Діа-ступило утро, онъ странствовать по свѣту, если уже не было другого И только уже подѣто была работа во славу Божию — вырѣзывать изъ-ее взглянуть на открывающіеся никто не будетъ молиться, и вытаскивать

— Посмотри же! Да не будутъ скользить между пальцевъ мой, — говорила она.

Тогда Микаэла Пальмерто гдѣ-то на свѣтѣ долженъ находится ственную Этну, закрывавшую стѣны котораго уже выведены, но внутри разъ восходило солнце, и, когда онъ стоитъ и ждетъ, когда придетъ нялся изъ-за горы, казалось, что для молящихся, алтарь, аналой и изогорѣлись и отъ нихъ летятъ и то томилось и тосковало по этой ра-

Но Джіаннита просила ее взг

А на другой сторонѣ она увиѣ Сициліи, потому что тамъ никто жавшихъ Этну, подобно крѣпостной окви; онъ долженъ былъ находится лучахъ восходящаго солнца.

Но Джіаннита указывала ей друзвятыми храмами.

совсѣмъ не туда, куда надо! го, и онъ съ удвоеннымъ усердіемъ

Тогда она взглянула внизъ и уѣ Элизѣ было что продавать, блестя, какъ бархатъ, а въ глубинѣ ирать для нея богатства.

лая Симето. нія отъ Бога, чтобы оконча-

тельно рѣшиться уѣхать. У него не хватало мужества сообщить доннѣ Элизѣ о своемъ стремленіи уѣхать. Онъ зналъ, что это причинить ей сильное горе, и у него не хватало духа заговорить съ ней объ этомъ.

Пока онъ сидѣлъ и раздумывалъ объ этомъ, въ мастерскую вошла донна Элиза. И тогда онъ рѣшилъ въ душѣ ничего не говорить ей сегодня и не омрачать ея веселаго настроенія. Она такъ оживленно болтала, а лицо ея прямо сіяло.

Гаэтано спрашивалъ себя, когда онъ видѣлъ ее такою въ послѣдній разъ. Съ тѣхъ поръ, какъ наступила нужда, ему казалось, что они живутъ въ одной изъ темныхъ пещеръ Этны.

Почему Гаэтано не пошелъ на площадь слушать музыку, спрашивала донна Элиза. Почему онъ никогда не пойдетъ посмотреть и послушать ея брата, дона Ферранте? Гаэтано видитъ его только въ лавкѣ, гдѣ онъ стоитъ въ колпакѣ и короткой курткѣ, и не знаетъ, поэтому, что это за человѣкъ. Онъ считаетъ его старымъ, безобразнымъ купцомъ съ морщинистымъ лицомъ и щетинистой бородой. Никто не знаетъ дона Ферранте, если не видалъ его въ воскресенье, когда онъ дирижируетъ музыкой.

Сегодня онъ надѣлъ новый мундиръ съ серебрянымъ воротникомъ, расшитыми серебромъ эполетами, серебряными шнурами на груди, съ боку у него прицѣплена сабля, а на головѣ треугольная шляпа съ разноцвѣтными перьями. Когда онъ вошелъ на возвышеніе, морщины на его лицѣ разгладились, и ростомъ онъ сталъ какъ будто выше. Его почти можно было назвать красивымъ.

Когда онъ дирижировалъ „Кавалеріей“, всѣ слушали, зажавъ дыханіе. А что скажетъ Гаэтано, если и дома на площади вторили ему пѣньемъ! Донна Элиза ясно слышала, какъ изъ чернаго палаццо Джерачи раздавалась любовная пѣснь, а изъ женскаго монастыря, хотя онъ стоялъ пустой, разносился надъ площадью дивный гимнъ. А когда насталъ перерывъ, красавецъ адвокатъ Фавара, одѣтый въ

черную бархатную куртку, большую разбойничью шляпу и ярко, красный галстукъ, подошелъ къ дону Ферранте и, указывая на открытую часть площади, откуда открывался видъ на море и Этну, сказалъ:—Донъ Ферранте, вы вознесли насъ въ небо, какъ Этна, и вы увлекаете насъ въ вѣчность, какъ безбрежное море!

Если бы Газзано увидѣлъ сегодня дона Ферранте, онъ, можетъ быть, полюбилъ бы его. Или, во всякомъ случаѣ, призналъ бы, что это величественный человѣкъ. Когда онъ на нѣсколько времени отложилъ свою дирижерскую палочку и, взявъ подъ руку адвоката, сталъ прохаживаться съ нимъ по неровнымъ плитамъ между римскими воротами и палаццо Джерачи, каждый видѣлъ, что онъ ни въ чемъ не уступить красавцу Фавара.

Донна Элиза сидѣла на каменной скамьѣ вдоль собора съ женой синдика Вольтаро. И синьора Вольтаро, поглядѣвъ нѣсколько минутъ на дона Ферранте, вдругъ сказала:—Донна Элиза, вашъ братъ еще совсѣмъ нестарый человѣкъ. Онъ еще можетъ жениться, не смотря на свои пятьдесятъ лѣтъ.

А донна Элиза отвѣтила, что она каждый день молить объ этомъ небо.

Но, едва она произнесла это, какъ на площади появилась дама, вся одѣтая въ трауръ. Никогда еще она не видала такой сплошной черной фигуры. На ней было не только черное платье, шляпа и перчатки, но и вуаль былъ такой плотный, что нельзя было представить, что подъ нимъ скрывается бѣлое лицо. Santissimo Dio! Казалось, что она надѣла на себя погребальный покровъ. Она шла медленно и согнувшись. Дѣлалось почти страшно. Ее можно было принять за привидѣніе.

Ахъ, ахъ, на площади все было такъ свѣтло и весело. Крестьяне, оставшіеся дома по случаю воскресенья, стояли группами въ праздничныхъ одеждахъ съ красными шарфами на шеѣ. Крестьянки, пріѣхавшія въ соборъ, были въ зеленыхъ юбкахъ и желтыхъ ша-

лахъ. Нѣсколько иностранцевъ въ бѣлыхъ костюмахъ стояли у балюстрады и любовались Этной. А всѣ музыканты были одѣты въ мундиры, почти такіе же прекрасные, какъ у донъ Ферранте. А блестящіе инструменты, а фасадъ собора, украшенный статуями! А солнечный свѣтъ, а снѣжная вершина Монджибелло, которая казалась такъ близко, что до нея почти можно было достать рукой... Все было такъ необыкновенно ярко и весело.

И когда среди этого веселья появилась печальная черная синьора, всѣ неподвижно уставились на нее, а нѣкоторые перекрестились. Дѣти, сидѣвшіе верхомъ на перилахъ лѣстницы, ведущей въ ратушу, сползли внизъ и послѣдовали за ней на нѣкоторомъ разстояніи. И даже лѣнтяй Пьеро, лежавшій на балюстрадѣ, приподнялся на локтѣ. Появленіе ея вызвало переполохъ, словно изъ собора вышла сама черная Мадонна!

Пожалѣлъ ли кто черную синьору изъ всѣхъ глазѣвшихъ на нее? Тронуло ли кого-нибудь, что она идетъ такъ медленно и сгорбившись?

Да, да, одного это тронуло, и это былъ донъ Ферранте. Въ сердцѣ его звучала музыка, онъ былъ добрый человѣкъ и онъ подумалъ: „Пусть будутъ прокляты всѣ эти кассы, которыя собираются для бѣдняковъ и только приносятъ людямъ несчастье! Вѣдь это бѣдная синьорина Пальмери, отецъ которой укралъ благотворительный капиталъ; она такъ стыдится этого, что не рѣшается открыть своего лица“. И, раздумывая такъ, донъ Ферранте подошелъ къ дамѣ въ траурѣ и подвелъ ее къ самымъ церковнымъ дверямъ.

Тутъ онъ почтительно снялъ шляпу и назвалъ свое имя. Если я не ошибаюсь,—сказалъ донъ Ферранте,—вы—синьорина Пальмери. Я имѣю къ вамъ просьбу!

Она вздрогнула и отступила назадъ, какъ бы желая убѣжать; но все-таки она осталась.

— Дѣло идетъ о моей сестрѣ доннѣ Элизѣ,—сказалъ онъ.

Она знала вашу мать, синьорица, и горитъ желаніемъ познакомиться съ вами. Она сидитъ возлѣ собора. Позвольте мнѣ проводить васъ къ ней.

И безъ дальнѣйшихъ разговоровъ онъ взялъ ее подъ руку и подвелъ къ доннѣ Элизѣ. И она не сопротивлялась ему. Донна Элиза хотѣла бы посмотреть, кто можетъ устоять противъ донна Ферранте.

И тогда донна Элиза встала и пошла навстрѣчу черной синьорѣ. Она откинула ее вуаль и поцѣловала ее въ обѣ щеки.

И какое у нея лицо! Какое лицо! Можетъ быть, она была и не красавица, но у нея были такіе глаза, которые говорили, молили и жаловались даже тогда, когда лицо улыбалось. Да, Газтано, пожалуй, не сталъ бы писать или вырѣзывать съ этого лица Мадонну, для этого оно было слишкомъ блѣдно и худо, но вѣдь Господь-то ужъ, навѣрное, зналъ, почему Онъ не далъ такихъ глазъ румяному и круглому личику.

Когда донна Элиза поцѣловала ее, она положила голову ей на плечо и нѣсколько разъ вздрогнула отъ рыданій. А потомъ она подняла голову и улыбнулась. И казалось, что эта улыбка говоритъ: „Ахъ, такъ вотъ каковъ міръ! Какъ онъ прекрасенъ! Дайте мнѣ поглядѣть на него и улыбнуться ему! Можетъ ли несчастная взглянуть на него и позволить глядѣть на себя? Могу я открыть свое лицо?“

Ахъ, все это она сказала безъ словъ, одной своей улыбкой! Какое у нея лицо! Какое лицо!

Но тутъ Газтано перебилъ донну Элизу:

— Гдѣ она теперь?—спросилъ онъ.—Я тоже долженъ увидѣть ее!

Донна Элиза взглянула въ глаза Газтано. Они горѣли словно озаренные пламенемъ, и на вискахъ его выступила краска.

— Ты еще успѣешь увидать ее,—рѣзко сказала она и раскаялась въ каждомъ произнесенномъ словѣ.

Гастано увидалъ ея тревогу и понялъ, чего она бонется. И онъ рѣшилъ сказать ей сейчасъ же о своемъ намѣреніи уѣхать въ Америку.

Онъ понялъ, что эта чужая спиборина должна быть очень опасна. Донна Элиза была убѣждена, что Гастано полюбитъ ее, и почти обрадовалась, услышавъ, что онъ хочетъ уѣхать.

Потому что все же это казалось ей лучше, чѣмъ видѣть его мужемъ бѣдной дѣвушки, дочери вора.

VI.

Миссіа дона Маттео.

Однажды въ послѣобѣденное время донъ Маттео, настоятель церкви, надѣлъ тщательно вычищенные баншаки, новую сутану и расположилъ свой плащъ красивыми складками. Лицо его сіяло, когда онъ проходилъ по улицѣ; и онъ благословлялъ женщинъ, сидящихъ за прялками у дверей домовъ, такимъ нѣжнымъ движеніемъ руки, словно онъ раздавалъ имъ розы.

Черезъ уличку, по которой шелъ донъ Маттео, было перекинуто, по крайней мѣрѣ, семь арокъ, какъ будто каждый домъ хотѣлъ соединиться съ тѣмъ, который стоялъ напротивъ него. Маленькая и узкая, она извивалась въ гору, представляя изъ себя наполовину лѣстницу, наполовину улицу. Сточная канава всегда была переполнена, а подъ ногами валялись апельсиновые корки и капустные листья, о которые легко было поскользнуться. На веревкахъ снизу доверху висѣло бѣлье. Развѣваемые вѣтромъ мокрые рукава рубашекъ и тесемки передниковъ задѣвали по лицу дона Маттео. И при этомъ сыромъ, противномъ прикосновеніи дону Маттео казалось, что его гладитъ по лицу покойникъ.

Уличка заканчивалась небольшою мрачною площадью, гдѣ донъ Маттео и остановился передъ однимъ старымъ домомъ. Это было большое четырехугольное зданіе, почти безъ оконъ. Въ него вели двѣ большія лѣстницы съ широкими ступенями и двѣ огромныя двери съ тяжелыми запорами. Стѣны были изъ черной лавы, а кирпичный полъ лоджій весь заросъ плѣсенью и такъ густо былъ покрытъ паутиной, что даже проворныя ящерицы съ трудомъ пробирались между ней.

Донъ Маттео съ такою силою постучалъ двернымъ молоткомъ, что раздался гулъ. Изъ всѣхъ домовъ по сосѣдству начали выглядывать женщины и переговариваться между собой. А прачки у фонтана на площади пріостановили свою работу и стали шептаться и строить догадки.

— Что здѣсь надо дону Маттео?—говорили онѣ.—Зачѣмъ донъ Маттео стучится въ двери стараго дома, гдѣ водятся привидѣнія и гдѣ никто не рѣшается жить, кромѣ чужой синьорины, отецъ которой сидитъ въ тюрьмѣ?

Но Джіаннита, наконецъ, отворила дверь и повела дону Маттео по длиннымъ коридорамъ, гдѣ пахло сыростью и плѣсенью. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ полу не хватало камней и сквозь отверстія виденъ былъ подвалъ, по земляному полу котораго стаями бѣгали крысы.

Пока донъ Маттео шелъ по старому дому, хорошее расположеніе его исчезло. Проходя мимо лѣстницъ, онъ недовѣрчиво косился на нихъ и вздрагивалъ при малѣйшемъ шумѣ. Его охватило безпокойство какъ бы отъ предчувствія несчастья. Донъ Маттео вспомнилъ маленькаго мавра въ тюрбанѣ, который, по разсказамъ, появлялся въ этомъ дѣмѣ, и хотя онъ и не видѣлъ его, но все-таки чувствовалъ его присутствіе.

Наконецъ, Джіаннита отворила одну изъ дверей и ввела священника въ комнату. Стѣны были голыя, какъ въ конюшняхъ, постелъ

тощая, какъ у монахини, и, кромѣ того, надъ ней висѣло изображеніе Мадонны, стоявшее не больше трехъ сольди. Настоятель стоялъ и смотрѣлъ на маленькую Мадонну, пока слезы не выступили у него на глазахъ.

Пока онъ такъ стоялъ, въ комнату вошла синьорина Пальмери. Она держала голову опущенной, а движенія ея были такъ медленны, словно у тяжело больной.

Увидя ее, настоятель сильно смутился, и ему захотѣлось сказать ей: „Мы встрѣчаемся съ вами, синьорина Пальмери, въ необыкновенно старинномъ домѣ. Вы изучаете здѣсь мавританскія надписи или изслѣдуете мозаики въ подвалахъ?“ Онъ не могъ себѣ представить, чтобы эта благородная синьора была такъ бѣдна.

Онъ не могъ понять, какъ она можетъ жить въ домѣ маленькаго мавра.

Онъ рѣшилъ въ душѣ спасти ее изъ этого дома съ привидѣніями и отъ бѣдности. Въ этомъ дѣлѣ его поддержать добрая Мадонна.

Потомъ онъ сказалъ синьоринѣ, что пришелъ къ ней по порученію дона Ферранте Алагона. Донъ Ферранте открылъ ему, что она отвергла его сватовство. Но почему? Развѣ она не знаетъ, что донъ Ферранте самый богатый человекъ въ Діаманте, несмотря на то, что онъ бѣденъ на видъ и самъ стоитъ въ лавкѣ? Донъ Ферранте принадлежитъ къ старинному испанскому роду, весьма уважаемому какъ на родинѣ, такъ и въ Сициліи. И ему еще принадлежитъ большой домъ на Корсо, которымъ владѣли его предки. Она не должна отказывать ему.

Пока донъ Маттео говорилъ, онъ увидалъ, что лицо синьорины поблѣднѣло и окаменѣло. Онъ испугался, говорить ли ему дальше. Онъ боялся, что она лишится чувствъ.

И, дѣйствительно, она отвѣчала ему, сдѣлавъ надъ собой страшное усиліе. Казалось, слова не хотѣли сходить съ ея устъ. Ей было страшно произнести ихъ.

Она вполне понимает, сказала она, что донъ Ферранте хочет знать, почему она отклонила его предложеніе. Она была очень тронута и очень благодарна ему, но она не можетъ быть его женой. Она не можетъ согласиться, потому что вмѣсто приданого она принесетъ въ домъ безчестіе и позоръ.

— Если вы выйдете замужъ за Алагона, дорогая синьорина,— сказалъ донъ Маттео,— то вамъ нечего бояться, что будутъ спрашивать, откуда вы родомъ. Это старинный, древній родъ. Донъ Ферранте и его сестра, донна Элиза—самыя знатныя особы въ Діаманте, хотя они потеряли свои родовыя помѣстья и вынуждены заниматься торговлей. Донъ Ферранте знаетъ, что бракъ съ вами не омрачитъ славы его имени. Вамъ не надо беспокоиться объ этомъ, синьорина, если только это единственное препятствіе съ вашей стороны.

Но синьорина Пальмери повторяла все то же. Донъ Ферранте не можетъ жениться на дочери преступника. Она сидѣла блѣдная, въ отчаяніи и, казалось, хотѣла приучить себя произносить эти ужасныя слова. Она говорила, что не хочетъ втираться въ семью, которая будетъ презирать ее. Она заставила себя говорить это спокойно и твердо, безъ дрожи въ голосѣ.

Но, чѣмъ дольше она говорила, тѣмъ сильнѣе становилось желаніе донна Маттео помочь ей. Ему казалось, что онъ встрѣтилъ королеву, свергнутую съ своего престола. Его охватило горячее желаніе снова возложить корону ей на голову и набросить мантию на плечи.

Поэтому донъ Маттео заговорилъ о томъ, что отецъ ея скоро выйдетъ изъ тюрьмы, и спросилъ ее, чѣмъ же онъ будетъ жить.

Синьорина отвѣтила, что онъ будетъ жить на то, что она зарабатываетъ.

Донъ Маттео строго спросилъ ее, какъ она думаетъ, сможетъ ли перенести бѣдность ея отецъ, привыкшій жить богато.

Она молчала. Она шевелила губами, подыскивая отвѣтъ, но не могла произнести ни слова.

Тогда донъ Маттео снова заговорилъ и убѣждалъ ее. Она выглядѣла все растерянной, но все еще не сдавалась.

Наконецъ, онъ уже не зналъ больше, что ему сдѣлать.

Какъ избавить ее отъ этого дома съ привидѣніями, отъ бѣдности и стыда, угнетающаго ее? Но тутъ взоры его упали на жалкое изображеніе Мадонны.

Значить, юная синьорина была вѣрующей.

Тутъ донъ Маттео охватилъ даръ вдохновенія. Онъ чувствовалъ, что Богъ послалъ его спасти эту бѣдную женщину. Когда онъ снова заговорилъ, онъ самъ не узналъ своего голоса. Онъ понялъ, что Богъ говорилъ его устами.

— Дочь моя,— сказалъ онъ и поднялся.— Вы должны выйти замужъ за донъ Ферранте ради вашего отца! Этого хочетъ Мадонна, дочь моя!

Во всей фигурѣ донъ Маттео въ эту минуту было что-то внушительное. Еще никто никогда не видалъ его такимъ. Синьорина задрожала, словно съ ней заговорилъ духъ, и сложила руки.

— Будьте доброй и вѣрной женой дону Ферранте,— сказалъ донъ Маттео,— и Мадонна общается вамъ черезъ меня, что у вашего отца будетъ безпечальная старость.

Синьорина поняла, что донъ Маттео дѣйствуетъ по повелѣнію свыше. Самъ Богъ говоритъ его устами. Она преклонила колѣни и опустила голову.

— Я исполню то, что вы приказываете,— сказала она.

Выйдя изъ дома маленькаго мавра и проходя узкой улочкой, донъ Маттео вдругъ вынулъ молитвенникъ и началъ читать молитвы. И хотя мокрое бѣлье било его по лицу, а подъ ноги ему попадались маленькія дѣти и апельсиновая кожура, онъ не отрывалъ глазъ отъ книги. Онъ долженъ былъ слышать великое слово Божіе.

Въ большомъ мрачномъ домѣ все казалось ему ясно и понятно;

когда же онъ вышелъ на солнечный свѣтъ, онъ устранился обща-
нія, даннаго имъ отъ имени Мадонны.

Донъ Маттео читалъ молитвенникъ и молился, молился и читалъ.
Да охранить великій Господь на небесахъ эту женщину, которая вѣ-
рила и повиновалась ему, какъ пророку.

На углу Корсо донъ Маттео столкнулся съ ослими, на которыхъ
возвращались домой какія-то путешественницы, онъ едва не сбилъ
съ ногъ крестьянъ, идущихъ съ работъ, толкалъ старыхъ прядиль-
щицъ и путался въ ихъ пряжѣ, пока, наконецъ, не добрался до ма-
ленькой темной лавочки.

Эта лавочка безъ оконъ съ высокимъ порогомъ и землянымъ по-
ломъ помѣщалась въ углу стараго дворца. Двери ея всегда были
открыты, пропуская свѣтъ. У прилавка толпились возчики и погон-
щики ословъ.

А за прилавкомъ стоялъ донъ Ферранте. Борода его была рас-
трепана, лицо въ глубокихъ морщинахъ и голосъ его хрипѣлъ отъ
бѣшенства.

Возчики требовали непомѣрно высокую плату за кладь, приве-
зенную ими изъ Катаніи.

VII.

Колокола Санъ-Паскалѣ.

Всѣ скоро увидѣли въ Діаманте, что жена донна Ферранте, донна
Микаэла, была просто ребенкомъ. И, несмотря на свою внѣшность
свѣтской дамы, она просто-напросто была ребенокъ. Да и ничего дру-
гого нельзя было ожидать послѣ той жизни, которую она вела.

Жизнь она знала только по театрамъ, музеямъ, баламъ, про-
гулкамъ, скачкамъ, а вѣдь все это—мѣста для развлеченій. Она ни-
когда не выходила одна на улицу; никогда не работала. Съ ней

никто никогда не говорилъ серьезно. Она еще ни разу не была ни въ кого влюблена.

Перебравъ въ лѣтній дворецъ, она забыла свое горе такъ же быстро и легко, какъ забываетъ ребенокъ. Оказалось, что она облагаетъ и фантазіей ребенка, которая превращаетъ и перелбываетъ все окружающее.

Старый, грязный сарацинскій городокъ Діаманте казался доннѣ Микаэлѣ раемъ. Она говорила, что нисколько не удивилась, когда донъ Ферранте подошелъ къ ней на площади и потомъ посватался за нее. Ей казалось вполне естественнымъ, что такъ и должно было происходить въ Діаманте. Она сразу увидала, что Діаманте такой городъ, гдѣ богатые мужчины отыскиваютъ бѣдныхъ и несчастныхъ синьоринъ, чтобы ввести ихъ госпожами въ свои черныя дворцы изъ лавы.

И лѣтній дворецъ понравился ей. Вычлѣтніи столѣтніи ситецъ, которымъ была обита мебель, рассказывалъ ей цѣлыя исторіи. И она находила глубокій смыслъ въ любовныхъ спенахъ, которыя разыгрывались на стѣнахъ между пастухами и пастушками.

Она сейчасъ же открыла и тайну донна Ферранте. Онъ совсѣмъ не былъ простымъ купцомъ въ уличкѣ маленькаго города. Это былъ честолюбивый человекъ, который копилъ золото, чтобы скупить владѣнія предковъ на Этнѣ, дворецъ въ Катаніи и замокъ въ горахъ. И если онъ носилъ короткую куртку и колпакъ, какъ простой крестьянинъ, то только для того, чтобы скорѣе выступить испанскимъ грандомъ и княземъ Сициліи.

Съ того дня, какъ онъ женился, донъ Ферранте каждый вечеръ надѣвалъ бархатную куртку, бралъ гитару, становился на лѣстницѣ, ведущей на хоры въ музыкальной залѣ лѣтняго дворца, и пѣлъ канцоны. И, когда онъ пѣлъ, донна Микаэла воображала себѣ, что она замужемъ за самымъ благороднымъ человекомъ всей прекрасной Сициліи.

Черезъ два мѣсяца послѣ свадьбы донны Микаэлы отецъ ея вышелъ изъ тюрьмы и поселился у дочери въ лѣтнемъ дворцѣ. Ему понравилось въ Діаманте, и онъ скоро сошелся со всѣми. Онъ охотно бесѣдовалъ съ пчеловодами и виноградарями, которыхъ встрѣчалъ въ саѣ Еггора, и ему доставляло удовольствіе каждый день ѣздить верхомъ по склонамъ Этны „отыскивать древности“.

Но дочери своей онъ все еще не простилъ. Хотя и жилъ въ ея домѣ, но обращался съ ней какъ съ чужой дамой и не показывалъ никакой любви. Донна Микаэла оставляла его въ покоѣ и дѣлала видъ, что ничего не замѣчаетъ. Она не могла принимать его гнѣвъ серьезно. Этотъ старикъ, котораго она такъ любитъ, думаетъ, что можетъ ненавидѣть ее всю жизнь. Ахъ, онъ не зналъ ни ее, ни себя самого! Она любила сидѣть и мечтать о той минутѣ, когда онъ почувствуетъ себя побѣжденнымъ, придетъ къ ней и выскажетъ свою любовь.

Донна Микаэла стояла однажды на балконѣ и кивала отцу, который выѣзжалъ изъ дома на маленькомъ гнѣдомъ пони; въ это время донъ Ферранте поднялся наверхъ изъ своей лавки, чтобы поговорить съ ней. И донъ Ферранте сообщилъ ей, что ему посчастливилось устроить ея отца въ „Братство Святого Сердца“ въ Катаніи.

И, хотя донъ Ферранте выражался вполне ясно, донна Микаэла, казалось, не понимала его.

Онъ долженъ былъ повторить, что ѣздилъ наканунѣ въ Катанію и что ему удалось устроить кавальере Пальмери въ одно Братство. Онъ долженъ переѣхать туда черезъ мѣсяцъ.

Она только повторяла: — Что это значить? Что это значить?

— Ну, — сказалъ донъ Ферранте, — развѣ мнѣ не можетъ надоесть выписывать твоему отцу дорогое вино съ материка и развѣ у меня самого не является иногда желанія покататься на Доменико?

Сказавъ это, онъ собирался уйти. О чемъ же еще было говорить...

- Но скажи же мнѣ, что это за братство? — спросила она.
- Какое братство? Ну, тамъ живетъ много стариковъ.
- Бѣдныхъ стариковъ?
- Ну, разумѣется не богатыхъ!
- И у каждаго, навѣрное, нѣтъ отдѣльной комнаты?
- Нѣтъ, но у нихъ большія общія спальни.
- И они ѣдятъ изъ жестяной посуды на непокрытыхъ столахъ?
- Нѣтъ, посуда фарфоровая!
- Но безъ скатертей?
- Боже мой, былъ бы только столъ чистый!

Онъ прибавилъ, чтобы успокоить ее: — Тамъ живетъ много порядочныхъ людей. И, если хочешь знать, они не безъ колебанія приняли въ него кавальере Пальмери.

Съ этими словами донъ Ферранте вышелъ.

Жена его была очень огорчена и разсержена. Ей казалось, что она вдругъ потеряла все свое знатное положеніе и превратилась въ жену обыкновеннаго купца.

Она говорила громко, хотя никто и не слышалъ ее, что лѣтній дворецъ — большой, безобразный, старый домъ, а Діаманте — ничтожная жалкая дыра.

И она, разумѣется, не допустить, чтобы отецъ ея уѣхалъ. Донъ Ферранте напрасно такъ увѣренъ въ этомъ!

Послѣ обѣда донъ Ферранте собрался идти въ café Еугора играть въ домино и сталъ искать шляпу, но донна Микаэла взяла его шляпу и пошла проводить его по галлерей, ведущей вокругъ двора. Когда они отошли отъ столовой, такъ что отецъ не могъ ихъ слышать, она живо спросила:

- Что ты имѣешь противъ моего отца?
- Онъ мнѣ очень дорого стоитъ.
- Но вѣдь ты богатъ!
- Откуда ты это взяла? Развѣ ты не видишь, какъ я тружусь?

— Сократи лучше другіе расходы!

— Я такъ и сдѣлаю. Джіанниита уже довольно получила отъ насъ!

— Нѣтъ, сократи мои расходы!

— Ты — моя жена, и у тебя все должно остаться попрежнему.

Она молчала. Она думала, что она можетъ еще сказать, чтобы разубѣдить его.

— А ты знаешь, почему я вышла за тебя?

— О, да!

— Ты знаешь и то, что обѣщаль мнѣ настоятель?

— Это его дѣло, я дѣлаю, что могу!

— Ты, можетъ быть, слышала, что я порвала со всѣми моими друзьями въ Катаніи, когда я узнала, что мой отецъ обращался къ нимъ за помощью и они отказали ему?

— Я это знаю!

— И что я переселилась въ Діаманте, чтобы избавить его отъ стыда встрѣчаться съ ними?

— Они вѣдь въ братствахъ не бываютъ!

— И, зная все это, ты не боишься поступить такъ съ моимъ отцомъ?

— Бояться? Нѣтъ, жена моя, я не боюсь!

— Развѣ я не сдѣлала тебя счастливымъ? — спросила она тогда.

— О, да! — отвѣчалъ онъ равнодушно.

— Развѣ тебѣ не нравится пѣть для меня? Развѣ тебѣ непріятно, что я считаю тебя самымъ благороднымъ человѣкомъ въ Сициліи? Развѣ ты не радовался, что мнѣ понравился старый дворець? Почему же все это должно кончиться?

Онъ положилъ руку ей на плечо и произнесъ предостерегающе:

— Помни, что ты вышла замужъ не за свѣтскаго молодчика съ Via Aetna въ Катаніи!

— О, вѣтъ!

— Здѣсь у насъ въ горахъ другое обыкновеніе! Здѣсь жены во всемъ повинуются мужьямъ. И красивыя фразы для насъ ничего не значать! А если вамъ ихъ захочется послушать, то мы прекрасно знаемъ, какъ ихъ получить!

Она испугалась такихъ словъ и бросилась передъ нимъ на колѣни. Было уже темно, но изъ освѣщенной комнаты свѣта падало достаточно, чтобы онъ могъ видѣть ея глаза. Сверкающіе, какъ звѣзды, они съ мольбой были обращены къ нему.

— Сжался! Ты не знаешь, какъ я люблю его!

Донъ Ферранте засмѣялся:

— Съ этого и надо было начать! А теперь ты разсердила меня!

Она продолжала стоять на колѣняхъ и смотрѣть на него.

— Это хорошо, — сказалъ онъ, — впередъ ты будешь знать, какъ держать себя!

Она все еще не вставала съ колѣнъ. Тогда онъ спросилъ:

— Долженъ я объявить ему объ этомъ, или ты скажешь сама?

Доннѣ Микаэлѣ стало стыдно, что она такъ унижалась. Она поднялась и твердо отвѣтила:

— Я сама скажу ему, но только въ послѣдній день. И ты долженъ не дать ему ничего замѣтить.

— Нѣтъ, я ничего не скажу ему, — отвѣчалъ онъ, поддѣлываясь ей въ тонъ. — Чѣмъ меньше стонать, тѣмъ лучше.

Но когда онъ ушелъ, донна Микаэла засмѣялась надъ нимъ. Онъ думаетъ, что можетъ обращаться съ ея отцомъ, какъ ему угодно. Она знаетъ, кто ей поможетъ...

Въ соборѣ въ Діаманте была чудотворная статуя Мадонны; исторія ея слѣдующая:

Въ давнія времена въ пещерѣ на Монте Кіаро жилъ одинъ святой отшельникъ. И однажды приснилось отшельнику, что въ гавани Катаніи стоитъ судно, нагруженное священными изображеніями, и

одно среди нихъ было такое святое, что одна страшно богатая англичанка хотѣла обмѣнять его на вѣсъ золота. Проснувшись, отшельникъ сейчасъ же отправился въ Катанію. Когда онъ пришелъ туда, онъ увидалъ, что сонъ его былъ вѣщій. Въ гавани стояло судно, нагруженное изображеніями святыхъ, и среди нихъ находилось изображеніе Мадонны, которое было свѣтлѣе, чѣмъ всѣ другія. Тогда отшельникъ началъ просить капитана не увозить изображеніе изъ Сициліи и подарить ему. Но капитанъ отказался исполнить его просьбу.

— Я отвезу его въ Англію, — говорилъ онъ, — и англичанка купить его у меня на вѣсъ золота.

Отшельникъ снова началъ настойчиво просить его. Наконецъ, капитанъ велѣлъ своимъ людямъ свести его на берегъ и поднять паруса, чтобы плыть дальше.

Казалось, что святое изображеніе уже потеряно для Сициліи, но отшельникъ на берегу опустился на колѣни и молилъ Бога не допустить до этого. И что же случилось? Судно не могло выйти изъ гавани.

Якорь былъ поднять, паруса распушены, вѣтеръ попутный, а судно три дня стояло неподвижно, точно высѣченное изъ скалы. На третій день капитанъ взялъ изображеніе Мадонны и бросилъ его на берегъ отшельнику, который продолжалъ стоять на колѣняхъ. И въ ту же минуту судно отчалило отъ берега. А отшельникъ отнесъ изображеніе на Монте Кіаро, и оно теперь находится въ Діаманте, въ соборѣ, гдѣ у него своя часовня и алтарь.

Донна Микаэла отправилась къ этому изображенію Мадонны просить ее за отца.

Она прошла въ часовню Мадонны, пріютившуюся въ темномъ углу храма. Всѣ стѣны въ ней были покрыты предметами, принесенными по обѣту—серебряными сердцами и картинами — дарами тѣхъ, кому помогла Мадонна Діаманте.

Статуя была выстѣчена изъ чернаго мрамора, и, когда Микаэла увидала ее въ ея нишѣ, такую высокую и темную и почти скрытую за золотой рѣшеткой, ей показалось, что лицо Мадонны прекрасно и сіяетъ милосердіемъ. И сердце ея преисполнилось надежды.

Вотъ она, всемогущая Царица Небесная, добрая мать Марія, скорбящая, которой понятно всякое горѣ, — она не допустить, чтобы у нея отняли отца.

Здѣсь она сейчасъ же обрѣтетъ помощь. Ей стоитъ только преклонить колѣна и повѣдать о своемъ горѣ, и черная Мадонна поможетъ ей.

Она была убѣждена, что въ то время, какъ она молится, донъ Ферранте уже перемѣнилъ свое рѣшеніе. Когда она вернется домой, онъ выйдетъ ей навстрѣчу и скажетъ, что ея отецъ останется съ ней.

.

Прошло три недѣли.

Донна Микаэла вышла изъ лѣтняго дворца, отправляясь къ утренней мессѣ; но, прежде чѣмъ пойти въ соборъ, она зашла въ лавку донны Элизы купить восковую свѣчу. Было такъ рано, что она боялась, что лавка еще заперта; но она была отперта, и донна Микаэла радовалась, что она можетъ принести что-нибудь въ даръ черной Мадоннѣ.

Когда донна Микаэла вошла въ лавку, тамъ никого не было; она начала отворять и затворять дверь, чтобы звономъ колокольчика вызвать донну Элизу въ лавку. Наконецъ, кто-то вышелъ, по это была не донна Элиза, а молодой человѣкъ.

Этотъ юноша былъ Газтано, который по наслышкѣ хорошо зналъ донну Микаэлу. Онъ такъ много слышалъ о ней, что боялся съ ней встрѣтиться, и, когда она приходила къ доннѣ Элизѣ, онъ всегда заперался въ своей мастерской. А донна Микаэла знала о немъ только то, что онъ скоро долженъ былъ уѣхать изъ Діаманте и цѣлые дни

вырѣзывалъ изображенія святыхъ, чтобы доннѣ Элизѣ было что продавать въ то время, пока онъ будетъ добывать богатства въ Аргентинѣ.

Увидя теперь Гаэтано, она нашла его такимъ прекраснымъ, что почти обрадовалась этому. Она чувствовала себя встревоженной, какъ преслѣдуемое животное, но никакое горе въ мірѣ не могло помѣшать ей испытывать радость, когда она видѣла что-нибудь прекрасное.

Она спрашивала себя, гдѣ она могла видѣть его раньше, и вдругъ вспомнила, что это лицо она видѣла въ великолѣпной картинной галлерей ея отца въ ихъ дворцѣ въ Катаніи. Но тамъ онъ былъ не въ рабочей блузѣ; напротивъ, на немъ была бархатная шляпа съ длиннымъ развѣвающимся бѣлымъ перомъ и широкій кружевной воротникъ на бархатной одеждѣ. Картина эта была написана великимъ художникомъ Ванъ-Дикомъ.

Донна Микаэла спросила у Гаэтано восковую свѣчу, и онъ началъ искать ее. И тутъ случилось что-то странное: Гаэтано, знавшій паизустъ маленькую лавочку, вдругъ оказался въ ней совсѣмъ чужимъ. Онъ искалъ восковыя свѣчи въ ящикахъ съ четками и въ коробкахъ съ образками. Онъ ничего не могъ найти и въ нетерпѣніи опрокидывалъ ящики и ломалъ коробки. Всюду царилъ безпорядокъ и разрушеніе, и донна Элиза была бы очень огорчена, если бы въ эту минуту вошла въ лавку.

Но донна Микаэла съ удовольствіемъ глядѣла, какъ онъ отбрасывалъ со лба густые кудри и какъ золотистые глаза его искрились, точно желтое вино, пронизанное лучами солнца. Ей служило большимъ утѣшеніемъ видѣть такую красоту.

И донна Микаэла должна была извиниться передъ благороднымъ господиномъ, котораго написалъ великій Ванъ-Дикъ. Потому что она часто говорила ему:—Ахъ, синьоръ, вы были очень прекрасны, но едва ли вы были такъ мрачны, блѣдны и печальны. И у васъ не

было такихъ огненныхъ глазъ, все это вложилъ въ вась писавшій вась художникъ.—Но, увидя Гаэтано, донна Микаэла нашла, что все это можетъ быть соединено въ одномъ лицѣ и что художнику не пришлось прибавлять что-нибудь отъ себя. И поэтому она просила извиненія у благороднаго господина.

Между тѣмъ, Гаэтано пашель ящики съ восковыми свѣчамъ, которые стояли подъ прилавкомъ на своемъ обычномъ мѣстѣ. Онъ подаль ей свѣчу, но онъ не зналъ, сколько она стоитъ, и попросилъ ее зайти послѣ, чтобы заплатить. Когда же она попросила у него бумаги, чтобы завернуть свѣчу, онъ пришелъ въ такое смущеніе, что она должна была помочь ему въ его поискахъ.

И вдругъ ей стало жалко, что такой человѣкъ собирается уѣхать въ Аргентину.

Онъ предоставилъ доннѣ Микаэлѣ самой завертывать свѣчу, а самъ онъ стоялъ, не спуская съ нея глазъ. Ей хотѣлось попросить его не глядѣть на нее, такъ какъ лицо ея выражало скорбь и отчаяніе.

Гаэтано едва успѣлъ взглянуть въ ея черты, какъ вскочилъ на маленькую лѣстницу, снялъ съ верхней полки одно изъ изображеній и подошелъ къ ней. Это былъ маленькій позолоченный и раскрашенный деревянный ангелъ, маленькій Санъ-Микелэ въ борьбѣ съ дьяволомъ. Изображеніе было завернуто въ бумагу и уложено въ вату.

Онъ подаль его доннѣ Микаэлѣ и просилъ ее принять его въ подарокъ. Ему такъ хотѣлось этого, потому что это была его лучшая работа. Онъ былъ убѣжденъ, что это изображеніе обладаетъ болѣею силой, чѣмъ все его другія статуэтки, и онъ нарочно помѣстилъ его на верхнюю полку, чтобы первый встрѣчный не могъ увидѣть и купить его. Онъ просилъ донну Элизу продать его только тому, у кого большое горе. И потому онъ просилъ донну Микаэлу принять его.

Но Газтано просилъ ее взглянуть, какъ прекрасно вырѣзано изображеніе. Замѣтила ли она, какъ взъерошены отъ гнѣва крылья архангела и какъ Люциферъ вонзилъ свои когти въ стальные латы на его ногѣ? Видитъ ли она, какъ Сантъ-Микелэ поднялъ свое копье, какъ онъ наморщилъ лобъ и сжалъ губы?

Онъ хотѣлъ положить ей въ руку маленькое изображеніе, но она мягко отстранила его. Она видитъ, что это изображеніе прекрасно и чудотворно, сказала она, но она знаетъ, что оно не можетъ ей помочь. Она благодарить его за подарокъ, но не принимаетъ его.

Тогда Газтано взялъ изображеніе, завернулъ его и поставилъ на прежнее мѣсто.

И онъ не заговорилъ съ ней, пока не уложилъ и не убралъ его.

Тогда онъ спросилъ, зачѣмъ она покупаетъ восковую свѣчу, если она невѣрующая? Или она хочетъ этимъ показать, что не вѣритъ въ Сантъ-Микелэ? Но развѣ она не знаетъ, что онъ самый могущественный изъ ангеловъ, что онъ побѣдилъ Люцифера и низвергъ его въ Этну? Или она сомнѣвается въ истинности этого? Или она не знаетъ, что въ этой битвѣ Сантъ-Микелэ потерялъ одно перо изъ своего крыла и оно было найдено въ Кальтанисеттѣ? Знаетъ она это или не знаетъ? Что же хочетъ она сказать тѣмъ, что Сантъ-Микелэ не можетъ ей помочь? Можетъ быть, она думаетъ, что ни одинъ святой не можетъ ей помочь? И для этого стоитъ онъ цѣлый день въ мастерской и вырѣзываетъ святыхъ изображенія. Сталъ бы онъ это дѣлать, если бы они были ненужны? Или она думаетъ, что онъ обманщикъ?

Но Микаэла была такой же глубоковѣрующей, какъ Газтано, слова его показались ей несправедливыми, и она горячо возразила ему:

— Случается иногда, что святые не помогаютъ, — сказала она. И, видя, что Газтано недовѣрчиво смотритъ на нее, она почувствовала не-

преодолимое желаніе убѣдить его, и она рассказала, какъ ей обѣщали именемъ Мадонны, что отецъ ея будетъ наслаждаться беззаботной старостью, если она будетъ вѣрной женой дону Ферранте. А теперь мужъ хочетъ отправить его въ братство, гдѣ все бѣдно, какъ въ богадѣльнѣ для бѣдняковъ, и строго, какъ въ тюрьмѣ. И Мадонна не помогаетъ ей, черезъ недѣлю онъ долженъ уѣхать.

Газтано участливо слушалъ ее. Это-то и побудило ее рассказать все свое горе.

— Донна Микаэла, — сказалъ онъ. — Вы должны обратиться къ черной Мадоннѣ въ соборѣ.

— Неужели вы думаете, что я уже не молилась ей?

Газтано покраснѣлъ и сказалъ почти гнѣвно:

— Ужъ не хотите ли вы сказать, что вы напрасно обращались къ черной Мадоннѣ?

— Последнія три недѣли я напрасно молилась и просила ее.

Говоря это, донна Микаэла почти задыхалась. Ей хотѣлось плакать о самой себѣ, потому что она каждый день ждала помощи и обманывалась, и все-таки не знала ничего другого, какъ снова и снова прибѣгать къ молитвѣ. И по ея лицу видно было, что она снова переживала тѣ страданія, которыя она испытывала каждый день, видя, что молебны ея не исполняются и время уходитъ.

Но Газтано не былъ этимъ тронутъ, онъ улыбался и барабанилъ пальцами по стеклянному ящику, стоящему на прилавкѣ.

— Вы только просили Мадонну? — спросилъ онъ.

Только просила, только просила! Она обѣщала покаяться во всѣхъ грѣхахъ и исправиться. Она ходила въ ту улицу, гдѣ жила прежде, и ухаживала за больной женщиной, у которой была рана на ногѣ. Она не проходила мимо ни одного нищаго, не подавъ ему милостыни.

Только просила! И она сказала, что, если бы Мадонна хотѣла ей помочь, тѣ она, конечно, удовольствовалась бы и одними моли-

твами. Она цѣлые дни проводить въ соборѣ. А страхъ и тревога, которые терзаютъ ее! Развѣ они ни, во что не считаются?

Онъ только пожалъ плечами. Она не пробовала ничего другого?

Ничего другого? Она перепробовала все, что только есть на свѣтѣ. Она приносила ей въ даръ серебряныя сердца и восковыя свѣчи. Она не выпускала изъ рукъ четокъ.

Гаэтано возмущалъ ее. Ни на что это онъ не обращалъ вниманія и только спрашивалъ:—И ничего больше? Ничего больше?

— Но вы должны понять, — говорила она, — что донъ Ферранте не дастъ мнѣ много денегъ. Я больше ничего не могу сдѣлать! Мнѣ удалось, наконецъ, купить шелку и шелковыхъ шнурковъ, чтобы вышить покровъ на алтарь. Вы должны же это понять!

Но Гаэтано, который всѣ дни проводилъ въ обществѣ святыхъ и зналъ, какимъ страстнымъ рвеніемъ и трудомъ добивались они, чтобы Господь исполнилъ ихъ просьбы, только смѣялся надъ донной Микаэлой, которая думала, что можно тронуть Мадонну восковыми свѣчами и покровомъ на алтарь.

Все это ему хорошо знакомо, возражалъ онъ. Всѣ ея поступки ему вполне ясны. Такъ всегда бываетъ съ бѣдными святыми. Весь міръ взываетъ къ нимъ за помощью, но только немногіе понимаютъ, какъ надо поступать, чтобы быть услышанными. А потомъ начинаютъ говорить, что святые безсильны. Только тѣ получаютъ помощь, кто знаетъ, какъ надо молиться.

Донна Микаэла смотрѣла на него въ нетерпѣливомъ ожиданіи. Въ словахъ Гаэтано пылала такая сила и убѣжденность, что она начала думать, что онъ научить ее нужному, все разрешающему слову.

И Гаэтано взялъ свѣчу, лежавшую передъ ней на прилавкѣ, бросилъ ее обратно въ ящикъ и сказалъ, что ей нужно дѣлать. Онъ запретилъ ей носить дары Мадоннѣ и молиться ей или помогать чѣмъ-нибудь бѣднымъ. Онъ сказалъ, что разорветъ покровъ, если она сдѣлаетъ на немъ хоть еще одинъ стежокъ.

— Покажите ей, донна Микаэла, что тутъ дѣло идетъ объ очень важномъ, — говорилъ онъ и глядѣлъ на нее съ настойчивой силой. — Господи Божіе, вы должны найти что-нибудь, что бы доказало ей, что это серьезное дѣло, а не пустяки. Вы должны ей показать, что вы не хотите жить, если она не поможетъ вамъ. Думаете ли вы оставаться вѣрной дону Ферранте, если онъ отошлетъ изъ дому вашего отца? Едва ли! Если Мадонна не будетъ бояться того, что вы можете сдѣлать, — зачѣмъ ей помогать вамъ?

Донна Микаэла отступила назадъ. Онъ быстро вышелъ изъ-за прилавка и крѣпко схватилъ ее за руку.

— Понимаете, — вы должны показать ей, что вы можете погубить себя, если она не поможетъ вамъ. Вы должны грозить, что погрязнете въ грѣхѣхъ и кончите смертью, если не получите, чего хотите. Такимъ путемъ только можно принудить святыхъ исполнить просимое.

Она вырвалась отъ него и ушла, не сказавъ ни слова. Она быстро поднялась по узкой извилистой улочкѣ, вошла въ соборъ и въ страшномъ смятеніи распростерлась передъ алтаремъ черной Мадонны.

— — — — —

Это случилось въ субботу утромъ, а въ воскресенье вечеромъ донна Микаэла снова увидала дону Гаэтано. Былъ прекрасный лунный вечеръ, а въ Діаманте такое обыкновеніе, что въ лунные вечера всѣ выходятъ изъ своихъ домовъ на улицу. Какъ только хозяева лѣтняго дворца вышли на улицу, они сейчасъ же встрѣтили знакомыхъ. Донна Элиза подхватила подъ руку кавалере Пальмери, синдикъ Кольтаро подошелъ къ дону Ферранте потолковать о выборахъ; а Гаэтано пошелъ съ донной Микаэлой, потому что ему хотѣлось знать, послѣдовала ли она его совѣту.

— Бросили вы вышивать покровъ на алтарь? — спросилъ свѣ.

Но донна Микаэла отвѣчала, что вчера она цѣлый день вышивала его.

— Вы сами портите свое дѣло, донна Микаэла.

— Да, этому ужъ больше не помочь, донъ Гаэтано.

Она устроила такъ, что они оказались позади всѣхъ. Она хотѣла кое о чемъ поговорить съ нимъ. Когда они дошли до Porta Aetna, они прошли въ ворота и свернули на дорогу, спускающуюся съ Монте Кіаро среди пальмовыхъ рощъ.

Они не могли бы идти на оживденныя улицы; донна Микаэла говорила такъ, что жители Діаманте побили бы ее камнями, если бы слышали ее.

Она спрашивала Гаэтано, видѣлъ ли онъ хорошенько черную Мадонну въ соборѣ. Она только вчера какъ слѣдуетъ разглядѣла ее. Мадонна стояла въ самомъ темномъ углу собора вѣроятно для того, чтобы никто не видалъ ее. Она такая черная и закрыта рѣшеткой. Никто не можетъ разглядѣть ее.

Но сегодня донна Микаэла ясно видѣла ее. Сегодня былъ праздникъ Мадонны, и ее вынесли изъ ниши. Полъ и стѣны ея часовни были покрыты бѣлыми цвѣтами миндаля, а сама она стояла на алтарѣ большая и темная среди массы бѣлоснѣжныхъ цвѣтовъ.

Но какъ только донна Микаэла взглянула на статую, ее охватило отчаяніе. Это совсѣмъ не было изображеніе Мадонны! Нѣтъ, та, кому она молилась была не Мадонна! О, позоръ, позоръ! Вѣдь это древняя богиня. Кто когда-нибудь видѣлъ изображеніе богини, не можетъ въ этомъ ошибиться. На ней была не корона, а шлемъ; въ рукахъ она держала не младенца, а щитъ. Это была Авина-Паллада. Это была не Мадонна. Ахъ нѣтъ, нѣтъ!

И здѣсь въ Діаманте поклонялись такому изображенію! Здѣсь поставили языческую статую и молятся на нее! И что было хуже всего: ихъ Мадонна была безобразна! Она вся вывѣтрена и никогда не была произведеніемъ искусства. Она была такъ безобразна, что на нее нельзя было смотрѣть.

Ахъ, ее обманули тысячи даровъ, висящихъ у нея въ часовнѣ,

ее ввели въ заблужденіе всѣ легенды, которыя рассказываютъ о ней! И она потеряла три недѣли, молясь ей! Теперь она знаетъ, почему она не получила никакой помощи! Вѣдь это не Мадонна, не Мадонна!

Они шли по дорогѣ, которая опоясываетъ Монте Кіаро за стѣнами города. Все вокругъ нихъ было бѣло. Бѣлый туманъ лежалъ у подножія горы, и миндалевыя деревья на Этнѣ стояли совсѣмъ бѣлыя. Иногда они сами проходили подъ нависшими надъ ними миндальными вѣтвями, которыя такъ густо были усыяны цвѣтами, что, казалось, они были опущены въ расплавленное серебро. Луна свѣтила такъ ярко, что все тонуло въ ея свѣтѣ и казалось бѣлымъ. Казалось, почти страннымъ, что его не ощущаешь, что онъ не грѣетъ и не ослѣпляетъ глазъ. Донна Микаэла спрашивала себя, лунный ли свѣтъ настроилъ Гаetano такъ мирно, что онъ не схватилъ и не сбросилъ ее въ Симето, слыша ея богохульства.

Онъ тихо и спокойно шелъ рядомъ съ ней; но она боялась того, что онъ теперь сдѣлается. Она была охвачена такой тревогой, что не могла молчать.

Ей оставалось сказать еще самое ужасное. Она говорила, что цѣлый день старалась думать о настоящей Мадоннѣ и вызывала въ своей памяти всѣ изображенія ея, когда-либо видѣнныя. Но все было напрасно; только она начинала думать о сіяющей царицѣ небесной, какъ появлялась древняя черная богиня и становилась между ними. И царица небесная исчезала, а передъ ней оставалась высохшая озабоченная старая дѣва, такъ что у нея теперь не было никакой Мадонны. Она думаетъ, что Мадонна сердится на нее за то, что она дѣлала слишкомъ много для той другой, и лишаетъ ее своей милости и не даетъ ее увидѣть себя. Но изъ-за той ложной Мадонны отцу ея грозитъ несчастье. И теперь ужъ ей не удастся удержать его дома. Теперь она никогда не получить его прощенья. Ахъ, Боже! Боже!

И все это она говорила дону Гаэтано, который чтилъ черную Мадонну Діаманте больше всѣхъ другихъ.

Онъ шелъ такъ близко отъ донны Микаэлы, что она думала, ужъ наступаетъ послѣдняя минута. Она заговорила тихо, какъ бы защищаясь:—Я схожу съ ума! Я теряю рассудокъ отъ безпокойства! Я не сплю больше.

Но слушая ее, Гаэтано думалъ только о томъ, какое она еще дитя и какъ она не умѣетъ совладать съ жизнью.

И почти само собой вышло, что онъ вдругъ нѣжно обнялъ ее и поцѣловалъ, потому что она была такое напуганное и неразумное дитя.

Она была такъ сильно удивлена, что и не подумала отстраниться отъ него. Она не вскрикнула и не побѣжала. Она поняла только, что онъ поцѣловалъ ее, какъ цѣлуютъ ребенка. Она быстро пошла впередъ и потомъ заплакала. Этотъ поцѣлуй показалъ ей, какъ она слаба и безпомощна и какъ она тоскуетъ по человѣкѣ сильномъ и добромъ, который позаботился бы о ней.

Вѣдь это ужасно, что она такъ одинока, хотя у нея есть отецъ и мужъ, что даже этотъ чужой человѣкъ питаетъ къ ней состраданіе.

Когда Гаэтано увидѣлъ, что она вздрагиваетъ отъ рыданій, онъ почувствовалъ, что тоже начинаетъ дрожать. Сильное, могучее волненіе охватило его.

Онъ снова подошелъ къ ней и взялъ ее за руку. И голосъ его звучалъ не громко и ясно, а глухо и какъ бы подавленно отъ волненія, когда онъ сказалъ:

— Хотите бѣжать со мной въ Аргентину, если Мадонна не поможетъ вамъ?

Но теперь донна Микаэла оттолкнула его отъ себя. Она вдругъ почувствовала, что онъ говорить съ ней не какъ съ ребенкомъ. Она повернула и пошла обратно въ городъ. Гаэтано слѣдовалъ за ней,

но на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ поцѣловаль ея, онъ остановился, ему казалось, что онъ никогда въ жизни не сможетъ уйти отсюда.

Два дня провелъ Гаэтано, думая о доннѣ Микаэлѣ, а на третій пошелъ въ лѣтній дворецъ, чтобы поговорить съ ней.

Онъ встрѣтилъ ея на крышѣ на терасѣ и сразу объявилъ ей, что она должна съ нимъ бѣжать.

Съ тѣхъ поръ какъ они видѣлись въ послѣдній разъ, онъ все обдумалъ. Стоя въ своей мастерской, онъ обсуждалъ все случившееся, и теперь все стало ему ясно.

Она — роза, которую сильный сирокко оторвалъ отъ ствола и безжалостно закрутилъ въ воздухѣ, чтобы она нашла тѣмъ больше покоя и защиты въ его любящемъ сердцѣ. Она должна понять, что Богъ и всѣ святые желаютъ и требуютъ, чтобы они полюбили другъ друга, иначе ея великое несчастье не сблизило бы ихъ. И Мадонна отказывала ей въ помощи, чтобы снять съ нея клятву въ вѣрности дону Ферранте. Потому что всѣ святые на небесахъ знали, что она его — Гаэтано. Для него она была создана, для него она выросла, для него она живетъ. И, когда онъ тамъ на дорогѣ при свѣтѣ луны поцѣловаль ея, онъ почувствовалъ себя заблудившимся ребенкомъ, который долгое время блуждалъ въ пустынѣ и, наконецъ, добрелъ до родного дома. У него ничего нѣтъ, она его родина и его очагъ, она — наслѣдство, завѣщанное ему Богомъ, она — единственное въ мірѣ, чѣмъ онъ владѣеть.

Поэтому онъ не можетъ оставить ея здѣсь. Она должна послѣдовать за нимъ, должна, должна!

Онъ не опустился передъ ней на колѣни. Онъ стоялъ передъ ней съ сжатыми кулаками и сверкая глазами. Онъ не просилъ ея, онъ приказывалъ ей ѣхать съ нимъ, потому что она принадлежала ему.

Не было никакого грѣха, если онъ увезетъ ея; напротивъ, онъ обязанъ это сдѣлать. Что будетъ съ ней, если онъ покинетъ ея?

Донна Микаэла слушала его, не трогаясь съ мѣста. Она все время сидѣла не шевелясь и, даже тогда, когда онъ пересталъ говорить.

— Когда вы ѣдете? — спросила она наконецъ.

— Я уѣзжаю изъ Діаманте въ субботу.

— А когда отходитъ пароходъ?

— Въ воскресенье вечеромъ изъ Мессины!

Донна Микаэла встала и пошла къ лѣстницѣ.

— Мой отецъ въ субботу долженъ ѣхать въ Катанію, — сказала она. — Я попрошу дона Ферранте позволить мнѣ проводить его.

Она сошла нѣсколько ступеней, какъ если бы ей нечего было больше сказать. Потомъ она остановилась.

— Если вы встрѣтите меня въ Катаніи, я послѣдую за вами, куда вы захотите!

Она быстро сошла съ лѣстницы. Гаэтано не старался удержать ее. Наступилъ день, когда она не побѣжить отъ него. Онъ хорошо зналъ, что она должна полюбить его.

Всю пятницу донна Микаэла провела въ соборѣ. Она пришла къ Мадоннѣ и въ отчаяніи бросилась передъ ней на колѣни.

„О, Madonna mia, Madonna mia! Неужели завтра я должна стать сбѣжавшей женой? И люди будутъ имѣть право говорить про меня все дурное?“ И все представилось ей въ такомъ ужасномъ видѣ. Ее пугало бѣжать съ Гаэтано, и она не знала, какъ она сможетъ остаться у дона Ферранте. Она ненавидѣла какъ одного, такъ и другого. Ей казалось, что оба они могутъ принести ей только горе. Она видѣла ясно, что Мадонна не поможетъ ей. И вотъ она спрашивала себя, не причинить ли ей бѣгство съ Гаэтано еще больше несчастій, чѣмъ если она останется у дона Ферранте. И стоитъ ли губить себя, чтобы отмстить мужу?

И есть ли что-нибудь болѣе достойное презрѣнія, какъ бѣгство съ человѣкомъ, котораго не любишь?

Мучительное сомнѣніе терзало ее. Всю недѣлю она томилась въ ужасѣйшемъ безпокойствѣ. И что хуже всего, она совсѣмъ не могла спать. И теперь она не была въ состояніи разсуждать здраво и ясно.

И снова она погружалась въ молитвы. Но потомъ ей приходило въ голову: „Вѣдь Мадонна не можетъ помочь мнѣ!“—и она переставала молиться.

Невольно она начала думать о своихъ прежнихъ страданіяхъ и она вспомнила маленькое изображеніе, которое уже однажды помогло ей, когда она была въ такомъ же великомъ отчаяніи.

Со страстнымъ порывомъ взмолилась она къ маленькому жалкому младенцу: „Помоги, помоги мнѣ! Помоги моему старому отцу и помоги мнѣ самой, чтобы я не довела себя до преступленія и мести!“

И, когда въ этотъ вечеръ она ложилась спать, тревога и грусть продолжали мучить ее. „Если бы мнѣ заснуть хоть часокъ,—думала она,—я знала бы, что мнѣ дѣлать“.

Газтано долженъ былъ уѣхать на слѣдующій день рано утромъ. Она приняла, наконецъ, рѣшеніе поговорить съ нимъ до его отъѣзда и сказать ему, что, она не можетъ слѣдовать за нимъ. Она не можетъ перенести, чтобы ее считали погибшей женщиной.

И какъ только она приняла это рѣшеніе, сейчасъ же она и заснула. Она проснулась, когда часы били девять часовъ утра. Газтано уже давно уѣхалъ, и она не могла сказать ему, что перемѣнила свое рѣшеніе.

Но она и не думала объ этомъ. Во время сна въ нее вошло что-то новое и чужое. Ей, казалось, что она провела ночь въ небесахъ и вдыхала воздухъ блаженства.

Какой святой дѣлалъ больше добра людямъ, чѣмъ Санъ-Паскале? Не случается развѣ иногда, что двое людей стоятъ гдѣ-ни-

будь въ усидпенномъ мѣстечкѣ лѣса или поля, говорятъ о комъ-нибудь дурно или замышляютъ что-нибудь злое? Такъ слушайте, что бываетъ! Когда они такъ стоятъ и говорятъ, раздастся вдругъ ударъ, и они оглядываются и съ удивленіемъ спрашиваютъ другъ друга, не бросилъ ли кто камень. Нѣтъ никакого смысла оглядываться и осматриваться. И напрасно отбѣгать въ сторону, отыскивая того, кто бросилъ камень. Потому что бросилъ его Санъ - Паскале. Такъ же вѣрно, какъ существуетъ на небѣ справедливость, вѣрно и то, что Санъ-Паскале, услышавъ ихъ злыя рѣчи, бросилъ имъ въ предостереженіе одинъ изъ своихъ камней.

И тотъ, кто хочетъ, чтобы ему не препятствовали исполнять злые замыслы, не долженъ утѣшаться, что камни Санъ-Паскале скоро придутъ къ концу. Они никогда не изсякнутъ. Ихъ такъ много, что ихъ хватитъ до послѣдняго дня. Потому что, знаете ли вы, что дѣлалъ Санъ-Паскале, когда еще онъ странствовалъ по землѣ? Знаете вы, о чемъ онъ думалъ больше всего? Санъ - Паскале замѣчалъ каждый камешекъ, попадавшійся ему на пути, и собиралъ ихъ всѣ въ мѣшокъ. Вы, пожалуй, не станете нагибаться, чтобы поднять сольдо, а Санъ-Паскале наклонялся за каждымъ камешкомъ, и, когда онъ умеръ, онъ взялъ ихъ всѣ съ собой на небо, и теперь онъ сидитъ тамъ и бросаетъ камешкомъ въ каждого, кто затѣваетъ что-нибудь недоброе.

Но, конечно, Санъ-Паскале не только это добро оказываетъ людямъ. Онъ посылаетъ знаменіе, если кто долженъ вступить въ бракъ или умереть, и свои вѣсти онъ подаетъ не только бросаніемъ камешковъ.

Старуха Сараэдда въ Рандаадцо сидѣла однажды ночью у постели своей больной дочери и спала. Дочь была въ безпамятствѣ и близка къ смерти, и никто не могъ извѣстить объ этомъ священника. И кто же разбудилъ мать пока еще было не поздно? Отчего она проснулась и успѣла послать за священникомъ? А оттого, что

стуть подъ ней началъ качаться, скрипѣть и трещать, пока она не проснулась. И дѣлалъ это Санъ-Паскале. Кто же другой, кромѣ Санъ-Паскале, позаботится объ этомъ?

Про Санъ-Паскале ходитъ еще такое сказаніе: въ Трѣ-Костанън жилъ длинный Кристофоро. Онъ былъ не злой человѣкъ, но у него была одна дурная привычка. Онъ не могъ открыть рта, чтобы не разразиться проклятіями. Изъ двухъ словъ одно всегда было бранью. И вы думаете, его останавливали увѣщанія жены и сосѣдей? Но надъ его постелью висѣло маленькое изображеніе Санъ-Паскале, и этому-то маленькому изображенію и удалось излѣчить его отъ его привычки. Каждую ночь оно начинало раскачиваться въ своей рамкѣ и качалось то сильнѣе, то слабѣе, судя по тому, много или мало онъ бранился въ этотъ день. И онъ увидалъ, что не сможетъ спать ни одну ночь, пока не перестанетъ браниться.

.
Въ Діаманте была церковь, посвященная Санъ - Паскале. Она стояла на горѣ за Porta Aetna. Церковь маленькая и бѣдная, но ея бѣлые стѣны и красные купола красиво мелькаютъ въ чащѣ миндалевыхъ деревьевъ.

Весной, когда цвѣтутъ миндалевыя деревья, церковь Санъ-Паскале самая красивая въ Діаманте. Цвѣтушія вѣтви, густо усыянные вѣжными бѣлыми цвѣточками, окутываютъ ее какъ праздничная риза.

Но церковь Санъ-Паскале стоитъ жалкая и заброшенная, потому что никто не хочетъ больше справлять въ ней богослуженія. А все оттого, что гарибальдійцы, освободившіе Сицилію, придя въ Діаманте, расположились лагеремъ въ церкви Санъ-Паскале и въ францисканскомъ монастырѣ, лежащемъ возлѣ церкви. Они вводили въ церковь неразумныхъ животныхъ и предавались въ ней такой разгульной жизни съ женщинами и играмъ, что церковь считалась съ того времени оскверненной и поруганной и недостойной, чтобы въ ней совершалось богослуженіе.

Поэтому церковь Санъ-Паскале посѣщали только знатные люди и иностранцы весной, когда цвѣтутъ миндалевыя деревья. Хотя всѣ склоны Этны и становятся бѣлыми отъ миндалевыхъ цвѣтовъ, но самыя большія и прекрасныя деревья окружаютъ старую, опустѣвшую церковь.

Но бѣдняки круглый годъ ходятъ къ Санъ-Паскале. Хотя церковь и заперта, но они все-таки обращаются за помощью къ святому. При входѣ подъ каменнымъ балдахиномъ стоитъ его изображеніе, и ему надо молиться, если хочешь узнать будущее. Никто не предсказываетъ будущаго лучше, чѣмъ Санъ-Паскале.

Въ то самое утро, когда Гаэтано долженъ былъ покинуть Діаманте, облака спустились съ Этны такъ низко и такъ плотно, что казалось, это были столбы пыли, поднятые безчисленными стадами; они наполняли воздухъ подобно темнокрылымъ драконамъ и разсѣивали кругомъ дождь, сырой туманъ и мракъ. Воздухъ въ Діаманте сдѣлался такой непроницаемый, что не видно было черезъ улицу. Сырость осѣдала на все, полы были такъ же мокры, какъ крыши, съ дверей стекала вода, перила лѣстницъ были покрыты крупными каплями, туманъ колебался въ сѣняхъ и проникалъ даже въ комнаты, такъ что казалось, что онѣ были полны дыма.

И именно въ этотъ день рано утромъ еще до дождя одна богатая англичанка выѣхала изъ Катаніи въ большой дорожной каретѣ, чтобы объѣхать вокругъ Этны.

Она проѣхала нѣсколько часовъ, когда начался страшный ливень и все скрылось въ туманѣ. Такъ какъ она желала насладиться видомъ окружающей мѣстности, то она рѣшила заѣхать въ ближайшій городокъ и остаться тамъ, пока не пройдетъ буря. Этимъ городомъ и было Діаманте.

Англичанка эта была нѣкая миссъ Тоттенгамъ, нанявшая палаццо Пальмери въ Катаніи. Среди вещей, которыя она везла съ собой, находилось и маленькое изображеніе Христа, которому молилась

донна Микаэла въ день своего отъѣзда. Это изображение старое и искалѣченное она возила всюду съ собой въ память одного стараго друга, завѣщавшаго ей всѣ свои богатства.

Но можно было подумать, что Санъ-Паскале зналъ, какое это было чудотворное изображение, и хотѣлъ привѣтствовать его. Въ то мгновеніе, какъ карета миссъ Тоттенгамъ въѣзжала въ Porta Aetna, колокола въ церкви Санъ-Паскале зазвонили.

И цѣлый день они звонили сами собой.

Колокола Санъ-Паскале были немногимъ больше тѣхъ колоколовъ на помѣщичьихъ дворахъ, которыми сзываютъ рабочихъ, и, такъ же какъ они, они висѣли высоко надъ церковной крышей въ маленькой колоколенкѣ, и ихъ можно было привести въ движеніе, дергая за веревку, которая висѣли снаружѣ вдоль церковной стѣны.

Совсѣмъ не трудное дѣло звонить въ колокола; но не такъ - то легко заставить ихъ звонить самихъ по себѣ. Кто видѣлъ, какъ старый фра Феличе изъ францисканскаго монастыря просовывалъ ногу въ петлю веревки и расхаживалъ взадъ и впередъ, чтобы привести колокола въ движеніе, тотъ пойметъ, что они не могутъ звонить безъ посторонней помощи.

Но именно это-то и случилось съ ними въ то утро. Веревка висѣла, крѣпко привязанная къ крюку въ стѣнѣ, и никто не касался ея. Никто также не поднимался на крышу въ маленькую колоколенку, чтобы звонить въ нихъ. Ясно было видно, какъ колокола раскачивались и языки бились объ ихъ металлическія стѣнки. И никто не могъ объяснить, какимъ образомъ они пришли въ движеніе.

Когда донна Микаэла проснулась, колокола уже звонили, и она долго лежала неподвижно и все слушала ихъ. Она никогда не слышала ничего болѣе пріятнаго. Она не знала, что это было чудо; но она лежала и думала о томъ, какъ прекрасно звучать они! Она лежала и спрашивала себя, дѣйствительно ли такъ могутъ звучать чугунные колокола.

Да впрочемъ нельзя было и знать, какой металлъ звучалъ въ этотъ день въ колоколахъ Сантъ-Паскале.

Ей казалось, что они говорили ей, что теперь она можетъ быть спокойна, теперь она можетъ жить и любить, теперь передъ ней откроется что-то великое и прекрасное, и никогда больше она не будетъ расканяться и печалиться.

Сердце ея начало сильно биться, и она торжественно вступила подъ звонъ колоколовъ въ громадный замокъ. И кому же, какъ не любви, могъ принадлежать этотъ замокъ? Кто, кромѣ любви, могъ быть властелиномъ такого чуднаго дворца?

Это не могло таяться дольше. Проснувшись, донна Микаэла почувствовала, что она любить Гаэтано и ничего такъ не жаждетъ, какъ уѣхать съ нимъ.

Открывъ оконныя ставни, донна Микаэла увидала сѣрое утро, но она послала небу воздушный поцѣлуй и прошептала: „О, утро дня, когда я должна уѣхать, ты прекраснѣе всѣхъ когда-либо пережитыхъ мною, и какъ бы пасмурно ты ни было, мнѣ бы хотѣлось приласкать и поцѣловать тебя!“

Но больше всего она восторгалась колоколами.

Изъ этого можно съ увѣренностью заключить, какъ сильна была ея любовь, потому что всѣ другіе съ трудомъ переносили звонъ этихъ колоколовъ, которые и не думали смолкать. Въ первые полчаса никто не обратилъ на нихъ вниманія. Въ первые полчаса никто и не спросилъ, гдѣ это звонятъ. Но зато потомъ...

Никто, конечно, не думалъ, что маленькіе колокола Сантъ-Паскале должны звонить неслышно. У нихъ всегда былъ сильный звукъ; но теперь казалось, что они звучатъ все громче и громче. Скоро начало казаться, что колокола звучатъ сверху изъ облаковъ. Казалось, что все небо увѣшано ими и ихъ не видно только благодаря туману.

Когда донна Элиза услышала звонъ колоколовъ, она подумала

сначала, что это маленький колоколь Санъ-Джузеппе, потомъ,—что звонятъ въ соборѣ. Потомъ ей показалось, что она различаетъ колоколь доминиканскаго монастыря, и въ концѣ концовъ она пришла къ убѣжденію, что звонятъ всѣ колокола въ городѣ, всѣ колокола въ пяти монастыряхъ и семи церквахъ звонятъ какъ только можно громче. Ей казалось, что она узнаетъ ихъ всѣ, пока, наконецъ, она спросила и узнала, что звонятъ только маленькіе колокола Санъ-Паскале.

Во время перваго часа, пока еще не всѣ знали, что колокола звонятъ сами собой, всѣ замѣчали, что капли дождя падаютъ въ тактъ со звономъ колоколовъ и что у говорившихъ въ голосъ звучали металлическія ноты. Замѣтили также, что невозможно было играть на мандолинѣ или гитарѣ, потому что колокола сливались съ музыкой или заглушали ее, и нельзя было читать, потому что буквы раскачивались, какъ языки колоколовъ, а слова получали голосъ и сами собой произносились вслухъ.

Вскорѣ стало невыносимо видѣть цвѣты на длинныхъ стебляхъ, потому что казалось, что они раскачиваются взадъ и впередъ. И народъ жаловался, что вмѣсто аромата, они издавали звонъ.

А нѣкоторые утверждали, что туманъ, наполнявшій воздухъ, колыхался въ тактъ съ колоколами, и они говорили, что маятники на часахъ качались тоже имъ въ тактъ и такъ же двигались люди, выходившіе на улицу.

И это случилось черезъ два часа послѣ того, какъ начали звонить колокола и люди еще смѣялись надъ ними.

Но въ третій часъ начало казаться, что колокола звонятъ еще громче; одни начали затыкать уши ватой, а другіе прятать головы подъ подушки. Но, несмотря на это, чувствовалось, какъ воздухъ содрогается отъ ударовъ колоколовъ, и казалось, что замѣчаешь, какъ все движется имъ въ тактъ. Тѣ, что поднимались на чердаки, слышали ясный и рѣзкій звонъ, словно доносящійся съ неба;

а тѣ, что спускались въ погребѣ, слышали его такимъ сильнымъ и грознымъ, какъ будто церковь Санъ-Паскале находилась подъ землей.

И всѣ жители Діаманте были охвачены ужасомъ, кромѣ донны Микаэлы, которую любовь охраняла отъ всякаго страха.

Тогда всѣ начали раздумывать, не означаетъ ли что-нибудь, что звонятъ именно колокола Санъ-Паскале. И всѣ начали спрашивать, о чемъ хочетъ возвѣстить святой. У каждаго была своя забота, и каждый думалъ, что Санъ-Паскале предсказываетъ именно ему что-нибудь ужасное. И каждый вспоминалъ поступки, тяготѣвшіе на его совѣсти, и думалъ, что Санъ-Паскале этимъ звономъ навлекаетъ на него возмездіе.

Но, когда и къ полудню колокола все еще продолжали звонить, никто больше не сомнѣвался, что Санъ-Паскале возвѣщаетъ Діаманте такое несчастье, что можно по меньшей мѣрѣ ожидать, что въ теченіе года вымрутъ всѣ жители.

Прекрасная Джіаннита пришла испуганная и плачущая къ доннѣ Микаэлѣ и жаловалась, что звонятъ колокола Санъ-Паскале.—Боже мой, Боже мой, пусть бы это былъ всякій другой святой, а не Санъ-Паскале!

— Онъ сидитъ тамъ наверху и видитъ, что намъ грозитъ что-то ужасное, — говорила Джіаннита.

— Туманъ не мѣшаетъ видѣть ему такъ далеко, какъ ему хочется. Онъ видитъ, что вражескія суда приближаются по морю. Онъ видитъ, что изъ Этны поднимается облако пепла, которое упадетъ на насъ и засыплетъ насъ на смерть.

Но донна Микаэла смѣялась и думала, что она-то знаетъ, о чемъ звонитъ Санъ-Паскале.

— Это похоронный звонъ—для чудныхъ миндалевыхъ цвѣтовъ, которые всѣ осыплются отъ дождя, — говорила она Джіаннитѣ.

Никто не могъ внушить ей страха, потому что она думала, что колокола звучатъ только для нея. Они баюкали ее въ мечтахъ. Она

тихонько притаилась въ музыкальной залѣ, полная глубокой радости. А всѣ люди вокругъ нея были преисполнены страха, безпокойства и тоски.

Невозможно было спокойно заниматься своимъ дѣломъ. Нельзя было думать ни о чемъ другомъ, какъ о томъ великомъ ужасѣ, который предсказывалъ Санъ-Паскале.

Нищимъ подавали милостыню, какой они еще никогда не получали; но бѣдняки не радовались ей, такъ какъ не надѣялись пережить слѣдующій день. И священники не радовались, хотя церкви были полны народа, они цѣлый день должны были принимать исповѣдь кающихся, и число приношеній передъ алтаремъ святого все возрастало.

Не радовался и писецъ Винченцо да-Лопцо, хотя вокругъ его стола въ лоджии ратуши тѣснился народъ и каждый охотно платилъ ему сольдо, только бы успѣть написать въ этотъ послѣдній день прощальное слово далекимъ близкимъ.

Невозможно было давать уроки въ школахъ, такъ какъ дѣти плакали все время. Но въ полдень пришли матери съ окаменѣвшими отъ ужаса лицами и увели дѣтей съ собой, чтобы быть вмѣстѣ, если что-нибудь случится.

Точно такъ же выпалъ свободный день и на долю учениковъ портныхъ и сапожниковъ. Но бѣдные малые не рѣшались воспользо-ваться своей свободой, а оставались въ мастерскихъ и ждали.

И послѣ полудня звонъ все еще продолжался.

Тогда старый привратникъ при дворцѣ Джерачи, — гдѣ теперь жили только нищѣ, да и самъ сторожъ былъ нищій, одѣтый въ жалкія отрепья, — надѣлъ на себя свѣтлозеленую бархатную ливрею, которую онъ надѣвалъ только въ праздничные дни и въ день рожденія короля.

И всякій, кто видѣлъ его у воротъ въ этой пышной одеждѣ,

леденѣлъ отъ ужаса, потому что каждый понималъ, что старикъ ждетъ приѣзда такой важной гостѣи, какъ смерть.

Было ужасно, какъ люди пугали другъ друга.

А бѣднякъ Торино, бывшій прежде человѣкомъ состоятельнымъ, переходилъ отъ дома къ дому и кричалъ, что пришло время, когда всѣ, кто обманывалъ его и довелъ до бѣдности, получать наказаніе. Онъ заходилъ въ каждую лавку на Корсо, стучалъ кулакомъ по прилавку и клялся, что теперь всѣ въ городѣ получаютъ по заслугамъ, потому что всѣ они помогали обманывать его.

И такъ же было страшно то, что приходилось слышать въ Café Енгора. Тамъ изъ года въ годъ сидѣли за карточнымъ столомъ одни и тѣ же четыре игрока, и можно было подумать, что они не могутъ дѣлать ничего другого. Но теперь они вдругъ побросали карты и поклялись, что они никогда больше не прикаснутся къ нимъ, если останутся живы послѣ этого ужаснаго дня.

Лавка донны Элизы была набита народомъ; всѣ спѣшили купить святыя изображенія, чтобы умиловить святыхъ и отвратить угрозы. Но донна Элиза думала только о Гаэтано, который уже уѣхалъ, и ей казалось, что Сантъ-Паскале предвѣщаетъ его гибель въ пути. И ее не радовали деньги, которыя она заработала въ этотъ день.

Колокола Сантъ-Паскале гремѣли цѣлый день, и это становилось нестерпимымъ.

Теперь уже навѣрное знали, что это возвѣщаетъ землетрясеніе.

Въ узкихъ улочкахъ, гдѣ сами дома, казалось, боялись землетрясенія и толпились поддерживая другъ друга, люди выносили изъ домовъ подъ дождь весь свой жалкій скарбъ и покрывали его отъ дождя простынями. Они выносили также и маленькихъ дѣтей въ колыбеляхъ и громоздили вокругъ нихъ ящики.

Несмотря на дождь, на Корсо толпился народъ. Всѣ стремились за Porta Aetna, чтобы посмотреть, какъ раскачиваются колокола, и

убѣдиться, что никто не дергаетъ за веревку и она попрежнему крѣпко привязана. И всѣ выходившіе туда падали на колѣни, не смотря на бѣжаншую ручьями воду и глубокую грязь.

Двери церкви Санъ-Паскале были попрежнему закрыты, но вокругъ церкви ходилъ францисканецъ фра Феличе съ жестянымъ блюдомъ въ рукахъ и, обходя молящихся, собиралъ дары.

Испуганный народъ поочереди подходилъ къ изображенію Санъ-Паскале подъ каменнымъ балдахиномъ и цѣловалъ его руку. Одна старая женщина подошла, осторожно прикрывая что-то зеленымъ зонтикомъ. Она принесла стаканъ съ водой и масломъ, въ которомъ плавалъ, слабо мерцаая, маленькій фитиль. Она поставила его передъ изображеніемъ и опустилась на колѣни.

Многіе думали, что слѣдовало бы попытаться остановить колокола, но никто не рѣшался высказать это вслухъ, никто не осмѣливался заставить замолчать голосъ Божій.

Никто также не осмѣливался высказать, что это хитрая выдумка фра Феличе съ цѣлью собрать побольше денегъ. Фра Феличе любили. Такое предположеніе могло быть дурно встрѣчено.

Донна Микаэла тоже отправилась къ Санъ-Паскале, и ея отецъ былъ съ ней. Она шла безъ всякаго страха съ высоко поднятой головой. Она шла поблагодарить его, потому что онъ привѣтствовалъ колокольнымъ звономъ великую страсть, зародившуюся въ ея душѣ.

— Моя жизнь начинается только съ сегодняшняго дня! — говорила она себѣ.

Не видно было, чтобы и донъ Ферранте боялся; но онъ выглядѣлъ угрюмо и сердито. Всѣ считали долгомъ зайти къ нему въ лавку, высказать свой взглядъ и спросить его мнѣнія, потому что онъ былъ изъ рода тѣхъ Алатона, которые въ теченіе многихъ лѣтъ управляли городомъ.

Цѣлый день лавка его была полна дрожащими, блѣдными отъ

страха людьми. И всё подходили къ нему и говорили: — Какой ужасный колокольный звонъ, донъ Ферранте. Что будетъ съ нами, донъ Ферранте?

Едва ли нашелся бы хоть одинъ человѣкъ въ городѣ, который не зашелъ въ его лавку посоветоваться съ нимъ. Все время, пока гудѣли колокола, они толпились вокругъ прилавка, не покупая ни на одно солъдо.

И Уго Фавара, меланхолическій адвокатъ, тоже пришелъ въ его лавку, взялъ стулъ и сѣлъ позади прилавка. Блѣдный какъ смерть просидѣлъ онъ, не шевелясь, цѣлый день. Видно было, что онъ переживалъ страшныя мученія, но онъ не произносилъ ни слова.

Каждая пять минутъ въ лавку входилъ Торино иль-Мартелло, стучалъ по прилавку кулакомъ и говорилъ, что теперь наступила минута, когда донъ Ферранте будетъ наказанъ.

Донъ Ферранте былъ человѣкъ закаленный, но онъ, такъ же какъ и другіе, не могъ избѣжать дѣйствія колокольнаго звона. И чѣмъ дольше слушалъ онъ его, тѣмъ сильнѣе началъ онъ спрашивать себя, почему весь народъ стремится въ его лавку. Они словно хотѣли отмѣтить его этимъ. Они какъ будто хотѣли возложить на него отвѣтственность за колокольный звонъ и всё тѣ бѣды, которыя онъ предвѣщаетъ.

Онъ никому не говорилъ этого; но жена, конечно, разболтала обо всемъ. Ему начинало казаться, что всё только и думаютъ объ этомъ, но не рѣшаются высказать. Онъ думалъ, что адвокатъ сидитъ и ждетъ его объясненій. Ему чудилось, что весь городъ идетъ къ нему, чтобы посмотрѣть дѣйствительно ли онъ рѣшится выгнать изъ дому своего тестя.

Донна Элиза, такъ сильно занятая въ своей лавкѣ, что не могла бросить ее, поминутно посылала къ нему старую Пачифику спросить, что онъ думаетъ объ этомъ колокольномъ звонѣ. И священникъ зашелъ на минуту въ лавку и спросилъ, какъ и всё другіе:

— Случалось ли вамъ слышать такой ужасный звонъ, донъ Ферранте?

И дону Ферранте очень бы хотѣлось знать, для того ли пришелъ адвокатъ и донъ Маттео и всѣ другіе, чтобы дѣлать ему упреки за то, что онъ хочетъ отослать изъ дому кавалере Пальмери?

Кровь стучала ему въ виски. Все вертѣлось и кружилось у него передъ глазами. И ежеминутно кто-нибудь входилъ и спрашивалъ:

— Случалось ли вамъ слышать такой ужасный звонъ?

Не приходила только одна донна Микаэла. Да ей и незачѣмъ было приходить, вѣдь она не боялась. Она была такъ счастлива и горда тѣмъ, что и ее, наконецъ, охватила страсть, которая наполнить всю ея жизнь. „Теперь для меня наступить полная и прекрасная жизнь“, — думала она. И это почти пугало ее, потому что до сихъ поръ она оставалась ребенкомъ.

Она должна была уѣхать съ почтовой каретой, проѣзжающей Діаманте въ десять часовъ вечера. Когда пробило четыре часа, она подумала, что пора сказать все отцу и собрать его вещи.

Но и это не казалось ей тяжелымъ. Отецъ скоро пріѣдетъ къ нимъ въ Аргентину. Она попроситъ его подождать немного, пока она приготовитъ ему родной очагъ. И она была убѣждена, что онъ съ радостью уѣдетъ отъ донна Ферранте.

Она ходила какъ въ какомъ-то дивномъ снѣ. Все, что, казалось, должно бы страшить ее, не существовало для нея. Ни стыда, ни опасности, ничего, ничего подобнаго!

Она только съ нетерпѣніемъ прислушивалась, когда застучать колеса почтовой кареты.

И вдругъ она услышала голоса на лѣстницѣ, ведущей со двора на верхній этажъ. Она слышала тяжелые шаги многихъ людей. Ей было видно, что они идутъ по открытой галлерей, огибающей дворъ и ведущей въ комнаты. Она видѣла, что они несутъ что-то тяжелое,

но что именно—она не могла разглядѣть, такъ какъ вокругъ тѣснился народъ.

Впереди вѣхъ шелъ блѣдный адвокатъ. Онъ подошелъ къ ней и сказалъ, что донъ Ферранте хотѣлъ выгнать Торино изъ своей лавки; и тогда Торино ударилъ его ножомъ. Опасности нѣтъ. Рану ему уже перевязали, и черезъ двѣ недѣли онъ будетъ совсѣмъ здоровъ.

Потомъ внесли донна Ферранте, и глаза его блуждали по комнатѣ, отыскивая взглядомъ не донну Микаэлу, а кавалъере Пальмери. Увидя его, онъ, не произнося ни слова, жестами показавъ женѣ, что ея отецъ никогда не покинетъ его дома, никогда, никогда!

Она закрыла лицо руками. Что, что такое! Ея отецъ остается! Она была спасена! Совершилось чудо, чтобы спасти ее!

Ахъ, теперь она можетъ быть спокойна и довольна! Но она не радовалась! Напротивъ, она почувствовала ужасное страданіе.

Она не можетъ уѣхать. Ея отецъ остается здѣсь, и она должна быть вѣрна дону Ферранте. Она старалась понять все случившееся. Да, такъ оно и есть! Она не можетъ уѣхать!

Она старалась найти другой исходъ. Можетъ быть, она пришла къ невѣрному выводу. Мысли ея такъ мѣшались! Нѣтъ, нѣтъ, это такъ и было, она не могла уѣхать.

Тутъ она почувствовала смертельную усталость! Вѣдь она ѣхала, не переставая, цѣлый день. Она была такъ далеко. И она никогда больше не тронется дальше. Она вся поникла. Сонливость и оцѣпенѣніе охватили ее. Ей нечего не оставалось, какъ отдохнуть послѣ совершеннаго ею безконечнаго путешествія. Но это ей не удастся! Она начала плакать о томъ, что она никогда не сможетъ уѣхать! Всю свою жизнь она будетъ ѣхать и ѣхать и никогда не уѣдетъ!

Двѣ нанцоны.

Это было утромъ на другой день послѣ того, какъ звонили колокола Сантъ-Паскале. Донна Элиза сидѣла въ своей лавкѣ и пересчитывала деньги. Наканунѣ, когда всѣ люди были охвачены такимъ страхомъ, она очень много торговала и, выйдя утромъ въ лавку, она сначала даже испугалась. Лавка была вся опустошена, распроданы всѣ образки, восковыя свѣчи и даже всѣ большія связки четокъ. Всѣ прекрасныя изображенія святыхъ, вырѣзанныя Газтано, были спяты съ полокъ и проданы, и доннѣ Элизѣ стало грустно, не быть окруженной святыми мужами и женами.

Ящикъ съ деньгами былъ такъ полонъ, что она съ трудомъ могла вытащить его. И, считая деньги, она плакала надъ ними, какъ будто онѣ всѣ были фальшивыя. Къ чему ей были всѣ эти грязныя бумажки и большія мѣдныя монеты теперь, когда она лишилась Газтано.

„Ахъ,—думала она,—если бы онъ пробылъ дома еще хоть денекъ, ему не пришлось бы уѣхать, потому что теперь у нихъ много денегъ“.

Пока она такъ печалилась, она услышала, что почтовая карета остановилась у ея дверей. Но она даже и не взглянула, она ни на что не обращала вниманія съ тѣхъ поръ, какъ уѣхалъ Газтано. Кто-то отворилъ дверь, и звонокъ сильно звякнулъ. Но она все плакала и считала деньги.

Тогда кто-то окликнулъ ее: — Донна Элиза! Донна Элиза! — Это былъ Газтано.

— Но, Боже мой, какъ же ты вернулся? — воскликнула она.

— Вѣдь ты распродала всѣ святые изображенія! Я долженъ былъ вернуться, чтобы приготовить тебѣ новыхъ!

— А какъ же ты узналъ это?

— Я пришелъ ночью въ два часа встрѣтить почтовую карету. Съ ней какъ разъ пріѣхала Роза Альфари и рассказала мнѣ все!

— Какъ хорошо, что ты встрѣтилъ почтовую карету! Какъ хорошо, что это пришло тебѣ въ голову!

— Да, не правда ли? — сказалъ Гаэтано.

И часъ спустя Гаэтано снова стоялъ въ мастерской, и донна Элиза, которой нечего было дѣлать въ пустой лавкѣ, поминутно подходила къ дверямъ мастерской и глядѣла на него. Да, онъ дѣйствительно стоитъ тутъ и вырѣзываетъ! Каждая пять минутъ она подходила взглянуть на него.

Когда донна Микаэла услышала, что онъ вернулся, она не обрадовалась, напротивъ, ее охватилъ гнѣвъ и отчаяніе. Она боялась, что Гаэтано снова будетъ искушать ее и уговаривать бѣжать.

Она также слышала, что въ тотъ день, какъ звонили колокола, въ Діаманте пріѣхала одна богатая англичанка, и она была глубоко потрясена, узнавъ, что это была та самая, которая владѣла изображеніемъ Христа. Значить оно пришло, какъ только она позвала его. Дожди и колокольный звонъ были его дѣломъ!

Она старалась радоваться мысли, что ради нея произошло чудо. Сознаніе, что она окружена милостью Божіей, должно было быть для нея дороже всякаго земного счастья и земной любви. И она не хотѣла, чтобы что-нибудь земное вырвало ее изъ этого блаженнаго состоянія.

Но, когда она встрѣтила Гаэтано на улицѣ, онъ едва взглянулъ на нее, а когда она пришла къ доннѣ Элизѣ, онъ не протянулъ ей руки и не сказалъ съ ней ни слова.

Хотя Гаэтано вернулся потому, что ему показалось слишкомъ тяжело уѣхать безъ донны Микаэлы, онъ все-таки рѣшилъ больше

не искушать и не уговаривать ее. Онъ видѣлъ, что ее охраняютъ святые, и этимъ самымъ она стала для него священна, и онъ едва осмѣливался мечтать о ней.

Онъ хотѣлъ жить въблизи нея не для того, чтобы любить ее, но чтобы созерцать ея жизнь, преисполненную святыхъ дѣяній. Газтано страстно ждалъ чуда, какъ садоводъ ждетъ первой розы весной.

Прошло нѣсколько недѣль, а Газтано не искалъ сближенія съ доной Микаэлой, и она начала сомнѣваться въ немъ и думать, что онъ ее никогда не любилъ. Она говорила себѣ, что онъ выманилъ у нея общеніе бѣжать съ нимъ только для того, чтобы показать, что Мадонна можетъ совершить чудо.

Но, если это такъ, то она не понимала, зачѣмъ же онъ вернулся и не уѣхалъ.

Ее тревожило это, и ей казалось, что она сможетъ преодолѣть свою любовь, когда узнаетъ, любилъ ли ее Газтано. Она вспоминала и обсуждала все случившееся и все больше и больше убѣждалась, что онъ никогда не любилъ ее.

Съ такими мыслями сидѣла донна Микаэла съ дономъ Ферранте и развлекала его. Онъ долго не поправлялся. У него были двѣ раны, и онъ всталъ съ постели съ совершенно разбитымъ здоровьемъ. Онъ сразу состарился, какъ-то отупѣлъ и сталъ такимъ трусомъ, что не могъ оставаться одинъ. Онъ больше не спускался въ лавку и во всемъ сталъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ.

Его вдругъ охватило сильное желаніе стать знатнымъ и свѣтскимъ человѣкомъ. Казалось, что бѣдный донъ Ферранте страдаетъ маніей величія.

Донна Микаэла была съ нимъ очень ласкова и цѣлыми часами просиживала и болтала съ нимъ, какъ съ ребенкомъ.

— Кто бы это былъ, — спрашивала она, — кто стоялъ когда-то на площади съ перомъ на шляпѣ, съ шнурами на мундирѣ и саблей на боку и кто игралъ такъ хорошо, что, говорили, будто его музыка величе-

ственна какъ Этна и могуча, какъ море? Кто это былъ тотъ, который, увидя бѣдно одѣтую въ черное синьориту, не смѣвшую показывать людямъ лицо, подошелъ къ ней и подаль ей руку? Кто это былъ? Былъ это донъ Ферранте, который цѣлую недѣлю простаиваетъ въ лавкѣ въ колпакѣ и короткой курткѣ? Нѣтъ, этого не можетъ быть! Старый лавочникъ не могъ бы такъ поступить!

Донъ Ферранте смѣялся. Ему нравилось, когда она такъ говорила съ нимъ. Она должна была также рассказывать ему, что было бы, если бы его снова призвали ко двору. Она придумывала, что скажетъ король и что скажетъ королева. „Старый родъ Алагона снова возродился!“—будутъ шептаться при дворѣ. И кто же представитель этого рода? Всѣ будутъ дивиться этому. Неужели донъ Ферранте, сициліанскій князь и испанскій грандъ, тотъ самый человѣкъ, что стоялъ въ Діаманте въ лавкѣ и кричалъ на возчиковъ? Нѣтъ, скажите, не можетъ быть, чтобы это былъ одинъ и тотъ же человѣкъ.

Это нравилось дону Ферранте, и онъ любилъ слушать это изо дня въ день. Это никогда не надоѣдало ему, а донна Микаэла была такъ терпѣлива съ нимъ.

Но однажды, когда она такъ сидѣла и болтала, пришла донна Элиза.

— Навѣстка, нѣтъ ли у тебя легенды о святой Дѣвѣ Помпейской, одолжи ее мнѣ, — попросила она.

— Что? Ты хочешь почитать ее? — спросила донна Микаэла.

— Сохрани Боже, ты вѣдь знаешь, что я не умѣю читать. Это просить Гаэтано.

У донны Микаэлы не было легенды о Помпейской Дѣвѣ. Но она не сказала этого доннѣ Элизѣ, а пошла въ свою комнату, взяла маленькую книжку, сборникъ сициліанскихъ любовныхъ пѣсенъ, и отдала ее доннѣ Элизѣ для передачи Гаэтано.

Но, отославъ книгу, донна Микаэла сейчасъ же раскаялась въ своемъ поступкѣ. И она спрашивала себя, что побудило ее сдѣлать это, ее, которой оказалъ свою помощь младенецъ Христосъ.

Она покрасѣла отъ стыда, вспомнивъ, что отчеркнула одну изъ канцонъ слѣдующаго содержанія:

Онъ любить или нѣтъ, — мнѣ надо это знать...
Я спрашивала солнце и росу ночную,
Старалась въ облакахъ вечернихъ прочесть,
Узнать ли онъ о томъ, какъ я по немъ тоскую.
Онъ любить или нѣтъ, — мнѣ надо это знать!
Дрожащею рукой срывала я цвѣты,
И плача и смѣясь, считала лепестки,
Молилась я святымъ, — просила ихъ сказать,
Онъ любить или нѣтъ... Мнѣ надо это знать!

Она не надѣялась получить на это отвѣта. И она заслуживаетъ того, чтобы ей не отвѣтили. Она заслуживаетъ того, чтобы Газтано презиралъ ее и называлъ навязчивой.

Но вѣдь она не думала при этомъ ничего дурного. Единственно, что ей хотѣлось узнать, это любить ли ее Газтано.

Прошло еще нѣсколько недѣль, а донна Микаэла все еще сидѣла съ дономъ Ферранте.

Но какъ-то разъ доннѣ Элизѣ удалось заставить ее выйти изъ дому.

— Пойдемъ въ мой садъ, невѣстка, посмотримъ на мою большую магнолію. Ты никогда не видала такой красоты.

Она перешла съ донной Элизой улицу и вошла въ ея садъ. И дѣйствительно, магнолія донны Элизы была великолѣпна, какъ ослѣпительное солнце. Еще не видя ея, уже чувствовали ея близость. Ея аромат разливался въ воздухъ, а вокругъ нея жужжали пчелы и чирикали птицы.

Когда донна Микаэла увидѣла дерево, у нея захватило духъ отъ восторга. Это было очень высокое, большое дерево съ прекраснымъ прямымъ стволомъ, и его большіе крѣпкіе листья были блестящаго темно-зеленаго цвѣта. Теперь оно почти сплошь было покрыто круп-

ными свѣтлыми цвѣтами, которые оживляли и украшали его, какъ праздничный нарядъ, и отъ всего дерева, казалось, исходила опьяняющая радость. Донна Микаэла была словно одурманена, какое-то незнакомое непреодолимое чувство охватило все ея существо. Она наклонила къ себѣ одну изъ упругихъ вѣтвей, расправила одинъ изъ цвѣтковъ, не срывая его, вынула булавку и начала выкалывать ею на немъ слова.

— Что ты дѣлаешь, невѣстка? — спросила донна Элиза.

— Ничего, ничего!

— Въ мое время молодыя дѣвушки выкалывали на лепесткахъ магноліи любовныя письма.

— Можетъ быть, и я это дѣлаю.

— Смотри, когда ты уйдешь, я узнаю, что ты написала.

— Да вѣдь ты не умѣешь читать!

— Ну, у меня на это есть Гаэтано.

— И Лука. Будетъ гораздо лучше, если ты обратишься къ Лукѣ.

Но, когда донна Микаэла пришла домой, она снова почувствовала раскаяніе. А что, если донна Элиза дѣйствительно покажетъ Гаэтано цвѣтокъ? Нѣтъ, нѣтъ, для этого донна Элиза была слишкомъ умна. А что, если онъ самъ видѣлъ ее изъ окна мастерской. Ну что же, онъ все-таки ничего не отвѣтитъ. Но она, наконецъ, становится смѣшной.

Нѣтъ, никогда, никогда больше она не сдѣлаетъ ничего подобнаго. Для нея будетъ лучше ничего не знать. Для нея же лучше, что Гаэтано ничего не спрашиваетъ у ней.

И все-таки она не переставала томиться и спрашивать себя, какой можетъ быть отвѣтъ. Но отвѣта такъ и не приходило.

Прошла еще недѣля. Дону Ферранте вдругъ пришло желаніе похатать послѣ обѣда, кататься.

Въ одномъ изъ экипажныхъ сараевъ лѣтняго дворца стояла старомодная парадная карета, которой было по крайней мѣрѣ сто лѣтъ.

Это былъ высокій экипажъ съ маленькимъ тѣснымъ кузовомъ, который качался на ремняхъ между задними колесами, такими же громадными, какъ колеса мельницы. Карета была выкрашена въ бѣлую краску съ позолотой, обита краснымъ бархатомъ, а на ея дверцахъ красовались гербы Алагона.

Когда-то считалось большой честью выѣзжать въ этой каретѣ, и, когда старинные Алагона проѣзжали въ ней по Корсо, народъ высовывался изъ оконъ и дверей и выбѣгалъ на балконы, чтобы посмотреть на нее. Но тогда въ нее были впряжены прекрасные берберійскіе кони, на кучерѣ былъ парикъ, слуги были одѣты въ ливреи, а возжи были вышиты шелкомъ.

А теперь донъ Ферранте велѣлъ впрячь въ парадную карету своихъ старыхъ клячъ, а на козлы посадилъ своихъ работниковъ.

Когда же донна Микаэла сказала, что такъ ѣхать нельзя, донъ Ферранте началъ плакать. Что же подумаютъ о немъ, если онъ не будетъ кататься въ каретѣ по Корсо. Какъ же узнаютъ, что онъ дворянинъ, если онъ не будетъ ѣздить по городу въ старинной каретѣ Алагона?

Самой счастливой минутой для дона Ферранте со времени его выздоровленія была та, когда онъ выѣхалъ въ первый разъ. Онъ гордо сѣдѣлъ въ экипажѣ и милостиво кланялся всѣмъ встрѣчнымъ. А жители Діаманте приветствовали его, низко снимая шляпы и почти касаясь ими до земли. Почему же было и не порадовать старого дона Ферранте?

Донна Микаэла была съ нимъ, потому что донъ Ферранте не могъ ѣхать одинъ. Она не хотѣла ѣхать съ нимъ, но тогда донъ Ферранте заплакалъ и напомнилъ ей, что онъ женился на ней, когда она была бѣдна и всѣми оставлена. Ей слѣдуетъ быть благодарной и помнить, что онъ сдѣлалъ для нея, и поэтому она должна ѣхать съ нимъ. Почему она не хочетъ выѣзжать въ его экипажѣ? Бюаче и стариннѣе экипажа не было во всей Сивилии.

— Почему ты не хочешь ѣхать со мной? — спрашивалъ донъ Ферранте. — Подумай о томъ, что вѣдь одинъ только я и люблю тебя. Развѣ ты не видишь, что твой отецъ не любитъ тебя. Ты должна быть благодарна!

И вотъ донна Микаэла была вынуждена ѣхать съ нимъ въ парадной каретѣ.

Но все вышло не такъ, какъ она ожидала. Никто не смѣялся надъ ней. Женщины кланялись имъ, а мужчины отвѣщивали такіе изящные поклоны, словно карета помолодѣла на сто лѣтъ. И ни на одномъ лицѣ донна Микаэла не увидала усмѣшки.

Да и во всемъ Діаманте не было человѣка, которому пришло бы въ голову смѣяться. Всѣ знали жизнь донны Микаэлы у донна Ферранте. Всѣ знали, какъ онъ любитъ ее и какъ онъ плачетъ, если она хоть на минуту оставляетъ его. Всѣ знали тоже, какъ онъ мучилъ ее своей ревностью, рвалъ ея шляпы, которыя были ей къ лицу, и никогда не давалъ ей денегъ на новыя платья, чтобы никто не находилъ ее прекрасной и не влюблялся въ нее.

И случалось, онъ говорилъ ей, что она такъ безобразна, что никто другой, кромѣ него, не можетъ выносить ея вида. И, такъ какъ все это было извѣстно въ Діаманте, то никто не смѣялся. Развѣ можно было смѣяться надъ ней, зная, что она цѣлый день проспживаетъ съ больнымъ мужемъ и забавляетъ его, какъ ребенка! Въ Діаманте живутъ добрые христіане, а не безбожники.

Такъ отъ пяти до шести часовъ каталась по Корсо парадная карета во всемъ своемъ старомъ, поблекшемъ великолѣпнѣ. Это былъ единственный экипажъ, появляющійся на улицахъ Діаманте, такъ какъ въ городѣ не было другихъ изящныхъ экипажей, но всѣ знали, что въ эти часы въ Римѣ катаются на Monte-Pincio, въ Неаполѣ къ Villa Nazionale, во Флоренціи на Cascine, а въ Палермо къ La Favorita.

Когда экипажъ въ третій разъ повернулъ къ Porta Aetna, съ дороги раздались веселые звуки рожка.

И въ ворота въѣхала большая высокая охотничья карета въ англійскомъ стилѣ.

Она тоже была старомодна. Форейторъ, сидѣвшій на правой пристяжной, носилъ досинные панталоны и парикъ. Карета имѣла видъ стариннаго дилижанса съ кунз позади козелъ и мѣстами для сидѣнья на высокой узкой крышѣ.

Но только все было новое, лошади были прекрасныя и сильныя, экипажъ и сбруя блестяли, въ каретѣ сидѣло нѣсколько молодыхъ людей и дамъ изъ Катаніи, совершавшихъ прогулку по Этнѣ. Встрѣтаясь съ парадной каретой, они не могли удержаться отъ смѣха. Сидѣвшіе на крышѣ вытягивали головы и перегибались внизъ поглядѣть на нее, и ихъ смѣхъ громко и звонко раздавался между высокихъ и тихихъ домовъ Діаманте.

Донна Микаэла вдругъ почувствовала себя глубоко несчастной. Это были ея прежніе знакомые. Не будутъ ли они рассказывать, вернувшись домой: „Мы видѣли въ Діаманте Микаэлу Пальмери!“ И они будутъ смѣяться и рассказывать, смѣяться и рассказывать.

Вся ея жизнь представилась ей сплошнымъ горемъ. Она была рабой сумасшедшаго. И всю свою жизнь ей придется только исполнять дѣтскіе капризы донна Ферранте.

Вернулась домой она совершенно подавленная, она была такъ блѣдна и слаба, что съ трудомъ могла взойти на лѣстницу.

А донъ Ферранте въ то же время радовался, что такіе знатные господа встрѣтились съ нимъ и видѣли его роскошь. Онъ говорилъ ей, что теперь уже никто не посмотритъ на то, что она безобразна и что отецъ ея воръ. Теперь всѣ знаютъ,* что она жена знатнаго и благороднаго человѣка.

Послѣ обѣда донна Микаэла сидѣла молча и предоставила разговаривать отцу и дону Ферранте. И вдругъ на улицѣ подъ окнами лѣтнаго дворца тихо зазвучала мандолина. Играли только на мандолинѣ безъ аккомпанимента гитары или скрипки. Ничего не могло

быть нѣжныѣ и воздушныѣ, проникновенныѣ и трогательныѣ! Нельзя было подумать, что рука человѣка касалась струнъ мандолины. Казалось, что это даютъ концерты пчелы, стрекозы и кузнечики.

— Вотъ опять какой-нибудь влюбленный въ Джіанниту, — сказалъ донъ Ферранте. — И что за дѣвушка эта Джіаннита! Каждый видитъ, что она прекрасна. Будь я помоложе, я тоже влюбился бы въ Джіанниту. Она умѣетъ любить!

Донна Микаэла вздрогнула. „Онъ, конечно, правъ, подумала она. На мандолинѣ играли для Джіанниты“. Въ этотъ вечеръ, правда, Джіаннита была въ гостяхъ у матери, но вѣдь она живетъ въ лѣтнемъ дворцѣ. Донна Микаэла переселила ее къ себѣ со времени болѣзни донна Ферранте.

Но доннѣ Микаэлѣ нравились звуки мандолины, хотя они звучали и не для нея. Они были такіе нѣжные и успокоительные. Она тихо прошла въ свою комнату, чтобы лучше насладиться ими въ тишинѣ и одиночествѣ.

Навстрѣчу ей несся сильный сладкій ароматъ. Что это? Ея руки дрожали, когда она искала свѣчу и спички. На рабочемъ столѣ лежалъ большой распустившійся цвѣтокъ магноліи.

На одномъ лепесткѣ было выколото: „Кто любитъ меня?“ И внизу стояло: „Гаэтано!“

Рядомъ съ цвѣткомъ лежала маленькая бѣлая книжка съ любовными пѣснями. И одна изъ маленькихъ канцонъ была отмѣчена:

О любви моей, рожденной ночью темной,
Я клятву далъ молчать и тайну сохраняю.
И лишь во снѣ, застѣнчивый и скромный,
Рѣшаюсь я шептать о томъ, какъ я люблю.
И въ страшный день, когда мой часъ настанетъ,
Не вырветъ смерть той тайны у меня.
Потерявъ будетъ ключъ, со мной онъ въ вѣчность канетъ...
Я людямъ не скажу, какъ я любилъ тебя...

До нея продолжали доноситься звуки мандолины. Въ нихъ чувствовался свѣжій воздухъ и солнечный свѣтъ, что-то бодрящее и успокаивающее, какая-то примиряющая беззаботность природы.

IX.

Бѣгство.

Въ это время въ Діаманте все еще находилось маленькое изображение изъ Ага соелі.

Англичанка, которой оно принадлежало, была въ такомъ восхищеніи отъ Діаманте, что не могла рѣшиться ѣхать дальше.

Она наняла весь первый этажъ гостиницы и устроилась въ немъ, какъ у себя дома. Она покупала по дорогой цѣнѣ все, что могла найти изъ древней глиняной посуды и старинныхъ монетъ. Она скупала мозаики, образа и святыя изображенія. Ей пришла въ голову мысль собрать изображенія всѣхъ святыхъ.

Ей рассказали о Гаэтано, и она послала ему сказать, чтобы онъ пришелъ къ ней въ гостиницу.

Гаэтано собралъ все, что онъ вырѣзалъ за послѣднее время, и отправился къ миссъ Тоттенгамъ. Ей очень понравилась его работа, и она пожелала купить всѣ его статуэтки.

Комнаты богатой англичанки были похожи на кладовую музея. Тутъ были свалены въ беспорядкѣ самые различные предметы. Тутъ стояли полуразобранные сундуки, висѣли платья и шляпы, лежали картины и гравюры, валялись путеводители и расписанія поѣздовъ, стоялъ чайный сервизъ со спиртовкой, лежали молитвенники, мандолины и щиты.

Это открыло Гаэтано глаза. Онъ вдругъ покраснѣлъ, закусилъ губу и началъ укладывать свои изображенія.

Онъ увидалъ среди вещей изображеніе младенца Христа. „Изгнанное изображеніе“ лежало среди всего этого безпорядка со своей жалкой короной на головѣ и мѣдными башмачками на ногахъ. Краски потрескались на его лицѣ, кольца и другія украшенія заржавѣли, а пелены пожелтѣли отъ старости.

Увидя это, Гаэтано не захотѣлъ продать своихъ изображеній миссъ Тоттенгамъ, но рѣшилъ сейчасъ же уйти домой.

Когда же она спросила его, что съ нимъ вдругъ случилось, онъ разразился гнѣвомъ и сталъ бранить ее.

Знаетъ ли она, что многія изъ этихъ вещей были священны?

Знаетъ она или нѣтъ, что это святое изображеніе Христа? А она допустила, чтобы онъ потерялъ три пальца на рукѣ и изъ короны выпали всѣ камни? И она оставляетъ его грязнымъ, заржавленнымъ и поруганнымъ! Если она обращается такъ съ изображеніемъ самого Сына Божьяго, то что же ждетъ другихъ святыхъ? Онъ ничего не продастъ ей!

Слушая гнѣбныя слова Гаэтано, миссъ Тоттенгамъ пришла въ восторгъ.

Вотъ она истинная вѣра, вотъ истинный, святой гнѣвъ. Этотъ юноша долженъ стать художникомъ.

Онъ долженъ ѣхать въ Англію, въ Англію! Она хотѣла послать его къ своему другу, великому художнику, который хотѣлъ переселить искусство, хотѣлъ научить людей изготовлять прекрасную домашнюю утварь, дивныя церковныя украшенія, который хотѣлъ создать новый прекрасный міръ.

Она всѣмъ распоряжалась и устраивала, а Гаэтано охотно предоставлялъ ей эти заботы, потому что теперь ему самому больше всего хотѣлось уѣхать изъ Діаманте.

Онъ видѣлъ, что жизнь здѣсь становится ему невыносима. Онъ думалъ, что самъ Господь удаляетъ его отъ искушенія.

Онъ уѣхалъ совсѣмъ незамѣтно. Донна Микаэла узнала объ этомъ только послѣ его отъѣзда. У него не хватило мужества пойти и проститься съ ней.

Х.

Сирокко.

Прошло два года. Въ Діаманте и во всей Сициліи произошла одна только перемѣна—народъ становился все бѣднѣе и бѣднѣе.

Наступила осень, и пришло время сбора винограда.

Въ это время канцоны, не смолкая, лились съ устъ, и на ман-долинахъ звучали новыя дивныя мелодіи.

Молодежь толпами отправляется на виноградники, цѣлый день проходить въ работѣ среди немолчнаго смѣха, а всю ночь смѣются, танцуютъ и веселятся, и никто не думаетъ о снѣ.

Ясное небо надъ горами кажется еще прекраснѣе, чѣмъ всегда. Въ воздухѣ носится веселье, и сверкающіе взоры подобны молніямъ; и кажется, что тепло и свѣтъ исходятъ не только изъ солнца, но и изъ сіяющихъ лицъ прекрасныхъ женщинъ Этны.

Но въ эту осень всѣ виноградники были истреблены филоксерой.

Сборщики винограда не толпились среди лозъ, длинный рядъ женщинъ съ наполненными корзинами на головахъ не тянулся къ прессу, и нигдѣ на плоскихъ крышахъ не танцевали по ночамъ.

И въ эту осень октябрьскій воздухъ не былъ надъ Этной такимъ яснымъ и легкимъ, какъ всегда, но тяжелый, разслабляющій вѣтеръ пустыни непрерывно дулъ изъ Африки и, словно союзникъ голода, приносилъ съ собой пыль, испаренія и затемнялъ весь воздухъ.

Ни разу въ эту осень не повѣяло прохладнымъ горнымъ вѣтеркомъ. Все время дулъ ужасный сирокко.

Иногда онъ былъ такой сухой и горячій и до того насыщенный

пылью, что приходилось запираť всѣ двери и окна и не выходить изъ комнатъ, чтобы не задохнуться.

Но часто онъ былъ тяжелый, сырой и душливый. Люди не знали покоя; ни днемъ, ни ночью не покидали ихъ заботы, и страданіе ихъ росло, какъ сугробы снѣга на горныхъ вершинахъ.

Это безпокойство охватило и донну Микаэлу, которая продолжала попрежнему ухаживать за мужемъ.

Уже съ наступленія осени не слышно было ни пѣнія, ни смѣха. Люди молча встрѣчались и расходились, и, казалось, злоба и отчаяніе готовы задушить ихъ. И она говорила себѣ, что они, навѣрное, замышляютъ возстаніе. Она понимала, что они должны, наконецъ, возстать. Это, разумѣется, ничему не поможетъ; но имъ не за что больше ухватиться.

Въ началѣ осени она сидѣла однажды у себя на балконѣ и слушала, что говоритъ народъ на улицѣ. Всѣ говорили только о голодѣ: „У насъ неурожай на пшеницу и виноградъ; сѣра и апельсины тоже приносятъ плохіе доходы. Все желтое золото Сициліи измѣнило намъ. Чѣмъ мы будемъ жить?“

И донна Микаэла понимала, что это должно быть ужасно. Пшеница, вино, апельсины и сѣра — это было ихъ желтое золото.

Она понимала также, что народъ не можетъ выносить дольше такой нужды. И она жаловалась, что жизнь такъ тяжела. Она спрашивала себя, почему народъ долженъ платить такіе большіе налоги. Къ чему существуетъ налогъ на соль, такъ что бѣдная женщина не имѣетъ права спуститься къ берегу и взять себѣ ведро морской соленой воды, а должна покупать соль въ казенныхъ лавкахъ? Къ чему служить налогъ на пальмы? Крестьяне съ болью въ душахъ рубятъ старыя деревья, такъ долго украшавшія прекрасный островъ. А къ чему платить налогъ на окна? Какая цѣль этого? Не хотятъ ли они, чтобы бѣдный людъ заколотилъ окна или покинулъ жилыя помѣщенія и переселился въ подвалы?

Въ сѣрныхъ копяхъ происходили стачки рабочихъ и безпорядки, и правительство высылало солдатъ, чтобы принудить народъ къ работѣ. Донна Микаэла удивлялась, неужели правительство не знаетъ, что въ этихъ копяхъ нѣтъ машинъ? Развѣ правительство никогда не слыхало, что дѣти таскаютъ руду изъ глубокихъ шахтъ. Неужели же оно не знаетъ, что дѣти эти — рабы, что родители продали ихъ работодателямъ. А если оно знаетъ все это, зачѣмъ же оно помогаетъ владѣльцамъ копей?

Потомъ до нея стали доходить слухи о частыхъ преступленіяхъ. И снова ее одолевали вопросы. Зачѣмъ допускаютъ людей становиться преступниками? Зачѣмъ доводятъ ихъ до такой бѣдности и нищеты? Она знала, что жители Палермо и Катаніи не задавались этими вопросами. Но жители Діаманте не могли заглушить въ себѣ страха и безпокойства. Какъ можно допускать людей до такой бѣдности, что они умираютъ съ голода?

Лѣто подходило къ концу, и уже въ началѣ осени донна Микаэла предвидѣла тотъ день, когда вспыхнетъ возмущеніе. Она видѣла ужъ, какъ голодный народъ бросится на улицы. Они будутъ грабить лавки и дома богачей. Обезумѣвшая толпа бросится къ лѣтнему дворцу и будетъ взбираться на балконы и окна: „Подайте сюда драгоценности старинныхъ Алагона, подайте сюда миллионы дона Ферранте!“ Лѣтній дворецъ былъ вѣнцомъ ихъ мечтаній. Они думали, что онъ полонъ золота, какъ сказочный замокъ.

А когда они ничего не найдутъ, они приставятъ ей кинжалъ къ горлу и потребуютъ, чтобы она выдала имъ сокровища, которыми она никогда не владѣла, и она будетъ убита обьявленной грабежами толпой.

Почему богатые владѣльцы копей не могли спокойно жить дома? Зачѣмъ они раздражали бѣдныхъ, ведя широкую жизнь въ Римѣ и Парижѣ? Живи они у себя дома, они не возбудили бы противъ себя такой ненависти. Тогда не произносились бы вели-

вія, священныя клятвы, что наступитъ день, когда они убьютъ всѣхъ богачей.

Доннѣ Микаэлѣ хотѣлось бѣжать въ одинъ изъ большихъ городовъ. Но ея отецъ и донъ Ферранте прихварывали всю осень, и ради нихъ она не могла уѣхать. И она знала, что ее убьютъ, какъ искупительную жертву за грѣхи богатыхъ противъ бѣдныхъ.

Въ теченіе многихъ лѣтъ собиралось несчастье надъ Сициліей, и теперь его нельзя было предотвратить. А къ тому же и Этна начала грозить изверженіемъ. Сѣрный дымъ огненно-краснымъ столбомъ стоялъ по ночамъ надъ ея вершиной, а подземные удары слышались даже въ Діаманте. Все ждало конца. Все должно было погибнуть.

А правительство какъ будто ничего и не знало о недовольствѣ народа? Но вотъ оно познакомилось, наконецъ, съ положеніемъ дѣлъ и основало комитетъ помощи. Большимъ утѣшеніемъ было видѣть, какъ въ одинъ прекрасный день члены комитета появились на Корсо въ Діаманте. Если бы только народъ понималъ, что они желаютъ ему добра. Но женщины стояли въ дверяхъ и высмѣивали изящныхъ, хорошо одѣтыхъ господъ, а дѣти прыгали вокругъ экипажей и кричали: „Воры! Воры!“

Все, что ни дѣлалось, только ускорило развязку. Народъ никого не слушалъ; и никто не могъ успокоить его. Должностнымъ лицамъ больше не вѣрили. Бравшихъ взятки презирали еще меньше другихъ, но про многихъ говорили, что они были членами Маффіи и думали только о томъ, какъ бы побольше забрать себѣ денегъ и власти.

И чѣмъ дальше шло время, тѣмъ больше появлялось признаковъ, что должно произойти что-то ужасное. Въ газетахъ читали, что рабочіе въ большихъ городахъ собирались толпами и ходили по улицамъ. Въ газетахъ читали еще, что вожди социалистовъ разъѣзжали по странѣ и говорили зажигательныя рѣчи. Тутъ донна Ми-

казла вдругъ поняла, откуда идетъ все зло. Возстаніе готовятъ социалисты. Ихъ горячія рѣчи волновали умы. Какъ это могли допустить? Кто же былъ королемъ Сициліи? Зовутъ его де-Феличе или Умберто?

Донну Микаэлу охватилъ страхъ, отъ котораго она не могла освободиться. Ей казалось, что заговоръ составленъ именно противъ нея. И чѣмъ больше ей приходилось слышать о социалистахъ, тѣмъ сильнѣе боялась она ихъ.

Джіаннита старалась успокоить ее: — У насъ въ Діаманте нѣтъ социалистовъ, — говорила она. — Въ Діаманте никто не думаетъ о возстаніи.

Но донна Микаэла спрашивала ее, знаетъ ли она, что это значитъ, что старыя прядильщицы, сидя въ своихъ темныхъ углахъ, рассказываютъ о великихъ герояхъ - разбойникахъ и о знаменитомъ ловцѣ перламутра Джузеппе Алези, котораго онѣ называли Мазаньелою Сициліи?

Если социалисты смогутъ зажечь возстаніе, то Діаманте прикнеть къ нему. Въ Діаманте всѣ чувствовали, что готовится что-то ужасное. На балконѣ палаццо Джерачи сталъ появляться высокій черный монахъ. Всю ночь напролетъ кричали совы, и многіе утверждали, что пѣтухи начали пѣть при заходѣ солнца и молчать на разсвѣтѣ.

Однажды въ ноябрѣ все Діаманте неожиданно наполнилось толпой страшно возбужденныхъ людей. Это были люди съ хищными лицами, всклокоченными бородами и невѣроятно длинными и большими руками. Многіе носили широкую болтающуюся холщевую одежду, и въ народѣ говорили, что въ нихъ узнаютъ знаменитыхъ бандитовъ и недавно выпущенныхъ на свободу каторжниковъ.

Джіаннита рассказывала, что этотъ дикій народъ обычно живетъ въ горныхъ пустыняхъ въ глубинѣ страны, а теперь они перешли Симето и явились въ Діаманте, потому что дошли до нихъ слухи,

что уже „началось“. Но, такъ какъ все было еще спокойно, а казармы полны солдатъ, то они возвратились назадъ.

Донна Микаэла неотступно думала про этихъ людей, и ей казалось, что именно они будутъ ея убійцами. Ихъ болтающіяся одежды и взбѣрскія лица стояли передъ ней. Она знала, что они сидятъ въ своихъ пещерахъ, насторожившись, и ждутъ наступленія дня, когда со стороны Діаманте послышатся выстрѣлы и шумъ возстанія. Они бросятся тогда въ городъ, будутъ жечь и убивать и пойдутъ во главѣ изголодавашагося народа.

Всю эту ночь доннѣ Микаэлѣ приходилось ухаживать за отцомъ и дномъ Ферранте, которые уже нѣсколько мѣсяцевъ были больны. Но ей сказали, что жизни ихъ не грозитъ опасность.

Она сильно обрадовалась, что донъ Ферранте останется живъ; ея единственной надеждой было, что эти молодцы все-таки пощадятъ его, какъ потомка стариннаго почетнаго рода.

Сидя у постелей больныхъ, она тосковала по Гаэтано и часто желала, чтобы онъ вернулся. Она не испытывала бы этой тревоги и смертельнаго страха, если бы онъ снова работалъ въ своей мастерской. Тогда она чувствовала бы себя покойно и въ безопасности...

И даже теперь, когда онъ былъ далеко, она часто въ безумномъ ужасѣ мысленно обращалась къ нему. Съ тѣхъ поръ какъ онъ уѣхалъ, она не получила отъ него ни одного письма, и иногда она думала, что онъ, вѣроятно, совсѣмъ забылъ ее. А въ другое время она прониклась увѣренностью, что онъ любитъ ее; она чувствовала такую потребность думать о немъ, что была увѣрена, что и онъ думаетъ о ней и зоветъ ее.

Наконецъ, въ эту осень она получила письмо отъ Гаэтано. Ахъ, и какое письмо! Первой мыслью донны Микаэлы было его сжечь.

Она поднялась на террасу на крышѣ, чтобы наединѣ прочесть его. Здѣсь Гаэтано когда-то признался ей въ любви. И тогда это совсѣмъ не тронуло ее,—ни взводило, ни испугало.

Но это письмо было совсѣмъ другое. Газтано просилъ ее пріѣхать къ нему, быть съ нимъ, посвятить ему свою жизнь. Читая это, она испугалась самой себя. У нея было такое чувство, что ей хотѣлось отсюда крикнуть ему: „Я иду, я иду!“ — и сейчасъ же уѣхать. Какая-то сила неудержимо влекла ее.

„Мы будемъ счастливы! — писалъ онъ. — Мы теряемъ время, годы уходятъ. Мы будемъ счастливы!“

Онъ описывалъ ей, какъ они будутъ жить. Онъ говорилъ ей о другихъ женщинахъ, которыя послѣдовали заповѣди любви и были счастливы. Онъ писалъ такъ увлекательно и убѣдительно.

Но ее тронуло не самое содержаніе письма, а любовь, которая пылала и горѣла въ немъ. Отъ письма вѣяло чѣмъ-то опьяняющимъ, что проникало въ нее. Каждое слово дышало страстью. Теперь она уже не была для него святыней, какъ прежде. Оно ошеломило ее своей неожиданностью послѣ нѣсколькихъ лѣтъ молчанія. И, испытывая его очарованіе, она чувствовала себя несчастной.

Такой она никогда не представляла себѣ любовь! И она поправится ей? Да, она въ ужасѣ признавалась, что такая любовь ей нравится.

И она наказала себя и его, написавъ ему строгій отвѣтъ. Онъ заключалъ въ себѣ моральныя наставленія и ничего больше. Она гордилась своимъ письмомъ. Она не отрицала, что она любитъ его; но, пожалуй, Газтано не сможетъ открыть словъ любви, такъ они были затуманены нравоченіями. Должно быть, онъ дѣйствительно не отыскалъ ихъ, потому что второго письма не послѣдовало.

Но теперь донна Микаэла уже не могла думать о Газтано какъ о поддержкѣ и защитѣ. Теперь онъ былъ опаснѣе, чѣмъ люди съ горь.

Съ каждымъ днемъ въ Діаманте приходили все болѣе печальныя вѣсти. Всѣ начали запасаться оружіемъ. И хотя это было запрещено, всѣ мужчины носили его на себѣ спрятаннымъ.

Иностранцы покидали островъ; а взамѣнъ ихъ изъ Италіи присылали одинъ отрядъ солдатъ за другимъ.

Соціалисты произносили рѣчи; они были одержимы злымъ духомъ и не могли найти покоя, пока не совершатъ злого дѣла!

Наконецъ вожди назначили день, въ который должно было вспыхнуть возстаніе. Вся Сицилія и Италія должны были подняться разомъ. Теперь это были уже не угрозы, а дѣйствительность.

Съ материка прибывало все больше солдатъ. Большинство изъ нихъ были неаполитанцы, живущіе въ вѣчной враждѣ съ жителями Сициліи. А потомъ пришло извѣстіе, что островъ объявленъ на военномъ положеніи. Гражданскіе суды прекратили свою дѣятельность, всѣ дѣла правилъ военный судъ. И народъ говорилъ, что солдатамъ предоставлено грабить и убивать сколько имъ угодно.

Никто не зналъ, что произойдетъ. Отъ страха у всѣхъ, казалось, помутился разумъ. Жители горъ спустились въ долины. Въ Діаманте народъ день и ночь толпился на площади, побросавъ работу. Какими зловѣщими казались фигуры этихъ людей въ темныхъ плащахъ и широкополыхъ шляпахъ. Стоя тамъ, они, навѣрное, мечтали о той минутѣ, когда они будутъ грабить лѣтній дворецъ.

Чѣмъ ближе подходилъ день возстанія, тѣмъ слабѣе становился донъ Ферранте. Донна Микаэла начала бояться, что онъ умретъ.

Ей казалось, что смерть донна Ферранте, будетъ яснымъ знакомъ, что ей предназначено погибнуть. Кто позаботится о ней, когда его не будетъ въ живыхъ?

Она не отходила отъ него. Она и женщины со всего квартала сидѣли съ тихими молитвами вокругъ его смертнаго ложа.

И однажды утромъ, около шести часовъ, донъ Ферранте скончался. Донна Микаэла горевала о немъ, потому что онъ былъ ея единственнымъ защитникомъ и одинъ онъ могъ спасти ее отъ гибели, и она захотѣла почтить умершаго, какъ это еще было въ обычаѣ въ Діаманте.

Она велѣла затянуть всю комнату чернымъ и затворить всѣ ставни, чтобы солнечный свѣтъ не проходилъ въ комнату, гдѣ стоялъ покойникъ.

Она приказала потушить огонь въ очагѣ и послала за слѣпымъ пѣвцомъ, который долженъ былъ пѣть надъ усопшимъ погребальныя пѣсни.

Она поручила Джіанниѣ ухаживать за кавалере Пальмери чтобы самой тихо сидѣть возлѣ гроба вмѣстѣ съ другими женщинами.

Вечеромъ всѣ приготовленія были окончены, и ждали только бѣлыхъ братьевъ, которые должны были притти и унести тѣло. Въ комнатѣ, гдѣ стоялъ покойникъ, царил мертвая тишина. Вокругъ гроба неподвижно сидѣли женщины съ заплаканными лицами.

Донна Микаэла, блѣдная, въ страшной тревогѣ, не спускала глазъ съ покрова на усопшемъ. Это былъ родовой покровъ съ вышитымъ посреди громаднымъ пестрымъ гербомъ, серебряной бахромой и тяжелыми кистями. Этотъ покровъ никогда не служилъ никому, кромѣ рода Алогона. Онъ лежалъ здѣсь, казалось, для того, чтобы донна Микаэла ни на минуту не забывала, что она потеряла свою послѣднюю опору и теперь одинока и беззащитна среди разъяренной толпы.

Тутъ кто-то пришелъ и сообщилъ, что пришла старая Ассунта. Старая Ассунта? Что хочетъ старая Ассунта?

Да, вѣдь она произносить похвальное слово и причитаетъ надъ усопшими.

Донна Микаэла велѣла ввести Ассунту. Она пришла въ томъ же видѣ, какъ ее можно было видѣть каждый день на соборной лѣстницѣ, просящей милостыню; она была въ тѣхъ же лохмотьяхъ, въ томъ же полинявшемъ платкѣ на головѣ и все съ той же врычковой палкой.

Невысокая, сгорбленная, подошла она, прихрамывая, къ гробу. Лицо

ея было все въ морщинахъ, ротъ провалился и глаза потухли. Доннѣ Микаэлѣ казалось, что въ ея образѣ въ комнату вошли слабость и безпомощность.

Старуха возвысила голосъ и заговорила отъ имени супруги:

— Мой господинъ и супругъ умеръ! Я одинока! Онь, возвысившій меня до себя, умеръ! Какъ ужасно, что домъ мой потерялъ своего господина! „Почему заперты ставни твоего дома?“ спрашиваютъ проходящіе мимо. „Потому что глаза мои не выносятъ свѣта, горе мое слишкомъ велико, горе мое трижды велико“, отвѣчаю я. „Развѣ такъ многихъ изъ твоего рода уже унесли бѣлые братья?“ „Нѣтъ, никто изъ моего рода не умеръ, но я потеряла своего мужа, своего мужа, своего мужа!“

Старая Ассунта могла не продолжать. Донна Микаэла разразилась рыданіями. Вся комната наполнилась плачемъ и стономъ собравшихся женщинъ. Нѣтъ большаго горя, какъ потерять мужа! Вдовы вспоминали своихъ мужей, а женщины, мужа которыхъ еще были живы, думали о томъ времени, когда онѣ останутся одиноки, когда онѣ не будутъ имѣть никакого значенія, когда онѣ будутъ всѣми оставлены и забыты, потому что у нихъ не будетъ больше мужа, у нихъ не будетъ ничего, что даетъ имъ право на жизнь.

Дѣло было въ концѣ декабря между Рождествомъ и Новымъ годомъ.

Опасность возстанія все еще грозила, и тревожные слухи не прекращались. Рассказывали, что Фалько Фальконе собралъ шайку разбойниковъ и залегъ въ каменоломняхъ, ожидая дня, назначеннаго для возстанія, чтобы броситься въ Діаманте и предаться грабежу и убійству.

Рассказывали также, что во многихъ горныхъ городкахъ народъ возмутился, разгромилъ заставы у городскихъ воротъ и прогналъ чиновниковъ.

Ходили слухи, что солдаты переѣзжали изъ города въ городъ, забирали всѣхъ подозрительныхъ людей и разстрѣливали ихъ сотнями.

Всѣ готовы были къ борьбѣ. Нельзя же было давать этимъ итальянцамъ убивать себя безъ всякаго сопротивленія.

И въ это время донна Микаэла ухаживала за своимъ больнымъ отцомъ, какъ прежде она ухаживала за дономъ Ферранте. Она не могла бѣжать изъ Діаманте, ужась ея все возрасталъ, и вся она была охвачена безумной тревогой.

Послѣднимъ и самымъ ужаснымъ извѣстіемъ, дошедшимъ до нея, была вѣсть о Гаэтано.

Гаэтано вернулся недѣлю спустя послѣ смерти дона Ферранте. Но не это наполнило ее ужасомъ, напротивъ, она обрадовалась, узнавъ это. Она почувствовала радость, что, наконецъ, возлѣ нея есть кто-то, кто можетъ защитить ее.

Но сейчасъ же она рѣшила, что не приметъ Гаэтано, если онъ придетъ къ ней. Она чувствовала, что еще принадлежитъ усопшему. Ей хотѣлось не видать Гаэтано, по крайней мѣрѣ, еще годъ.

Но, когда прошла недѣля, а Гаэтано все еще не показывался въ лѣтнемъ дворцѣ, она спросила о немъ Джіанниту.

— Гдѣ Гаэтано, о немъ ничего не слышно, можетъ быть, онъ опять уѣхалъ?

— Ахъ, Микаэла, — отвѣчала Джіаннита, — чѣмъ меньше будутъ говорить о Гаэтано, тѣмъ для него лучше.

Она рассказала доннѣ Микаэлѣ съ ужасомъ, какъ о какомъ-то позорѣ, что Гаэтано сдѣлался социалистомъ.

— Онъ совсѣмъ измѣнился, побывавъ въ Англіи, — сказала она. — Онъ не вѣритъ больше ни въ Бога, ни въ святыхъ. Онъ не цѣлуетъ у священника руку, когда встрѣчаетъ его на улицѣ. Онъ говоритъ, что никто не долженъ больше платить пошрины у заставъ. Онъ требуетъ, чтобы крестьяне не платили больше аренды. Онъ по-

ситъ при себѣ оружіе. Онъ вернулся домой, чтобы поднять возстаніе и оказать помощь бандитамъ.

Довольно было и этого, никогда еще донна Микаэла не испытывала болѣе страшнаго ужаса.

Такъ вотъ что предвѣщали зловѣщіе осенніе дни. Именно онъ и долженъ былъ ударить молніей изъ облаковъ. Этого ей и слѣдовало ожидать!

Это было наказаніе и месть. Именно онъ и долженъ былъ принести съ собой несчастье.

Въ послѣдніе дни она немного успокоилась. Она слышала, что всѣ социалисты на островѣ были переловлены. А всѣ отдѣльныя попытки къ возстанію въ горныхъ городкахъ были быстро подавлены. Казалось, что всѣмъ волненіямъ долженъ наступить конецъ.

А теперь появился послѣдній изъ рода Алагона, и народъ послѣдуетъ за нимъ. Теперь придутъ въ движеніе черныя фигуры на площади. Люди въ холщевой одеждѣ опять перейдутъ Симето. И разбойничья шайка Фалько Фальконе выйдетъ изъ каменоломни.

На слѣдующій вечеръ Гаэтано говорилъ на площади рѣчь. Онъ сидѣлъ на срубѣ колодца и смотрѣлъ, какъ народъ приходилъ за водой. Три года былъ онъ лишенъ наслажденія видѣть, какъ стройныя дѣвушки поднимаютъ на головы тяжелые кувшины съ водой и проходить твердой, гордой походкой.

Но къ колодцу приходили не только молодыя дѣвушки, но и люди всѣхъ возрастовъ. И, видя, какъ большинство изъ нихъ бѣдно и несчастно, онъ захотѣлъ поговорить съ ними о будущемъ.

Онъ обѣщалъ имъ, что скоро начнутся лучшія времена. Онъ говорилъ старой Ассунтѣ, что въ будущемъ она каждый день будетъ имѣть свой кусокъ хлѣба, не прося ни у кого милостыни. И, когда она говорила, что не понимаетъ, какъ это можетъ случиться, онъ

почти съ гнѣвомъ спрашивалъ ее, развѣ она не знаетъ, что приближается время, когда старцы и дѣти не будутъ больше безпомощны и забыты.

Онъ указывалъ на стараго столяра, который былъ такъ же старъ, какъ и Ассунта, а къ тому же очень боленъ, и онъ спрашивалъ ее, неужели она думаетъ, что можно терпѣть дольше безъ домовъ призрѣнія и больницы? Развѣ она не понимаетъ, что такъ не можетъ идти дальше? Неужели всѣ они не понимаютъ, что въ будущемъ будутъ заботиться о старыхъ и больныхъ?

Онъ видѣлъ дѣтей, которые, какъ онъ зналъ, питались исключительно крессомъ и щавелемъ, который они собирали на берегу рѣки и по краямъ дороги, и онъ общалъ, что скоро никто не будетъ голодать. Онъ положилъ руку на голову одного ребенка и такъ гордо поклялся, что скоро они не будутъ терпѣть нужды въ хлѣбѣ, словно онъ былъ владѣтельный князь Діаманте.

Онъ говорилъ, что, живя въ Діаманте, они ничего не знаютъ и не понимаютъ, что должно наступить новое, прекрасное время, они думаютъ, что прежнія бѣдствія будутъ длиться вѣчно.

Пока онъ утѣшалъ такъ бѣдняковъ, вокругъ него собиралось все больше и больше народа. Наконецъ онъ вскочилъ, сталъ на срубъ колодца и заговорилъ громко.

Какъ могли они думать, что никогда не наступятъ лучшія времена? Неужели люди, которымъ принадлежитъ вся земля, должны довольствоваться тѣмъ, чтобы старики голодали, а дѣти росли на горе и преступленія?

Развѣ они не знаютъ, что въ горахъ, моряхъ и землѣ таятся сокровища? Развѣ они никогда не слыхали, какъ богата земля? Неужели они думаютъ, что имъ нечѣмъ прокормить своихъ дѣтей?

Они не должны стоять и бормотать о томъ, что невозможно измѣнить существующій порядокъ. Они не должны думать, что всѣ люди дѣлятся на богатыхъ и бѣдныхъ. Ахъ, если они вѣрятъ въ

это, то значить они ничего не знают! Они совсѣмъ не знаютъ свою мать-землю. Неужели они думаютъ, что она ненавидитъ хоть одного изъ нихъ? Или они лежали на землѣ и прислушивались къ ея говору? И однимъ она опредѣляла голодъ, а другимъ жизнь въ избыткѣ?

Почему зажимаютъ они уши и не слушаютъ новаго ученія, облетѣвшаго весь свѣтъ? Развѣ они не хотятъ, чтобы имъ жилось лучше? Или имъ такъ нравятся ихъ лохмотья? Они сыты щавелемъ и кресомъ? И они не хотятъ имѣть крова и очага?

Онъ говорилъ имъ, что, какъ бы они ни упорствовали въ своемъ невѣрїи въ наступленіе новаго времени, оно все равно придетъ къ нимъ. Какъ солнце безъ ихъ помощи поднимается каждое утро изъ-за моря, такъ и это время наступитъ само собой. Но почему они не хотятъ привѣтствовать его, почему не хотятъ идти ему навстрѣчу? Зачѣмъ они запираются и пугаются новаго свѣта?..

Онъ долго говорилъ такимъ образомъ, и вокругъ него собиралось все больше бѣдняковъ Діаманте.

И чѣмъ дольше онъ говорилъ, тѣмъ прекраснѣе складывалась его рѣчь, и тѣмъ громче звучалъ его голосъ.

Огонь сверкалъ въ его ясныхъ глазахъ, и народу, смотрящему на него, онъ казался юнымъ принцемъ.

Онъ былъ похожъ на своего могущественнаго отдаленнаго предка, который обладалъ могуществомъ одѣлять всѣхъ жителей своей страны золотомъ и счастьемъ. Они чувствовали себя утѣшенными и радовались, что ихъ молодой господинъ любитъ ихъ.

Когда онъ замолчалъ, они начали радостно кричать, что они последуютъ за нимъ и сдѣлаютъ все, что онъ имъ прикажетъ.

Въ одно мгновеніе онъ приобрѣлъ надъ ними власть. Онъ былъ такъ прекрасенъ и величественъ, что они не могли противостоять ему. А вѣра его была такъ сильна, что захватывала и покоряла всеѣ.

Въ эту ночь въ Діаманте не было ни одного бѣдняка, который не вѣрилъ бы, что скоро Гаэтано создастъ для нихъ безпечальные, счастливые дни. Въ эту ночь всѣ голодные отошли ко сну съ твердой увѣренностью, что при пробужденіи они увидятъ передъ собой столъ, покрытый яствами.

И въ словахъ Гаэтано было столько власти, что онъ могъ убѣдить стариковъ, что они еще молоды, а дрожащему отъ холода внушить, что ему тепло. И чувствовалось, что обѣщанія его должны исполниться!

Онъ — властелинъ новаго времени. Руки его исполнены щедротъ, и съ его возвращеніемъ на Діаманте полюбятся счастье и благоденствіе.

На слѣдующій день вечеромъ Джіаннита вошла въ комнату больного и шепнула доннѣ Микаэлѣ:

— Въ Патерно началось возстаніе. Тамъ уже нѣсколько часовъ идетъ стрѣльба; слышно даже здѣсь. Въ Катанію послано за войсками. И Гаэтано говоритъ, что то же самое скоро начнется и здѣсь. Онъ говоритъ, что возстаніе должно вспыхнуть сразу во всѣхъ городахъ Этны.

Донна Микаэла сдѣлала Джіаннитѣ знакъ остаться съ отцомъ, а сама вышла изъ дому и перешла въ лавку донны Элизы.

— Гдѣ Гаэтано? — спросила донна Микаэла. — Я должна поговорить съ нимъ.

— Богъ да благословитъ твои слова, — отвѣчала донна Элиза. — Онъ въ саду.

Она перешла дворъ и вошла въ садикъ, обнесенный каменной стѣной.

Въ этомъ саду было много извилистыхъ тропинокъ, переходящихъ съ одной террасы на другую. Въ немъ было много бесѣдокъ, діотовъ и укромныхъ уголковъ. И все такъ густо заросло плотными

У.

Желѣзный обручъ.

Донна Микаэла часто думала объ одной бѣдной маленькой швеѣ, которую она въ молодости знала въ Катаніи. Она жила въ домѣ рядомъ съ палаццо Пальмери и всегда сидѣла съ работой у воротъ, такъ что донна Микаэла постоянно видѣла ее. Она имѣла привычку пѣть за работой и, должно быть, знала только одну пѣсню, потому что изо дня въ день она пѣла одно и то же: „Я отрѣзала локонъ отъ моихъ черныхъ волосъ. Я распустила мои черныя, блестящія косы и отрѣзала локонъ отъ моихъ волосъ. Я сдѣлала это, чтобы порадовать моего друга, который печаленъ. Ахъ, мой милый сидитъ въ темницѣ, никогда больше мои волосы не будутъ скользить между его пальцевъ. Я послала ему локонъ моихъ черныхъ волосъ, чтобы напомнить ему о нѣжныхъ цѣпяхъ, которыя больше никогда не скуютъ его“.

Донна Микаэла хорошо помнила эту пѣсню. Она звучала во все время ея дѣтства, словно предвѣщая горе, ожидавшее ее.

Въ это время донна Микаэла часто сидѣла на каменныхъ ступеняхъ лѣстницы Санъ-Паскале. Она смотрѣла на сказочную Этну, и ей казалось, что тамъ происходятъ необычайныя событія.

По черной поверхности лавы скользить по новымъ блестящимъ рельсамъ желѣзнодорожный поѣздъ. Это праздничный поѣздъ. На всемъ пути развѣвались флаги, вагоны были убраны вѣнками, а лавки обиты пурпуровыми подушками. На станціяхъ толпа встрѣчала поѣздъ радостными криками: „Да здравствуетъ король, да здравствуетъ королева, да здравствуетъ желѣзная дорога!“

агавами, толстыми пальмами, толстолиственными фикусами и рододендронами, что ничего не было видно на разстояніи двухъ шаговъ. Донна Микаэла долго блуждала по безчисленнымъ тропинкамъ, пока наконецъ увидала Гаэтано. И чѣмъ дольше она ходила, тѣмъ сильнѣе становилось ея нетерпѣніе.

Наконецъ, она нашла его въ отдаленномъ углу сада. Она замѣтила его на нижней террасѣ, расположенной на одномъ изъ бастіоновъ городской стѣны. Гаэтано сидѣлъ и спокойно высѣкалъ статуетку. Увидя донну Микаэлу, онъ поднялся и пошелъ къ ней съ протянутыми руками.

Она едва поздоровалась съ нимъ. — Это правда? — спросила она. — Вы вернулись, чтобы-погубить насъ?

Онъ громко разсмѣялся.

— Здѣсь былъ синдикъ, — сказалъ онъ. — Приходилъ и настоятель. А теперь являетесь вы?

Ее оскорблялъ его смѣхъ и упоминаніе о синдикѣ и священникѣ. Ея приходъ имѣлъ совсѣмъ другое и бѣльшее значеніе.

— Скажите мнѣ, — настойчиво повторила она, — правда ли, что сегодня вечеромъ у насъ произойдетъ возстаніе?

— О, нѣтъ, — отвѣчалъ онъ. — Возстанія у насъ не будетъ. — И онъ произнесъ это такъ печально, что ей почти стало жаль его.

— Вы причиняете доннѣ Элизѣ много горя! — воскликнула она.

— И вамъ тоже, правда? — произнесъ онъ съ легкой насмѣшкой. — Я причиняю вамъ всѣмъ много огорченій. Я — потерянный сынъ, я — Іуда, я — карающій ангелъ, изгоняющій васъ изъ этого рая, гдѣ питаются только травой!

Она возражала:

— Можетъ быть, мы находимъ, что лучше оставаться, какъ есть, чѣмъ быть разстрѣлянными солдатами.

— Да, гораздо лучше голодать. Вѣдь къ этому уже привыкли!

— Нѣтъ ничего пріятнаго быть убитымъ разбойниками.

— Но зачѣмъ же допускають существованіе бандитовъ, если не хотятъ быть ими убиты?

— Да, я это знаю,—проговорила она, все больше волнуясь. — Вы хотите уничтожить всѣхъ богатыхъ!

Онъ отвѣтилъ не сразу, онъ стоялъ и кусалъ себѣ губы, чтобы не быть слишкомъ рѣзкимъ. — Позвольте мнѣ высказаться вамъ, донна Микаэла!—сказалъ онъ, наконецъ.—Позвольте мнѣ объяснить вамъ!

Онъ сразу успокоился и такъ просто и ясно рассказалъ ей про социализмъ, что его понялъ бы и ребенокъ.

Но она была далеко отъ того, чтобы слѣдить за нимъ. Можетъ быть, она и могла, но не хотѣла.

Въ эту минуту она совсѣмъ не хотѣла слушать о социализмѣ.

При видѣ Гаэтано ее охватило какое-то необъяснимое чувство. Земля заколебалась у нея подъ ногами, и она почувствовала невыразимое блаженство.

„Боже, да вѣдь я люблю его,—думала она.—Я люблю его!“

Пока она искала его, она прекрасно знала, что она ему скажетъ. Она хотѣла вернуть его къ дѣтской вѣрѣ. Она хотѣла доказать ему, что это новое ученіе ужасно и достойно порицанія. Но любовь спутала всѣ ея мысли. Она ничего не могла отвѣтить ему. Она только слушала его и удивлялась его словамъ.

Она въ изумленіи спрашивала себя, не сталъ ли онъ еще прекраснѣе, чѣмъ былъ раньше. Она никогда не терялась такъ при видѣ его, никогда она такъ не волновалась. Или это было потому, что теперь онъ сталъ свободнымъ и сильнымъ человѣкомъ? Она пугалась, чувствуя, какую власть онъ имѣетъ надъ ней.

Она не рѣшалась возражать ему. Она не могла произнести ни одного слова, боясь расплакаться. Если бы она заговорила, то

только не о политикѣ. Она бы сказала ему, что она узнала въ тотъ день, когда звонили колокола. Или она попросила бы его дать ей поцѣловать его руку. Она рассказала бы ему свои мечты о немъ. Она сказала бы, что не могла бы вынести своей жизни, если бы у нея не было этихъ мечтаній. Она попросила бы его дать ей поцѣловать его руку въ благодарность за то, что онъ дарилъ ей возможность жить всѣ эти годы.

Если возстаніе не будетъ, зачѣмъ же онъ говорить ей о социализмѣ? Какое имъ было дѣло до социализма теперь, когда они сидѣли вдвоемъ въ старомъ саду донны Элизы? Она сидѣла и смотрѣла вдоль одной изъ дорожекъ. По обѣимъ сторонамъ ея Лука устроилъ деревянные арки, по которымъ вились тонкіе розовые побѣги, усыянные маленькими бутонами и цвѣтами. И каждый, идя по этой дорожкѣ, спрашивалъ себя, куда она приведетъ. А она вела къ маленькому вывѣтренному Амуру. Старый Лука понималъ въ чемъ дѣло лучше, чѣмъ Газтано.

Пока они такъ сидѣли, солнце зашло, и Этна залилась краснымъ отсвѣтомъ. Казалось, что Этна краснѣетъ отъ гнѣва при видѣ того, что происходитъ въ саду донны Элизы. Каждый разъ при закатѣ солнца, когда розовѣла Этна, она вспоминала Газтано. Казалось, что обѣ онѣ ждутъ его. И онѣ ясно представляли себѣ, что произойдетъ, когда вернется Газтано. И она только боялась, что онъ будетъ слишкомъ пылокъ и порывистъ. А теперь онъ только говорить объ этихъ ужасныхъ социалистахъ, которыхъ она ненавидитъ и боится.

Онъ говорилъ долго. Она видѣла, какъ Этна блѣднѣетъ и принимаетъ бронзовый отливъ, и, наконецъ, наступила темнота. Она знала, что скоро взойдетъ луна. Она сидѣла, притаившись, и ждала, что ей на помощь придетъ лунный свѣтъ. Сама она была бессильна. Она всецѣло была въ его власти. Но и лунный свѣтъ ни чему не чуждъ. Газтано продолжалъ говорить о капиталистахъ и рабочихъ.

Тогда она подумала, что этому можетъ быть только одно объясненіе. Онъ, очевидно, ее разлюбилъ.

И вдругъ она вспомнила, что случилось недѣлю тому назадъ. Это было въ тотъ день, когда вернулся Газтано. Она вошла въ комнату Джіанниту; но она шла такъ неслышно, что Джіаннита не замѣтила ее.

И она увидѣла Джіанниту въ какомъ-то экстазѣ съ протянутыми руками и запрокинутой головой. Въ рукахъ она держала поргретъ. Она то прижимала его къ губамъ, то поднимала его надъ головой и въ восхищеніи смотрѣла на него. Это былъ портретъ Газтано.

Увидя это, донна Микаэла вышла такъ же неслышно, какъ и вошла. И тогда ей стало жаль Джіанниту, что она любитъ Газтано.

Но теперь, когда Газтано говорилъ только о социализмѣ, она задумалась надъ этимъ.

И теперь ей начало казаться, что и Газтано любитъ Джіанниту. Она вспомнила, что они были друзьями дѣтства. Онъ вѣроятно уже давно любитъ ее. Можетъ быть, онъ вернулся, чтобы жениться на ней. Донна Микаэла ничего не могла сказать противъ этого, ей не на что было жаловаться. Не прошло и мѣсяца, какъ она писала Газтано, что онъ не долженъ любить ее.

А онъ наклонился къ ней, встрѣтилъ ея взглядъ и заставилъ ее, наконецъ, слушать себя.

— Вы должны понимать, вы должны видѣть и понимать. Здѣсь на югѣ намъ необходимо возрожденіе, толчокъ, какимъ въ свое время было христіанство. Да здравствуютъ рабы, долой господь! Мы должны пересоздать всѣ общественныя условія! Мы должны вспахать новую землю, старая истощена. Старая почва даетъ только слабую, ничтожную растительность. Откройте свѣтъ нижнимъ слоямъ, и вы получите совсѣмъ другой результатъ!

— Понимаете вы теперь, донна Микаэла, почему социализм живъ и не погибъ до сихъ поръ? Потому что онъ принесъ съ собой новое слово. Подумайте о землѣ! — говорить онъ, — какъ христіанство взывало: „Подумайте о небѣ!“ Оглянитесь кругомъ себя! Развѣ земля — не единственное, чѣмъ мы владѣемъ? Поэтому мы должны устроить такъ, чтобы быть счастливыми въ этой жизни. Почему, почему не подумали объ этомъ раньше? Потому что мы слишкомъ были заняты тѣмъ, что наступить послѣ. Ахъ, что намъ до того! Земля, земля, донна Микаэла! Мы — социалисты, мы любимъ землю! Мы поклоняемся священной землѣ, бѣдной, презираемой матери, которая скорбитъ о томъ, что сыны ея стремятся къ небу.

— Повѣрьте мнѣ, донна Микаэла, все это совершится черезъ нѣсколько лѣтъ. Апостолы распространять наше ученіе, мученики пострадаютъ за вѣру, и толпы людей перейдутъ на нашу сторону. И мы — истинные сыны земли, одержимъ побѣду. И земля раскинется передъ нами во всей своей прелести. И она одаритъ насъ красотой, наслажденіемъ, знаніемъ и здоровьемъ!

Голосъ Газтано задрожалъ, слезы сверкали у него на глазахъ. Онъ подошелъ къ краю террасы и протянулъ руки, словно желая обнять залитую луннымъ свѣтомъ землю.

— Ты такъ ослѣпительно прекрасна, — говорилъ онъ, — такъ ослѣпительно прекрасна.

И доннѣ Микаэлѣ показалось на минуту, что она испытываетъ его страданіе за все то горе, что таятся подъ этой прекрасной ободочкой.

Жизнь, полная несчастій и пороковъ, показалась ей грязной рѣчкой, полной нечистотъ, протекающей среди этой сверкающей красоты.

— И никто не можетъ наслаждаться тобой, — продолжалъ Газтано, — никто не рѣшается наслаждаться тобой. Ты неукротима и полна злобы и предразсудковъ. Въ тебѣ неуверенность, опасность,

раскаяніе и мука, пороки и позоръ, ты — все, что только можно себя представить ужаснаго, потому что люди не хотѣли сдѣлать тебя лучше.

— Но наступитъ день, — восторженно произнесъ онъ, — когда они обратятся къ тебѣ со всей своей любовью, къ тебѣ, а не къ мечтѣ, которая ничего не даетъ и не можетъ дать.

Она внезапно прервала его. Онъ все больше пугалъ ее.

— Такъ это правда, что въ Англіи вы не имѣли успѣха?

— Что вы хотите сказать?

— Говорятъ, что знаменитый художникъ, къ которому васъ послала миссъ Тѳтенгамъ, сказалъ, что вы...

— Что онъ сказалъ?

— Что ваши работы годятся и хороши только для Діаманте.

— Кто это говорить?

— Такъ думаютъ, потому что вы очень измѣнились.

— Потому что я теперь социалистъ?

— Вы не сдѣлались бы имъ, если бы имѣли успѣхъ.

— Ахъ... вотъ что!.. Вы не знаете, — продолжалъ онъ, смѣясь, — что мой великій учитель въ Англіи самъ былъ социалистъ. Вы не знаете, что онъ-то и научилъ меня новымъ взглядамъ.

Онъ замолчалъ и не продолжалъ этого разговора. Онъ подошелъ къ скамьѣ, на которой сидѣлъ до ея прихода, и, взявъ съ нея статуэтку, подалъ ее доннѣ Микаэлѣ. Онъ какъ бы говорилъ этимъ: „Посмотрите сами, правы ли вы!“

Она взяла ее и поднесла къ лунному свѣту. Это была Mater Dolorosa изъ чернаго мрамора. Она могла ясно разглядѣть ее.

Она узнала въ ней себя. Мадоннѣ были переданы ея черты. Въ первое мгновеніе ее охватило чувство восторга, но въ слѣдующую же минуту она почувствовала ужасъ. Онъ, социалистъ, потерявшій вѣру, осмѣливался дѣлать изображеніе Мадонны. И онъ еще придалъ ей ея черты. Онъ увлекалъ и ее въ свой грѣхъ.

— Я сдѣлалъ ее для васъ, донна Микаэла, — сказалъ онъ.

— Ахъ, если она принадлежитъ мнѣ!.. — она бросила статуэтку за перила. Статуэтка ударилась объ отвѣсную скалу, полетѣла еще ниже, ударяясь о камни и разбиваясь въ куски, и, наконецъ, послышался плескъ воды, когда она упала въ Симето.

— Какое вы имѣете право ваять изображеніе Мадоннъ? — спросила она Гаэтано.

Онъ стоялъ молча. Такою онъ еще никогда не видѣлъ донну Микаэлу.

Въ ту минуту, какъ она подвигалась съ мѣста, она, казалось, выросла и похорошѣла. Красота, какъ безпокойная гостья, появляющаяся на ея лицѣ, озарила ея черты. Она выглядѣла холодно и непреклонно; большимъ счастьемъ казалось покорить и завоевать такую женщину.

— Такъ вы еще вѣрите въ Бога, если вы можете ваять Мадоннъ? — спросила она.

Онъ тяжело вздохнулъ. Онъ былъ словно разбитый. Вѣдь онъ самъ былъ вѣрующимъ. Онъ поваялъ, какъ оскорбилъ ее. Онъ видѣлъ, что потерялъ ея любовь. Онъ вырылъ между ними безконечную, непреодолимую бездну.

Онъ долженъ былъ сказать что-нибудь, долженъ былъ привлечь ее на свою сторону.

Онъ снова заговорилъ, но тихо и неувѣренно.

Она молча слушала его и потомъ вдругъ спросила, почти съ состраданіемъ.

— Какъ вы сдѣлались такимъ?

— Я думалъ о Сициліи, — произнесъ онъ, оправдываясь.

— Вы думали о Сициліи, — задумчиво повторила она. — А зачѣмъ вы вернулись домой?

— Я вернулся, чтобы приготовить возстаніе.

Казалось, что они говорятъ о болѣзни, о легкой простудѣ, которую онъ захворалъ и отъ которой онъ легко можетъ вылѣчиться.

— Вы вернулись, чтобы погубить насъ, — строго сказала она.

— Пусть будетъ такъ, пусть будетъ такъ! — уступчиво сказалъ онъ. — Вы можете говорить такъ. Ахъ, если бы я не получилъ ложныхъ вѣстей и не опоздалъ на недѣлю! Мы допустили, чтобы правительство предупредило насъ! Когда я прѣхалъ, всѣ зачинщики были арестованы, и островъ занятъ солдатами. Все погибло!

Какъ странно беззвучно прозвучало это „все погибло!“.

И для этого онъ поставилъ на карту все свое счастье!

Его взгляды и принципы казались ему теперь высохшей паутиной, въ которой онъ запутался. Онъ хотѣлъ разорвать ее, чтобы овладѣть донной Микаэлой. Она одна только существовала, она одна принадлежала ему. Это онъ испытывалъ и раньше. Теперь онъ снова почувствовалъ это. Она была единственной для него во всемъ мірѣ.

— Но они сражаются сегодня въ Патерно?

— Произошла только драка у городскихъ воротъ, — сказалъ онъ. — Это пустяки. Если бы я могъ воспламенить всю Эггу, всѣ города, лежащіе на ней! Тогда бы насъ поняли! А теперь разстрѣливаютъ толпу крестьянъ, чтобы стало нѣсколькими голодными ртами меньше. А намъ ничего не даютъ взамѣнъ.

Онъ рвалъ свою паутину. Ему хотѣлось подойти къ ней и сказать, что все это ему безразлично. Ему нечего думать о политикѣ! Онъ былъ художникъ, онъ былъ свободенъ! И онъ хотѣлъ обладать ею.

Но какъ разъ въ эту минуту въ воздухѣ словно что-то задрожало. Въ ночной тишинѣ пронесся выстрѣлъ, потомъ еще и еще.

Она подошла къ нему и схватила его за руку.

— Это возстаніе? — спросила она.

Выстрѣлъ за выстрѣломъ грозно проносились вокругъ. Потомъ послышались крики и шумъ толпы, бѣгущей по улицамъ.

— Это возстаніе, это несомнѣнно возстаніе. Да здравствуетъ социализмъ!

Восторгъ схватилъ его. Къ нему вернулась вся его прежняя вѣра. И тогда онъ завоюетъ ее. Женщины никогда не отталкиваютъ побѣдителя.

Ни говоря ни слова, они поспѣшили къ калиткѣ.

Но тутъ у Гаэтано вырвалось громкое проклятіе.

Онъ не могъ выйти. Въ замкѣ не было ключа. Его заперли въ саду.

Онъ оглядѣлся. Съ трехъ сторонъ поднимались высокія стѣны, а съ четвертой была пропасть. Выхода не было. А изъ города доносился все болѣе нарастающій шумъ. Слышался топотъ бѣгущихъ, раздавались выстрѣлы и крики. И слышно было, какъ они ревутъ: „Да здравствуетъ свобода! Да здравствуетъ социализмъ!“ Онъ со всей силой потрясалъ калитку и тоже готовъ былъ кричать. Онъ былъ въ плѣну. Онъ не могъ быть съ ними!

Донна Микаэла спѣшила къ нему. Теперь, когда она его выслушала, она не пыталась больше удержать его.

— Пойдите, пойдите! — говорила она. — Ключъ у меня.

— Вы, вы! — воскликнулъ онъ.

— Я его вынула, когда пришла сюда. Я подумала, что я смогу запереть васъ здѣсь, если вы задумаете возстаніе. Я хотѣла спасти васъ!

— Какое безуміе! — воскликнулъ онъ, вырывая ключъ изъ ея рукъ.

Ища ощупью замочное отверстіе, онъ усиль съпросить ее.

— А почему же теперь вы больше не хотите спасать меня?

Она не отвѣчала.

— Можетъ быть, для того, чтобы доставить вашему Богу случай погубить меня?

Она продолжала молчать.

— Вы не рѣшаетесь охранять меня отъ его гнѣва?

— Нѣтъ, я не смѣю этого! — прошептала она.

— Вы, вѣрующіе, ужасны,—сказалъ онъ.

Онъ чувствовалъ, что она покидаетъ его. Мысль, что она не дѣлаетъ ни малѣйшей попытки принудить его остаться, леденила его и отнимала у него мужество. Онъ вертѣлъ ключомъ и не могъ отпереть, его парализовало ея блѣдное, холодное лицо.

И вдругъ онъ почувствовалъ, что руки ея обвились вокругъ его шеи и губы ея ищутъ его губъ.

Въ это мгновеніе калитка распахнулась, и онъ выбѣжалъ на улицу. Онъ не хочетъ ея поцѣлуевъ, обрекающихъ его на смерть. Въ своихъ старыхъ вѣрованіяхъ она была ужасна для него, какъ привидѣніе. Онъ бросился въ городъ, словно спасаясь отъ преслѣдованія.

ХІ.

Праздникъ Санъ-Себастьяно.

Когда Гаэтано убѣжалъ, донна Микаэла еще долго оставалась въ саду донны Элизы. Она стояла какъ прикованная, ни о чемъ не думая и ничего не чувствуя.

И тутъ она вспомнила вдругъ, что она и Гаэтано не одни существовали въ мірѣ. Она вспомнила больного отца, о которомъ она совершенно забыла.

Она вышла изъ сада и пошла на Корсо, на которомъ было пусто и тихо. Шумъ и выстрѣлы доносились откуда-то издали, и она подумала, что теперь сражаются у Porta Alina.

Фасадъ лѣтняго дворца былъ залитъ яркимъ луннымъ свѣтомъ, и она удивилась, что въ такое время и такъ поздно ночью двери на балконъ открыты и ставни не заперты. Еще больше удивилась она, видя, что ворота широко распахнуты и двери въ лавку растворены.

Когда она вошла подъ ворота, то увидѣла, что сторожа старика Пьеро тамъ не было. Фонарь не былъ зажженъ, и на дворѣ не было видно ни души.

Она поднялась по лѣстницѣ на галерею споткнулась о что-то твердое. Это была маленькая бронзовая ваза, обычно стоящая въ концертной залѣ. Нѣсколько ступеней выше она нашла ножъ. Это былъ большой ножъ съ длиннымъ тонкимъ лезвиемъ. Когда она подняла его, съ него скатилось нѣсколько темныхъ капель. Она поняла, что это кровь.

И теперь она сразу поняла, что случилось то, чего она такъ боялась всю осень. Бандиты нагрянули въ лѣтній дворецъ и ограбили его. И всѣ слуги разбѣжались; а ея отецъ, прикованный болѣзнию къ постели, вѣроятно, былъ убитъ.

Она не знала, ушли ли бандиты. Но теперь передъ лицомъ опасности страхъ ея исчезъ, и она поспѣшила впередъ, не думая о томъ, что она одна и беззащитна.

Пройдя галерею, она вошла въ концертный залъ. Широкія полосы луннаго свѣта падали на полъ, и въ одной изъ полосъ лежало, распростершись, неподвижное тѣло.

Донна Микаэла наклонилась надъ лежащимъ. Это была Джіан-нита. Она была убита, глубокая рана зіяла у нея на шеѣ.

Донна Микаэла оправила тѣло, сложила ей руки на груди и закрыла глаза. Она запачкала при этомъ руки въ крови и, почувствовавъ на пальцахъ темную липкую жидкость, она заплакала.

— Ахъ, милая, дорогая сестра, — громко заговорила она. — Съ этой кровью утекла твоя молодая жизнь. Всю жизнь ты любила меня и теперь пролила свою кровь, защищая мой домъ. Или Господь наказываетъ меня за мое жестокосердіе, отнимая тебя у меня? Ахъ, сестра, сестра, не могла ты развѣ наказать меня менѣе жестоко?

Она наклонилась и поцѣловала убитую въ лобъ.

— Ты этому не вѣришь,—сказала она.—Ты знаешь, что я всегда была вѣрна тебѣ, что я всегда любила тебя!

Потомъ она вспомнила, что мертвая оторвана уже отъ всего земного и ей не нужны ни раскаяніе, ни выраженіе дружбы. Она прочитала нѣсколько молитвъ надъ трупомъ. Единственно, что она могла сдѣлать для своей сестры, это проводить набожными мыслями ея душу, отлетающую къ Богу.

Она пошла дальше, не думая о томъ, что можетъ случиться съ ней самой, и только охваченная неописуемымъ ужасомъ при мысли объ отцѣ.

Пройдя длинный рядъ парадныхъ комнатъ, она подошла, наконецъ, къ двери больного; руки ея долго нащупывали ручку двери, и, когда она, наконецъ, нашла ее, у нея не хватило силъ повернуть ее.

Изъ комнаты отца слышался голосъ, онъ спрашивалъ, кто вошелъ. Услыша его голосъ, она поняла, что онъ живъ, и ее охватило такое чувство, словно все въ ней задрожало и оборвалось, и силы отказывались служить ей. Мозгъ и сердце перестали работать, и ноги не могли больше держать ее. Она подумала, что это происходитъ оттого, что послѣднее время она жила въ страшномъ напряженіи. Она опустилась на полъ съ неизъяснимымъ чувствомъ какого-то освобожденія и погрузилась въ глубокій обморокъ.

Донна Микаэла пришла въ себя только къ утру.

За это время произошло очень многое. Слуги вышли изъ своихъ убѣжищъ и позвали донну Элизу. Она пришла въ разграбленный дворецъ, послала за полиціей и бѣлыми братьями, которые перенесли тѣло Джіанниты къ ея матери.

Проснувшись, донна Микаэла увидала, что она лежитъ на софѣ въ комнатѣ рядомъ съ отцомъ. Съ ней никого не было, но изъ комнаты отца до нея доносился голосъ донны Элизы.

— Я потеряла и сына и дочь,—всклипывая, говорила донна Элиза.— Я потеряла ихъ обоихъ.

Донна Микаэла хотѣла встать, но у нея не было силъ. Тѣло ея было точно сковано, но душа уже пробудилась.

— Кавальере, кавальере!— говорила донна Элиза.— Можете ли вы это понять? Разбойники съ Этны ворвались въ Діаманте. Пришли бандиты, стрѣляли въ таможеню у заставы и кричали: „Да здравствуетъ соціализмъ!“ И все это они дѣлали, чтобы разогнать народъ съ улицъ и выманить карабинеровъ за Porta Aetna. Никто изъ жителей Діаманте не былъ съ ними заодно. Все это устроили разбойники, чтобы ограбить миссъ Тоттенгамъ и донну Микаэлу, двухъ женщинъ, подумайте, кавальере! О чемъ думали господа офицеры, засѣдавшіе въ военномъ судѣ? Или они думали, что Гаэтано былъ въ союзѣ съ бандитами? Развѣ они не видѣли, что онъ дворянинъ, истинный Алагона, художникъ? Какъ могли они осудить его?

Донна Микаэла слушала въ ужасѣ; но она старалась убѣдить себя, что все это сонъ. Ей казалось, что Гаэтано спрашиваетъ ее, приносить ли она его въ жертву Богу? И она отвѣчаетъ ему, что она сдѣлала это. А теперь ей снится, что бы было, если бы его дѣйствительно схватили. Иначе этого и быть не можетъ!

— Какая печальная ночь!— продолжала донна Элиза.— Что-то носится въ воздухѣ, что туманить разумъ людей и дѣлаетъ ихъ безумными! Вы знали Гаэтано, кавальере! Онъ всегда былъ горячій и увлекающійся, но онъ былъ разсудителенъ и благоразуменъ! А сегодня ночью онъ самъ бросился въ руки солдатъ. Вѣдь вы знаете, онъ хотѣлъ поднять возстаніе, для этого только онъ и вернулся. И когда онъ услышалъ выстрѣлы и крики: „Да здравствуетъ соціализмъ!“—онъ совершенно обезумѣлъ. Онъ думалъ, что начинается возстаніе, и бросился на улицу, чтобы принять въ немъ участіе. И онъ тоже кричалъ изо всѣхъ силъ: „Да здравствуетъ соціализмъ!“ И тутъ ему встрѣтилась толпа солдатъ, цѣлый отрядъ. Они шли въ Патерно, но, услыжавъ по дорогѣ стрѣльбу въ Діаманте, завернули сюда, посмотреть въ чемъ дѣло. А Гаэтано не въ состояніи отли-

чить солдатской фуражки, ему кажется, что это возставшіе, ему кажется, о лѣт ангелы сошли съ неба, онъ кидается въ ихъ толпу, и его арестовываютъ. А солдаты, ловившіе разбойниковъ, убѣгавшихъ съ добычей, заодно забираютъ и Гаэтано. Они проходятъ черезъ весь городъ и вездѣ встрѣчаютъ тишину и покой; но, прежде чѣмъ уйти, они судятъ своихъ плѣнниковъ, осуждаютъ его какъ разбойника и убійцу женщинъ. Ну, развѣ люди не потеряли рассудокъ, кавалъере?

Донна Микаэла не могла разслышать, что отвѣчалъ ей отецъ. Ей самой хотѣлось задать тысячи вопросовъ, но она была словно каменная и не могла пошевелиться. Она думала только о томъ, не разстрѣляли ли уже Гаэтано.

— Что думали они, приговаривая его къ двадцати годамъ тюрьмы?— говорила донна Элиза.— Неужели они думаютъ, что онъ самъ или его близкіе проживутъ такъ долго? Онъ умеръ для меня, кавалъере, умеръ, какъ и Джіаннита.

Доннѣ Микаэлѣ казалось, что она опутана крѣпкими цѣпями и не можетъ высвободиться. Это было ужаснѣе, чѣмъ если бы ее приковали къ позорному столбу и бичевали.

— У меня отняли всю радость моей старости,—говорила донна Элиза.— Джіаннита и Гаэтано! Я всегда надѣялась, что они поженятся. Они такъ хорошо подходили другъ къ другу. Оба они выросли у меня и любили меня. Зачѣмъ мнѣ жить, когда вокругъ меня нѣтъ больше молодежи? Часто мнѣ приходилось трудно, когда Гаэтано жилъ у меня, и мнѣ часто говорили, что мнѣ легче было бы прожить одной; но я всегда отвѣчала, что все это пустяки, лишь бы вокругъ меня была молодежь. И я думала, что, когда онъ вырастетъ, онъ женится и у нихъ будутъ дѣти и мнѣ не придется доживать свой вѣкъ одинокой, никому ненужной старухой.

Донна Микаэла подумала, что въ ея рукахъ было спасти Гаэтано, но она не захотѣла этого. Но почему она не захотѣла? Те-

перь это казалось ей совершенно непонятнымъ. Она начала перечислять причины, побудившія ее толкнуть его на гибель. Онъ былъ безбожникъ и социалистъ и хотѣлъ поднять возстаніе. Это перевѣсило все другое въ ту минуту, какъ она отперла ему калитку. Это перевѣсило даже ея любовь. Теперь она не понимала этого. Развѣ можетъ чашка вѣсовъ, наполненная пухомъ, перевѣсить чашку съ золотомъ?

— Мой красивый мальчикъ, — говорила донна Элиза, — мой красивый мальчикъ! Въ Англіи онъ сталъ уже извѣстнымъ человекомъ и вернулся назадъ, чтобы помочь намъ, бѣднымъ сициліанцамъ. А теперь они осудили его, какъ бандита. Они едва не разстрѣляли его вмѣстѣ съ другими. Пожалуй, это было бы и лучше, кавалере. Пожалуй, мнѣ было бы легче видѣть его въ могилѣ, чѣмъ знать, что онъ томится въ тюрьмѣ. Какъ онъ перенесетъ это несчастье? Онъ не выдержитъ этого, онъ заболѣетъ и умретъ.

Пока она говорила это, донна Микаэла вполнѣ очнулась и встала. Шатаясь, блѣдная, какъ бѣдная убитая Джіаннита, вошла она въ комнату, гдѣ сидѣли отецъ и донна Элиза.

Она была такъ слаба, что не могла идти дальше, но, подойдя къ двери, остановилась, опираясь о косякъ.

— Это я, донна Элиза, — произнесла она, — это я...

Слова замирали у нея на губахъ. Она ломала въ отчаяніи руки, потому что ничего не могла сказать.

Донна Элиза поспѣшила къ ней. Она обняла ее, желая поддержать, и не обращала вниманія, что донна Микаэла отталкиваетъ ее.

— Вы должны простить меня, донна Элиза, во всемъ виновата я.

Но донна Элиза не слушала, что она говоритъ. Она видѣла, что у донны Микаэлы жаръ, и думала, что она бредитъ.

Губы донны Микаэлы судорожно сжимались. Видно было, что

она хочет что-то сказать, но съ губъ ея срывались только отрывистыя слова. Нельзя было понять, о чемъ она говоритъ.

— Противъ него, какъ и противъ отца, — повторяла она. И потомъ она говорила, что приносить несчастье всѣмъ, кто любить ее.

Доннѣ Элизѣ удалось усадить ее на стулъ; донна Микаэла сидѣла, цѣлуя ея старыя, морщинистыя руки и прося у нея прощенія за то, что она сдѣлала.

Конечно, конечно, донна Элиза прощаетъ ее.

Донна Микаэла пытливо глядѣла на нее большими лихорадочными глазами и спрашивала, правду ли она говоритъ.

Ну, конечно, правду.

Тогда она опустила голову на плечо донны Элизы и зарыдала; она благодарила ее и говорила, что она не могла бы жить, если бы не получила ея прощенія. Ни передъ кѣмъ она такъ тяжело не согрѣшила, какъ передъ ней. Можетъ ли она дѣйствительно простить ее?

— Да, да, — повторяла донна Элиза; она все еще думала, что донна Микаэла бредитъ подъ вліяніемъ испуга и лихорадки.

— Я должна еще сказать тебѣ, — продолжала донна Микаэла. — Я-то знала это, но ты этого не знаешь. И, когда ты узнаешь, ты не простишь меня!

И такъ онѣ долго еще говорили, не понимая другъ друга. Но для донны Элизы было хорошо, что ей было о комъ заботиться въ эту ночь, было кого утѣшать и поить успокоительными каплями. Для нея было хорошо, что нашелся человекъ, положившій голову ей на плечо и опдакивающій свое горе.

Донна Микаэла почти уже три года любила Гаэтано, не думая о томъ, что они могутъ принадлежать другъ другу, и въ концѣ концовъ привыкла къ такому странному роду любви. Съ нея до-

волью было сознанія, что Гаэтано любить ее. Когда она думала объ этомъ, ее охватывало пріятное чувство безопасности и счастья.

— Ничего, ничего,—говорила она себѣ, когда съ ней случалось, несчастье.— Гаэтано любить меня!— Онъ былъ всегда съ ней, поддерживалъ и утѣшалъ ее. Онъ жилъ во всѣхъ ея мысляхъ и во всѣхъ ея поступкахъ. Онъ былъ душою ея жизни.

Какъ только донна Микаэла узнала, гдѣ заключенъ Гаэтано, она сейчасъ же написала ему. Она признавалась, что была твердо увѣрена, что онъ идетъ навстрѣчу гибели. Она такъ боялась его новыхъ стремленій, что не рѣшилась спасти его.

Она писала также, какъ сильно ненавидитъ его ученіе. Она ничего не скрывала отъ него. Она говорила, что не могла бы принадлежать ему, даже если бы онъ былъ свободенъ.

Она боится его. Онъ имѣетъ такую власть надъ ней, что, соединившись съ нимъ, она сама стала бы социалисткой и безбожницей. Поэтому она должна всегда жить вдали отъ него, если не хочетъ погубить своей души.

Но она просила и умоляла его, чтобы онъ все-таки продолжалъ любить ее. Онъ долженъ, долженъ любить ее. Онъ можетъ наказывать ее, какъ ему угодно, но онъ долженъ любить ее.

Онъ не долженъ поступать, какъ ея отецъ. Было бы воплію понятно, что онъ разлюбилъ ее, но онъ не долженъ этого дѣлать. Онъ долженъ ее пожалѣть.

Если бы онъ зналъ, какъ она любитъ его, если бы онъ зналъ, какъ она мечтаетъ о немъ!

И она говорила ему, что въ немъ для нея вся жизнь.

„Должна я умереть, Гаэтано?“—спрашивала она.

„Развѣ не довольно, что твои взгляды и ученіе раздѣляютъ насъ? Развѣ не довольно, что они довели тебя до тюрьмы? Неужели ты еще перестанешь любить меня за то, что мы разны мыслимъ?“

„Ахъ, Гаэтано, люби меня! Это ни къ чему не поведетъ, я

не питаю никакой надежды въ твоей любви; но все-таки люби меня, потому что я умру безъ твоей любви“.

Не успѣла донна Микаэла отослать письмо, какъ она уже начала ждать отвѣта. Она думала, что получить горячее гнѣвное письмо; но она надѣялась, что въ немъ будетъ хоть одно словечко, изъ котораго она увидитъ, что онъ любитъ ее.

Но она ждала напрасно; прошло нѣсколько недѣль, а отвѣта не приходило.

Напрасно выходила она каждое утро на галерею и поджидала почтальона; онъ всякій разъ съ сожалѣніемъ объявлялъ, что у него ничего нѣтъ для нея.

Однажды она сама пошла на почту и съ мольбой въ глазахъ просила, чтобы ей отдали письмо, котораго она ждетъ. — Письмо должно быть, — говорила она. — Или, можетъ быть, адресъ былъ написанъ невѣрно? — Ея нѣжные умоляющіе глаза тронули почтоваго чиновника, онъ пересмотрѣлъ груды старыхъ непринятыхъ писемъ и перерылъ все ящики. Но письма все-таки не было.

Она написала Гаэтано второе письмо, но и на него не получила отвѣта.

Тогда она начала убѣждать себя въ томъ, что казалось ей невозможнымъ. Она старалась приучить себя къ мысли, что Гаэтано не любитъ ее.

Чѣмъ сильнѣе проникалась она этой увѣренностью, тѣмъ рѣже стала она выходить изъ дома. Она начала бояться людей и охотнѣе всего сидѣла одна.

День ото дня становилась она слабѣе. Она ходила сгорбившись, и даже ея прекрасные глаза утратили свой блескъ и выразительность.

Прошло еще нѣсколько недѣль, и она такъ ослабѣла, что почти не могла держаться на ногахъ и цѣлые дни лежала на диванѣ. Ее томилъ недугъ, который медленно подтачивалъ ея жизненные силы

Она видѣла, что приближается смерть, и эта мысль пугала ее. Но она не могла побороть болѣзни. Было только одно лѣкарство; но оно не приходило.

Въ то время какъ донна Микаэла медленно угасала, жители Діаманте готовились отпраздновать день Санъ-Себастьяно, который приходится въ концѣ января.

Это былъ одинъ изъ большихъ праздниковъ въ Діаманте; но въ послѣдніе годы онъ не справлялся съ обычной пышностью, потому что народъ отъ бѣдности и страданій упалъ духомъ.

Но въ этотъ годъ, послѣ неудачнаго возстанія, когда Сицилія была занята войсками, а любимые народные герои томились въ тюрьмахъ, рѣшено было отпраздновать этотъ день со всѣмъ прежнимъ великолѣпіемъ, потому что, говорили въ народѣ, теперь не время пренебрегать святыми.

И всѣ набожные люди Діаманте рѣшили, что праздникъ будетъ продолжаться восемь дней и въ честь Санъ-Себастьяно городъ будетъ украшенъ флагами и декорированъ, будутъ устроены бѣга, священные процессіи, иллюминаціи и состязанія пѣвцовъ.

Готовились къ празднику поспѣшно и съ усердіемъ. Въ каждомъ домѣ чистили и мыли. Вынимали старыя одѣянія для процессій и готовились къ приему гостей со всей Этны.

Единственнымъ домомъ въ Діаманте, гдѣ не было никакихъ приготовленій, былъ лѣтній дворецъ. Донна Элиза была этимъ глубоко опечалена; но ей никакъ не удавалось уговорить донну Микаэлу позволить украсить ея домъ.

— Какъ можешь ты требовать, чтобы я украсила цвѣтами этотъ домъ скорби, — говорила она. — Розы потеряли бы свои лепестки, если бы я захотѣла скрыть подъ ними печаль, которая царитъ здѣсь.

Но донна Элиза ревностно готовилась къ празднику. Она ждала большого благополучія отъ того, что святыхъ снова начинаютъ

читать, какъ и въ прежнія времена. Она не говорила ни о чемъ другомъ, какъ о томъ, что священники убрали фасадъ собора по старинному сипцианскому обычаю серебряными цвѣтами и зеркалами. И она описывала торжественную процессію: сколько будетъ всадниковъ и какой высоты будутъ перья у нихъ на шляпахъ и какіе длинные посохи, украшенные цвѣтами и съ привязанными къ нимъ восковыми свѣчами, будутъ они держать въ рукахъ.

Когда наступилъ первый день праздника, домъ донны Элизы оказался украшенъ великолѣпнѣе всѣхъ. На крышѣ развѣвались зелено-красно-бѣлые итальянскіе флаги, а на окнахъ и балконахъ висѣли красныя скатерти съ золотой бахромой и вышитыми на нихъ инициалами святого. По стѣнамъ въ причудливыхъ формахъ извивались гирлянды изъ дубовыхъ листьевъ, и въ окнахъ красовались кресты изъ маленькихъ прелестныхъ розъ изъ сада донны Элизы. Надъ входомъ стояло изображеніе святого, обрамленное лиліями, а на порогѣ лежали вѣтви кипариса. А внутри домъ былъ украшенъ такъ же, какъ и снаружи. Съ подвала до чердака былъ онъ вычищенъ и украшенъ цвѣтами, а на полкахъ въ лавкѣ не было ни одного самаго маленькаго и незначительнаго святого, въ рукахъ котораго не было бы иммортели или маргаритки.

Такимъ же образомъ въ бѣдномъ Діаманте были украшены всѣ дома. Флаговъ висѣло такое множество, что они напоминали бѣлье, развѣшанное по улочкѣ, ведущей къ дому маленькаго мавра. Всѣ дома и триумфальныя арки были увѣшаны флагами, а черезъ улицы были протянуты веревки, на которыхъ развѣвались вымпелы.

Черезъ каждые десять шаговъ на улицахъ Діаманте высились арки. И надъ каждой дверью стояла статуя святого, украшенная желтыми маргаритками. Съ балконовъ свѣшивались красныя покрывала и пестрыя скатерти, а по стѣнамъ вились гирлянды.

Всюду было такое множество зелени и цвѣтовъ, что трудно было понять, гдѣ ихъ можно было достать въ январѣ. Все было

украшено вѣнками, цвѣтами. Даже на палки отъ метель были на-
дѣты вѣнки, а въ дверные молотки были воткнуты букеты гіацин-
товъ. А въ окнахъ были выставлены инициалы и имя святого, со-
ставленные изъ голубыхъ и красныхъ анемоновъ.

И между этими разукрашенными домами нарядная толпа шу-
мѣла и волновалась, какъ вышедшая изъ береговъ рѣка. Не только
жители Діаманте праздновали память Санъ-Себастіано. Со всей Этны
сѣхались желтые и пестрые телѣжки, полныя народу и запряженные
лошадьми въ праздничной, блестящей сбруѣ. Нищіе, больные и слѣпые
пѣвцы сходились цѣлыми толпами. А бѣдные люди, которымъ послѣ
несчастья не за кого было молиться, составляли цѣлыя шествія пи-
лигримовъ.

Сохлось такое множество народа, что, казалось, городъ не смо-
жетъ вмѣстить всѣхъ. На улицахъ, въ окнахъ и на балконахъ всюду
видѣлся народъ. На высокихъ каменныхъ лѣстницахъ сидѣли люди,
и лавки были переполнены. Двери на улицу были широко раскрыты,
и въ стѣняхъ полукругомъ стояли стулья, какъ въ театрѣ. Тутъ си-
дѣли хозяева съ гостями и смотрѣли на проходящія процессіи.

На улицахъ стоялъ оглушительный шумъ. Мало того, что всѣ
говорили и смѣялись. Тутъ были шарманщики, которые играли на
шарманкахъ, величиною съ цѣлый органъ. Пѣли уличные пѣвцы;
мужчины и женщины рѣзкими надорванными голосами декламиро-
вали стихи Тассо. Раздавались всевозможныя выкрикиванья, изъ
всѣхъ церквей доносились звуки органовъ, а на площади, на вер-
шинѣ Монте Кіаро, игралъ городской оркестръ, и эта музыка раз-
носилась по всему городу.

Этотъ веселый шумъ, благоуханіе цвѣтовъ и флаги, развѣваю-
щіеся подъ окнами донны Микаэлы, вывели ее изъ оцѣпенѣнія.
Она поднялась, словно услышавъ призывъ жизни.

— Я не хочу умирать, — сказала она себѣ. — Я попробую
жить!

Она взяла подъ руку отца, и они вышли на улицу. Она надѣялась, что внѣшняя жизнь опьянитъ ее и она забудетъ свое горе. „Если мнѣ это не удастся, — думала она, — если ничто не можетъ развлечь меня, тогда мнѣ останется только умереть“.

Въ Діаманте жилъ старый бѣдный каменщикъ, которому хотѣлось къ празднику заработать нѣсколько сольди. Для этого онъ вылѣпилъ изъ лавы нѣсколько бюстовъ Сантъ-Себастьяно и папы Льва XIII. А такъ какъ онъ зналъ, что въ Діаманте любили Гаэтано и печалились объ его участи, то онъ сдѣлалъ нѣсколько и его бюстовъ.

Какъ только Микаэла вышла на улицу, ей встрѣтился этотъ бѣднякъ, предлагавшій свои жалкія маленькія статуэтки.

— Купите дона Гаэтано Алагона, донна Микаэла, — сказалъ онъ. — Купите дона Гаэтано, котораго правительство засадило въ тюрьму за то, что онъ хотѣлъ освободить Сицилію!

Донна Микаэла крѣпко сжала руку отца и быстро прошла дальше.

Но въ дверяхъ сафѣ Еугора стоялъ сынъ хозяина и пѣлъ канцоны. Онъ сочинилъ для праздника нѣсколько новыхъ пѣсень и, между прочимъ, двѣ-три канцоны о Гаэтано; онъ думалъ, что, можетъ быть, народъ захочетъ послушать про него.

Проходя мимо сафѣ, донна Микаэла услышала пѣніе и остановилась послушать.

„Ахъ, Гаэтано Алагона! — пѣлъ юноша. — Пѣснь могущественна. Пѣснями своими я хочу освободить тебя. Сначала пошлю я тебѣ нѣжную канцону. Она проскользнетъ сквозь тюремныя рѣшетки и сломастъ ихъ. Потомъ я пошлю тебѣ советъ, прекрасный, какъ женщина, и онъ подкупитъ твоихъ сторожей. А потомъ я сочиню величественную оду, которая потрясетъ своимъ ритмомъ стѣны темницы. Но если и это не поможетъ, я сложу могучій эпосъ, который обладаетъ цѣлымъ полчищемъ словъ. О, Гаэтано, сильный, какъ

войско, помчится онъ къ тебѣ. Всѣ легіоны древняго міра не смогли бы удержать его“.

Слушая это пѣніе, донна Микаэла судорожно цѣплялась за руку отца, но она ничего не сказала и пошла дальше.

Тогда кавальере Пальмери заговорилъ о Газтано.

— Я не зналъ, что народъ такъ любитъ его, — сказалъ онъ.

— Я тоже, — пробормотала донна Микаэла.

— А сегодня я видѣлъ, какъ пріѣзжіе входили въ лавку донны Элизы и умоляли ее продать имъ что-нибудь изъ его работъ. У нея оставалось только нѣсколько старыхъ четокъ, и я видѣлъ, какъ она разорвала ихъ и раздавала каждому по шарiku.

Донна Микаэла съ дѣтской мольбой взглянула на отца. Но онъ не зналъ, хочетъ ли она, чтобы онъ замолчалъ или говорилъ дальше.

— Старые друзья донны Элизы проходятъ съ Лукой въ садъ, — продолжалъ онъ, — и Лука показываетъ имъ любимые уголки Газтано и огородъ, за которымъ онъ ухаживалъ. А Пачифика сидитъ въ мастерской около станка и рассказываетъ разныя исторіи изъ его дѣтства и жизни.

Дальше онъ не могъ говорить, тѣснота и шумъ были такъ сильны, что ему пришлось замолчать.

Они старались пробраться къ собору. На лѣстницѣ собора по обыкновенію сидѣла старая Ассунта. Она перебирала въ рукахъ четки и повторяла все одну и ту же молитву. Она просила святого вернуть въ Діаманте Газтано, который обѣщалъ помочь всѣмъ бѣднякамъ.

Проходя мимо нея, донна Микаэла ясно услышала:

— Санъ-Себастіано, верни намъ Газтано! Ахъ, будь милостивъ, сжался надъ нашими страданіями, Санъ-Себастіано, верни намъ Газтано!

Донна Микаэла хотѣла войти въ церковь, но, подойдя къ лѣстницѣ, она отступила назадъ.

— Тамъ такая толкотня, — сказала она. — Я не рѣшусь войти!

Они вернулись домой. Но во время ихъ отсутствія донна Элиза рѣшила воспользоваться этимъ случаемъ; она повѣсила флагъ на крышѣ лѣтнаго дворца, накинула ковры на балконы, а когда донна Микаэла вернулась домой, она собралась укрѣпить надъ дверью гирлянду. Донна Элиза не могла перенести, чтобы лѣтній дворецъ стоялъ не украшеннымъ. Она боялась, что святой не поможетъ Діаманте и Гаэтано, если лѣтній дворецъ не будетъ убранъ въ его честь.

Донна Микаэла шла смертельно блѣдная и сгорбленная, какъ старуха.

Она шла и бормотала: „Я не дѣлаю его бюстовъ, я не пою о немъ пѣсень, я не молюсь за него, я не покупаю четокъ его работы. Какъ можетъ онъ повѣрить, что я люблю его? Онъ можетъ любить всѣхъ тѣхъ, кто чтитъ его память; но не меня! Я не принадлежу къ его міру. Меня онъ никогда не полюбитъ“.

И, когда она увидала, что домъ ея хотятъ украсить свѣтами, это показалось ей такой возмутительной жестокостью, что она вырвала вѣнокъ изъ рукъ донны Элизы, бросила его къ ея ногамъ и спросила, ужъ не хочетъ ли она убить ее.

Потомъ она прошла мимо нея по лѣстницѣ и поднялась въ свою комнату. Она бросилась на диванъ и зарылась лицомъ въ подушки.

Только теперь поняла она, какъ виѣшнія условія раздѣляютъ ее и Гаэтано. Народный герой не могъ любить ее.

Потомъ ее охватило сознаніе, что вѣдь она мѣшала ему помогать всѣмъ этимъ бѣднымъ. Какъ онъ долженъ былъ презирать и ненавидѣть ее!

Къ этому примѣшивалось и ея прежнее страданіе. Страданіе — не быть любимой. Это убьетъ ее. Она все лежала и думала, что все кончено и скоро наступитъ смерть.

Но вдругъ она вспомнила маленькое изображеніе Христа. Казалось, что онъ вошелъ въ комнату во всемъ своемъ жалкомъ убогствѣ. Такъ ясно она видѣла его.

Донна Микаэла начала звать о помощи къ Младенцу-Христу. И она удивлялась, что еще раньше не обратилась къ этому доброму помощнику. Но это происходило, вѣроятно, оттого, что изображеніе стояло не въ церкви, а всюду развѣшано съ миссъ Тоттенгамъ, какъ одинъ изъ предметовъ ея музея. Поэтому она и вспомнила о немъ только въ минуту величайшаго отчаянія.

Это было поздно вечеромъ въ тотъ же день. Послѣ обѣда донна Микаэла отпустила всѣхъ слугъ на праздникъ и осталась одна съ отцомъ въ опустѣвшемъ большомъ домѣ. Но около десяти часовъ отецъ ея всталъ съ постели и сказалъ, что хочетъ послушать состязаніе пѣвцовъ на площади. Донна Микаэла боялась остаться одна, и ей пришлось сопровождать его.

Придя на площадь, они увидѣли, что она превращена въ театръ и вся уставлена рядами стульевъ. Все было полно народу, и они съ трудомъ отыскивали себѣ мѣста.

— Какъ прекрасенъ сегодня Діаманте, Микаэла, — сказалъ кавалере Пальмери. Казалось, красота ночи смягчила его. Давно уже онъ не говорилъ съ дочерью такъ просто и дружески.

Донна Микаэла согласилась съ нимъ. Она испытывала то же впечатлѣніе, какъ и въ первый свой пріѣздъ въ Діаманте. Онъ казался ей городомъ чудесъ и красоты, маленькимъ райскимъ уголкомъ.

Передъ ней высилось высокое, величественное зданіе, все устланное сверкающими брилліантами. Она не сразу сообразила, въ чемъ тутъ дѣло.

Это былъ фасадъ собора, украшенный цвѣтами изъ золотой и сере-

брюной бумаги и тысячью маленькихъ зеркалъ, воткнутыхъ между цвѣтами.

А на каждомъ цвѣткѣ висѣли маленькія лампадки съ крошечными фитилями. Соборъ выглядѣлъ очень красиво. Донна Микаэла никогда не видала болѣе великолѣпной иллюминаціи.

На площади не было другого освѣщенія, да его и не требовалось. Эта громадная бриллиантовая стѣна ярко освѣщала все кругомъ. Черный палаццо Джерачи стоялъ огненно-красный, словно озаженный заревомъ пожара.

Но остальной міръ, кромѣ площади, былъ погруженъ въ глубокій мракъ. И ей казалось, что она снова узнаетъ старое волшебное Діаманте, которое находится не на землѣ, а пріютилось, какъ священный городокъ, на небесной горѣ. Ратуша съ ея тяжелыми балконами и высокой лѣстницей, зданіе женскаго монастыря и римскія ворота — все это было величественно и волшебю. И она съ трудомъ соглашалась вѣрить, что въ такомъ городѣ она перенесла такіа страшныя мученія.

Въ этой плотной толпѣ народа было душно. Вѣтеръ былъ теплый, какъ весной. И донна Микаэла ощущала и въ себѣ словно весеннее пробужденіе. Ее охватила какая-то внутренняя дрожь, которая въ одно и то же время нѣжила и пугала ее. То же должны испытывать снѣжныя массы на Этнѣ, когда солнце превращаетъ ихъ въ сверкающіе горные потоки.

Она оглядывала толпу, наполняющую площадь, и удивлялась, почему утромъ люди казались ей такими непріятными. Теперь ее радовало, что они любятъ Газтано. Ахъ, если бы онъ еще любилъ ее, какъ бы она была горда и счастлива любовью всѣхъ этихъ людей.

Тогда она могла бы поцѣловать эти старыя, морщинистыя руки, лѣпившія его бюстъ или складывающіяся въ молитву о немъ.

Пока она думала объ этомъ, двери собора распахнулись, и изъ

нихъ вывели широкую низкую телѣжку. Наверху на покрытомъ краснымъ возвышеніи стоялъ у своего позорнаго столба Сантъ-Себастьяно, а у ногъ его сидѣло четверо пѣвцовъ, которые должны были принять участіе въ состязаніи.

Это были — слѣпой старикъ изъ Николози, бочаръ изъ Каталоніи, считавшійся лучшимъ импровизаторомъ во всей Сициліи, потомъ кузнецъ изъ Термини и маленькій Гандольфо, сынъ привратника ратуши въ Діаманте.

Всѣ удивлялись, что Гандольфо рѣшается выступать въ такомъ опасномъ состязаніи. Или онъ дѣлаетъ это только ради удовольствія своей невѣсты, малютки Розаліи? Никто до сихъ поръ не зналъ, что онъ можетъ импровизировать. Всю свою жизнь онъ не дѣлалъ ничего другого, какъ только ѣлъ мандарины и глазѣлъ на Этну.

Прежде всего бросили жребій, кому выступать первому. Жребій выпалъ на бочара, а Гандольфо пришелся послѣднимъ. Услышавъ объ этомъ, Гандольфо поблѣднѣлъ. Было очень непріятно выступать послѣднимъ, когда всѣ должны говорить на одну тему.

Бочаръ рассказывалъ о Сантъ-Себастьяно, какъ онъ былъ легионеромъ въ Римѣ, какъ за его вѣру его привязали къ позорному столбу и онъ служилъ цѣлью для стрѣлъ своихъ товарищей.

Послѣ него выступилъ слѣпой, который рассказаль, какъ одна благочестивая римлянка нашла мученика, окровавленнаго и пронзеннаго стрѣлами, и какъ ей посчастливилось вернуть его къ жизни. Затѣмъ пришла очередь кузнеца; онъ перечислилъ всѣ чудеса, какія сотворилъ Сантъ-Себастьяно во время чумы, разразившейся въ пятнадцатомъ вѣкѣ въ Сициліи.

Всѣ они заслужили много похвалъ. Они произносили грозныя слова о крови и смерти, и народъ громко одобрялъ ихъ. Но жители Діаманте беспокоились объ участи Гандольфо.

— Кузнецъ отнял у него всю его рѣчь. Онъ потерпитъ неудачу, — говорили они.

— О,— говорили другіе, — маленькая Розалія не вынетъ изъ-за этого обручальной ленты изъ своей косы.

Гандольфо сидѣлъ, съжившись, въ своемъ уголкѣ. Онъ становился все меньше и меньше. Сидѣвшіе ближе къ нему могли слышать, какъ зубы его щелкали отъ страха.

Когда, наконецъ, пришелъ его чередъ и онъ всталъ, чтобы начать импровизировать, онъ оказался еще болѣе жалкимъ и ничтожнымъ, чѣмъ можно было ожидать. Онъ произнесъ нѣсколько стиховъ, но это было только повтореніемъ того, что сказали уже другіе.

Онъ вдругъ замолчалъ и глубоко перевелъ духъ. И въ это мгновеніе его охватила эвергія отчаянія. Онъ выпрямился, и легкая краска выступила у него на щекахъ.

— О, синьоры,— проговорилъ маленькій Гандольфо,— позвольте мнѣ сказать о томъ, о чемъ я постоянно думаю! Позвольте мнѣ говорить о томъ, кого непрестанно вижу передъ глазами!

И онъ заговорилъ, не запинаясь и съ все-возрастающей силой, о томъ, чему онъ самъ былъ свидѣтелемъ.

Онъ рассказывалъ, какъ онъ — сынъ привратника ратуши, пробрался черезъ темный чердакъ и спрятался на трибунахъ залы суда въ ту ночь, когда тамъ собрался военный судъ, чтобы вынести приговоръ надъ бунтовщиками.

И онъ увидалъ дона Газтано Алагона, который сидѣлъ на скамьѣ подсудимыхъ среди кучи злодѣевъ, которые были хуже звѣрей.

Онъ рассказывалъ, какъ прекрасенъ былъ Газтано. Маленькому Гандольфо онъ казался божественнымъ среди ужасныхъ людей, окружавшихъ его. И онъ описывалъ этихъ бандитовъ съ ихъ дикими свирѣпыми лицами, всклокоченными волосами и угловатыми членами. Онъ говорилъ, что при взглядѣ на нихъ у cadaго замирало въ груди сердце.

И все-таки во всей своей красотѣ Газтано былъ страшнѣе этихъ людей. Гандольфо не могъ понять, какъ рѣшаются они сидѣть на

скамьи рядомъ съ нимъ. Изъ-подъ сдвинутыхъ бровей онъ бросалъ на нихъ сверкающіе взгляды, которые могли бы пронзить ихъ души, если бы у нихъ были души, какъ у другихъ людей.

— Кто вы? — казалось, спрашивалъ онъ, — что осмѣлились грабить и убивать, прикрываясь призывомъ къ святой свободѣ? Знаете ли вы, что вы сдѣлали? Знаете ли вы, что, благодаря вашему преступленію, схваченъ и я? Я, хотѣвшій спасти Сицилію! — И каждый его взглядъ, брошенный на нихъ, былъ ихъ смертнымъ приговоромъ.

Взгляды его упали на вещи, украденныя бандитами и лежащія теперь передъ судьями. Онъ узналъ ихъ. Развѣ могъ онъ не узнать часовъ и серебряныхъ блюдъ изъ лѣтняго дворца, святыхъ изображеній и монетъ, украденныхъ у его покровительницы - англичанки? И когда онъ узналъ всѣ эти предметы, онъ съ усмѣшкой взглянулъ на своихъ сосѣдей. И усмѣшка эта говорила: — Вы герои! Вы — герои, вы обокрали двухъ женщинъ!

Выраженіе быстро мѣнялось на его благородномъ лицѣ. Гандольфо видѣлъ, какъ лицо его вдругъ исказилось невѣроятнымъ ужасомъ. Это было, когда сидѣвшій рядомъ съ нимъ разбойникъ протянулъ свою окровавленную руку. Можетъ быть, онъ заподозрѣлъ истину? Можетъ быть, онъ подумалъ, что разбойники разгромили домъ, гдѣ жила его милая?

Гандольфо рассказывалъ, какъ офицеры, назначенные въ судья, вошли тихо, серьезно и молча заняли свои мѣста. Но, говорилъ онъ, увидя этихъ важныхъ господъ, онъ немного успокоился. Онъ сказалъ себѣ, что они знаютъ, что Гаэтано благородный дворянинъ, и не осудятъ его. Они не смѣшаютъ его съ бандитами. Кто же можетъ повѣрить, что онъ ограбилъ двухъ женщинъ.

И знаете, когда судья вызвалъ Гаэтано Алагона, голосъ его не звучалъ сурово. Онъ говорилъ съ нимъ, какъ съ равнымъ себѣ.

— Но, — продолжалъ Гандольфо, — когда Гаэтано всталъ, ему

стало видно площадь. А по площади, по этой самой площади, гдѣ теперь царятъ радость и веселье, двигалось похоронное шествіе.

Это бѣлые братья переносили тѣло убитой Джіанниты въ домъ ея матери. Они шли съ факелами, и ясно были видны носилки, которыя они несли на плечахъ. Въ то время, какъ шествіе медленно двигалось черезъ площадь, можно было разглядѣть покровъ, брошенный на тѣло. Это былъ покровъ Алагона, украшенный пестрыми гербами и богатой серебряной бахромой. Увидя это, Гаэтано понялъ, что убитая была изъ рода Алагона. Лицо его покрылось мертвенной блѣдностью, и онъ покачнулся, словно готовый упасть.

Въ эту минуту судья спросилъ его: — Вы знаете убитую?

И онъ отвѣтилъ: — Да! — И судья, у котораго было доброе сердце, продолжалъ: — Она была близка вамъ?

И донъ Гаэтано отвѣтилъ: — Я любилъ ее!

Когда Гандольфо дошелъ до этого мѣста разсказа, донна Микаэла быстро поднялась съ мѣста, какъ бы желая возразить ему, но кавальере Пальмери быстро удержалъ ее.

— Тише, тише! — сказалъ онъ.

И она тихо опустилась на свое мѣсто, закрывъ лицо руками. Она слегка покачивалась и изрѣдка слабо стонала.

А Гандольфо разсказывалъ дальше, что судья, выслушавъ признаніе Гаэтано, указалъ на его соучастниковъ и спросилъ: — Если вы любите эту женщину, какъ же вы могли быть заодно съ ея убійцами?

Тогда донъ Гаэтано обернулся къ бандитамъ. Онъ поднялъ сжатые кулаки и потрясъ ими. И казалось, будь у него подъ руками кинжалъ, онъ закололъ бы ихъ всѣхъ, одного за другимъ.

— Съ ними! — воскликнулъ онъ. — У меня есть что-нибудь общее съ ними?

И, конечно, онъ собирался высказать, что ничего не имѣетъ общаго съ разбойниками и убійцами. Судья ласково улыбнулся ему и казалось, только и ждалъ этого отвѣта, чтобы освободить его.

Но въ это время произошло чудо.

И Гандольфо разсказаль, что среди награбленныхъ вещей передъ судьями лежало и маленькое изображеніе Христа. Оно было длиною въ два фута, богато увѣшано драгоценностями, съ золотой короной и въ золотыхъ башмачкахъ. Въ эту минуту одинъ изъ офицеровъ наклонился, чтобы взять изображеніе, и отъ этого движенія корона съ него упала и подкатилась къ ногамъ Газтано.

Газтано поднялъ корону Христа и одно мгновеніе пристально разсматривалъ ее. Казалось, что онъ что-то прочелъ на ней.

Онъ поддержаль ее въ рукахъ не больше мгновенія, затѣмъ конвойный солдатъ взялъ ее у него.

Донна Микаэла почти съ испугомъ взглянула на Гандольфо. Изображеніе Христа! Снова оно! Неужели она сейчасъ же получить отвѣтъ на свою мольбу?

Гандольфо продолжалъ:— Но, когда донъ Газтано поднялъ голову, всѣ задрожали, какъ при видѣ чуда, такъ сильно онъ вдругъ измѣнился.

О, синьоры, лицо его было такъ блѣдно, что казалось прозрачнымъ, а глаза его смотрѣли кротко и мягко. Весь гнѣвъ его сразу пропалъ.

И онъ началъ просить за бандитовъ, онъ просилъ пощадить ихъ жизнь.

Онъ просилъ, чтобы они не убивали этихъ несчастныхъ. Онъ умолялъ милостивыхъ судей сдѣлать для нихъ что-нибудь, чтобы они могли начать жить, какъ и другіе люди.— Вѣдь у насъ есть только эта жизнь,— говорилъ онъ.— Наше царство лишь на землѣ!

Онъ началъ говорить о томъ, какъ живутъ эти люди. Онъ говорилъ, словно читая въ ихъ душахъ. Онъ разсказывалъ исторіи ихъ жизней такими же печальными и мрачными, какъ онѣ и были въ дѣйствительности. Онъ говорилъ такъ хорошо, что многіе изъ судей плакали.

Слова его звучали такъ сильно и властно, что, казалось, Газтано былъ судьей, а судьи — преступниками.

— Видите вы, — говорилъ онъ имъ, — по чьей винѣ гибнуть эти несчастные? Развѣ вы, имѣющіе власть, не должны были позаботиться о нихъ?

И видно было, какъ всѣ они ужаснулись ответственности, какую онъ возложилъ на нихъ.

Но судья вдругъ прервалъ его:

— Говорите въ свою защиту, Газтано Алагона, — сказалъ онъ, — а не защищайте другихъ!

Донъ Газтано разсмѣялся на это.

— Синьоръ, — сказалъ онъ, — я знаю такъ же мало, какъ и вы, въ чемъ я долженъ защищаться. Но одно я, дѣйствительно, совершилъ! Я бросилъ свое призваніе въ Англіи и вернулся въ Сицилію чтобы поднять возстаніе! Я привезъ съ собой оружіе. Я говорилъ возбуждательныя рѣчи. Я тоже кое-что сдѣлалъ, хотя и немного!

Судья почти умолялъ его:

— Не говорите такъ, донъ Газтано, — говорилъ онъ. — Подумайте о своихъ словахъ.

Но онъ сдѣлалъ признанія, которыя вынудили ихъ осудить его.

Когда они сказали, что онъ приговоренъ къ двадцати девяти годамъ заключенія, онъ воскликнулъ:

— Теперь исполнится желаніе той, которую только что пронесли мимо. А со мной пусть будетъ, что будетъ!

— Больше я не видалъ его, — проговорилъ маленькій Галдольфо, — потому что конвойные солдаты окружили его и увели.

— А я, слыша, какъ онъ просилъ за убійцъ своей возлюбленной, я радовался, что тоже могу кое-что сдѣлать для него.

— Я радовался, что скажу прекрасную импровизацію Санъ-Себастьяно, и онъ поможетъ ему. Но мнѣ это не удалось. Я не импровизаторъ, я ничего не сумѣлъ сказать!

Тутъ онъ замолчалъ и съ громкимъ плачемъ бросился передъ изображеніемъ Санъ-Себастіано.

— Прости меня, что я не сумѣлъ ничего сказать! — воскликнулъ онъ, — и все-таки помоги ему! Ты вѣдь знаешь, когда они осудили его, я рѣшилъ сдѣлать это ради него, чтобы ты спасъ его. А теперь я ничего не сумѣлъ, и за это ты не поможешь ему!

Донна Микаэла сама не знала, какъ это случилось, что она и малютка Розалія, любившая Гандольфо, одновременно очутились возлѣ него. Онѣ обѣ обнимали и цѣловали его и говорили, что никто не сказалъ лучше его, никто, никто! Развѣ онъ не видѣлъ, что онѣ плакали? Санъ-Себастіано былъ имъ доволенъ. Донна Микаэла надѣла кольцо на руку юноши, а вокругъ всѣ замахали пестрыми платками, которые въ яркомъ свѣтѣ иллюминированнаго собора сверкали, какъ морскія волны.

— Да здравствуетъ Газтано! Да здравствуетъ Гандольфо! — кричала толпа.

И на маленькаго Гандольфо дождемъ посыпались цвѣты, плоды, шелковые платки и разныя украшенія. Донну Микаэлу почти силой отгѣснили отъ него. Но она больше не боялась. Она стояла среди волнующейся толпы и плакала. Слезы текли у нея по лицу, и она радовалась, что можетъ плакать. Это было высшее благодѣаніе!

Ей снова хотѣлось пробраться къ Гандольфо, она недостаточно отблагодарила его. Вѣдь онъ разсказалъ, что Газтано любитъ ее. Когда онъ произнесъ слова: „Теперь исполнится желаніе той, которую только что пронесли“, — она вдругъ поняла, что Газтано думалъ, что это ее несутъ подъ покровомъ дома Алагона.

И обѣ этой умершей онъ сказалъ: „Я люблю ее“.

Кровь снова потекла въ ея жилахъ, сердце ея билось, слезы текли изъ глазъ.

— Это жизнь, это жизнь! — шептала она, безвольно увлекаемая

топой то въ ту, то въ другую сторону. — Жизнь снова вернулась ко мнѣ! Я не умру!

Всѣ толпились вокругъ маленькаго Гандольфо, чтобы поблагодарить его за то, что въ эти дни подавленности, когда все казалось потеряннымъ, онъ подарилъ имъ снова любовь и надежду.

КНИГА ВТОРАЯ.

„Антихристъ будетъ ходить
изъ страны въ страну и разда-
вать хлѣбъ неимущимъ“.

I.

Жена великаго человѣка.

Это было въ февралѣ. Миндалевыя деревья начали цвѣсти на черной лавѣ вокругъ Діаманте.

Кавалере Пальмери сдѣлалъ прогулку на Этну и принесъ домой большую миндалевую вѣтвь, усыпанную бутонами и цвѣтами, и поставилъ ее въ вазу въ концертной залѣ.

Донна Микаэла задрожала при видѣ цвѣтовъ. Опять зацвѣли миндалевыя деревья. И теперь, въ продолженіе цѣлаго мѣсяца, цѣлыхъ шести недѣль только и будетъ видно эти цвѣты.

Они будутъ стоять на алтаряхъ въ церквахъ, лежать на могилахъ, ихъ будутъ носить въ петлицахъ, въ волосахъ, на шляпахъ. Они будутъ цвѣсти по всѣмъ дорогамъ, на вершинахъ развалинъ, на горной лавѣ.

И каждая миндалевая вѣтвь будетъ напоминать ей то время, когда Гаэтано былъ свободенъ и счастливъ и она мечтала о томъ, чтобы провести съ нимъ всю жизнь.

Ей казалось, что она только теперь вполнѣ поняла, что онъ далеко и въ заключеніи, и что она никогда больше не увидитъ его.

Она опустилаcь на стулъ, чтобы не упасть, ей казалось, что сердце ея перестаетъ биться, и она закрыла глаза.

Сидя такъ, она впала въ какое-то забытѣе.

Ей представлялось, что она у себя дома, во дворцѣ въ Катаніи. Она сидитъ въ высокомъ вестибюлѣ и читаетъ. Она — веселая молодая синьорина Пальмери. И вотъ слуги вводятъ къ ней торговца. Это красивый молодой человѣкъ, въ петлицѣ у него цвѣты миндаля. На головѣ онъ держитъ лотокъ съ маленькими статуэтками святыхъ, вырѣзанными изъ дерева.

Она покупаетъ нѣсколько статуэтокъ, а молодой человѣкъ въ это время не сводитъ глазъ съ произведеній искусства, украшающихъ вестибюль. Она спрашиваетъ его, не хочетъ ли онъ осмотрѣть ея коллекціи. Разумѣется, онъ хочетъ, и она идетъ съ нимъ и сама все показываетъ ему.

Его восторгъ при видѣ всего окружающаго убѣждаетъ ее, что онъ истинный художникъ, и она общается себѣ не забыть его. Она спрашиваетъ, откуда онъ родомъ. Онъ отвѣчаетъ: — „Изъ Діаманте“. — „Это далеко отсюда?“ — „Четыре часа ѣзды въ почтовой каретѣ“. — „А по желѣзной дорогѣ?“ — „Въ Діаманте не проходитъ желѣзная дорога, синьорина“. — „Такъ вы должны провести ее“. — „Мы слишкомъ бѣдны для этого. Попросите богачей Катаніи, чтобы они построили намъ желѣзную дорогу“!

Сказавъ это, онъ уходитъ, но въ дверяхъ онъ оборачивается, подходитъ къ ней и подаетъ ей миндалевые цвѣты. Это въ благодарность за всѣ тѣ чудеса, что она показала ему.

Очнувшись, донна Микаэла не знала, сонъ ли это, или подобный случай дѣйствительно былъ. Гаэтано могъ зайти въ палатцу Пальмери, продавая свои статуэтки; хотя это и исчезло изъ ея памяти. И вотъ теперь миндалевые цвѣты пробудили въ ней это далекое воспоминаніе.

Но это было безразлично, совершенно безразлично. Главное то, что молодой рѣзчикъ по дереву былъ Гаэтано. Ей казалось, что она только что говорила съ нимъ, ей чудилось, что она слышитъ, какъ хлопнула за нимъ дверь.

И тутъ же ей пришло въ голову, что она должна построить желѣзную дорогу изъ Катаніи въ Діаманте.

Гаэтано несомнѣнно явился ей, чтобы просить ее объ этомъ. Это было его желаніемъ, и она чувствовала, что должна повиноваться ему.

Она и не пыталась отклониться отъ этого. Она была убѣждена, что для Діаманте желѣзная дорога необходимѣе всего. Она слышала, какъ Гаэтано говорилъ однажды, что Діаманте скоро стало бы богатымъ городомъ, если бы у него была желѣзная дорога, по которой онъ отправлялъ бы свои апельсины, вина, медъ и миндаль и по которой въ него наѣзжали бы путешественники.

Ей было совершенно ясно, что она должна осуществить этотъ планъ. Она должна попытаться во всякомъ случаѣ. Разъ Гаэтано этого желаетъ, она должна повиноваться.

Она сейчасъ же начала высчитывать, какой суммой располагаетъ она сама. Но ея денегъ было далеко не достаточно. Надо было собрать капиталъ. Съ этого ей слѣдуетъ начать.

Она сейчасъ же отправилась къ доннѣ Элизѣ, съ просьбой помочь ей устроить базаръ.

Донна Элпза подняла глаза отъ своего вышиванія.

— Зачѣмъ ты хочешь устроить базаръ?

— Я хочу собрать денегъ на постройку желѣзной дороги.

— Какъ это похоже на тебя, донна Микаэла; никому другому это и въ голову бы не пришло.

— Что ты хочешь этимъ сказать, донна Элиза?

— Ахъ, ничего!

И донна Элиза снова принялась за работу.

— Такъ ты не хочешь помочь мнѣ въ устройствѣ базара?

— Нѣтъ, не хочу!

— И ты не хочешь ничего пожертвовать на него?

— Тому, кто недавно потерялъ мужа, — возразила донна Элиза, — не слѣдуетъ пускаться въ пустыя затѣи!

Донна Микаэла поняла, что донна Элиза за что-то сердится на нее и за это не хочетъ ей помочь. Но вѣдь найдутся другіе, которые поймутъ, что это великолѣпная идея, которая спасетъ Діаманте.

Но донна Микаэла понапрасну стучалась изъ двери въ дверь. Несмотря на все ея краснорѣчіе и просьбы, она нигдѣ не встрѣтила сочувствія.

Она старалась объяснить имъ, она расточала всю силу своего убѣжденія, — никто не хотѣлъ притти на помощь ея плану.

Куда бы она ни обращалась, всюду ей отвѣчали, что для этого они слишкомъ бѣдны. Жена синдика отклонила ея просьбу. Она не позволить своимъ дочерямъ продавать на базарѣ. Донъ Антоніо Греко, владѣлецъ театра маріонетокъ, отказался дать представленіе. Городской оркестръ не хотѣлъ участвовать. Ни одинъ торговецъ не давалъ для продажи своихъ товаровъ. Донна Микаэла встрѣчала только насмѣшки.

Желѣзная дорога! Желѣзная дорога! Она сама не понимала, что говорить. Для этого необходимы акціонерное общество, уставъ и концессія. Какъ можетъ женщина справиться съ этимъ.

Но нѣкоторые не только смѣялись, но еще и возмущались затѣей донны Микаэлы.

Она отправилась, наконецъ, въ лавку, въ видѣ погреба, около стараго бенедиктинскаго монастыря, гдѣ донъ Памфіліо рассказывалъ рыцарскіе романы. Она пришла спросить его, согласится ли онъ притти къ ней на базаръ и позабавить публику своими рассказами о Карлѣ Великомъ и его паладинахъ. Но, такъ какъ онъ былъ занятъ рассказомъ, она сѣла на лавку и стала ждать.

Она глядѣла на донну Кончетту, жену дона Памфіліо, которая сидѣла на эстрадѣ у его ногъ и вязала чулокъ. И все время, пока

донъ Памфилю говорить, донна Кончетта шевелила губами. Она такъ часто слышала его рассказы, что знала всѣ эти романы наизусть и шептала слова, прежде чѣмъ донъ Памфилю успѣвалъ ихъ произнести. Но она слушала ихъ всегда съ одинаковымъ удовольствіемъ и плакала и смѣялась, какъ будто слушала ихъ въ первый разъ.

Донъ Памфилю былъ человѣкъ старый, много говорившій на своемъ вѣку, такъ что голосъ часто измѣнялъ ему, когда дѣло доходило до великихъ боевыхъ сценъ и приходилось говорить быстро и громко. Но донна Кончетта, зная всѣ исторіи наизусть, никогда не продолжала за донна Памфилю; она только дѣлала знакъ слушателямъ, что они должны подождать, пока къ нему снова вернется голосъ. Если же ему измѣняла память, то донна Кончетта дѣлала видъ, что спустила петлю, подносила чулокъ къ самымъ глазамъ и незамѣтно для другихъ подсказывала ему нужное слово. Всѣ знали, что донна Кончетта могла бы рассказывать всѣ эти романы не хуже мужа и что она никогда не смѣлаетъ этого не только потому, что она считаетъ это неподходящимъ для женщины занятіемъ, но и потому, что это не доставило бы ей такого большого удовольствія, какъ слушать своего милаго донна Памфилю.

Донна Микаэла замечталась, глядя на донну Кончетту. О, сидѣть такъ на эстрадѣ у ногъ возлюбленнаго, сидѣть такъ изо дня въ день, слушать и благоговѣть. Она знала, кому бы это подошло.

Когда донъ Памфилю кончилъ свой рассказъ, донна Микаэла подошла къ нему и просила его помочь ей. Ему было очень трудно отказать ей, — такъ умоляюще смотрѣла она на него. Но ему на помощь подоспѣла донна Кончетта.

— Памфилю, — сказала она, — расскажи доннѣ Микаэлѣ о Гульельмо Зломѣ!

И донъ Памфилю началъ

— Донна Микаэла, — началъ онъ, — знаете ли вы, что нѣ-

когда въ Сициліи былъ король Гудельмо, прозванный Злымъ. Онъ былъ такой алчный, что отбиралъ у подданныхъ всѣ ихъ деньги. Всѣмъ, у кого были золотыя монеты, онъ приказывалъ приносить ихъ къ себѣ. И онъ былъ такой суровый и жестокий, что никто не смѣлъ ослушаться его.

„И вотъ, донна Микаэла, тогда Гудельмо Злой захотѣлъ узнать, не утаилъ ли кто-нибудь хоть одну золотую монету. Для этого онъ послалъ своего слугу съ своимъ лучшимъ конемъ на Корсо въ Палермо. И слуга, предлагая коня, громко кричалъ: „Продается за одну золотую монету, только за одну золотую монету!“ Но никто не могъ купить коня.

„Но конь былъ великолѣпный, и одинъ юноша, герцогъ Монте-фіасконе, пришелъ отъ него въ восторгъ. „Для меня нѣтъ больше радости на свѣтѣ, какъ купить этого коня“,— сказалъ онъ своему гофмейстеру. — „Герцогъ,—отвѣчалъ гофмейстеръ,— я укажу вамъ, гдѣ вы можете найти золотую монету. Когда герцогъ, отецъ вашъ, скончался и его перенесли въ монастырь капуциновъ, я по старинному обычаю вложилъ ему въ ротъ золотую монету. Вы можете взять ее, герцогъ!“

„Вы знаете, конечно, донна Микаэла, что въ Палермо умершихъ не зарываютъ въ землю. Ихъ переносятъ въ монастыри капуциновъ, гдѣ монахи подвѣшиваютъ ихъ въ особой покойницкой комнатѣ. Ахъ, сколько ихъ виситъ тамъ! Сколько дамъ въ шелковыхъ и серебряныхъ одеждахъ, сколько знатныхъ господъ съ орденами въ петлицахъ, сколько священниковъ въ сутанахъ на скелетахъ и со скуфьями на черепахъ.

„Юный герцогъ послѣдовалъ совѣту. Онъ отправился въ капуцинскій монастырь, вынулъ изо рта отца золотую монету и купилъ коня.

„Но вы, конечно, понимаете, что король послалъ слугу со своимъ конемъ только для того, чтобы узнать, не осталось ли у кого золотыхъ монетъ. И вотъ герцога призывали къ королю.

„— Какъ случилось, что у тебя еще остались золотыя монеты?— спросилъ Гульельмо Злой.

„— Государь, это деньги не мои, а моего отца.

„И онъ разсказалъ, какъ онъ досталъ монету.— „Это правда,— сказалъ король,— я совсѣмъ забылъ, что мертвые владѣютъ золотомъ“.— И онъ послалъ своихъ слугъ къ капуцинамъ и велѣлъ отобрать всѣ монеты, вложенныя въ уста умершихъ“.

Такъ закончилъ старый донъ Памфилио свой разсказъ. А донна Кончетта обратилась къ доннѣ Микаэлѣ, сверкая гнѣвнымъ взглядомъ:

— Вотъ и вы взяли коня и вышли съ нимъ на улицу! — сказала она.

— Я... я?

— Вы, вы, донна Микаэла! Что скажетъ правительство? Въ Діаманте строятъ желѣзную дорогу. Значитъ, тамъ народъ богатый! И они повысятъ на насъ налоги. А Богъ видитъ, что мы не сможемъ заплатить и теперешнихъ налоговъ, если мы даже отправимся въ монастыри и ограбимъ своихъ предковъ.

Донна Микаэла старалась успокоить ее.

— Васъ подослали узнать, нѣтъ ли у насъ еще денегъ. Вы шпионка богатыхъ, вы стоите заодно съ правительствомъ. Эти кровопійцы въ Римѣ подкупили васъ!

Донна Микаэла отвернулась отъ нея.

— Я пришла, чтобы поговорить съ вами, донъ Памфилио,— сказала она старику.

— Но, отвѣчу вамъ я,— воскликнула донна Кончетта, — это очень непріятно, и я беру это на себя. Я знаю обязанности жены великаго человѣка, донна Микаэла!

Донна Кончетта замолчала, потому что нарядная дама глядѣла на нее съ такой мучительной завистью, что старухѣ стало почти жаль ее. Ахъ, Боже мой, разумѣется, есть разница между такими людьми, какъ донъ Ферранте и донъ Памфилио.

II.

Panem et circenses!

Въ Діаманте путешественникамъ показываютъ развалины двухъ дворцовъ, которые никогда, впрочемъ, не были достроены. Большія оконныя отверстія зіяютъ безъ рамъ, высокія стѣны стоятъ безъ крышъ, а ворота всегда завалены досками и соломой. Оба дворца стоятъ на одной и той же улицѣ, одинъ противъ другого, одинаково недостроенные и запущенные. Вокругъ нихъ не видно лѣсовъ, и никто не можетъ проникнуть внутрь. Кажется, что они построены только для голубей.

Послушайте, что мнѣ рассказывали про нихъ:

„Что такое женщина, синьора? Ножки ея такъ малы, что она проходитъ по свѣту, не оставляя послѣ себя слѣда. Для мужчины она все равно, что его тѣло. Она слѣдуетъ за нимъ всю его жизнь, а онъ и не замѣчаетъ ее.

„Отъ женщины нельзя требовать многого. Вѣдь она цѣлый день сидитъ взаперти, какъ невольница. Она не умѣетъ даже правильно написать любовной записки. Она ничего не можетъ сдѣлать какъ слѣдуетъ. Когда она умираетъ, не знаешь даже, что написать на могильномъ камнѣ. Всѣ женщины одинаковы въ своемъ развитіи.

„Но однажды въ Діаманте прибыла женщина, которая была нѣсколько выше всѣхъ остальныхъ, насколько столѣтняя пальма выше травы. Она владѣла тысячами лиръ и могла распоряжаться ими, какъ хотѣла. Она никому не уступала дороги. Она не боялась ненависти толпы. Она была величайшее чудо, когда-либо виданное простыми смертными.

„Разумѣется, это не была сициліянка. Она была англичанкой.

Пріѣхавъ, она сейчасъ же сняла весь первый этажъ гостиницы для себя одной. Для нея это было пустяки! Все Діаманте было недостаточно велико для нея.

„Разумѣется, Діаманте было мало для нея. И, поселившись въ немъ, она начала распоряжаться въ городѣ, какъ королева. Синдикъ вынужденъ былъ повиноваться ей. Развѣ она не заставила его поставить на площади каменные скамьи? Развѣ не по ея приказанію стали мести каждый день улицы?

„Когда она просыпалась, всѣ молодые люди Діаманте уже толпились у ея дверей, чтобы сопровождать ее на прогулку. Сапожники и каменщики побросали свои дѣла, чтобы служить ей проводниками. Они продавали шелковыя одежды своихъ матерей и покупали дамскія сѣдла своимъ осламъ, чтобы она могла кататься на нихъ къ замку и Tre Castagni. Они продавали дома и покупали лошадей и экипажи, чтобы катать ее въ Рандаццо и Пиколози.

„Всѣ мы были ея рабами. Дѣти начали просить милостыню по-англійски, а слѣпцы старухи у дверей гостиницы донна Пепи и донна Тура надѣли бѣлоснѣжныя покрывала, чтобы понравиться ей.

„Вокругъ нея царяла жизнь и движеніе, процвѣтали ремесла и руководѣля. Тѣ, кто не зналъ никакого ремесла, рыли землю и отыскивали въ ней старинныя монеты и глиняную утварь для продажи англичанкѣ. Въ городѣ появились фотографы, которые работали на нее. Продавцы коралловыхъ и черепаховыхъ издѣлій выросли вокругъ нея какъ изъ-подъ земли. Священники Santa-Agnese откапывали для нея древній театръ Діониса, находившійся нѣкогда позади ихъ церкви; и всѣ владѣльцы полуразрушенныхъ виллъ выкапывали изъ глубокихъ подваловъ остатки мозаичныхъ половъ и торжественно приглашали ее взглянуть на нихъ.

„Въ Діаманте и раньше бывали иностранцы, но всѣ они пріѣзжали и уѣзжали, и никто изъ нихъ не достигалъ такого могущества. И скоро въ городѣ не осталось ни одного чело́вѣка, который не

возлагалъ бы всѣхъ своихъ надеждъ на англійскую синьорину. Ей удалось даже оживить Уго Фавара. Вы знаете Уго Фавара, адвоката, который могъ бы стать великимъ человѣкомъ, но ему не посчастливилось, и онъ вернулся на родину совершенно разбитый. Она поручила ему завѣдывать ея дѣлами. Онъ былъ нуженъ ей, и она взяла его.

„Никогда въ Діаманте не было женщины, которая занималась бы подобными дѣлами. Она захватила все, какъ шильная трава весной. Сегодня нѣтъ и признака травы, а завтра она уже разрослась въ цѣлый кустъ. Скоро нельзя было и шагу ступить, чтобы не попасть въ ея владѣнія. Она покупала имѣнья, дома въ городѣ, миндалевыя рощи и поля лавы. Ей принадлежали на Этнѣ мѣстечки съ прелестными видами, и она же скупала безплодные пустоши на равнинѣ. А въ городѣ она начала строить два большихъ дворца. Она хотѣла жить въ нихъ и управлять своимъ королевствомъ.

„Никогда больше уже не встрѣтится подобная женщина. И всего этого ей было мало. Она хотѣла еще вступить въ борьбу съ бѣдностью, подумайте, синьора, съ сицилійской бѣдностью! Сколько денегъ раздавала она каждый день и сколько раздаривала по праздникамъ! Большія повозки, запряженные парой воловъ, отправлялись въ Катанію и возвращались нагруженные одеждой и разными другими предметами. Она рѣшила, что въ городѣ, гдѣ она править, никто не долженъ ходить въ лохмотьяхъ.

„Но послушайте, чѣмъ кончилась ея борьба съ бѣдностью и что стало съ ея королевствомъ и дворцами.

„Она устроила пиръ для бѣдняковъ Діаманте, а послѣ пира — спектакль въ греческомъ театрѣ. Все было устроено такъ, какъ сдѣлалъ бы древній царь. Но слыхано ли, чтобы такія затѣи приходили въ голову женщинѣ?

„Она пригласила всѣхъ бѣдняковъ. Тутъ были и обѣ слѣпыя отъ дверей гостиницы и старая Ассунта отъ собора. Тутъ былъ и

человѣкъ съ почтоваго двора, лицо котораго, пораженное ракомъ, всегда было повязано краснымъ платкомъ, и идіотъ, приставленный къ воротамъ греческаго театра. Тутъ были и погонщики ословъ, и безрукіе братья, которые въ дѣтствѣ взорвали бомбу и лишились пальцевъ, и инвалидъ съ деревянной ногой, и старикъ столяръ, который былъ такъ старъ, что не могъ уже работать.

„Странно было видѣть всѣхъ этихъ бѣдняковъ, выползшихъ изъ своихъ норъ. Сюда сошлись и старухи, которыя цѣлыми днями пряли въ темныхъ переулкахъ, пришелъ шарманщикъ, шарманка котораго была величиной съ органъ, пришелъ и молодой странствующій мандолинистъ изъ Неаполя, извѣстный своими выдумками. Всѣ слѣпые, разслабленные, всѣ неимѣющіе крова, всѣ, кто собиралъ себѣ на обѣдъ щавель, растущій при дорогѣ, каменщикъ, зарабатывающій въ день одну лиру, на которую онъ долженъ былъ прокормить шестерыхъ дѣтей — всѣ были приглашены и пришли на праздникъ.

„Нищета вывела свои полки передъ англійской синьориной. У кого есть такое войско, какъ у нищеты! Но на одинъ день англійская синьорина могла побѣдить его.

„Она основательно приготовилась къ борьбѣ и побѣдѣ. Вся площадь была заставлена накрытыми столами. Всѣ каменные скамьи, тянушіяся вдоль стѣнъ собора, были уставлены бочонками съ виномъ. Пустой женскій монастырь она обратила въ кухни и столовые. Вся иностранная колонія въ Діаманте повязалась бѣлыми фартуками и раздавала кушанья. А остальные жители Діаманте, которые живутъ въ достаткѣ, прохаживались по площади въ качествѣ зрителей.

„О, въ зрителяхъ недостатка не было! Зрителями были и величественная Этна и сверкающее солнце! И красныя горы и древній храмъ Вулкана, посвященный теперь Сандъ-Паскале! И никогда еще имъ не приходилось видѣть, чтобы все Діаманте было сыто. Никто изъ нихъ не думалъ до сихъ поръ, что сами они стали бы

прекраснѣе, если бы ими любовались люди сытые, которымъ голодъ не кричитъ въ уши и не гонится за ними по пятнмъ.

„Но замѣьте себѣ одно! Какъ ни была замѣчательна и могущественна эта синьорина, она была все-таки очень некрасива. Несмотря на всю свою власть, она не была ни привлекательна, ни привѣтлива. Въ ея приказаніяхъ не было ласки, и не было радости въ ея наградахъ. У нея было тяжелое, неповоротливое тѣло, и такой же тяжелой и неповоротливой была и ея душа.

„Но въ день обѣда для бѣдняковъ она словно преобразилась. На нашемъ островѣ живетъ рыцарскій народъ. Никто изъ всѣхъ бѣдняковъ не далъ ей почувствовать, что она оказываетъ ему благодѣаніе. Они поклонялись ей, но только какъ женщинѣ.

„Они сѣли за ея столъ, какъ равные ей. Они обращались съ ней, какъ гости съ хозяйкой. „Сегодня я оказываю тебѣ честь, приходя къ тебѣ. А завтра ты окажешь мнѣ эту честь“. — Да, именно такъ, а не иначе.

„Она стояла на высокой лѣстницѣ ратуши и оглядывала столы. И, когда старому столяру, сидѣвшему на верхнемъ концѣ стола, наполнили стаканъ, онъ поднялся съ своего мѣста, поклонился ей и сказалъ: — Я пью за ваше здоровье, синьорина!

Его примѣру послѣдовали и другіе: они прижимали руки къ сердцу и кланялись ей. Можетъ быть, для нея было бы хорошо, если бы она раньше въ своей жизни встрѣчала такое выраженіе рыцарскихъ чувствъ. Зачѣмъ мужчины ея родины заставили ее быть, что женщины созданы для поклоненія?

„Здѣсь, казалось, всѣ пылали къ ней тихимъ обожаніемъ. Такъ обращаются съ женщинами на нашемъ благородномъ островѣ. Чѣмъ только они не одарили ее за кушанья и вина, какими она угощала ихъ! Они наградили ее молодостью, живостью ума и великой честью быть обожасмой. Они говорили ей рѣчи: „Благородная синьорина, вы, пріѣхавшая къ намъ изъ-за моря, вы, полюбившая Сицилію“...

и такъ далѣе, и такъ далѣе. И она показала, что умѣетъ краснѣть. И, когда кончили говорить, на устахъ англійской синьорины заиграла улыбка. Она помолодѣла на двадцать лѣтъ. Вотъ чего ей не хватало въ жизни!

„Тутъ былъ молодой погонщикъ ословъ, который всегда провожаетъ англійскихъ дамъ къ Tre Castagni. И онъ всегда влюбляется въ нихъ, прежде чѣмъ съ ними разстаться. И теперь его глаза вдругъ открылись на великую благодѣтельницу. Не одно только стройное тѣло и нѣжная кожа достойны поклоненія, можно поклониться также силѣ и энергiи. Погонщикъ ословъ вдругъ уронилъ ножикъ и вилку и, опершись локтями на столъ, пристально уставился на нее. Его движеніе заразило всѣхъ. Англійской синьоринѣ становилось жарко отъ всѣхъ этихъ горящихъ взоровъ, направленныхъ на нее.

„Но не только бѣдняки поклонялись ей. Адвокатъ Уго Фавара подошелъ и шепнулъ ей, что она была истиннымъ провидѣніемъ для его бѣдной страны и для него. „Если бы я раньше встрѣтилъ женщину, подобную вамъ“... — сказалъ онъ.

„Представьте себѣ старую птицу, которая много лѣтъ сидитъ въ клеткѣ, взъерошенная, потерявшая перья и окраску. И вдругъ къ ней приходитъ, ласково гладитъ и возвращаетъ ей прежній блестящій видъ. Представьте себѣ это, синьора!

„Тогда и мандолинистъ изъ Неаполя взялъ свою мандолину и запѣлъ. Вы знаете, какъ при пѣніи онъ раздвѣкаетъ свой большой ротъ и какія безобразныя слова онъ произноситъ. Большею частью онъ похожъ на извивающагося червя. Но развѣ вы не замѣтили, что изъ глазъ его смотритъ ангель? Ангель, оплакивающий свое паденіе и преисполненный блаженнаго безумія. Въ этотъ вечеръ онъ былъ ангеломъ. Онъ вдохновенно поднималъ голову, его вялое тѣло окрѣпло и выпрямилось въ гордой осанкѣ. Его мертвенно блѣдныя щеки окрасились румянцемъ. И онъ пѣлъ, пѣлъ такъ хорошо, что

казалось, звуки подобно искрамъ слетаютъ съ его губъ и ликующе разносятся по воздуху.

„Съ наступленіемъ ночи всѣ отправились въ греческій театръ. Это было главной частью праздника. И чего только тамъ не было!

„Она пригласила русскую пѣвицу и нѣмецкаго куплетиста, англійскихъ боксеровъ и американскаго фокусника. Но что все это было въ сравненіи съ серебристымъ луннымъ свѣтомъ и воспоминаніями, связанными съ этимъ мѣстомъ! Сидя на каменныхъ скамьяхъ своего древняго театра и глядя на прекрасную панораму, открывающуюся передъ ними между полуразрушенными колоннами театра, они снова почувствовали себя греками, носителями культуры.

„Бѣдняки не скупились на выраженія радости, охватившей ихъ. Они были неутомимы въ крикахъ восторга и рукоплесканіяхъ. Выходившіе на эстраду сходили съ нея при громкихъ выраженіяхъ одобренія.

„Кто-то попросилъ англійскую синьорину также выступить. Въ весь этотъ восторгъ относится только къ ней. Она должна испытать его на себѣ. Ей говорили, какъ это опьяняетъ, возносить и радуешь.

„Эта мысль понравилась ей. Она сейчасъ же согласилась. Когда-то въ молодости она пѣла, а англичанки никогда не смущаются пѣть. Въ другое время она не слѣлала бы этого, но она была въ такомъ хорошемъ настроеніи и ей такъ хотѣлось спѣть что-нибудь всѣмъ этимъ людямъ, которые такъ любятъ ее.

„Она выступила послѣдней. Вы можете себѣ представить, что значить выступать на такой древней сценѣ! Здѣсь была зарыта живой Антигона и принесена въ жертву Ифигенія. Но англійская синьорина безстрашно вступила на нее, чтобы принять всѣ знаки восторга.

„Когда она вышла, разразилась цѣлая буря. Всѣ готовы были протоптать землю, чтобы выразить ей свой восторгъ.

„Это была чудная минута. Она стояла на сценѣ, Этна служила ей заднимъ планомъ, а море боковыми кулисами. Передъ ней на заросшихъ травю скамьяхъ сидѣла побѣжденная нищета, и она чувствовала, что все Діаманте лежитъ у ея ногъ.

„Она выбрала Беллини, нашего Беллини! Она хотѣла быть любезной и поэтому она спѣла Беллини, который погребень здѣсь подъ Этной и котораго мы знаемъ наизусть ноту за нотой.

„Ну, разумѣется, синьорина, она не умѣла пѣть! Она вышла на сцену, только чтобы принять поклоненіе толпы. Она хотѣла дать выразиться любви народа къ ней. И она пѣла плохо и фальшиво. А слушатели знали каждую ноту.

„Мандолинистъ изъ Неаполя первый сталъ строить гримасы и взять на мандолинѣ такую же фальшивую ноту, какъ и спѣтую англичанкой. Потомъ началъ смѣяться въ свой платокъ человѣкъ, у котораго былъ ракъ на лицѣ. А потомъ и погонщикъ ослонъ началъ громко аплодировать.

„Тутъ поднялись всѣ. Это было несправедливо, но они этого не понимали. На землѣ древнихъ грековъ не должны выступать варвары, поющіе фальшиво. Донна Пена и донна Тура смѣялись такъ, какъ онѣ еще не смѣялись въ своей жизни. „Ни одного вѣрнаго звука! Клянусь Мадонной и Санъ-Паскале, ни одного вѣрнаго звука!“

„Разъ въ жизни наѣлись они досыта. И это опьянило ихъ и помутило ихъ разсудокъ. А почему же имъ и не смѣяться? Вѣдь ихъ кормили не затѣмъ, чтобы потомъ терзать ихъ уши! Развѣ они не могли защищаться смѣхомъ, развѣ они не въ правѣ свистать и шипать? И почему бы имъ не хохотать до безумія, развалившись на скамьяхъ. Вѣдь они не рабы англійской синьорины.

„Это ошеломило ее. Это было такъ неожиданно, что сразу она не могла даже понять, почему свистать? Должно быть, внизу происходить что-нибудь, чего она не видитъ. Она допѣла арію до конца. Она была увѣрена, что этотъ смѣхъ къ ней не относится.

„Когда она замолчала, разразилась пѣлая буря аплодисментовъ. Теперь она начала понимать. Факелы и лунный свѣтъ свѣтили настолько ясно, что она видѣла, какъ люди корчились отъ смѣха. Теперь, переставъ пѣть, она слышала ихъ насмѣшки и издѣвательства. Всѣ они были обращены на нее. Она бросилась со сцены. Ей казалось, что Этна дрожитъ отъ смѣха и море сверкаетъ улыбками.

„Но дѣло принимало дурной оборотъ. Бѣдняки никогда еще такъ не веселились, и они хотѣли прослушать ее еще разъ. Они вызывали ее, они кричали: „Браво! Бисъ! Да саро!“ Они не хотѣли лишиться себя такого удовольствія. А она почти теряла сознание. Вокругъ нея ревѣла пѣлая буря. Они кричали, ревѣли, требуя повторенія. Внезапно все превратилось въ древній циркъ. Она должна была выйти на растерзаніе дикимъ звѣрямъ.

„Шумъ и крики становились все громче и неистовѣе. Другіе участники представленія испугались и просили ее уступить. Ей казалось, что они убьютъ ее, если она не исполнитъ ихъ желанія.

Она поплелась на сцену и очутилась передъ лицомъ толпы, незнающей пощады. Она пѣла, потому что народъ хотѣлъ веселиться. Это было ужаснѣе всего! Она пѣла, потому что боялась ихъ и не смѣла имъ противорѣчить. Она была среди нихъ одинокой чужестранкой, ее некому было защитить, и это наводило на нее страхъ. А они все смѣялись и смѣялись.

„Во все время ея пѣнія стоялъ стонъ отъ криковъ, свистковъ и хохота. Никто не жалѣлъ ее. Можетъ быть, она въ первый разъ въ жизни почувствовала потребность въ чемъ-нибудь участія...

„Разумѣется, она на слѣдующій же день собралась уѣзжать. Она не могла больше оставаться въ Діаманте. Но когда она сказала объ этомъ адвокату Фавара, онъ сталъ умолять ее остаться и попросилъ ея руки.

„Онъ хорошо выбралъ время. Она дала ему свое согласіе и вышла за него замужъ.

„Но съ этого времени она перестала строить дворцы и бороться съ нищетой. Ее не привлекало больше быть королевой Діаманте. Повѣрите ли, она перестала даже показываться на улицѣ и жила замкнуто у себя въ домѣ, какъ истинная сициліанка.

„Она жила въ маленькомъ домикѣ, обнесенномъ высокою стѣною, и ее никто не видѣлъ. Говорили, что она совершенно измѣнилась. Но никто не зналъ, была ли она счастлива или нѣтъ, жила ли она взаперти изъ ненависти къ людямъ или желая быть настоящей замужней сициліанкой.

„А развѣ не всегда такъ бываетъ съ женщинами? Онѣ начинаютъ строить дворцы и бросаютъ ихъ неоконченными. Женщины ничего не умѣютъ сдѣлать какъ слѣдуетъ!“

III.

Отверженный.

Когда донна Микаэла узнала, какъ нищіе осмѣяли миссъ Тоттенгамъ, она поспѣшила къ ней въ гостиницу выразить ей свое участіе. Она хотѣла просить ее не слишкомъ строго наказывать ихъ за ихъ проступокъ, такъ какъ они опьянѣли отъ вина и радости. Они хотѣли просить ее не отнимать своей благодѣтельной руки отъ Діаманте. Сама она не очень любила миссъ Тоттенгамъ, но ради бѣдняковъ... она готова была на все, чтобы умилостивить ее.

„Подойдя къ гостиницѣ, она увидѣла, что вся улица запружена телѣгами. Итакъ, нечего было надѣяться. Великая благодѣтельница покидаетъ городъ. Въ гостиницѣ царили горе и уныніе. Слѣпые старухи, донна Цепа и донна Тура, вѣчно сидѣвшія во дворѣ гостиницы, теперь были выгнаны оттуда и стояли на колѣняхъ передъ дверьми. А молодой погонщикъ ослонъ, влюблявшійся во всѣхъ

англійскихъ синьоринъ, стоялъ, уткнувшись лицомъ въ стѣну, и плакалъ.

„А въ гостиницѣ хозяинъ ходилъ взадъ и впередъ по длиннымъ коридорамъ и ропталъ на Провидѣніе, пославшее ему такое несчастье.

— Signor Dio, — бормоталъ онъ, — я разоренъ. Если Ты допустишь до этого, я возьму жену и дѣтей и брошусь съ ними съ Этны.

Хозяйка ходила блѣдная и убитая. Она едва рѣшилась поднять глаза, и готова была ползать на колѣняхъ, чтобы умолить остаться богатую англичанку.

— Вы рѣшитесь говорить съ ней, донна Микаэла? — спросила она. — Господь да поможетъ вамъ! Ахъ, скажите ей, что неаполитанецъ, который вызвалъ всю эту исторію, уже изгнанъ изъ города. Скажите ей, что всѣ хотятъ искупить свою вину. Поговорите съ ней, синьорина!

Хозяйка ввела донну Микаэлу въ приѣмную англичанки, а сама пошла съ ея карточкой доложить объ ея приходѣ. Она сейчасъ же вернулась назадъ и попросила ее немного подождать. Миссъ Тоттенгамъ занята дѣлами съ синьоромъ Фавара.

Въ эту самую минуту адвокатъ Фавара просилъ руки миссъ Тоттенгамъ, и донна Микаэла слышала, какъ онъ громко говорилъ:

— Вы не должны уѣзжать, синьорина! Что будетъ со мной, если вы уѣдете? Я люблю васъ, я не могу разстаться съ вами. Я бы не рѣшился заговорить объ этомъ, но теперь, когда вы хотите уѣхать...

Онъ понизилъ голосъ; но донна Микаэла не хотѣла слушать дальше и вернулась домой. Она поняла, что здѣсь она лишняя. Если синьору Фавара не удастся удержать великую благодѣтельницу, то этому уже никто не поможетъ.

Когда она выходила изъ гостиницы, хозяинъ стоялъ въ дверяхъ

и бранилъ старика францисканца фра Феличе. Онъ былъ такъ разсерженъ, что не только бранилъ монаха, но даже гналъ его изъ своего дома.

— Фра Феличе! — кричалъ онъ. — Вы пришли, чтобы спорить съ великой благодѣтельницай, вы хотите еще больше разсердить ея! Ступайте своей дорогой, говорю я вамъ. Волкъ! Людоѣдъ! Убирайтесь отсюда!

Фра Феличе былъ раздраженъ не менѣе хозяина и старался протиснуться мимо него. Но тогда хозяинъ схватилъ его за руку и безъ разговоровъ вытолкнулъ за дверь.

Фра Феличе былъ человѣкъ награжденный великимъ даромъ. Въ Сицилии, гдѣ весь народъ увлекается лотереями, существуютъ люди, обладающіе способностью предсказывать номера, которые должны выиграть. Обладающихъ этимъ даромъ называютъ „полакко“, и они часто встрѣчаются среди нищенствующихъ монаховъ. Такимъ человѣкомъ былъ и фра Феличе. Въ окрестностяхъ Этны онъ былъ самымъ извѣстнымъ „полакко“.

Такъ какъ вѣкъ хотѣлось узнать выигрышный номеръ, то его вездѣ принимали съ большимъ почетомъ. Фра Феличе не привыкъ, чтобы его хватали за плечи и выталкивали на улицу.

Ему было около восьмидесяти лѣтъ, онъ былъ весь сухой и сгорбленный. Пробираясь между телѣгами, онъ споткнулся, наступилъ на свою рясу и чуть не упалъ. Но кучера и работники, которые стояли около дверей, разговаривая и сѣтуя на отъѣздъ, не обратили на него никакого вниманія; сегодня имъ было не до фра Феличе.

Старикъ, пошатываясь, плелся въ своей широкой домотканной рясѣ. Онъ былъ такой маленькій и высохшій, что въ его рясѣ, казалось, было больше упругости, чѣмъ въ его мускулахъ. Казалось, что старая ряса поддерживаетъ монаха.

Донна Микаэла догнала его и взяла его подъ руку. Ей стало жаль его. видя, какъ онъ натывается на фонарные столбы и споты-

кается о ступени. Но фра Феличе и не замѣтилъ ее. Онъ шелъ, бормоча проклятія и думая, что онъ совершенно одинъ въ своей кельѣ.

А донна Микаэла мысленно спрашивала себя, за что фра Феличе могъ разсердиться на миссъ Тоттенгамъ. Можетъ быть, она сняла фрески со стѣнъ монастыря? Чѣмъ еще она могла заслужить его гнѣвъ?

Фра Феличе уже лѣтъ шестьдесятъ жилъ въ Францисканскомъ монастырѣ, который стоитъ за Porta Aetna, стѣна къ стѣнѣ со старой церковью Санъ-Паскале.

Монахомъ въ этомъ монастырѣ фра Феличе пробылъ около тридцати лѣтъ; и, когда монастырь закрыли и продали свѣтскому лицу, другіе монахи выѣхали изъ него, но фра Феличе остался, потому что онъ никакъ не могъ понять, какъ это можно продать домъ святого Франциска.

„А если въ домѣ поселятся свѣтскіе люди,— думалъ фра Феличе,—то присутствіе здѣсь хоть одного монаха еще болѣе необходимо. Кто же, иначе, будетъ звонить въ колокола, готовить цѣлебныя снадобья для крестьянокъ или раздавать хлѣбъ монастырскимъ нищимъ?“ И фра Феличе выбралъ себѣ келью въ отдаленной части монастыря и продолжалъ свою обычную жизнь.

Купецъ, который приобрѣлъ монастырь, никогда не посѣщалъ его. Старыя монастырскія зданія были ему совершенно ненужны, онъ купилъ ихъ только ради виноградниковъ, прилегающихъ къ нимъ. Итакъ, фра Феличе продолжалъ спокойно хозяйничать въ монастырѣ. Онъ старался сохранить отъ разрушенія стѣны и даже самъ штукатурилъ ихъ. Столько же нищихъ, какъ и прежде, получали свою пищу въ монастырѣ. За свои предсказанія фра Феличе получалъ большія подаянія, когда отправлялся по городамъ Этны. Онъ могъ быть богатымъ человѣкомъ, но всѣ его деньги шли на поддержаніе монастыря.

Еще больше, чѣмъ о монастырѣ, печалился фра Феличе о монастырской церкви. Во время войны она была осквернена и поругана, и въ ней не справляли больше службъ. Но и этого онъ не могъ понять. Церковь, въ которой онъ принялъ постриженіе, попрежнему была для него священна.

Величайшимъ горемъ для него было видѣть, какъ постепенно опустошали его церковь. Ему приходилось видѣть, какъ англичане раскупали каедръ, люстры и другія вещи. Онъ не могъ помѣшать господамъ изъ Палермскаго музея брать картины и люстры. И какъ ни горячо было его желаніе, онъ ничего не могъ сдѣлать для церкви. Онъ ненавидѣлъ этихъ грабителей церкви, и, видя его такимъ раздраженнымъ, донна Микаэла естественно подумала, что миссъ Тоттенгамъ тоже хотѣла взять что-нибудь изъ его сокровищъ.

А дѣло было въ томъ, что, когда изъ церкви все позабрали и взять больше было нечего, фра Феличе пришла въ голову мысль убрать ее новыми священными предметами, и онъ вспомнилъ тогда о собраніи святыхъ изображеній, которыми владѣла богатая англичанка. На ея праздникѣ, когда она была такъ добра и мило-стива со всѣми, онъ рѣшился попросить у нея одну чудную Мадонну въ бархатномъ одѣяніи и съ глазами, подобными небесамъ. И она обѣщала исполнить его просьбу.

Въ это утро, прежде чѣмъ идти за обѣщанной Мадонной, фра Феличе вымелъ и вычистилъ церковь и положилъ цвѣты на алтарь.

Но, когда онъ пришелъ въ гостиницу, англичанка уже передумала, она и не собиралась дарить ему такую драгоценную Мадонну. Вмѣсто этого она дала ему маленькое грязное и поломанное изображеніе младенца Христа, которое она, очевидно, совсѣмъ не цѣнила.

Ахъ, какъ радовался и гордился обѣщаннымъ подаркомъ фра Феличе и какъ онъ былъ разочарованъ! Онъ не успокоился на этомъ и снова и снова возвращался къ ней, прося о Мадоннѣ. Эта статуя

стоила такъ дорого, что онъ не могъ бы купить ее, даже цѣлый годъ собирая пожертвованія. Наконецъ великая благотѣтельница велѣла прогнать его, и вотъ тутъ-то и встрѣтила его донна Микаэла.

Пока они шли по улицѣ, донна Микаэла начала говорить со старикомъ и понемногу выпросила у него всю исторію. Онъ несъ изображеніе Христа съ собой. Остановившись посреди улицы, онъ показалъ ей его и спросилъ, видѣла ли она когда-нибудь болѣе жалкое и ничтожное изображеніе.

Донна Микаэла, пораженная, смотрѣла нѣсколько мгновеній на изображеніе. Потомъ она улыбнулась и сказала: „Одолжите мнѣ его на нѣсколько дней, фра Феличе!“

— Вы можете его взять совсѣмъ,— сказалъ старикъ.—Я не хочу больше и видѣть его!

Донна Микаэла унесла изображеніе домой и работала надъ нимъ два дня. Когда она отправила его къ фра Феличе, оно сверкало въ своемъ прежнемъ великолѣпіи; оно было обернуто въ чистыя пелены, было заново выкрашено, а въ коронѣ сверкали яркіе многоцвѣтные камни.

„Отверженное“ изображеніе было такъ прекрасно, что фра Феличе воздвигъ его на пустой алтарь своей церкви.

Было раннее утро. Солнце еще не вставало, и полоса моря едва различалась. Было еще совсѣмъ-совсѣмъ рано. Кошки еще блуждали по крышамъ, ни одна труба не дымилась и туманъ еще лежалъ на днѣ долины вокругъ Монте-Киаро.

Въ это время по направленію къ городу бѣжалъ фра Феличе. Онъ бѣжалъ такъ быстро, что ему казалось, будто года дрожатъ подъ нимъ. Онъ бѣжалъ такъ быстро, что роса съ придорожной травы не успѣвала отряхнуться на его рясу и скорпіоны не успѣвали жалить его.

Во время бѣга рясa на старикѣ развѣвалась, а незавязанныя веревки болтались у него за спиной. Широкіе рукава разлетались

какъ крылья, и тяжелый капюшонъ билъ его по спинѣ, словно подгоняя его.

Сторожъ у городской заставы еще дремалъ. Когда мимо него пронесся фра Феличе, онъ проснулся и началъ протирать глаза, но все-таки не узналъ францисканца. Мостовая была сырая и скользкая; нищіе спали на каменныхъ лѣстницахъ, небрежно развалиясь и вытянувъ ноги на улицу, а запоздалые игроки въ домино возвращались изъ кафѣ домой, пошатываясь отъ сна. Но фра Феличе спѣшилъ впередъ, минуя всѣ препятствія.

Дома, порталы, площадь, арки въ маленькихъ улочкахъ — все быстро мелькало и оставалось позади фра Феличе. Онъ добѣжалъ до середины Корсо и, наконецъ, остановился.

Онъ остановился передъ длиннымъ домомъ со множествомъ величественныхъ балконовъ. Онъ схватилъ дверной молотокъ и колотилъ имъ до тѣхъ поръ, пока не разбудилъ сторожа. Но онъ не успокоился, пока не разбудилъ служанку, а та не разбудила синьору.

— Донна Микаэла, внизу стоитъ фра Феличе. Онъ увѣряетъ, что долженъ поговорить съ вами.

Когда донна Микаэла вышла наконецъ къ фра Феличе, онъ все еще не могъ отдышаться; но глаза его сверкали, а на щекахъ выступила легкая краска.

Дѣло шло объ изображеніи Христа! Послѣ того, какъ фра Феличе отзвонилъ, въ четыре часа утра, онъ вошелъ въ церковь полюбоваться изображеніемъ.

Тутъ онъ увидалъ, что два большихъ камня изъ свода выпали какъ разъ надъ изображеніемъ. Они упали и разбили доску алтаря, но изображеніе стояло невредимо. И ни одного кусочка извести и штукатурки не попало на изображеніе; оно стояло блестящее и великолѣпное.

Фра Феличе схватилъ донну Микаэлу за руку и сказалъ, что она должна идти съ нимъ въ монастырь и поглядѣть на это чудо.

Она должна первая увидѣть это, потому что она любитъ изображеніе Христа.

И донна Микаэла послѣдовала за нимъ при свѣтѣ наступающаго дня, и сердце ея билось отъ волненія и ожиданія.

Когда донна Микаэла вошла въ церковь и увидала, что фра Феличе сказалъ правду, она рассказала ему, что узнала изображеніе при одномъ взглядѣ на него и что она знаетъ, какъ оно чудотворно. — Это самый великій и милосердный чудотворецъ, — сказала она.

Фра Феличе подошелъ къ изображенію и поглядѣлъ ему въ глаза. Изображенія сильно разнятся другъ отъ друга, но опытный старый монахъ сразу можетъ узнать—чудотворно оно или нѣтъ. И вотъ фра Феличе увидалъ, что глаза у изображенія были глубокіе и сіяющіе, словно живые, а на губахъ играла загадочная улыбка.

Старый фра Феличе опустился на колѣни и простеръ къ изображенію сложенные молитвенно руки. И его старое, морщинистое лицо озарилось великою радостью.

Фра Феличе вдругъ показалось, что стѣны его церкви украшены картинами и пурпуровыми коврами, алтарь ярко освѣщенъ, на хорахъ раздаются пѣніе, и вся церковь полна колѣнопреклонной и молящейся толпой.

И теперь, когда его старая бѣдная церковь владѣла чудотворнымъ изображеніемъ, къ ней должно вернуться все ея прежнее великолѣніе.

IV.

„Старая Мартирія“.

За это время много писемъ было переслано изъ лѣтняго дворца въ Діаманте къ Газтано Алагона, который сидѣлъ въ тюрьмѣ въ

Комо. Но у почтальона никогда не было писемъ, адресованныхъ отъ Гаэтано въ лѣтній дворецъ.

Гаэтано вошелъ въ свою темницу, какъ въ могилу. И единственно, къ чему онъ стремился и чего желалъ, это было могильное забвеніе и покой.

Онъ чувствовалъ себя умершимъ и не хотѣлъ слушать воплей и стоновъ живыхъ людей. Онъ не давалъ обмануть себя надеждами или соблазнять нѣжными словами, онъ не хотѣлъ вспоминать ни родныхъ, ни друзей. Онъ также не хотѣлъ ничего знать о томъ, что происходитъ въ мірѣ, потому что самъ онъ не могъ участвовать въ жизни.

Въ тюрьмѣ онъ занялся работой и вырѣзывалъ изъ дерева прекрасныя произведенія искусства. Но онъ отказывался принимать письма и выходить къ посѣтителямъ. Онъ думалъ, что такимъ путемъ онъ скорѣе освободится отъ горькаго сознанія своего несчастія. Онъ думалъ, что тогда онъ сможетъ провести всю свою жизнь въ тѣсныхъ четырехъ стѣнахъ.

Поэтому донна Микаэла никогда не получала отвѣта на свои письма.

Наконецъ, она написала самому директору тюрьмы, спрашивая его, живъ ли еще Гаэтано. И онъ отвѣтилъ, что заключенный, о которомъ она спрашиваетъ, никогда не читаетъ получаемыхъ писемъ, что онъ просилъ избавить его отъ всякихъ вѣстей изъ внѣшняго міра.

Тогда она перестала писать. Въмѣсто этого она еще сильнѣе стала думать о проведеніи желѣзной дороги. Въ Діаманте она больше не рѣшалась заговаривать объ этомъ, хотя и не могла думать ни о чемъ другомъ. Сама она цѣлые дни шила и вышивала и заставляла всѣхъ своихъ слугъ изготовлять маленькія дешевыя вещицы для продажи на ея базарѣ. Въ лавкѣ она набрала много мелочей для лотереи. Она велѣла привратнику Піеро приготовить цвѣтные фонарики и уго-

ворила отца разрисовать щиты и афиши, а своей горничной Лючіа, которая была родомъ съ Капри, она велѣла изготовить коралловые браслеты и разныя бездѣлушки изъ раковинъ.

Она не была увѣрена, захочетъ ли кто-нибудь притти на ея праздникъ. Всѣ были противъ нея. Никто не хотѣлъ ей помочь. Въ городѣ не правилось, что она показывается на улицѣ и разговариваетъ о дѣлахъ. Это совсѣмъ не подобало знатной дамѣ.

И только старый фра Феличе согласился помочь ей; онъ былъ ей благодаренъ за то, что она украсила изображеніе Христа.

Однажды, когда донна Микаэла жаловалась ему, что никто не хочетъ убѣдиться въ необходимости желѣзной дороги, онъ снялъ скуфью съ головы и указалъ ей на свой лысый черепъ.

— Взгляните на меня, донна Микаэла, — сказалъ онъ, — въ вашихъ хлопотахъ о желѣзной дорогѣ вы потеряете всѣ ваши волосы, если вы будете продолжать такъ же, какъ начали.

— Что вы хотите этимъ сказать, фра Феличе?

— Донна Микаэла, — продолжалъ старикъ, — развѣ не безуміе затѣвать такое трудное предпріятіе, не имѣя ни друзей, ни помощниковъ?

— Вѣдь я старалась найти друзей, фра Феличе.

— Да, среди людей! — сказалъ старый монахъ. — Но чему могутъ помочь люди? Выѣзжая на рыбную ловлю, рыбаки призываютъ Санъ-Піетро, при покупкѣ лошадей обращаются за помощью къ Санъ-Антонио. Но если придется молиться о постройкѣ желѣзной дороги, то я не буду знать, къ какому святому обратиться.

Фра Феличе хотѣлъ этимъ сказать, что она сдѣлала ошибку, не выбравъ никакого святого въ покровители своей желѣзной дороги. Онъ хотѣлъ, чтобы она избрала поборникомъ и покровителемъ своего плана святого Младенца, находящагося въ его старой церкви. Онъ говорилъ, что тогда она навѣрное добьется помощи.

Она была такъ тронута, что хотъ одинъ человѣкъ хочетъ помочь

ей, что сейчас же согласилась молиться Младенцу въ Санъ-Паскале о своей желѣзной дорогѣ.

А фра Феличе между тѣмъ досталъ большую кружку для сбора пожертвованій, далъ написать на ней крупными, отчетливыми буквами: „Сборъ въ пользу желѣзной дороги на Этну“ и повѣсилъ ее въ своей церкви у алтаря рядомъ съ изображеніемъ.

На слѣдующій день жена дона Антоніо Греко, донна Эмилиа, пришла къ старой заброшенной церкви попросить совѣта у Санъ-Паскале, который считается самымъ мудрымъ изъ святыхъ.

Осенью дѣла въ театрѣ дона Антоніо пошли плохо, какъ и всегда бываетъ въ такое время, когда всѣ терпятъ нужду въ деньгахъ.

Тогда донъ Антоніо рѣшилъ сократить расходы по театру. Онъ сталъ зажигать меньше лампъ и не выпускалъ большихъ ярко раскрашенныхъ афишъ.

Но это было большой ошибкой. Когда люди перестаютъ находить удовольствіе въ театрѣ, тутъ совсѣмъ не время укорачивать шелковые шлейфы принцессъ и жалѣть позолоту на королевскія короны.

Можетъ быть, это не такъ опасно для другихъ театровъ, но въ театрѣ маріонетокъ едва ли слѣдуетъ вводить перемѣны, потому что этотъ театръ посѣщается главнымъ образомъ подростками. Взрослые люди могутъ понять, что иногда приходится и поэкономить; но дѣти требуютъ, чтобы все оставалось попрежнему.

И чѣмъ меньше публики посѣщало театръ дона Антоніо, тѣмъ больше и больше онъ сокращалъ расходы. Такъ, онъ рѣшилъ, что можетъ обойтись безъ двухъ слѣпыхъ скрипачей отца Эліа и брата Томазо, которые играли въ антрактахъ и во время военныхъ сценъ.

Эти слѣпые зарабатывали много денегъ при отпѣваніи покойниковъ и участвуя въ лѣтнихъ празднествахъ и стоили дону Антоніо очень дорого. Онъ рассчиталъ ихъ и завелъ шарманку.

Но тутъ ему окончательно не повезло. Подмастерья и мальчишки со всего Діаманте совсѣмъ перестали ходить къ нему въ театръ. Они

вовсе не хотѣли слушать шарманку. Они сговорились не ходить въ театръ до тѣхъ поръ, пока донъ Антоніо снова не пригласитъ слѣпыхъ скрипачей. И они держали свой уговоръ. Куклы донъ Антоніо должны были играть передъ пустыми стѣнами.

Эти дерзкіе мальчишки, которые прежде скорѣе отказались бы отъ ужина, чѣмъ пропустить представленіе, упорно не являлись вечеромъ. Они были убѣждены, что они заставятъ наконецъ донъ Антоніо вернуть все прежнее.

Но донъ Антоніо былъ родомъ изъ артистической семьи. У его отца и брата тоже театръ маріонетокъ, его зятя и всѣ родственники занимаются этимъ же дѣломъ. И донъ Антоніо знаетъ свое искусство. Онъ можетъ измѣнять свой голосъ на безчисленные лады, онъ умѣетъ сразу приводить въ движеніе цѣлое войско куколъ, и онъ знаетъ навзустъ цѣлый циклъ пьесъ изъ жизни Карла Великаго.

И вотъ теперь гордость донъ Антоніо была оскорблена. Онъ не хотѣлъ уступить и вернуть слѣпыхъ скрипачей. Онъ хотѣлъ, чтобы въ театрѣ ходили ради него, а не ради музыкантовъ.

Онъ обновилъ репертуаръ и сталъ давать большія представленія въ пышной обстановкѣ; но ничего не помогало.

Есть одна пьеса подъ названіемъ „Смерть паладина“, гдѣ происходитъ битва Роланда въ Ронсевальскомъ ущельѣ. Она требуетъ такой сложной постановки, что передъ этимъ спектаклемъ театръ закрывается на два дня. Публика такъ любитъ эту пьесу, что ее можно играть цѣлый мѣсяцъ при повышенныхъ цѣнахъ и полныхъ сборахъ. Донъ Антоніо объявилъ эту пьесу, но ему не пришлось сыграть ее, потому что у него не было ни одного зрителя.

Антоніо былъ окончательно разбитъ. Онъ хотѣлъ вернуть отца Эліа и брата Томазо, но они знали, какъ они нужны ему, и запросили такую сумму, которая могла его совершенно разорить. Столковаться съ ними было невозможно.

Въ маленькой комнаткѣ позади театра жили какъ въ осадѣ. Ничего не оставалось, какъ только голодать.

Донна Эмилиа и донъ Антоніо были оба молодые и веселые, но теперь имъ было не до смѣху. Ихъ не столько огорчала нужда; донъ Антоніо былъ человѣкъ гордый, и онъ не могъ перенести мысли, что его искусство не привлекаетъ больше зрителей.

И тогда донна Эмилиа отправилась за совѣтомъ и утѣшеніемъ въ церковь Санъ-Паскале. Она собиралась прочесть девять молитвъ передъ большимъ каменнымъ изображеніемъ святого, стоящимъ, при входѣ, и затѣмъ вернуться домой. Но, подойдя, она увидѣла, что двери въ церковь отворены.

— Почему открыты двери въ церковь Санъ-Паскале?—спросила донна Эмилиа.—Этого ни разу не случилось за всю мою жизнь.— И она вошла въ церковь.

Въ церкви стояло только изображеніе, полюбившееся фра Феличе, и кружка для пожертвованій. Корона и украшенія такъ ярко сверкали на Младенцѣ Христѣ, что доннѣ Эмилиі захотѣлось взглянуть на него поближе. Когда же она поглядѣла ему въ глаза, они показались ей такими кроткими и нѣжными, что она съ молитвой опустилась на колѣни. И она общала весь сборъ съ одного вечера положить въ кружку, если Младенецъ поможетъ ей и дону Антоніо.

Послѣ молитвы донна Эмилиа притаилась за церковной дверью, прислушиваясь къ тому, что говорятъ прохожіе. Если святое изображеніе хочетъ помочь ей, то оно пошлетъ ей услышать слова, которыя укажутъ, что надо дѣлать.

Не простояла она и двухъ минутъ, какъ мимо церкви прошла старая Ассунта съ соборной паперти съ донной Пепой и донной Турой. И она услышала, какъ Ассунта торжественно говорила: „Это случилось въ тотъ годъ, когда я въ первый разъ увидела Старую Мартирію“. Донна Эмилиа слышала это вполне ясно. Ассунта дѣйствительно сказала: „Старая Мартирія!“

Доннѣ Эмилиі казалось, что она никогда не дойдетъ до дому. Ноги ея словно отказывались двигаться быстрее, а дорога какъ будто стала дальше. И когда она увидѣла наконецъ театръ съ краснымъ фонаремъ надъ входомъ и большими пестрыми афишами на стѣнахъ, ей показалось, что она прошла много-много миль.

Когда она вошла въ комнату, донъ Антоніо сидѣлъ, подперевъ голову рукой и неподвижно глядя на столъ. Больно было смотрѣть на него. За послѣднія недѣли даже волосы его порѣдѣли. На темени они стали такіе жидкіе, что сквозь нихъ просвѣчивала кожа. Да развѣ это удивительно при его тяжелыхъ заботахъ! Во время ея отсутствія онъ вынулъ и пересмотрѣлъ всѣхъ куколъ. И вотъ онъ сидѣлъ и разглядывалъ куклу, изображающую Армиду. „Развѣ она не прекрасна и не соблазнительна?“ — спрашивалъ онъ себя. И онъ старался подправить то мечъ Роланда, то корону Карла. Донна Эмилиа увидѣла, что онъ заново вызолотилъ королевскую корону, это случилось, по крайней мѣрѣ, уже въ пятый разъ. Но онъ часто бросалъ работу и задумывался. Онъ понялъ, что тутъ дѣло не въ позолотѣ. Надо было придумать что-нибудь новое.

Войдя въ комнату, донна Эмилиа протянула мужу руки.

— Взгляни на меня, донъ Антоніо Греко, — сказала она, — я несу въ рукахъ золотыя чаши, полныя королевскими финиками!

И она рассказала про свои молитвы и обѣты и про услышанныя слова.

Когда она кончила, донъ Антоніо вскочилъ съ мѣста, руки его безпомощно повисли, а волосы поднялись дыбомъ на головѣ. Его охватилъ ужасъ. — Старая Мартирія! — воскликнулъ онъ. — Старая Мартирія!

„Старая Мартирія“ была мистерія, которую въ свое время играли по всей Сициліи. Она вытѣснила всѣ другія ораторіи и мистеріи, и въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій ставилась ежегодно въ каждомъ городѣ. И день, когда ставили эту мистерію, былъ величайшимъ

праздникомъ въ году. А теперь она жила только какъ преданіе въ памяти народа.

Въ прежнее время ее играли и въ театрѣ маріонетокъ. Но теперь она считалась старой и неинтересной. Ее не играли уже лѣтъ тридцать.

Донъ Антоніо кричалъ и бранился. Донна Эмилиа приходитъ и разстраиваетъ его всякимъ вздоромъ. Онъ нападалъ на нее, словно она была злымъ духомъ, пришедшимъ завладѣть имъ.—Это было бы ужасно, позорно, — говорилъ онъ. Какъ она могла заговорить объ этомъ?

Но донна Эмилиа мужественно принимала его брань и упрёки. Она повторяла, что слова эти были посланы ей Богомъ.

И донъ Антоніо тоже началъ наконецъ колебаться. Эта смѣлая мысль понемногу захватывала и его. Эту мистерію такъ сильно любили въ Сициліи. А развѣ на благородномъ островѣ живетъ не тотъ же народъ? Развѣ они не любятъ ту же землю, тѣ же горы и то же небо, которыя любили ихъ отцы? Почему же они должны разлюбить старинную мистерію?

Онъ долго отпѣкивался. Онъ говорилъ доннѣ Эмилии, что это будетъ стоить очень дорого. Гдѣ возьметъ онъ апостоловъ съ длинными волосами и бородой? У него нѣтъ стола для Тайной Вечери, у него нѣтъ приспособленій для постановки крестнаго шествія.

Но донна Эмилиа видѣла, что онъ сдается, и, дѣйствительно, вечеромъ онъ отправился къ фра Феличе и подтвердилъ ея обѣщаніе положить въ кружку маленькаго изображенія весь сборъ одного вечера, если окажется, что это дѣйствительно была воля Божья.

Фра Феличе рассказалъ объ обѣтѣ доннѣ Микаэлѣ, и она обрадовалась и вмѣстѣ съ тѣмъ испугалась, какъ все это сойdetъ.

По всему городу стало извѣстно, что донъ Антоніо собирается поставить „Старую Мартирію“, и всѣ смѣялись надъ нимъ. Говорили, что донъ Антоніо потерялъ рассудокъ.

Всѣ съ удовольствіемъ бы поглядѣли старинную мистерію, если бы она была поставлена такъ, какъ ее играли раньше. Всѣ охотно пошли бы на спектакль, если бы его играли, какъ нѣкогда въ Ачи, когда знать города изображала королей и воиновъ, ремесленники играли роли апостоловъ и евреевъ и было введено столько сценъ изъ Ветхаго Завѣта, что представленіе затягивалось на цѣлый день.

Всѣмъ хотѣлось снова пережить чудные дни въ Кастельбуоко, когда весь городъ превращался въ Іерусалимъ. Тамъ мистерія ставилась такимъ образомъ, что Іисусъ вѣѣзжалъ въ городъ, и у воротъ его привѣтствовали пальмовыми вѣтвями. Церковь изображала храмъ въ Іерусалимѣ, а ратуша — дворецъ Пилата. Петръ грѣлся у костра, разложеннаго на церковномъ дворѣ, распятіе происходило на горѣ надъ городомъ, а Марія искала трупъ сына въ гротахъ сада синдика.

Когда въ памяти живы такія воспоминанія, развѣ можно удовольствоваться постановкой великой мистеріи въ кукольномъ театрѣ донъ Антоніо!

Но, несмотря на все это, донъ Антоніо готовился съ большимъ рвеніемъ. Онъ приготовлялъ фигуры и дѣлалъ разныя приспособленія въ механизмѣ.

И вотъ, нѣсколько дней спустя, къ нему пришелъ мастеръ Баттиста, маляръ, и подарилъ ему раскрашенную афишу. Онъ обрадовался, услышавъ, что донъ Антоніо хочетъ ставить „Старую Мартирію“; онъ видѣлъ это представленіе въ молодости, и оно доставило ему большое удовольствіе.

На углу театра была вывѣшена афиша, на которой крупными буквами стояло: „Старая Мартирія, или Воскресшій Адамъ, трагедія въ трехъ дѣйствіяхъ Кавальере Филиппо Оріолеса“.

А донъ Антоніо все думалъ и думалъ, каково-то будетъ настроеніе публики. Погонщики ослонъ и подмастерья, проходя мимо театра,

громко вasmъхались, читая афиши. Это не обмъшало ничего хорошаго, но донъ Антоніо неутомимо продолжалъ работать дальше.

Въ вечеръ постановки мистеріи никто такъ не волновался, какъ донна Микаэла.

„Поможетъ ли мнѣ святое изображеніе?“—поминутно задавала она себѣ вопросъ.

Она послала свою служанку Лючію посмотрѣть, толпится ли молодежь около театра? Похоже ли, что народъ идетъ въ театр? Лючія должна была спокойно подойти къ доннѣ Эмилиі, продававшей билеты, и спросить, какъ обстоятъ дѣла.

Но Лючія принесла печальныя вѣсти. Возлѣ театра не было ни души. Молодежь, очевидно, рѣшила наказать презрѣніемъ донъ Антоніо.

Когда время подошло къ восьми часамъ, донна Микаэла не въ силахъ была больше сидѣть дома и ждать. Она уговорила отца пойти съ ней въ театръ. Она знала, что до сихъ поръ ни одна синьора не переступала порога театра донъ Антоніо; но она должна была знать, что тамъ происходитъ. Отъ удачи донъ Антоніо вѣдь зависѣла участь ея желѣзной дороги.

Донна Микаэла пришла въ театръ за нѣсколько минутъ до восьми часовъ, а донна Эмилиа не продала еще ни одного билета.

Но она не унывала.—Входите, входите, донна Микаэла!—сказала она.—Мы дадимъ представленіе во всякомъ случаѣ! Спектакль будетъ прекрасный! Донъ Антоніо будетъ играть для васъ, для вашего отца и для меня. Онъ никогда еще не давалъ такого прекраснаго представленія.

Донна Микаэла вошла въ маленькую театральную залу. Она вся была задрапирована чернымъ, какъ дѣлали обыкновенно въ большихъ театрахъ при постановкѣ этой старинной мистеріи. Черный съ серебряной бахромой занавѣсъ отдѣлялъ сцену. Скамьи для публики тоже были затянуты чернымъ.

Какъ только донна Микаэла вошла, въ дыркѣ заставѣса мелькнули густыя брови донна Антоніо.

— Донна Микаэла! — воскликнулъ онъ, какъ и донна Эмилиа, при видѣ ея. — Мы все-таки будемъ играть! Это такъ прекрасно! Для этого не нужно даже и зрителей!

Въ ту же минуту вошла сама донна Эмилиа и, низко кланяясь, широко распахнула двери. Вошелъ настоятель, донъ Маттео.

— Что вы подумаете обо мнѣ, донна Микаэла? — сказали онъ смѣясь. — Но вы сами понимаете, вѣдь это „Старая Мартирія!“ Въ молодости я видѣлъ эту мистерію въ большомъ оперномъ театрѣ въ Палермо, и мнѣ помнится, она-то и повліяла окончательно на мое рѣшеніе стать священникомъ.

Дверь отворилась вторично и пропустила въ залъ отца Эліа и брата Томазо; они вошли со своими скрипками подъ мышкой и прошли на свои обычныя мѣста такъ спокойно, какъ будто никогда и не ссорились съ дономъ Антоніо.

Дверь снова распахнулась. Вошла старуха изъ узкой улочки, гдѣ находился домъ махенькаго мавра. Она была одѣта въ черное и, входя, перекрестилась.

Послѣ нея вошло еще пять-шесть старухъ. Донна Микаэла съ нескрываемой досадой поглядывала, какъ онѣ постепенно наполняли театръ. Она знала, что донъ Антоніо будетъ доволенъ только тогда, когда увидитъ свою обычную публику, когда дастъ, наконецъ, представленіе передъ любимой своей молодежью.

Вдругъ она услышала какой-то шумъ, не то вѣтеръ, не то отдаленный громъ. Двери разомъ распахнулись! Пришла вся молодежь. Они съ такой увѣренностью разсаживались по своимъ обычнымъ мѣстамъ, словно пришли къ себѣ домой.

Они переглядывались нѣсколько сконфуженно. Они не могли выдержать, видя, какъ старыя муміи одна за другой входятъ въ театръ, смотря въ то, что игралось для нихъ. Они не могли выдержать, видя,

какъ старыя прядильщицы загородили всю улицу, торжественно направляясь къ театру. И они тоже бросились въ театръ.

Но едва молодежь успѣлась по мѣстамъ, какъ увидала, что она попала въ домъ благочестія.

Ахъ, эти старинныя мистеріи!

Играли ее, конечно, не такъ, какъ въ Ачи или Кастельбуоко, или въ оперѣ въ Палермо. Она изображалась всего только жалкими маріонетками съ безжизненными лицами и неповоротливыми тѣлами. Но старинное произведеніе все-таки не потеряло своей силы. Донна Микаэла замѣтила это во второмъ же дѣйствіи, гдѣ изображалась Тайная Вечеря. Вся молодежь возненавидѣла Іуду. Они кричали ему угрозы и ругательства.

Когда же передъ ихъ глазами раздвигалась дальше картина страданій Спасителя, они сняли шляпы и набожно сложили руки. Они сидѣли тихо, не спуская со сцены своихъ прекрасныхъ темныхъ глазъ, на которыхъ по временамъ выступали слезы. Иногда они въ гнѣвѣ сжимали кулаки.

Донъ Антоніо говорилъ роли дрожащимъ отъ слезъ голосомъ, а донна Эмилиа стояла на колѣняхъ во входныхъ дверяхъ. Донъ Маттео съ кроткой улыбкой смотрѣлъ на маленькихъ куколъ и вспоминалъ величественное представленіе въ Палермо, побудившее его пойти въ священники.

Когда же Іисусъ былъ схваченъ и подвергся истязаніямъ, молодежь устыдилась самой себя. Вѣдь и они ненавидѣли и преслѣдовали. Они поступали, какъ эти фарисеи и римляне. Стыдно было вспомнить объ этомъ. Если бы только донъ Антоніо могъ простить ихъ!

Она такъ ясно слышала это, вѣдь она сама ѣхала въ этомъ поѣздѣ. Ахъ, сколько славы и почестей выпало на ея долю! Ее призывали къ королю и королевѣ, и они благодарили ее за новую дорогу. — Просите у насъ какой хотите милости, княгиня, — сказалъ ей король, возводя ее въ титулъ, какой нѣкогда носили дамы изъ рода Алагова.

— Государь! — отвѣчала она, какъ отвѣчаютъ въ сказкахъ, — подарите свободу послѣднему изъ Алагона!

И ей даруютъ эту милость. Король не можетъ отказать ей въ просьбѣ, потому что вѣдь она построила эту желѣзную дорогу, обогатившую Этну.

Когда донна Микаэла поднимала руку и рукавъ одежды соскальзывалъ назадъ, видно было, что она носила на рукѣ вмѣсто браслета большой заржавленный обручъ. Она нашла его какъ-то на улицѣ, надѣла себѣ на руку и съ тѣхъ поръ не снимала. Когда она случайно взглядывала на него или прикасалась къ нему, глаза ея заволакивались туманомъ и ей представлялась тюрьма въ родѣ тюрьмы Фоскари во дворцѣ дожей въ Венеціи. Темная, узкая камера, свѣтъ въ которую едва проходитъ сквозь маленькое рѣшетчатое окошечко, а отъ стѣны тянутся длинныя цѣпи, которыя подобно змѣямъ опутываютъ ноги, руки и шею узника.

О, если бы святые совершили чудо! О, если бы люди захотѣли работать! О, если бы сама она могла прославиться и испросить помилованія заключенному! Онъ умретъ, если она еще будетъ медлить. О, пусть желѣзный обручъ постоянно разѣдаетъ ея руку, чтобы она ни на мгновеніе не забывала о „немъ“.

VI.

Завѣщаніе фра Феличе.

Когда донна Эмилія открыла кассу, чтобы продавать билеты на второе представленіе, передъ кассой стоялъ уже цѣлый хвостъ публики; на слѣдующій вечеръ театръ былъ набитъ биткомъ, а на третій спектакль съѣхался народъ изъ Адерно и Патерно поглядѣть излюбленную мистерию. Донъ Антоніо видѣлъ, что онъ можетъ играть ее цѣлый мѣсяцъ по возвышеннымъ цѣнамъ и даже давать по два спектакля въ день.

Какъ были счастливы онъ и донна Эмилія и съ какой благодарностью и радостью опустили они двадцать пять лиръ въ кружку маленькаго изображенія!

Въ Діаманте это событіе вызвало большіе толки, и многіе приходили къ доннѣ Элизѣ спросить ее, думаетъ ли она, что святыя дѣйствительно хотятъ помочь доннѣ Микаэлѣ.

— Слышали вы, донна Элиза,— говорили они,— что Младенецъ Христосъ въ Санъ-Паскале помогъ дону Антоніо Греко, потому что онъ обѣщалъ пожертвовать весь сборъ съ одного вечера на желѣзную дорогу донны Микаэлы?

Но, когда къ доннѣ Элизѣ обращались съ такими вопросами, она крѣпко сжимала губы и казалась всецѣло поглощенной своимъ вышиваніемъ.

Фра Феличе самъ пришелъ къ ней и разсказалъ ей о двухъ чудесахъ, уже совершенныхъ изображеніемъ.

— Синьорина Тоттенгамъ, должно быть, очень глупа, если отдала такое чудотворное изображеніе,— сказала донна Элиза.

Синьорина Тоттенгамъ въ теченіе многихъ лѣтъ владѣла изобра-

ченіемъ и никогда ничего не замѣчала. Слѣдовательно, оно и не можетъ творить чудесъ. Это простое совпаденіе.

Все несчастье было въ томъ, что донна Элиза не хотѣла въ это повѣрить. Она была послѣдней изъ Алагона, оставшейся въ Діаманте. Народъ считался съ ея мнѣніемъ больше, чѣмъ самъ это сознавалъ. Если бы донна Элиза повѣрила, весь городъ пришелъ бы на помощь доннѣ Микаэлѣ.

Но на бѣду донна Элиза ни за что не хотѣла вѣрить, что Богъ и святые помогаютъ ея невѣсткѣ.

Она наблюдаетъ за ней съ самаго праздника Санъ-Себастьяно. Какъ только кто-нибудь упоминаетъ имя Газтано, она блѣднѣетъ и теряется. Лицо ея становится похоже на лицо грѣшника, терзавшагося угрызеньями совѣсти.

Однажды утромъ донна Элиза сидѣла и думала объ этомъ, и она задумалась такъ глубоко, что даже выронила изъ рукъ иголку.

„Донна Микаэла не уроженка Этны,—думала она,—она стоитъ заодно съ правительствомъ, она радуется, что Газтано въ тюрьмѣ“.

Въ эту минуту по улицѣ пронесли большія носилки. Онѣ были доверху нагружены разной церковной утварью. Тутъ были люстры, алтарные шкафики и ящички съ реликвіями. Донна Элиза мелькомъ взглянула на нихъ и снова прогрузилась въ свои мысли.

„На праздникъ Санъ-Себастьяно она не позволила украсить домъ Алагона,—думала она.—Она не хотѣла, чтобы святой помогъ Газтано“.

Тутъ съ шумомъ проѣхала телѣжка, которую везли двое людей. На ней лежала цѣлая гора церковныхъ завѣсъ, богато расшитыхъ покрововъ и образовъ въ широкихъ вызолоченныхъ рамахъ.

Донна Элиза отмахнулась рукой, какъ бы желая отогнать послѣднее сомнѣніе. Нѣтъ, исторія съ дономъ Антоніо не была чудомъ. Святые должны же знать, что въ Діаманте нѣтъ средствъ строить желѣзную дорогу.

Тутъ проѣхала желтая ломовая телѣга, нагруженная пожитками, молитвенниками, скамьями и другой церковной утварью.

Донна Элиза вскочила съ мѣста. Она выглянула изъ-за четохъ, которыя рядомъ висѣли на окнѣ. Проѣзжала уже третья повозка съ церковными вещами. Грабятъ что ли въ Діаманте? Или на городъ напали сарацны?

Она вышла за дверь, чтобы лучше видѣть. Въ это время мимо нея несли носилки, на которыхъ лежали погребальныя вѣнки изъ жести, доски съ длинными надписями и плиты, которыя прибываютъ къ стѣнамъ церкви въ память умершихъ.

Донна Элиза спросила носильщиковъ и узнала наконецъ, что происходитъ. Все это вывозили изъ церкви Santa Lucia in Gesu. Синдикъ и городское управленіе рѣшили отдать эту церковь подъ театръ.

Послѣ возстанія въ Діаманте былъ назначенъ новый синдикъ. Это былъ еще молодой человѣкъ изъ Рима. Онъ не зналъ города, но ему хотѣлось чѣмъ-нибудь проявить себя. Онъ заявилъ на городскомъ совѣтѣ, что Діаманте слѣдовало бы имѣть театръ, какъ въ Таормино и другихъ городахъ. Можно было просто-напросто обратиться въ театръ одну изъ церквей. Для такого маленькаго города было слишкомъ достаточно пяти церквей и семи монастырей. Одну церковь свободно можно было упразднить.

Выборъ палъ на церковь іезуитовъ Santa Lucia in Gesu. Прилегающій къ ней монастырь уже давно былъ передѣланъ въ казарму, и церковь посѣщалась очень мало. Изъ нея можно было сдѣлать превосходный театръ.

Это предложеніе внести новый синдикъ, и городское управленіе выразило свое согласіе.

Узнавъ объ этомъ, донна Элиза набросила на себя мантилію и шарфъ и поспѣшно направилась къ церкви святой Лючіи, словно тамъ ждалъ ее умирающій.

„Что же будетъ со слѣпыми? — думала донна Элиза. — Какъ они будутъ жить безъ церкви святой Лючіи?

Когда донна Элиза пришла на маленькую тихую площадь, застроенную длиннымъ безобразнымъ зданіемъ іезуитскаго монастыря, она увидала на широкихъ каменныхъ ступеняхъ вдоль всего фасада цѣлую кучу оборванныхъ дѣтей и лохматыхъ собакъ. Это были проводники слѣпыхъ. И всѣ они плакали и выли какъ могли громче.

— Что съ вами? — спросила донна Элиза.

— Они хотятъ отнять у насъ церковь, — жаловались дѣти. И при этомъ собаки завывали еще громче и жалобнѣе, потому что собаки слѣпыхъ умны и понятливы, какъ люди.

Въ дверяхъ церкви донна Элиза встрѣтила донну Конитту, жену донна Памфилю.

— Ахъ, донна Элиза, — сказала та, — никогда въ жизни вы не увидите ничего болѣе ужаснаго. Лучше вамъ и не входить сюда!

Но донна Элиза все-таки вошла.

Сначала она ничего не могла разглядѣть за бѣлыми облаками пыли. Она слышала только сильные удары молота, такъ какъ въ эту минуту рабочіе разбивали каменнаго рыцаря, лежащаго въ одной изъ оконныхъ нишъ.

— Господи, Боже мой! — воскликнула донна Элиза, сложивъ руки, — они ломаютъ Соръ Арриго! — И она подумала о томъ, какъ покойно онъ лежалъ въ своей нишѣ. Каждый разъ, какъ она его видѣла, она испытывала желаніе быть такъ же далеко отъ всѣхъ заботъ и превратностей судьбы, какъ и старый Соръ Арриго!

Въ церкви Лючіи былъ еще одинъ огромный памятникъ. Онъ изображалъ стараго іезуита, лежащаго на черномъ мраморномъ саркофагѣ съ плетью въ рукахъ и съ низко надвинутымъ на лобъ капюшономъ. Его звали патеръ Суччи, и имъ пугали дѣтей въ Діаманте.

„Неужели они рѣшатся тронуть и патера Суччи?“— подумала донна Элиза. И сквозь пыль и соръ она пробралась на хоры, гдѣ стоялъ саркофагъ, чтобы посмотреть, осмѣлились ли они вынести и его.

Но патерь Суччи еще лежалъ на своемъ каменномъ ложѣ. Онъ лежалъ мрачный и суровый, какимъ былъ при жизни, и можно было подумать, что онъ еще живъ. Возлѣ ложа не хватало только врача и стола съ лѣкарствами и зажженной свѣчой, чтобы подумать, что патерь Суччи лежитъ больной на хорахъ своей церкви и ждетъ своего послѣдняго часа.

Слѣпые сидѣли вокругъ него, подобно родственникамъ, собравшимся у постели умирающаго, и въ тихой печали раскачивались взадъ и впередъ. Тутъ были и обѣ старухи со двора гостиницы, донна Пепи и донна Тура, старая тетушка Саредда, которой помогали синдикъ Вольтаро, тутъ были слѣпые нищіе, слѣпые пѣвцы, слѣпые всѣхъ возрастовъ и положеній. Всѣ слѣпые Діаманте сошлись сюда, а въ Діаманте ихъ такое множество, какъ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ.

Всѣ они молча сидѣли вокругъ, и только изрѣдка у кого-нибудь вырывался громкій вошь. Иногда одинъ изъ нихъ ощупью пробирался къ патеру Суччи и съ громкимъ плачемъ бросался передъ нимъ на колѣни.

И онъ еще больше былъ похожъ на усопшаго, потому что настоятель францисканцевъ и патерь Росси ходили среди слѣпыхъ и старались утѣшить ихъ.

Донна Элиза была сильно тронута. Ахъ, какъ часто видѣла она всѣхъ этихъ людей такими веселыми на монастырскомъ дворѣ, а теперь ей приходится быть свидѣтельницами ихъ горя. Они трогали ее до слезъ, когда пѣли похоронныя пѣсни надъ ея мужемъ, дономъ Антонелли, и ея братомъ, дономъ Ферранте. Ей тяжело было видѣть ихъ въ такомъ отчаяніи.

Старая тетушка Саредда заговорила съ донной Элизой.

— Я ничего не знала, когда пришла сюда, донна Элиза,— говорила старуха.— Я оставила собаку на лѣстницѣ и хотѣла войти въ церковь. Я протянула руку, чтобы нащупать занавѣсъ на двери, но занавѣса не было. Я переступила порогъ, нащупывая ногой ступеньку, но ступеньки не было. Я протянула руку взять святсѣ воды; я опустилась на колѣни, проходя мимо главнаго алтаря, и прислушивалась, не звонятъ ли маленькій колокольчикъ какъ всегда, когда служить обѣдню патеръ Росси. Донна Элиза, не было ни чаши со святой водой, ни алтаря, ни колокольчика, ничего больше не было!

— Бѣдные, бѣдные вы,— сказала донна Элиза.

— Тогда я услышала, что въ одномъ изъ оконъ наверху стучать молоткомъ, точно что-то отбиваютъ. „Что вы тамъ дѣлаете съ Соръ Арриго“,—закричала я, потому что я сразу услышала, что стукъ доносится изъ окна Соръ Арриго.—„Мы хотимъ убрать его отсюда!“—отвѣтили мнѣ.—И въ эту же минуту ко мнѣ подошелъ настоятель, донъ Маттео, взявъ меня за руку и все мнѣ объяснилъ. И я едва не разсердилась на донна Маттео, когда они мнѣ сказали, что церковь хотятъ передѣлать въ театръ. Имъ понадобилась наша церковь для театра!—Гдѣ патеръ Суччи?—спросила я только.—Патеръ Суччи еще здѣсь?—И онъ провелъ меня наверхъ къ патеру Суччи. Онъ долженъ былъ отвести меня, потому что одна я не могла бы найти дороги. Послѣ того, какъ убрали всѣ стулья, скамьи, ковры и скамеечки, я ничего не могу здѣсь найти. А прежде я ходила здѣсь такъ же свободно, какъ и вы.

— Донъ Маттео переведетъ васъ въ другую церковь,— сказала донна Элиза.

— Донна Элиза,—возразила старуха.—Что вы такое говорите? Скажите ужъ лучше, что настоятель вернетъ намъ наше зрѣніе! Развѣ донъ Маттео можетъ намъ дать церковь, въ которой мы видѣли бы такъ хорошо, какъ въ этой? Здѣсь намъ не надо и проводниковъ. Тамъ вонъ, донна Элиза, стоялъ алтарь, и цвѣты на немъ

были такіе же красные, какъ Этна при заходѣ солнца, и мы видѣли это. Мы насчитывали шестнадцать свѣчей на главномъ алтарѣ въ воскресные дни и тридцать въ большіе праздники. Мы могли видѣть, какъ патеръ Росси служить здѣсь внизу обѣдню. Что намъ дѣлать въ другой церкви, донна Элиза? Тамъ мы ничего не будемъ видѣть! Намъ еще разъ лишили зрѣнія!

Сердце донны Элизы сжалось отъ состраданія.

Дѣйствительно со слѣпыми поступили страшно несправедливо.

Донна Элиза подошла къ дону Маттео.

— Ваше преподобіе, — сказала она, — вы говорили съ синдикомъ?

— Ахъ, ахъ, донна Элиза, — произнесъ донъ Маттео, — лучше вамъ самимъ попробовать поговорить съ нимъ.

— Ваше преподобіе, синдикъ человекъ новый, можетъ быть, онъ ничего и не знаетъ о слѣпыхъ.

— Съ нимъ говорили и синьоръ Вольтаро, и патеръ Росси, и я самъ. А онъ твердитъ свое, что не можетъ измѣнить постановленія городского совѣта. Вы сами знаете, донна Элиза, что нельзя отмѣнять рѣшеній городского совѣта. Если бы даже онъ рѣшилъ, что ваша кошка должна служить обѣдню въ соборѣ, то и тутъ ничего не подѣлаешь.

Вдругъ въ церкви произошло движеніе. Вошелъ высокій слѣпой старикъ.

— Отецъ Эліа, — шептали кругомъ, — отецъ Эліа!

Отецъ Эліа былъ старшина общества слѣпыхъ пѣвцовъ, которые по обыкновенію собрались здѣсь. У него были длинныя бѣлые волосы и такая же борода, и онъ былъ красивъ, какъ святой патриархъ.

Онъ, какъ и остальные, поднялся наверхъ къ патеру Суччи. Онъ сѣлъ около него и прижался лбомъ къ гробницѣ.

Донна Элиза подошла къ отцу Эліа и сказала ему:

— Отецъ Эліа, вы должны поговорить съ синдикомъ!

Старикъ узналъ голосъ донны Элизы и отвѣтилъ ей низкимъ старческимъ голосомъ.

— Неужели вы думаете, что я ждалъ, пока вы мнѣ посовѣтуете это! Неужели вы думаете, что моей первой мыслью не было пойти къ синдику?

Онъ говорилъ такъ рѣзко и отчетливо, что рабочіе перестали стучать молотками и начали прислушиваться, думая, что кто-то говорить проповѣдь.

— Я сказалъ ему: мы, слѣпые пѣвцы, образуемъ общество, и іезуиты уже триста лѣтъ тому назадъ открыли передъ нами эту церковь и дали намъ право собираться въ ней, чтобы выбирать новыхъ членовъ и разучивать новое пѣніе.

И я сказалъ ему, что наше общество насчитываетъ тридцать членовъ и что святая Лючія наша патронесса, что мы никогда не поемъ на улицахъ, а только во дворахъ домовъ и въ закрытыхъ помѣщеніяхъ, и что мы поемъ только легенды о святыхъ и погребальныя пѣсни, но никогда ни одной легкомысленной пѣсенки, и что іезуитъ патеръ Суччи допустилъ насъ въ эту церковь, потому что слѣпые — пѣвцы Господни.

И я сказалъ ему, что мы раздѣляемся на *recitatores*, которые умѣютъ пѣть только старыя пѣсни, и *travatores*, которые слагаютъ новыя.

Я сказалъ ему, что мы служимъ на утѣшеніе многихъ на нашемъ островѣ. Я спросилъ его, за что онъ хочетъ отнять у насъ жизньъ.

Потому что бездомные не могутъ жить.

Я сказалъ ему, что мы ходимъ изъ города въ городъ по всей Этіѣ, но что домъ нашъ въ Діаманте, въ перкви Лючія, гдѣ для насъ каждое утро служатъ обѣдню. И вотъ онъ хочетъ лишить насъ утѣшенія слушать слово Божіе.

Я сказалъ ему, что однажды іезуиты хотѣли прогнать насъ изъ нашей церкви, но это имъ не удалось. Мы получили отъ вице-короля письмо, которое упрочивало за нами „на вѣчныя времена“ право собираться въ Santa Lucia in Gesu. И я показалъ ему письмо.

— Что же онъ отвѣтилъ?

— Онъ засмѣялся надо мной!

— И никто изъ другихъ господъ не можетъ помочь вамъ?

— Я побывалъ у всѣхъ, донна Элиза. Все утро меня гоняли отъ Понтія къ Пилату.

— Отецъ Эліа,—произнесла донна Элиза, понизивъ голосъ,—а подумали вы обратиться къ святымъ?

— Я молился черной мадоннѣ и Сантъ-Себастьяно. Я молился всѣмъ святымъ, какихъ я только знаю.

— А какъ вы думаете, отецъ Эліа,—продолжала еще тише донна Элиза,—не потому ли донъ Антонио Греко получилъ помощь, что общалъ пожертвовать деньги въ пользу желѣзной дороги донны Микаэлы?

— У меня нѣтъ денегъ для пожертвованія,—печально произнесъ старикъ.

— Вамъ слѣдуетъ подумать объ этомъ, отецъ Эліа,—сказала донна Элиза,—такъ какъ вы теперь въ большой бѣдѣ. Попробуйте общать младенцу Христу, что вы сами и всѣ члены вашего общества будете пѣть и говорить о желѣзной дорогѣ и уговаривать людей жертвовать на нее, если вамъ удастся сохранить за собой вашу церковь! Мы не знаемъ, поможетъ ли это; но надо все попробовать, отецъ Эліа. Вѣдь общать ничего не стоитъ!

— Я общаю все, что хотите,—отвѣчалъ старикъ.

Онъ снова оперся своей головой на черный мраморъ гробницы, и донна Элиза поняла, что онъ произноситъ обѣтъ, чтобы только утѣшиться въ своемъ горѣ.

— Должна ли я передать вашъ обѣтъ изображенію Христа? — спросила она.

— Дѣлайте, что хотите, донна Элиза, — отвѣчалъ старикъ.

Въ тотъ же день фра Феличе всталъ въ пять часовъ и отправился убирать въ церкви. Онъ чувствовалъ себя такимъ свѣжимъ и бодрымъ; но вдругъ во время работы ему показалось, что Санъ-Паскале, стоявшій съ мѣшкомъ камней у входа въ церковь, хочетъ ему что-то сказать. Онъ вышелъ наружу, но съ Санъ-Паскале не произошло ничего дурного; напротивъ какъ разъ въ эту минуту изъ за Этны поднялось солнце и разбросало по темнымъ склонамъ горы многоцвѣтные лучи, подобные струнамъ арфы. Лучи проникли въ старую церковь фра Феличе и залили ее всю розовымъ свѣтомъ: розовыми стояли древнія колонны, поддерживающія балдахинъ надъ статуей, розовымъ стоялъ Санъ-Паскале со своимъ мѣшкомъ и самъ фра Феличе.

„Мы выглядимъ совсѣмъ молодыми, — подумалъ старикъ, — намъ осталось прожить еще долгій рядъ лѣтъ“.

Но когда онъ хотѣлъ вернуться въ церковь, онъ почувствовалъ какую-то тяжесть на сердцѣ и подумалъ, что Санъ-Паскале вызвалъ его, чтобы проститься съ нимъ. Ноги его такъ отяжелѣли, что онъ едва могъ ими двигать. Онъ не испытывалъ никакой боли, а только страшную усталость, которая могла предвѣщать только смерть. У него едва хватило силъ поставить щетку за дверь ризницы, потомъ онъ съ трудомъ дотащился до возвышенія передъ главнымъ алтаремъ и легъ тамъ, завернувшись въ рясу.

Ему показалось, что изображеніе Христа кивнуло ему и сказало: „Теперь ты мнѣ нуженъ, фра Феличе“.

Онъ лежа кивнулъ ему въ отвѣтъ: „Я готовъ, я не измѣню тебѣ!“ Онъ лежалъ и ждалъ смерти, и это казалось ему прекраснымъ.

Онъ въ первый разъ за всю жизнь почувствовалъ, какъ онъ усталъ. Теперь наконецъ онъ можетъ отдохнуть. Маленькое изображеніе и безъ него будетъ заботиться о церкви и монастырѣ.

Онъ лежалъ и улыбался, думая о томъ, какъ Санъ-Паскале звала его, чтобы въ послѣдній разъ пожелать ему добраго утра.

Фра Феличе долго лежалъ такъ, иногда впадая въ забытѣе. Съ нимъ никого не было, и ему начало казаться, что нехорошо умирать въ одиночествѣ. Онъ какъ будто обманывается кого-то. Эта мысль снова и снова пробуждала его отъ забытѣя. Ему хотѣлось позвать священника; но ему некого было послать за нимъ.

И пока онъ такъ лежалъ, ему начало казаться, что онъ все больше и больше съживается. Каждый разъ, какъ онъ приходилъ въ себя, ему чудилось, что онъ сталъ меньше. Можно было подумать, что онъ постепенно исчезаетъ. Теперь онъ навѣрное въ нѣсколько разъ можетъ завернуться въ свою рясу.

Онъ вѣроятно такъ бы и умеръ въ одиночествѣ, если бы въ церковь не пришла донна Элиза просить младенца Христа о помощи слѣпымъ. Она испытывала какое-то странное чувство, она хотѣла, чтобы святой помогъ слѣпымъ, и въ то же время ей не хотѣлось, чтобы удались планы донны Микаэлы.

Войдя въ церковь, она увидала, что фра Феличе лежитъ на возвышеніи передъ алтаремъ. Она подошла къ нему и опустилась на колѣни.

Фра Феличе поднялъ на нее глаза и тихо улыбнулся: „Я умираю“,—сказалъ онъ хрипло, но сейчасъ же поправился и сказалъ: „Мнѣ пора умереть“.

Донна Элиза спросила, что съ нимъ, и предложила сходить за помощью.

— Сядьте здѣсь, — сказалъ онъ и сдѣлалъ слабую попытку отереть концомъ рукава пыль съ возвышенія.

Донна Элиза сказала, что она позоветъ священника и сестру милосердія.

Но онъ схватилъ ее за платье и остановилъ:

— Сначала я хочу поговорить съ вами, донна Элиза.

Ему было трудно говорить, и онъ тяжело дышалъ послѣ каждаго слова. Донна Элиза сидѣла около него и ждала.

Нѣсколько времени онъ лежалъ, тяжело дыша, потомъ на лицѣ его выступила краска, глаза заблестѣли, и онъ заговорилъ легко и быстро:

— Донна Элиза, — заговорилъ онъ, — я оставляю наслѣдство. Это цѣлый день беспокоить меня. Я не знаю, кому завѣщать его“.

— Фра Феличе, — сказала донна Элиза, — вамъ нечего беспокоиться объ этомъ. Отъ хорошаго подарка никто не откажется.

Но фра Феличе, собравшись съ силами, хотѣлъ прежде чѣмъ рѣшить вопросъ о наслѣдствѣ, рассказать, какъ милостивъ былъ къ нему Господь.

— Великую милость оказалъ мнѣ Господь, избравъ меня въ свои „полакко“, — говорилъ онъ.

— Да, это великая милость, — поддержала донна Элиза.

— Быть даже самымъ, самымъ маленькимъ „полакко“ и то ужъ большая милость, — сказалъ фра Феличе, — особенно это стало полезнымъ съ тѣхъ поръ, какъ монастырь закрыли, а братія разошлась или вымерла. Вѣдь когда имѣешь полный мѣшокъ хлѣба, не протягиваешь руки за милостыней. Тогда постоянно видишь дружескія лица, и встрѣчаютъ тебя съ глубокими поклонами. Я не знаю большей милости для бѣднаго монаха, донна Элиза.

Донна Элиза думала о томъ, какъ почитали и любили всѣ фра Феличе, потому что онъ предсказывалъ счастливые номера выигрышей въ лотерею. И она не могла не согласиться съ нимъ.

— Если я шелъ по дорогѣ подъ солнечнымъ зноемъ, — продолжалъ фра Феличе, — то ко мнѣ подходилъ пастухъ и провожалъ меня, держа надъ моей головой зонтикъ. А когда я спускался къ рабочимъ въ прохладныя каменоломни, они дѣлили со мной свой хлѣбъ

и похлебку. Мнѣ нечего было бояться разбойниковъ или карабинеровъ. Сторожъ у городскихъ воротъ дѣлалъ видъ, что дремлетъ, когда я проходилъ мимо съ наполненнымъ мѣшкомъ. Это счастливый даръ, донна Элиза.

— Конечно, конечно! — говорила донна Элиза.

— И это было такое легкое ремесло, — говорилъ фра Феличе. — Они спрашивали меня, и я отвѣчалъ имъ. Вотъ и все. Они знали, что каждое слово означаетъ свою цифру, они запоминали мои слова и играли, сообразуясь съ ними. Я самъ не знаю, какъ это происходило, донна Элиза, это былъ даръ Божій!

— Всѣ будутъ очень жалѣть о васъ, фра Феличе, когда вы умрете, — сказала донна Элиза.

Фра-Феличе усмѣхнулся:

— Ни въ воскресенье, ни въ понедѣльникъ, послѣ розыгрыша они и не вспоминали обо мнѣ, — говорилъ онъ. — Но въ четвергъ, пятницу и субботу утромъ всѣ сбѣгались ко мнѣ, потому что каждую субботу разыгрывались лотереи.

Донна Элиза начинала беспокоиться, видя, что умирающій только и говоритъ о свѣмъ дарѣ. Она вдругъ вспомнила многихъ, проигравшихъ въ лотереи, и даже такихъ, которые проиграли все свое состояніе. Ей хотѣлось отвлечь мысли старика отъ этихъ грѣховныхъ помысловъ.

— Вы хотѣли поговорить о завѣщаніи, фра Феличе.

— У меня такъ много друзей, что я не знаю, кому завѣщать наслѣдство! Отдать его тѣмъ, кто пекъ для меня сладкія пирожныя, или тѣмъ, кто угощалъ меня артишоками въ свѣжемъ маслѣ? Или завѣщать его сестрамъ милосердія, которыя ухаживали за мной, когда я былъ боленъ?

— А у васъ большое наслѣдство, фра Феличе?

— Хватить, донна Элиза, хватитъ!

Фра Фелпче опять ослабѣлъ, онъ лежалъ неподвижно и тяжело дышалъ.

— Я думать еще не отдать ли его всѣмъ бѣднымъ странствующимъ монахамъ, монастыри которыхъ закрыли, — прошепталъ онъ.

И послѣ нѣкотораго раздумья онъ прибавилъ:

— Я съ удовольствіемъ передамъ бы его и тому доброму старику въ Римѣ, который, вы знаете, заботится обо всѣхъ насъ.

— Развѣ вы такъ богаты, фра Феличе? — спросила донна Элиза.

— Хватитъ, донна Элиза, хватитъ!

Онъ закрылъ глаза и помолчалъ, потомъ произнесъ:

— Я хотѣлъ бы завѣщать его всѣмъ людямъ, донна Элиза!

Эта мысль придавала ему новыя силы, на щекахъ его выступилъ слабый румянецъ, и онъ поднялъ руку.

— Смотрите, донна Элиза, — продолжалъ онъ, вынимая изъ яруса запечатанный конвертъ и передавая его ей. — Пойдите къ синдикъ Діаманте и передайте это ему!

— Здѣсь, донна Элиза, названы пять пифръ, которыя выиграютъ въ ближайшую субботу. Онѣ были мнѣ открыты и я ихъ записалъ. Синдикъ долженъ вывѣсить эти номера на римскихъ воротахъ, гдѣ вывѣшиваются всѣ важныя объявленія. И онъ долженъ оповѣстить народу, что это мое завѣщаніе. Я дарю его всѣмъ людямъ. Цѣлыхъ пять выигрышныхъ номеровъ, донна Элиза!

Донна Элиза взяла конвертъ и обѣщала передать его синдикъ. Ей не оставалось ничего другого, потому что бѣдный фра Феличе доживалъ свои послѣднія минуты.

— Когда наступитъ суббота, — сказалъ фра Феличе, — многіе вспомнятъ фра Феличе. Не обманулъ ли насъ старшій фра Феличе? — будутъ говорить они. Можетъ ли быть, чтобы выиграло цѣлыхъ пять номеровъ.

— Въ субботу вечеромъ будетъ разыграна лотерея на балконѣ ратуши въ Катаніи, донна Элиза. Они вынесутъ столъ съ колесомъ

лотереи на балконъ, и сюда же выйдутъ господа, присутствующіе при розыгрышѣ, и маленькій ребенокъ изъ пріюта. Одинъ за другимъ будутъ они вкладывать номера въ колеса, пока не сложатъ всѣ сто.

А весь народъ стоитъ внизу и дрожить отъ нетерпѣнія, подобно морю, волнующемуся во время бури.

Всѣ жители Діаманте съѣдутся туда, они будутъ стоять блѣдные, не смѣя взглянуть другъ другу въ лицо. Сначала они вѣрили; а теперь они уже больше не вѣрятъ. Теперь они думаютъ, что старый фра Феличе обманулъ ихъ! Всѣ теряютъ послѣднюю надежду.

Тутъ вынимаютъ первый номеръ, онъ выигрываетъ. Ахъ, донна Элиза, они такъ поражены, что не могутъ выразить своего восторга. Вѣдь всѣ ожидали, что они будутъ обмануты. Когда вынимаютъ второй номеръ, воцаряется мертвая тишина. Затѣмъ слѣдуетъ третій. Господа, ведущіе розыгрышъ, изумляются, что все такъ тихо. Сегодня никто не выигрываетъ! — будутъ они говорить. Сегодня государство получить хорошій доходъ. Вынимаютъ четвертый номеръ. Дитя изъ пріюта вынимаетъ свертки изъ колеса, маркеръ развертываетъ его и показываетъ номеръ. Внизу въ толпѣ почти зловѣщая тишина, никто не рѣшается произнести ни слова, пораженные такимъ счастьемъ. Наконецъ вынимаютъ послѣдній номеръ. — Ахъ, донна Элиза, всѣ кричатъ, смѣются, обнимаются, рыдаютъ. Всѣ выиграли! Всѣ въ Діаманте стали богаты...

Донна Элиза подсунула руку подъ голову фра Феличе и поддерживала его, пока онъ говорилъ. Тѣло его вдругъ тяжело повисло. Старый фра Феличе умеръ.

Въ то время, какъ донна Элиза сидѣла съ умирающимъ фра Феличе, многіе изъ жителей Діаманте приняли участіе въ судьбѣ слѣпыхъ. Собственно не мужчины, потому что большинство изъ нихъ

работало въ поляхъ, а женщины. Онѣ цѣлыми толпами сходились къ святой Лючіи, чтобы утѣшать слѣпыхъ. И вотъ когда ихъ собралось около четырехсотъ, онѣ рѣшили отправиться къ синдикѣ и поговорить съ нимъ.

Онѣ пришли на площадь и вызвали синдика. Онъ вышелъ на балконъ ратуши, и онѣ стали просить его за слѣпыхъ. Синдикъ былъ любезный и красивый мужчина. Онъ ласково говорилъ съ ними, но отказывался исполнить ихъ просьбу. Онъ не могъ измѣнить постановленія совѣта.

Но женщины рѣшили, что постановленіе должно быть взято обратно, и не хотѣли уходить съ площади. Синдикъ вошелъ въ ратушу, и онѣ продолжали стоять на площади, кричать и молить. Онѣ ни за что не хотѣли уйти, пока просьба ихъ не будетъ исполнена.

Въ это время на площади появилась донна Элиза, которая несла синдикѣ завѣщаніе фра Феличе.

Всѣ эти бѣды смертельно огорчали ее, но въ то же время она испытывала какое-то горькое удовлетвореніе при мысли, что младенецъ Христосъ не оказалъ ей никакой помощи. Она всегда была убѣждена, что святые не хотятъ помогать доннѣ Микаэлѣ.

Хорошій подарокъ нестѣ она изъ церкви Санъ Паскале! Онъ не только не поможетъ слѣпымъ, но пожалуй даже разоритъ весь городъ. Теперь послѣднія крохи бѣдняковъ пойдутъ на покупку лотерейныхъ билетовъ. Теперь всѣ бросятся занимать и закладывать.

Синдикъ сейчасъ же принялъ донну Элизу и былъ съ ней спокоенъ и любезенъ по обыкновенію, хотя женщины кричали на площади, въ пріемной плакали слѣпые, и къ нему цѣлый день являлись просители.

— Чѣмъ я могу служить вамъ, синьора Антонелли? — спросилъ онъ. Донна Элиза сначала изумленно оглянулась, не понимая, съ кѣмъ это онъ такъ говоритъ. Потомъ она рассказала ему про завѣщаніе.

Синдикъ не встревожился и не удивился.

— Это очень интересно, — сказалъ онъ, протягивая руку за бумагами.

Но донна Элиза крѣпко держала конвертъ и спросила его:

— Синьоръ синдикъ, что вы намѣреваетесь дѣлать съ этимъ, вы дѣйствительно объявите номера на римскихъ воротахъ?

— Да, а какъ же иначе я могу поступить, синьора? Вѣдь это послѣдняя воля умершаго!

Донна Элиза могла бы рассказать ему, какъ опасно это завѣщаніе; но она раздумала и рѣшила лучше замолвить словечко за слѣпыхъ.

— Патеръ Суччи, завѣщавшій свою церковь слѣпымъ, вѣдь тоже человѣкъ умершій, — начала она.

— Синьора Антонелли, и вы пришли тоже съ этимъ? — сказалъ дружески синдикъ. — Это была ошибка, но почему же мнѣ никто не сказалъ, что церковь святой Лючіи принадлежитъ слѣпымъ? Ну, а теперь, когда ужъ это рѣшено, я не могу взять постановленія обратно. Я не могу!

— А какъ же ихъ права и ихъ письмо, синьоръ синдикъ.

— Ихъ права не имѣютъ никакого значенія. Они касаются монастыря іезуитовъ, но вѣдь таковой уже не существуетъ. И скажите, синьора Антонелли, какъ будутъ смотрѣть на меня, если я уступлю?

— Тогда васъ всѣ полюбятъ за ваше великодушіе.

— Синьора, тогда всѣ сочтутъ меня за человѣка слабовольнаго, и на площади передъ ратушей каждый день будутъ собираться жены рабочихъ и клянуть о чемъ-нибудь. Надо переждать только одинъ день. Завтра все забудется.

— Завтра? — произнесла донна Элиза. — Мы этого никогда не забудемъ.

Синдикъ улыбнулся, и донна Элиза увидѣла, что онъ думаетъ, будто знаетъ жителей Діаманте лучше, чѣмъ она.

— Вы думаете, что онѣ такъ близко принимаютъ это къ сердцу?— спросилъ онъ.

— Да, я это думаю, синьоръ синдикъ.

Синдикъ усмѣхнулся: — Дайте мнѣ эти бумаги, синьора!

Онъ взялъ конвертъ, вышелъ съ нимъ на балконъ и обратился къ женщинамъ:

— Я долженъ вамъ сообщить вѣчто, — сказалъ онъ, — я только что узналъ, что старикъ фра Феличе умеръ и оставилъ вамъ всѣмъ завѣщаніе. Онъ указываетъ пять номеровъ, которые должны выиграть въ субботу въ лотерею, и онъ дарить ихъ вамъ. Ихъ еще никто не знаетъ. Они въ этомъ конвертѣ, онъ еще не распечатанъ.

Онъ помолчалъ съ минуту, чтобы дать женщинамъ время обдумать его слова.

Онѣ сейчасъ же подняли крикъ: — Номера! номера!

Синдикъ сдѣлалъ знакъ, чтобы онѣ замолчали.

— Вы должны разсудить, — сказалъ онъ, — что фра Феличе никакъ не могъ знать, какіе номера выиграютъ въ слѣдующую субботу! Если вы будете играть на эти номера, вы потеряете всѣ ваши деньги! А намъ положительно невозможно стать еще бѣднѣе, чѣмъ мы сейчасъ. Я прошу васъ позволить мнѣ уничтожить завѣщаніе, не вскрывая его.

— Номера! — закричали женщины, — мы хотимъ знать номера!

— Если вы позволите уничтожить завѣщаніе, — сказалъ синдикъ, — я обещаю вамъ вернуть слѣпымъ ихъ церковъ.

На площади все стихло. Донна Элиза, сидѣвшая въ залѣ ратуши, поднялась съ мѣста и схватилась руками за спинку стула.

— Я предлагаю вамъ выборъ между церковью и выигрышными номерами, — сказалъ синдикъ.

— Боже небесный, — простонала донна Элиза, — или онъ самъ дьяволъ, что искушаетъ такъ бѣдныхъ людей!

— Мы всегда были нищими, — закричала одна женщина, — пусть мы и останемся такими!

— Мы не выберемъ Варравы вмѣсто Христа, — закричала другая.

Синдикъ вынулъ изъ кармана коробку спичекъ, зажегъ спичку и медленно поднесъ ее къ завѣщанію.

Женщины стояли и смотрѣли, какъ горѣли пять выигрышныхъ номеровъ фра Феличе. Церковь слѣпыхъ была спасена.

— Это чудо, — прошептала старая донна Элиза. — Всѣ онѣ вѣрятъ въ фра Феличе и позволяютъ сжечь его номера. Это чудо!

На слѣдующій день донна Элиза снова сидѣла въ лавкѣ за вышиваньемъ. Она выглядѣла такой старой и разбитой. Это была не прежняя донна Элиза, это была старая, бѣдная, покинутая женщина. Она дѣлала невѣрные, косые стежки и едва удерживала слезы, которыя могли закапать вышиванье и испортить его.

Донна Элиза переживала такое тяжелое горе! Сегодня она навсегда потеряла Газтано. Она потеряла всякую надежду когда-либо увидѣть его.

Святые перешли на сторону враговъ. Они творили чудеса, чтобы помочь доннѣ Микаэлѣ. Никто не можетъ сомнѣваться, что то, что произошло сегодня, было чудомъ. Бѣдныя женщины Діаманте не могли бы спокойно стоять и глядѣть, какъ горятъ номера фра Феличе, если бы ихъ не сковало чудо.

То, что добрые святые помогаютъ доннѣ Микаэлѣ, которая не любила Газтано, повергало бѣдную женщину въ скорбь и уныніе.

Дверной колокольчикъ рѣзко позвонилъ, и донна Элиза поднялась съ мѣста по старой привычкѣ. Вошла донна Микаэла. Она была такая веселая и ласково протягивала руку. Но донна Элиза отвернулась. Она не можетъ пожать ея руки.

Донна Микаэла была въ восторгѣ.

— Ахъ, донна Элиза, ты помогла моей желѣзной дорогѣ! Что мнѣ еще сказать? Какъ мнѣ отблагодарить тебя?

— Оставь свои благодарности, невѣстка!

— Донна Элиза!

— Если святые согласны даровать намъ желѣзную дорогу, то это потому, что она нужна для Діаманте, а не потому, что она любить тебя!

Донна Микаэла вздрогнула. Теперь только она начинала понимать, за что донна Элиза сердится на нее.

— Если бы Гаэтано былъ дома, — сказала она, прижавъ руку къ сердцу и сдерживая рыданіе, — если бы Гаэтано былъ дома, онъ не потерпѣлъ бы, чтобы ты такъ жестоко обошлась со мной.

— Гаэтано, Гаэтано не потерпѣлъ бы?..

— Нѣтъ, онъ не позволилъ бы этого! Если ты даже сердилъ на меня за то, что я любила его еще при жизни мужа, ты все-таки не рѣшилась бы упрекать меня, если бы онъ былъ дома!

Донна Элиза слегка подняла брови.

— Ты думаешь, онъ бы заставилъ меня молчать о такой вещи? — сказала она, и голосъ ея прозвучалъ какъ-то странно.

— Но, донна Элиза, — прошептала донна Микаэла, подходя къ ней ближе. — Вѣдь это же невозможно, совершенно невозможно не любить его! Вѣдь онъ такъ прекрасенъ! Онъ покорилъ меня своей властью, и я боюсь его. Ты должна позволить мнѣ любить его!

— Я должна? — донна Элиза смотрѣла внизъ и говорила отрывисто и сурово.

Донна Микаэла воскликнула въ себя:

— Онъ любить меня! Не Джіанниту, а меня! И ты должна обращаться со мной какъ съ дочерью, ты должна помогать мнѣ и быть добра ко мнѣ! А вмѣсто этого ты всюду становишься на моемъ пути. Ты такъ жестока со мной! Я не рѣшаюсь приходить къ тебѣ

и говорить о немъ. И я не смѣю сказать тебѣ, какъ я тоскую и какъ я работаю для него.

Донна Элиза не могла этого слушать дальше. Донна Микаэла была совершенное дитя; юное, глупое и дрожащее, какъ сердце птички. Дитя, о которомъ нужно позаботиться. Она должна обнять ее.

— Вѣдь я не знала этого, бѣдное, глупенькое дитя, — сказала она.

VII.

Послѣ чуда.

Слѣпые пѣвцы созвали общее собраніе въ церкви Лючіи. Наверху на хорахъ, за алтаремъ, на рѣзныхъ стульяхъ іезуитовъ сидѣло тридцать слѣпыхъ стариковъ. Большинство изъ нихъ жило подавляемъ, и рядомъ съ ними лежали сумы для сбора милостыни и клюки.

Слѣпые были серьезны и торжественны. Они понимали, что значить быть членами этого святого общества пѣвцовъ, — этой чудной, старинной академіи.

Снизу изъ церкви изрѣдка доносился глухой шумъ. Тамъ сидѣли поводыри слѣпыхъ, дѣти, собаки, старухи, и всѣ они ждали. Иногда дѣти поднимали возню съ собаками, но сейчасъ же смолкали и замирали.

Слѣпые, называемые „trovatores“, выступили поочередно одинъ за другимъ и говорили пѣсни, которыя они сложили.

— Вы — народъ, жирующій на святой Этнѣ, — говорилъ одинъ изъ нихъ. — Вы — люди, живущіе на волшебной горѣ, возстаньте, подарите вашей владычицѣ еще новое украшеніе! Она желаетъ имѣть двѣ длинныя ленты, чтобы еще больше украсить себя; двѣ длинныя, узкія желѣзныя ленты хочетъ она прикрѣпить къ своей мантии. По-

дарите ихъ вашей госпожѣ, и она щедро наградитъ васъ, она вернетъ вамъ золото за желѣзо. Нечислнмы сокровища, которыми могущественная наградитъ тѣхъ, кто поможетъ ей достигнуть желаемого.

— Кроткій чудотворецъ сошелъ къ намъ, — говорилъ другой. — Бѣдный и невзрачный стоитъ онъ въ холодной, старой церкви. Корона его изъ жести, а брилліанты изъ стекла. Не приносите мнѣ никакихъ жертвъ, бѣдняки, говоритъ онъ, богачи, не стройте мнѣ храмовъ! Я хочу помочь вашему счастью. Если въ вашихъ хижинахъ засяетъ богатство, и я засверкаю неподдѣльными драгоценностями, если нужда покинетъ эту страну, ноги мои обуются въ золотые башмачки, расшитые жемчугами!

По мѣрѣ того, какъ выступали пѣвцы, собраніе принимало или отвергало ихъ пѣніе. Стѣны были очень строги въ выборѣ.

На слѣдующій же день они разошлись по всей Этнѣ, воспѣвая желѣзную дорогу и зароня мысль о ней въ сердца каждаго человѣка.

Послѣ чуда съ завѣщаніемъ фра Феличе народъ началъ приносить пожертвованія для желѣзной дороги. Донна Микаэла быстро собрала до ста лиръ. Тогда она поѣхала съ донной Элизой въ Мессину посмотреть паровой трамвай между Мессиною и Фаро. Большимъ онѣ и не задавались. Онѣ будутъ довольны и паровымъ трамваемъ.

— Почему желѣзные дороги стоятъ такъ дорого? — спрашивала донна Элиза. — Вѣдь это же самая обыкновенная дорога, только на ней лежатъ два ряда рельсъ. Но вотъ инженеры и знатные господа дѣлаютъ дорогу такой дорогой. Намъ не нужно инженеровъ, Микаэла! Пусть наши хорошіе строители дорогъ Джіованни и Кармело построятъ твою дорогу!

Онѣ тщательно осмотрѣли паровой трамвай въ Фаро и собрали

всевозможныя свѣдѣнія. Онѣ измѣрили разстояніе между рельсами, и донна Микаэла нарисовала на бумагѣ, какъ скрещиваются рельсы на станціяхъ. Это было совсѣмъ не трудно. Онѣ были увѣрены, что и онѣ справятся съ этимъ.

Въ этотъ день все казалось имъ такимъ легкимъ. Станцію построить нисколько не труднѣе обыкновеннаго дома, говорили онѣ. Вѣдь понадобится не больше двухъ-трехъ станцій. Для другихъ остановокъ довольно будетъ простыхъ будокъ. Только бы онѣ смогли обойтись безъ акціонернаго общества, безъ привлеченія знатныхъ господъ, что стоитъ такъ дорого, а тогда ужъ имъ удастся провести трамвай. Это будетъ стоить недорого. Землю онѣ, конечно, получатъ даромъ. Богатые помѣщики, владѣющіе землями на Этнѣ, поймутъ, конечно, какую пользу имъ принесетъ желѣзная дорога, и дадутъ ей свободный доступъ по своимъ полямъ.

Онѣ не считали нужнымъ заранѣе намѣчать линію пути. Онѣ просто начнутъ ее въ Діаманте и постепенно спустятся къ Катаніи. Надо только начать и каждый день работать по участку дальше. Вѣдь это совсѣмъ не трудно.

Послѣ этого путешествія онѣ принялись за свой страхъ и рискъ строить дорогу.

Донъ Ферранте не оставилъ доннѣ Микаэлѣ большого наслѣдства; но очень кстати онъ владѣлъ на Этнѣ большими пустошами, покрытыми лавой. Отсюда-то Джіованни и Кармело и начали строить дорогу.

Когда они приступили къ работамъ, у нихъ было только сто лярвъ. Но чудо съ завѣщаніемъ наполнило ихъ какимъ-то священнымъ безуміемъ.

Что это будетъ за желѣзная дорога, что за дорога!

Стѣнные пѣвцы были собирателями акцій, святое изображеніе даровало концессию, а старая хозяйка лавочки донна Элиза была инженеромъ.

VIII.

Джеттаторе.

Въ Катанин жилъ когда-то человекъ съ „дурнымъ глазомъ“, его называли „джеттаторе“. Онъ былъ самымъ ужаснымъ джеттаторе во всей Сицилии. Какъ только онъ появлялся на улицѣ, люди спѣшили охранить себя отъ него, складывая пальцы крестомъ. Но часто и это не помогало. Всякій, кто встрѣчался съ нимъ, могъ быть увѣренъ, что цѣлый день его будутъ ждать неудачи. Обѣдъ будетъ испорченъ, или разобьется старинная дорогая ваза. Онъ узнаетъ, что его банкиръ прекратилъ платежи и что записочка, написанная имъ женѣ друга, попала въ невѣрные руки.

Большую частью джеттаторе высокій, худой человекъ съ тусклыми, пугливыми глазами и длиннымъ носомъ, свѣшивающимся на верхнюю губу. Богъ наградилъ джеттаторе носомъ поугая, какъ знакомъ отличія отъ другихъ людей. Но на свѣтѣ все мѣняется, и этотъ джеттаторе былъ маленькій человекъ съ такимъ же носомъ, какъ и Санъ-Микеле.

Благодаря этому онъ приносилъ гораздо больше зла, чѣмъ обыкновенный джеттаторе. Насколько чаще случается уколоться о розу, чѣмъ обжечься о крапиву!

Для джеттаторе было бы лучше никогда не достигать зрѣлаго возраста. Ему хорошо живется только въ дѣтствѣ. Тогда съ нимъ его мать, а она не замѣчаетъ его „дурного глаза“ и не понимаетъ, почему она колетъ себѣ пальцы, какъ только онъ подходитъ къ ея рабочему столу. Она не боится цѣловать его. И хотя въ домѣ постоянно кто-нибудь боленъ, не уживается прислуга и друзья прекращаютъ знакомство, она все-таки ничего не замѣчаетъ.

Но, когда джеттаторе вступаетъ въ жизнь, ему часто приходится не легко. Вѣдь прежде всего слѣдуетъ думать и заботиться о самихъ себѣ и нельзя портить всю свою жизнь изъ великодушія къ джеттаторе.

Джеттаторе, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, былъ инженеромъ и строилъ желѣзныя дороги. Онъ получилъ даже заказъ на постройку казенной желѣзной дороги—вѣдь правительство не могло знать, что онъ джеттаторе. Ахъ, сколько бѣдъ это повлекло за собой! Какъ только онъ вступилъ въ завѣдываніе постройкой, одно несчастье пошло за другимъ. Начнутъ прокладывать туннель — обвалъ за обваломъ, проводятъ мосты—они рунутся. Когда взрываютъ скалы, срываютъ камни и убиваютъ рабочихъ. И только съ самимъ инженеромъ никогда не случалось никакой бѣды.

Но бѣдные рабочіе, которые работали подъ его начальствомъ! Каждый вечеръ они пересчитывали цѣлость своихъ членовъ и пальцевъ. „Завтра мы, можетъ, лишимся ихъ“,— говорили они.

Они довели объ этомъ до свѣдѣнія главнаго инженера и даже министра. Но никто изъ нихъ не обратилъ вниманія на эти жалобы. Они были слишкомъ умны и учены, чтобы вѣрить въ „дурной глазъ“. Рабочіе должны быть осторожны при работахъ. Они сами виноваты, если съ ними случается несчастье.

А бѣды продолжались, вагоны со щебнемъ опрокидывались, локомотивы взрывало.

Однажды утромъ прошелъ слухъ, что инженеръ исчезъ. Никто не зналъ, гдѣ онъ находится. Можетъ быть, кто-нибудь прикончилъ его? Нѣтъ, нѣтъ, развѣ кто-нибудь рѣшится заколотъ джеттаторе!

Но онъ какъ въ воду канулъ, никто больше не видалъ его.

Это случилось черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, какъ донна Микаэла задумала строить желѣзную дорогу. И чтобы собрать нужный для этого капиталъ, она устроила базаръ въ большомъ францисканскомъ монастырѣ, лежащемъ за воротами Діаманте.

Въ монастырѣ былъ большой дворъ, обнесенный великолѣпной старинной галлереей съ колоннами. Донна Микаэла разставила въ аркахъ маленькія палатки и столы съ лотереями и позаботилась о всевозможныхъ увеселеніяхъ. Между колоннами висѣли гирлянды венеціанскихъ фонариковъ. А вокругъ бассейна были разставлены бочки съ винами Этны.

Во время этихъ приготовленій донна Микаэла часто разговаривала съ маленькимъ Гандольфо, который сдѣлался монастырскимъ сторожемъ послѣ смерти фра Феличе.

Однажды она попросила Гандольфо показать ей весь монастырь. Она обошла его весь отъ чердака до погреба. При видѣ этихъ безчисленныхъ маленькихъ келій съ рѣшетчатыми окнами, оштукатуренными стѣнами и жесткими деревянными скамьями, ей пришла въ голову одна мысль.

Она попросила Гандольфо запереть ее въ одной изъ келій и оставить ее тамъ одну на пять минутъ.

— Вотъ я въ заключеніи,—сказала она себѣ, оставшись одна. Она оцупала дверь и окна. Все было дѣйствительно заперто.

Такъ вотъ что значить сидѣть въ тюрьмѣ! Четыре голыя стѣны, могильная тишина, могильный холодъ.

— Теперь я узнала, что испытываютъ заключенные, — подумала она.

Но въ ту же минуту она забыла обо всемъ при мысли, что Гандольфо, пожалуй, не вернется и не выпуститъ ее. Его могутъ куда-нибудь позвать, онъ можетъ внезапно заболѣть или споткнуться въ темныхъ коридорахъ и убится на смерть. Могло случиться многое, что не дастъ ему вернуться.

А вѣдь никто не знаетъ, гдѣ она, и никому не придетъ въ голову искать ее въ давно покинутыхъ кельяхъ. Если она пробудетъ здѣсь хотя часть, она съ ума сойдетъ отъ ужаса.

Она видѣла передъ собой голодъ, мучительную смерть. Безко-

нечные часы будетъ она метаться въ тоскѣ и отчаяніи. Ахъ, какъ она будетъ прислушиваться къ шагамъ, кричать и звать!

Она будетъ стучать въ дверь, царапать ногтями штукатурку со стѣнъ, будетъ кусать и грызть оконныя рѣшетки. И когда ее найдутъ, наконецъ, она будетъ уже лежать мертвая на полу, и всюду будутъ слѣды ея попытокъ вырваться отсюда.

Но почему же Гандольфо не идетъ? Она навѣрное уже сидитъ тутъ четверть часа, даже полчаса!..

А Гандольфо вернулся ровно черезъ пять минутъ.

— Боже мой, такъ вотъ что значитъ быть въ тюрьмѣ! Вотъ какую жизнь ведетъ Гаэтано!

Она зарыдала, выйдя снова на свѣжій воздухъ.

Немного спустя, когда они стояли въ открытомъ дворикѣ, Гандольфо указалъ ей на два окна со ставнями и зелеными занавѣсками.

— Тамъ кто-нибудь живетъ?—спросила она.

— Да, донна Микаэла, тамъ живутъ.

И Гандольфо рассказалъ ей, что тамъ живетъ человѣкъ, который выходитъ только по ночамъ и никогда ни съ кѣмъ не говорить.

— Онъ сумасшедшій? — спросила донна Микаэла.

— Нѣтъ, нѣтъ, онъ въ своемъ умѣ, какъ вы, какъ и я. Но говорить, онъ долженъ скрываться. Онъ прячется отъ властей.

Донна Микаэла заинтересовалась этимъ человѣкомъ.

— Какъ его зовутъ? — спросила она.

— Я его называю синьоръ Альфредо.

— А гдѣ онъ достаетъ пищу?—разспрашивала она.

— Я ему готовлю,—отвѣчала Гандольфо.

— А одежду?

— Я ему доставляю ее... Еще я приношу ему книги и газеты.

Донна Микаэла въѣкоторое время молча прохаживалась взадъ и впередъ.

— Гандольфо, — сказала она, подавая ему розу. — Положи эту розу на поднось, когда ты понесешь пищу твоему несчастному узнику!

Съ этого дня донна Микаэла почти ежедневно посылала какія-нибудь мелочи этому незнакомцу, то цвѣтокъ, то книгу, то плоды. Это доставляло ей большое удовольствіе. Она создавала себѣ всевозможныя фантазіи. Иногда ей удавалось вообразить себѣ, что всѣ эти вещи она посылаетъ Газтану.

Въ день базара донна Микаэла уже рано утромъ пришла въ монастырь.

— Гандольфо, — сказала она, — пойди къ твоему узнику и спроси его, не хочетъ ли онъ вечеромъ притти на праздникъ?

Гандольфо скоро вернулся съ отвѣтомъ.

— Онъ велѣлъ очень благодарить, донна Микаэла, — сказалъ онъ. — Онъ придетъ!

Она удивилась, она не думала, что онъ рѣшится вытти изъ заключенія. Она только хотѣла оказать ему любезность.

Что-то заставило донну Микаэлу поднять голову. Она стояла на монастырскомъ, дворѣ и надъ головой ея, въ верхнемъ этажѣ стукнуло окно. Донна Микаэла увидала человѣка среднихъ лѣтъ и пріятной наружности. Онъ стоялъ у окна и смотрѣлъ на нее.

— Это онъ, донна Микаэла, — сказалъ Гандольфо.

Она была счастлива. Ей казалось, что она освободила изъ заточенія этого человѣка. Она испытывала и другое чувство, но люди, не обладающіе фантазіей, не поймутъ ее. Цѣлый день донна Микаэла съ трепетомъ и волненіемъ ждала вечера. Она думала о томъ, какъ ей одѣться. Она словно ждала, что придетъ Газтано.

Но скоро доннѣ Микаэлѣ стало не до мечтаній.

Цѣлый день она встрѣчала неудачи.

Прежде всего она получила письмо отъ стараго разбойника Этны Фалько Фальконе. Онъ писалъ ей:

„Милый другъ, донна Микаэла!

„Такъ какъ я слышалъ, что ты собираешься провести желѣзную дорогу на Этну, то долженъ тебѣ сказать, что этого никогда не будетъ съ моего согласія. Я тебѣ говорю объ этомъ впередъ, чтобы ты напрасно не тратила ни труда, ни денегъ.

„Просвѣщенная и высокорожденная синьора, остаюсь твоимъ покорнымъ слугою

Фалько Фальконе.

„Пассафіоре, мой племянникъ, писать письмо“.

Донна Микаэла смяла и бросила грязную бумагу. Это являлось смертнымъ приговоромъ ея предпріятію; но сегодня она не хотѣла объ этомъ думать. Ей надо позаботиться о базарѣ.

Немного спустя пришли ея строители, Джіованни и Кармело. Они хотѣли посовѣтовать ей пригласить инженера. Она не знаетъ, какая почва на Этнѣ. Вѣдь это все лава, подъ ней пепель, а потомъ опять лава. Надо прокладывать дорогу по верхнему слою лавы, или по слою пепла, или рыть еще глубже? Какой плотности нужно основаніе для желѣзной дороги? Они ничего не могутъ дѣлать безъ чело-вѣка, понимающаго это дѣло!

Донна Микаэла отправила ихъ ни съ чѣмъ.

Завтра, завтра, сегодня ей некогда думать объ этомъ.

А вслѣдъ за ними пришла донна Элиза съ еще худшими новостями.

Въ Діаманте есть часть города, населенная бѣднымъ и дикимъ народомъ. Эти бѣдняки пришли въ ужасъ, услыхавъ про желѣзную дорогу. Они говорили, что тогда начнется изверженіе Этны и землетрясеніе. Великая Этна не потерпитъ никакихъ оковъ. Она страхнетъ

съ себя всю желѣзную дорогу. И народъ говорилъ, что они выйдутъ и разгромить дорогу, какъ только будетъ положенъ первый рельсъ.

Ахъ, какой несчастный день! Доннѣ Микаэлѣ казалось, что теперь она дальше отъ цѣли, чѣмъ когда-либо.

— Что намъ поможетъ, если мы даже выручимъ на базарѣ большую сумму? — уныло говорила она.

Но выходило такъ, что и на базарѣ ей не выручить никакихъ денегъ. Послѣ полудня пошелъ дождь. Такого сильнаго дождя въ Діаманте не было съ того дня, какъ звонили колокола Санъ-Паскале. Облака спустились до самыхъ крышъ, и дождь лилъ ручьями. Стоило пройти нѣсколько шаговъ, чтобы промокнуть насквозь.

Въ шесть часовъ, — время, назначенное для открытія базара, — ливень еще усилился. Когда донна Микаэла пришла въ монастырь, тамъ не было никого, кромѣ тѣхъ, кто обѣщали помогать при продажѣ и угощеніи.

Она готова была расплакаться. Какой несчастный день! И кто накликалъ на нее всѣ эти бѣды?

Взглядъ донны Микаэлы упалъ на незнакомаго ей человѣка, который стоялъ, облокотясь на колонну, и смотрѣлъ на нее. Тутъ она вдругъ узнала его. Это былъ джеттаторе, джеттаторе изъ Катаніи, котораго ее научили бояться еще въ дѣтствѣ.

Донна Микаэла быстро подошла къ нему.

— Пойдемте со мной, синьоръ, — сказала она и пошла впереди него. Она хотѣла отойти подальше, гдѣ бы никто не могъ слышать ихъ, и она хотѣла попросить его, никогда больше не попадаться ей на глаза! Онъ не долженъ портить ей жизни!

Она не думала о томъ, куда идти.

Неожиданно для себя она очутилась у дверей церкви и вошла въ нее.

Въ церкви было почти темно, и только возлѣ изображенія Христа горѣла маленькая лампада.

Увидя святое изображеніе, донна Микаэла остановилась, какъ вкопанная. Именно сюда-то ей и не слѣдовало приводить его.

Вдругъ она вспомнила, что корона Младенца подкатилась подъ ноги Гаэтано, когда онъ готовъ былъ разразиться гнѣвомъ противъ бандитовъ. Можетъ быть, младенецъ Христосъ не хочетъ, чтобы она прогоняла джеттаторе.

Но у нея вѣдь были серьезныя причины бояться джеттаторе. И съ его стороны было не хорошо приходить на ея праздникъ. Она должна постараться отдѣлаться отъ него.

Донна Микаэла быстро подошла къ изображенію Христа и устремила на него взглядъ. Она не могла сказать своему спутнику ни одного слова.

Она припомнила, съ какимъ состраданіемъ она относилась къ нему за то, что онъ, какъ и Гаэтано, былъ въ заточеніи. Она такъ радовалась, что ей удалось выманить его на свободу.

А что она хочетъ сдѣлать теперь? Она хочетъ снова ввергнуть его въ темницу?

Она вспомнила отца и Гаэтано. Неужели это будетъ третій, котораго она...

Она стояла и молча боролась сама съ собой. Наконецъ джеттаторе заговорилъ первый.

— Ну, что же, синьора, не правда ли, съ васъ уже довольно моего общества?

Донна Микаэла сдѣлала отрицательный жестъ.

— Вы желаете, чтобы я снова удалился въ свою келью?

— Я не понимаю васъ, синьоръ.

— О, вы отлично понимаете меня. Съ вами случилось сегодня что-то ужасное. Сегодня утромъ вы были совсѣмъ другая.

— Я очень устала,— уклончиво отвѣтила донна Микаэла.

Джеттаторе ближе подошелъ къ ней, какъ бы желая заставить ее сказать правду. Вопросы и отвѣты звучали быстро и отрывисто.

— Развѣ вы не видите, что вашъ праздникъ постигла неудача?

— Я отложу его на завтра.

— Развѣ вы меня не узнали?

— Да, я видѣла васъ раньше въ Катанін.

— И вы не боитесь джеттаторе, нѣтъ?

— Прежде, ребенкомъ, да!

— А теперь, теперь не боитесь?

Она не отвѣтила:

— А вы сами боитесь себя? — спросила она.

— Говорите правду! — нетерпѣливо сказалъ онъ.

— Что вы хотѣли мнѣ сказать, когда позвали меня сюда?

Она безпомощно оглянулась. Она должна же отвѣтить ему, что-нибудь сказать. Ей вдругъ пришла въ голову мысль, которая ужаснула ее. Она взглянула на младенца Христа. — Ты требуешь этого? — казалось, спрашивала она. — Я должна это сдѣлать для чужого мнѣ человѣка? Но вѣдь это значить лишить себя послѣдней надежды.

— Я не знаю, смѣю ли я сказать вамъ то, что хотѣла, — произнесла она.

— Нѣтъ, вы сами видите, что не рѣшаетесь.

— Я намѣреваюсь построить желѣзную дорогу, вы это знаете?

— Да, я это знаю!

— Я хотѣла, чтобы вы помогли мнѣ!

— Чтобы я помогъ?..

Трудно было произнести первыя слова, а дальше пошло уже гораздо легче. И она сама удивлялась, какъ просто и естественно развивала она свою мысль.

— Я знаю, что вы инженеръ. Вы, конечно, понимаете, что мою дорогу надо строить безъ жалованья. Но я все-таки подумала, что

лучше вамъ помогать мнѣ, чѣмъ сидѣть взаперти! Вѣдь вы безцѣльно тратите свое время.

Онъ почти строго взглянулъ на нее: — Вы понимаете, что вы говорите? Положительно это дерзкая просьба.

— Да, конечно, это дерзкая просьба.

Тогда бѣдняга началъ запугивать ее.

— Но съ вашей постройкой въ такомъ случаѣ случится вѣроятно то же, что и съ вашимъ праздникомъ.

Донна Микаэла раздѣляла его взглядъ; но она считала, что ей закрыты всѣ пути къ отступленію и что ей слѣдуетъ заставить себя быть съ нимъ милостивой.

— Мой праздникъ скоро будетъ въ полномъ разгарѣ, — спокойно сказала она.

— Выслушайте меня, донна Микаэла, — сказалъ онъ.

— Самое послѣднее, въ чемъ разочаровывается человѣкъ, это въ самомъ себѣ. Нельзя терять вѣру въ самого себя.

— Нѣтъ, конечно, нельзя.

Онъ сдѣлалъ движеніе, какъ бы задѣтый ея довѣрчивостью.

— Когда я впервые задумался надъ собой, — продолжалъ онъ, — я легко утѣшилъ себя. Произошло нѣсколько несчастныхъ совпаденій, думалъ я, про меня начали говорить, а откуда пошла и дурная слава. А это суевѣріе точно околдовываетъ всѣхъ. Встрѣтится тебѣ человѣкъ, и вотъ ужъ онъ увѣренъ, что его ждетъ неудача; а эта-то увѣренность и порождаетъ неудачу. Считаться джеттаторе — это несчастіе хуже смерти, говорилъ я себѣ, но зачѣмъ же тебѣ самому вѣрить въ это.

— Это такъ безразсудно, — сказала донна Микаэла.

— Да, разумѣется. Почему въ моихъ глазахъ будетъ сила, приносящая несчастье? И, думая такъ, я рѣшилъ произвести опытъ. Я отправился въ одинъ городъ, гдѣ меня никто не зналъ. На слѣдующій день я прочелъ въ газетахъ, что мой поѣздъ раздавилъ желѣзно-

дорожного сторожа. Я прожилъ въ отелѣ всего сутки, когда увидалъ, что постояльцы разъѣзжаются, а хозяева въ полномъ отчаяніи. Что случилось? — спросилъ я. — Одинъ изъ слугъ заболѣлъ осной. — О какое несчастье!

Тогда, донна Микаэла, я рѣшилъ прекратить всякія сношенія съ людьми. Прошелъ цѣлый годъ, и я успокоился. Я спрашивалъ себя, къ чему мнѣ продолжать эту уединенную жизнь. Я такой же безвредный человѣкъ, какъ и другіе. Я никому не хотѣлъ зла. Зачѣмъ мнѣ влачить въ заключеніи жизнь какого-то преступника. Я рѣшилъ снова вернуться къ прежней жизни; тутъ какъ-то въ коридорѣ я встрѣтилъ патера фра Феличе. — Фра Феличе, гдѣ кошка? — Кошка? Какая, синьоръ? — Ну да, монастырская кошка, которая всегда приходила ко мнѣ и пила у меня молоко, гдѣ она теперь? — Она застряла въ крысоловкѣ. — Что вы говорите, фра Феличе? — Она попала одной лапой въ ловушку и не могла высвободиться. Такъ она и издохла съ голоду на чердакѣ. — Что вы скажете на это, донна Микаэла?

— Развѣ вы виноваты въ томъ, что кошка околѣла?

— Да, вѣдь я джеттаторе.

Она пожала плечами: — Ахъ, какія глупости.

— Но спустя нѣкоторое время во мнѣ снова проснулось желаніе жить. Какъ разъ въ это время Гондольфо постучалъ въ мою дверь и пригласилъ меня на вашъ праздникъ. Почему мнѣ было не пойти? Немыслимо вѣрить самому, что однимъ своимъ появленіемъ принесешь несчастье. Для меня было уже праздникомъ, донна Микаэла, достать сюртукъ, вычистить его и одѣться. Но когда я сошелъ на мѣсто празднества, оно было пусто, шелъ сильный дождь, ваши венеціанскіе фонарики намокли, а у васъ самой былъ такой видъ, словно въ одинъ день вы постигли все міровое горе. Увидя меня, вы поблѣднѣли отъ ужаса. Я спросилъ кого-то: — Какъ фамилія урожденной синьоры Алагона? — Пальмери. — А, Пальмери, такъ она изъ Катаніи. Она узнала джеттаторе.

— Да, это правда, я васъ узнала.

— Вы были такъ ласковы и добры ко мнѣ, и меня такъ глубоко огорчаетъ, что я испортилъ вашъ праздникъ. Но теперь я вамъ общаю держаться какъ можно дальше отъ вашего праздника и вашей постройки.

— Почему вы хотите уйти?

— Да вѣдь я джеттаторе.

— Я этому не вѣрю. Я не могу этому вѣрить.

— Я тоже этому не вѣрю. И все-таки я увѣренъ въ этомъ! Видите ли, говорить, никто не можетъ совладать съ джеттаторе, если не обладаетъ равной ему злой силой. Рассказываютъ, что одинъ джеттаторе, увидавъ себя въ зеркалѣ, упалъ мертвымъ. Поэтому я никогда не смотрю на себя въ зеркало. Значитъ, я самъ вѣрю въ это!

— А я въ это не вѣрю, то-есть, мнѣ кажется, я повѣрила этому, когда увидала васъ. Но теперь я этому больше не вѣрю.

— И вы, можете быть, хотите, несмотря на это, чтобы я работала на вашей желѣзной дорогѣ?

— Да, да, если только вы согласны.

Онъ снова подошелъ къ ней, и они обмѣнялись нѣсколькими отрывистыми фразами.

— Подойдите къ свѣту, я хочу видѣть выраженіе вашего лица!

— Вы думаете, я притворяюсь?

— Мнѣ кажется, вы просто хотите быть вѣжливой.

— Зачѣмъ мнѣ стараться быть вѣжливой съ вами?

— Эта желѣзная дорога имѣетъ лично для васъ какое-нибудь значеніе?

— Она означаетъ для меня и жизнь и счастье.

— Какъ это?

— Она поможетъ мнѣ завоевать того, кого я люблю!

— Очень любите?

Она не отрицала этого; онъ прочелъ отвѣтъ въ выраженіи ея лица.

Тогда онъ опустился передъ ней на колѣни и такъ низко наклонилъ голову, что могъ бы поцѣловать край ея платья.

— Вы такъ добры, такъ добры. Я этого никогда не забуду. Съ какой радостью я послужилъ бы вамъ, если бы я не былъ тѣмъ, что я есть!

— Вы будете служить мнѣ,—сказала она. Она была такъ тронута его горемъ, что уже не боялась, что онъ повредитъ ей.

Онъ поднялся съ колѣнъ.

— Послушайте, что я вамъ скажу. Вы не пройдете по церкви не споткнувшись, если я буду смотрѣть на васъ.

— О!—сказала она недовѣрчиво.

— Попробуйте!

Она рѣшила попробовать. Но ей было очень страшно при этомъ. Съ тѣхъ поръ, какъ она ребенкомъ дѣлала первые шаги, никогда не чувствовала она себя такой неувѣренной. И при этомъ она думала: „Боже, пошли мнѣ пройти, сдѣлай это ради Гаэтано!“ И она пошла.

Она прошла не споткнувшись взадъ и впередъ по церкви.

— Хотите, чтобы я прошла еще? — спросила она.

Онъ кивнулъ утвердительно.

И пока она такъ ходила, ей пришла въ голову мысль: „Младенецъ Христосъ снялъ съ него проклятіе, потому что онъ долженъ помочь мнѣ“.

Она вдругъ повернулась и подошла къ нему.

— Знаете, знаете, вы больше не джентлорре!

— Нѣтъ?

— Нѣтъ, нѣтъ. — Она схватила его за плечи и потрясла. — Развѣ вы не понимаете, не чувствуете? Это снято съ васъ!

За дверями церкви послышался голосъ маленькаго Гандольфо.

— Донна Микаэла, донна Микаэла, гдѣ же вы? Тамъ столько народу, донна Микаэла! Послушайте! Послушайте же!

— Развѣ дождь прошелъ? — неувѣренно спросилъ джеттаторе.

— Дождя больше вѣтъ! Да развѣ можетъ итти дождь? Младенецъ Христосъ снялъ съ васъ проклятіе, чтобы вы могли построить его желѣзную дорогу!

Бѣдняга зашатался, хватая воздухъ руками.

— Все прошло. Да, я вѣрю, оно снято. Только что я чувствовалъ его. Но теперь...

Онъ снова хотѣлъ опуститься на колѣни передъ донной Микаэлой.

— Не передъ мной, — сказала она, — передъ нимъ!

И она оставила его погруженнымъ въ молитву передъ изображеніемъ Христа.

На слѣдующій день джеттаторе отправился на Этну намѣчать путь желѣзной дороги. И онъ былъ не опаснѣ всякаго другого человека.

IX.

Палаццо Джерачи и палаццо Корвайя.

Въ эпоху, когда въ Сициліи владычествовали норманны, задолго до появленія на островѣ рода Алагона, въ Діаманте славилась два замѣчательныхъ зданія: палаццо Джерачи и палаццо Корвайя.

Благородные бароны Джерачи воздвигли свой дворецъ на плоскоади на самой вершинѣ Монте-Киаро. Бароны Корвайя напротивъ построили свой замокъ совсѣмъ внизу подъ горой и окружили его громадными садами.

Черныя стѣны изъ лавы палаццо Джерачи были возведены вокругъ величественнаго четырехугольнаго двора. Высокая лѣстница,

кончающаяся парадной дверью съ гербами, вела во второй этажъ. Вокругъ двора въ живописномъ безпорядкѣ открывались маленькія лоджіи съ колоннами. Стѣны были украшены барельефами, пестрыми плитами изъ сицилійскаго мрамора и гербами Джерачи. Окна были маленькія, но въ богато оправленныхъ рамахъ; одни окна были круглыя и съ такимъ маленькимъ отверстіемъ, что его можно было бы закрыть винограднымъ листомъ, а другія были длинныя, но такія узкія, что пропускали свѣта не больше, чѣмъ щель въ занавѣскахъ.

Бароны Корвайя не особенно заботились объ украшеніи своего двора, но въ первомъ этажѣ дома они устроили великолѣпную залу. Въ полу былъ помѣщенъ бассейнъ съ золотыми рыбками, а въ стѣнныхъ нишахъ, выложенныхъ мозаикой, били фонтаны, хрустальная вода которыхъ струилась въ огромныя раковины.

Подобную залу можно было видѣть только въ Палермо въ Сабрачинскомъ дворцѣ.

Во всё время постройки между обоими владѣльцами шло соперничество и соревнованіе. Построить въ палаццо Джерачи балконъ, въ палаццо Корвайя сейчасъ же выводятъ готическія окна. Не успѣли покрыть палаццо Джерачи крышей съ выведенными на ней зубцами, какъ на палаццо Корвайя появился широкій черный барельефъ на бѣломъ мраморѣ. Дворецъ Джерачи выстроилъ себѣ высокую башню, а дворецъ Корвайя устроилъ себѣ на крышѣ плоскую террасу, украшенную вдоль балюстрады старинными урнами.

Когда дворцы наконецъ были построены, между обѣими семействами возникло соперничество. Вражда и непріязнь распространились на всѣхъ обитателей дворцовъ. Баронъ изъ рода Джерачи никогда не былъ одного мнѣнія съ барономъ изъ рода Корвайя. Если Джерачи сражались за Апежу, Корвайя выступали за Манфреда. Если же Джерачи измѣняли свои взгляды и становились на сторону Аррагонцевъ, то Корвайя отправлялись въ Неаполь и помогали Роберту и Іоаннѣ.

Но этимъ дѣло не ограничивалось. Если Джерачи избиралъ себѣ зятя, то Корвайя старался увеличить свое могущество выгоднымъ бракомъ своихъ дѣтей. Обѣ эти фамиліи никакъ не могли успокоиться. Они соперничали въ ѣдѣ, въ развлеченіяхъ, въ работахъ. Джерачи отправились въ Неаполь ко двору Бурбоновъ не изъ тщеславія и честолюбія, а только потому, что тамъ были Корвайя. Корвайя, съ своей стороны, считали нужнымъ разводить виноградники и добывать сѣру, потому что Джерачи занимались земледѣліемъ и имѣли каменоломни.

Когда кто-нибудь изъ Джерачи получалъ наслѣдство, то какой-нибудь изъ стариковъ изъ рода Корвайя долженъ былъ торопиться умереть, чтобы не нарушать равенства фамилій.

Въ палаццо Джерачи постоянно были заняты перечисленіемъ слугъ, чтобы не дать превзойти себя роду Корвайя. Но этимъ дѣло не кончалось, надо было слѣдить еще за ливреями слугъ, за упряжью и лошадьми. Султаны на головахъ упряжныхъ лошадей Корвайя не должны и на дюймъ быть выше, чѣмъ у Джерачи. Стада козъ Джерачи должны быть такъ же многочисленны, какъ и у Корвайя, и рога у животныхъ должны быть одной длины.

Казалось бы, что въ настоящее время борьба между обоими дворцами должна прекратиться, потому что потомковъ Корвайя осталось такъ же мало, какъ и потомковъ Джерачи.

Дворъ при дворцѣ Джерачи обратился въ грязную яму, гдѣ устроены стойла для ословъ, хлѣвъ для свиней и курятники. На высокой лѣстницѣ сушатся лохмотья, а барельефы обвалились и осыпались.

Въ одномъ изъ вестибюлей помѣщается зеленная лавка, а въ другомъ—сапожная мастерская.

Привратникъ имѣетъ видъ оборваннаго нищаго, и съ чердака до погреба дворецъ населенъ бѣднымъ, жалкимъ людомъ.

Не лучше выглядитъ и палаццо Корвайя. Въ парадной залѣ не

осталось и слѣда отъ мозаичной отдѣлки, стоятъ только пустыя, холодныя ниши. Тамъ не живутъ даже и нищіе, потому что почти весь дворецъ лежитъ въ развалинахъ. Только одинъ прекрасный фасадъ со сводчатыми окнами высится къ прекрасному сицилійскому небу.

Но вражда между двумя родами все еще не кончилась. Въ прежнее время соперничали между собой не только знатные роды, но также ихъ сосѣди и приближенные. Все Діаманте еще до сихъ поръ раздѣляется на приверженцевъ Джерачи и Корвайя. Посреди города еще сохранилась высокая стѣна, которая дѣлила городъ на двѣ части: населенную сторонниками Джерачи и другую — сторонниками Корвайя.

Еще и въ наши дни, принадлежащій къ партіи Джерачи, ни за что не возьметъ себѣ въ жены дѣвушку изъ партіи Корвайя. И пастухъ Корвайя не будетъ поить своихъ овецъ изъ колодца Джерачи. Они даже чтутъ разныхъ святыхъ. Джерачи молятся Санъ-Паскале, а Корвайя считаютъ своей покровительницей Черную Мадонну.

Всѣ сторонники Джерачи твердо убѣждены, что все Корвайя населено колдунами, вѣдьмами и оборотнями, а приверженцы Корвайя готовы прозакладывать свою душу, что въ Джерачи живутъ только мошенники и воры.

Донна Микаэла жила въ чертѣ Джерачи, и поэтому скоро вся эта часть города сдѣлалась сторонницей ея желѣзной дороги. И поэтому Корвайя ничего не оставалось, какъ выступить горячей противницей ея.

Обитатели Корвайя были главнымъ образомъ недовольны двумя обстоятельствами. Они были очень ревнивы къ почитанію Черной Мадонны, и поэтому имъ очень не нравилось, что въ Діаманте появилось новое чудодѣйственное изображеніе. А кромѣ того они боялись, что Монджибело засыпетъ все Діаманте пепломъ и огнемъ, если ее опояшутъ желѣзной дорогой.

Спустя нѣсколько дней послѣ базара, Корвайя начали проявлять враждебныя дѣйствія. Однажды утромъ донна Микаэла нашла на крышѣ террасы лимонъ, такъ густо утыканный булавками, что онъ походилъ на стальной шаръ. Палаццо Корвайя призывало этимъ на ея голову столько же бѣдъ, сколько булавокъ было въ лимонѣ.

Корвайя выжидали нѣсколько дней, наблюдая, какое это произведетъ дѣйствіе. Но, такъ какъ строители донны Микаэлы спокойно продолжали изысканія и ставили вѣхи по намѣченному пути, то однажды ночью они пришли и повытаскивали всѣ вѣхи. А когда на слѣдующій день вѣхи опять были разставлены по своимъ мѣстамъ, они разбили окно въ церкви Сантъ - Паскале и забросали камнями изображеніе Христа.

На южномъ склонѣ Монте-Киаро находится длинная узкая площадка. Съ двухъ длинныхъ сторонъ ее окаймляютъ высокія, мрачныя строенія. Съ одной короткой стороны открывается глубокая пропасть, а съ другой высится отвѣсная скала. Скала спускалась террасами, но ступени осыпались, а мраморныя балюстрады разбились. На самой широкой террасѣ стояли гордыя развалины палаццо Корвайя.

Главнымъ украшеніемъ площади былъ великолѣпный бассейнъ, который прилегалъ къ скалѣ подъ самой террасой. Онъ былъ ослѣпительно бѣлый, украшенъ барельефами, и въ немъ всегда была прозрачная, свѣжая вода. Онъ сохранился лучше всего отъ прежняго великолѣпія Корвайя.

Въ одинъ прекрасный весенній вечеръ на маленькую площадъ пришли двѣ дамы, одѣтыя въ черное. Въ этотъ часъ на площади никого не было. Дамы оглядѣлись и, не видя ни души, сѣли на скамью возлѣ бассейна и стали ждать.

Вскорѣ къ нимъ подошло нѣсколько любопытныхъ ребятишекъ,

и тогда старшая дама заговорила съ ними. Она начала рассказывать сказку: — „Въ нѣкоторомъ царствѣ жили-были“...

И тутъ дѣти услышали про Младенца Христа, который превратился въ розы и лиліи, когда Мадонна встрѣтилась съ солдатами Ирода, получившими приказъ избивать всѣхъ дѣтей. И они услышали легенду, какъ однажды Младенецъ Христосъ сидѣлъ и лѣпилъ изъ глины птичекъ; а когда злые мальчики хотѣли ихъ сломать, онъ далъ глинянымъ птичкамъ крылья, и онѣ улетѣли.

Въ то время, какъ старая дама рассказывала свои исторіи, вокругъ нея собралась цѣлая толпа дѣтей, но подошло и нѣсколько взрослыхъ. Это было въ субботу вечеромъ, и съ полей возвращалось много рабочихъ. Услыхавъ, что она рассказываетъ легенды, они остановились и стали слушать. Скоро вокругъ дамъ образовалась цѣлая стѣна изъ грубыхъ черныхъ плащей и широкополыхъ шляпъ.

Старая дама вдругъ обратилась къ дѣтямъ:

— Любите ли вы Младенца Христа?

— Да, да, — отвѣчали они, сверкая своими большими темными глазами.

— Можетъ быть, вы хотите и поглядѣть на Него?

— Да, хотимъ!

Дама распахнула мантилію и показала дѣтямъ маленькое изображеніе Христа, обвѣшанное украшеніями, съ золотой короной на головѣ и золотыми башмаками на ногахъ.

— Вотъ оно, — сказала она. — Я принесла его съ собой показать вамъ!

Дѣти были въ полномъ восхищеніи. Они набожно сложили руки подъ серьезнымъ взглядомъ Младенца Христа, потомъ начали посылать ему воздушные поцѣлуи.

— Развѣ Онъ не прекрасенъ? — сказалъ дама.

— Подари Его намъ! Подари Его намъ! — закричали дѣти.

Въ это время къ ней протискался высокій, сильный рабочій съ

смуглымъ лицомъ и жесткой черной бородой. Онъ хотѣлъ вырвать у нея изображеніе. Старая дама едва успѣла спрятать его за спиной.

— Дайте его сюда, донна Элиза, дайте сюда! — говорилъ онъ.

Бѣдная донна Элиза взглянула на донну Микаэлу, которая все время сидѣла молча, съ нахмуреннымъ лицомъ. Донна Микаэла съ трудомъ дала уговорить себя пойти въ Корвайя и показать тамъ изображеніе.

— Изображеніе поможетъ намъ, если захочетъ, — сказала она. — Мы не должны заставлять его творить чудеса.

Но донна Элиза во что бы то ни стало хотѣла идти туда и она увѣряла, что изображеніе только и ждетъ, чтобы обратить невѣрующій народъ Корвайя. Послѣ всего сдѣланнаго имъ онѣ могутъ быть увѣрены, что оно совершить и это чудо.

А теперь, стоя лицомъ къ лицу съ этимъ человѣкомъ, донна Элиза не знала, какъ ей спасти отъ него изображеніе.

— Отдайте мнѣ его лучше добромъ, донна Элиза, — сказалъ онъ. — Я все равно отниму его у васъ! Я разобью его въ мельчайшіе кусочки! Вы увидите, что останется отъ этой деревянной куклы! Вы увидите, сможетъ ли оно устоять противъ черной мадонны!

Донна Элиза прижалась къ скалѣ. Ей не было выхода. Она не могла ни бѣжать, ни даже сдвинуться съ мѣста.

— Микаэла! — простонала она. — Микаэла!

Донна Микаэла поблѣднѣла. Она прижала руки къ сердцу, что было ея обычнымъ жестомъ въ минуты сильнаго волненія. Она пугалась при мысли, что этотъ мрачный человѣкъ стоитъ передъ ней, какъ врагъ. Она всегда боялась этихъ людей въ широкополыхъ шляпахъ и темныхъ плащахъ.

Но теперь, когда донна Элиза окликнула ее, она быстро обернулась, вырвала у нея изображеніе и протянула его этому страшному человѣку.

— Возьмите его! — сказала она надменно, подходя къ нему. — Возьмите его и дѣлайте съ нимъ, что хотите!

Она держала изображеніе въ протянутыхъ рукахъ и все ближе подходила къ мрачному рабочему.

Онъ обернулся къ товарищамъ.

— Она думаетъ, что я ничего не посмѣю сдѣлать съ этой куклой! — насмѣшливо сказалъ онъ. И всѣ мужчины хлопали себя по колѣнямъ и смѣялись.

Но онъ не взялъ изображенія, онъ схватилъ большую мотыгу, отошелъ на нѣсколько шаговъ, поднялъ ее высоко надъ головой и приготовился однимъ ударомъ разбить ненавистную куклу.

Донна Микаэла предостерегающе покачала головой.

— Вы не посмѣете этого! — сказала она, не отнимая изображенія.

Но онъ видѣлъ, что она все-таки боится, и ему доставляло удовольствіе пугать ее. Онъ готовился къ удару дольше, чѣмъ это было нужно.

— Пьеро! — раздался вдругъ громкій жалобный вопль. — Пьеро, Пьеро!

Рабочій опустил мотыгу, не нанеся удара, и въ ужасѣ оглянулся.

— Пьеро! — донесся раздирающій душу крикъ, какъ мольба о помощи.

— Господи! это Марчіа зоветъ меня, — сказалъ онъ.

Въ ту же минуту цѣлая толпа женщинъ высыпала изъ маленькой хижины, пристроенной къ палаццо Корвайя. Женщины окружили карабинера и не давали ему дороги. Онъ держалъ за руку ребенка, котораго онъ старались вырвать у него. Но карабинеръ былъ высокій, сильный мужчина, онъ вырвался отъ нихъ, схватилъ ребенка на плечи и сбѣжалъ съ лѣстницы.

Мрачный Пьеро смотрѣлъ, не трогаясь съ мѣста. Когда караби-

нерь вырвался, Пьеро наклонился къ доннѣ Микаэлѣ и быстро произнесъ:

— Если маленькое изображеніе помѣшаетъ ему, все Корвайя увѣруеть въ него!

Карабиньеръ сбѣжалъ уже на площадь. Пьеро сдѣлалъ знакъ рукой, и въ то же мгновеніе его товарищи сомкнулись цѣпью вокругъ солдата. Напрасно пытался онъ прорваться. Со всѣхъ сторонъ его окружало плотное кольцо мужинъ, грозившихъ ему кирками и мотыгами.

Поднялся страшный шумъ. Женщины, не пускавшія карабинера съ громкими криками прибѣжали вслѣдъ за нимъ. Дѣвочка, сидѣвшая у него на плечѣ, кричала изо всѣхъ силъ и старалась вырваться. Со всѣхъ сторонъ сбѣгался народъ. Всѣмъ хотѣлось знать, въ чемъ дѣло.

— Пойдемъ, — сказала донна Элиза доннѣ Микаэлѣ. — О насъ позабыли!

Но донна Микаэла замѣтила одну женщину, которая шумѣла меньше всѣхъ, но выглядѣла такъ, какъ будто дѣло касалось только ея. Казалось, что въ эту минуту она теряетъ все счастье своей жизни.

Это была женщина, сохранившая еще слѣды красоты, хотя она была уже не молодая и увядшая. Но въ лицѣ у нея было что-то властное и внушающее уваженіе. „Въ ней живетъ душа, которая можетъ любить и страдать“, — подумала донна Микаэла, глядя на нее, и она почувствовала къ этой бѣдной женщинѣ жалость, какъ къ сестрѣ.

— Нѣтъ, намъ еще не слѣдуетъ уходить, — сказала она доннѣ Элизѣ.

А карабиньеръ все убѣждалъ выпустить его.

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Пусть онъ прежде отдастъ ребенка.

Это былъ ребенокъ Пьеро и Марчіи. Но онъ былъ ихъ пріемишъ, изъ-за этого-то и поднялась вся исторія.

Карабинеръ старался привлечь толпу на свою сторону. Онъ старался убѣдить не Пьеро и Марчію, а всѣхъ остальныхъ.

— Вѣдь мать ребенка Нинетта,—говорилъ онъ,—и вы всѣ знаете это. Она не могла держать у себя ребенка, пока не выйдетъ замужъ; а теперь она вышла замужъ и хочетъ взять къ себѣ ребенка. А Марчіа не соглашается отдать его. Это жестоко по отношенію къ Нинеттѣ, которая восемь лѣтъ не могла взять къ себѣ ребенка. Въ концѣ концовъ она обратилась къ синдикъ. И синдикъ велѣлъ намъ отобрать ребенка. Вѣдь это же ребенокъ Нинетты,—старался онъ убѣдить толпу.

Но эти слова не имѣли никакого успѣха среди населенія Корвайя.

— Нинетта изъ Джерачи!—воскликнулъ Пьеро, и кольцо вокругъ карабинера сомкнулось еще тѣснѣе.

— Когда мы пришли за ребенкомъ,—продолжалъ онъ,—мы его не нашли. Марчіа была въ траурѣ, вся комната была затянута чернымъ, и въ хижинѣ у нея сидѣли женщины и плакали. И она показала намъ свидѣтельство о смерти ребенка. Тогда мы пошли сказать Нинеттѣ, что ребенокъ ея покойся на кладбищѣ.

Отлично! Немного спустя мнѣ пришлось стоять здѣсь на площади. Тутъ же играли дѣти. Одна изъ дѣвочекъ шумѣла и кричала больше другихъ.

Какъ тебя зовутъ?—спросилъ я.

— Франческо,—отвѣтила она, не задумываясь.

Мнѣ пришло въ голову, что эта дѣвочка „Франческо“ могла быть мальчикомъ Нинетты. Я стоялъ и слѣдилъ за ней. Немного спустя, Франческо вошла въ домъ Марчіи. Я пошелъ вслѣдъ за ней. Она сидѣла съ Марчіей и ужинала. При моемъ появленіи всѣ женщины подняли крикъ, а я схватилъ синьорину Франческо и вы-

скачилъ съ ней на улицу, потому что это не ребенокъ Марчіа. Поймите же это, господа. Это ребенокъ Нинетты! Марчіа не имѣетъ на него никакого права!

Тутъ заговорила сама Марчіа. Она говорила глубокимъ голосомъ, который каждого заставлялъ слушать себя, и движенія ея были медленныя и благородныя. Она не имѣетъ правъ на ребенка? А кто одѣвалъ и кормилъ его? Онъ могъ умереть сотни разъ, если бы она не ухаживала за нимъ. Нинетта отдала его Ла-Фелуккѣ! Они всѣ знаютъ Ла-Фелукку. Отдать ей ребенка,—это все равно, что сказать: „Ты обреченъ на смерть!“ И что такое право? Кто любитъ ребенка, тотъ и имѣетъ на него право. Она и Пьеро любили мальчика, какъ своего сына. Его нельзя отнимать у нихъ.

Жена была въ полномъ отчаяніи, а скорбь мужа была, пожалуй, еще сильнѣе. Онъ грозилъ карабинеру при малѣйшемъ его движеніи. Но тотъ все-таки думалъ добиться своего. Народъ смѣялся, когда онъ говорилъ о „синьорияѣ Франческо“.

— Ударь меня, если хочешь,—сказалъ Пьеро.

— Развѣ тебѣ это поможетъ? Развѣ тогда ты удержишь ребенка? Вѣдь онъ не твой! Вѣдь это сынъ Нинетты!

Пьеро обернулся къ доннѣ Микаэлѣ:

— Просите его, чтобы онъ помогъ мнѣ! — И онъ указалъ на изображение Христа.

Донна Микаэла сейчасъ же подошла къ Марчіа.

Она пугалась и содрогалась передъ тѣмъ, на что она рѣшилась, но отступать теперь было не время.

— Марчіа,—прошептала она,—признайся! Признайся, если у тебя хватитъ силъ!

Марчіа удивленно взглянула на нее.

— Вѣдь я же вижу,—продолжала донна Микаэла.

— Вы похожи другъ на друга, какъ двѣ капли воды. Но если ты хочешь, я ничего не скажу.

— Онъ убьетъ меня,— прошептала Марчіа.

— Я знаю кого-то, кто не допуститъ убить тебя!— сказала донна Микаэла.— Иначе у тебя отнимутъ ребенка,— прибавила она.

Всѣ молчали и не сводили глазъ съ обѣихъ женщинъ. Всѣ видѣли, что Марчіа борется сама съ собой. Выраженіе лица ея быстро мѣнялось. Губы едва шевелились.

— Это мой ребенокъ,— проговорила она, но такъ тихо, что ее никто не слыхалъ. Она повторила эти слова, и они вырвались у нея страшнымъ воплемъ:— Это мой ребенокъ!

— Что ты сдѣлаешь со мной теперь, когда я признаюсь въ этомъ,— продолжала она, обращаясь къ мужу.— Это мой ребенокъ, но не твой! Онъ родился въ тотъ годъ, когда ты былъ на работахъ въ Мессинѣ. Я отдала его Ла-Фелуккѣ, въ это же время у нея былъ и ребенокъ Нинетты. Однажды, когда я пришла къ Ла-Фелуккѣ, она сказала мнѣ: „Мальчикъ Нинетты умеръ!“ Сначала я подумала: „Боже, если бы это былъ мой!“ А потомъ я сказала Ла-Фелуккѣ: „Сдѣлай такъ, будто умеръ мой мальчикъ, а Нинеттинъ живъ! Я дала Ла-Фелуккѣ мой серебряный гребень, и она согласилась. Когда ты вернулся изъ Мессины, я сказала тебѣ: „Возьмемъ на воспитаніе ребенка! Мы все время не ладимъ съ тобой. Попробуемъ взять ребенка!“ Тебѣ понравилась эта мысль, и я взяла собѣ на воспитаніе собственного ребенка. И ты полюбилъ его, и съ тѣхъ поръ мы живемъ, какъ въ раю“.

Какъ только она заговорила, карабинеръ поставилъ ребенка на землю. Темныя мужскія фигуры разступились, пропуская его. Но Мп-казлу охватилъ ужасъ, когда она увидала, что карабинеръ уходитъ. Теперь-то ему и слѣдовало остаться, чтобы защитить бѣдную женщину. Уходя, онъ какъ бы говорилъ: „Она стоитъ внѣ закона. Я не могу охранять ее!“ То же самое почувствовали всѣ мужчины и женщины, стоявшіе тутъ. „Она внѣ закона!“

И всѣ разошлись одинъ за другимъ.

Пьеро стоялъ, не трогаясь съ мѣста и не поднимая глазъ. Но въ немъ закипало что-то ужасное и злое. Гнѣвъ и страданіе терзали его сердце. Когда онъ и Марчіа останутся одни, между ними произойдетъ что-то ужасное.

Страшнѣ всего было то, что жена и не старалась избѣжать своей участи. Она стояла неподвижно, покорная своей судьбѣ и ожидая неизбѣжной кары. Она не молила и не бѣжала. Она съежилась, какъ собака передъ разгнѣваннымъ господиномъ. Сициліанскія женщины знаютъ, что ихъ ожидаетъ, когда онѣ оскорбляютъ честь своихъ мужей.

На ея защиту выступила одна только донна Микаэла.

Никогда бы она не упросила Марчію сознаться, сказала она Пьеро, если бы она знала, что онъ такой человѣкъ. Она думала, что онъ человѣкъ благородный. А благородный человѣкъ въ этомъ случаѣ сказалъ бы: „Ты поступила дурно, а то, что ты передъ всѣми призналась въ своемъ проступкѣ и подвергаешь себя моему гнѣву, чтобы сохранить у себя ребенка, искупаетъ все. Этого наказанія съ тебя довольно“. Благородный человѣкъ взялъ бы на руки ребенка, обнялъ бы жену и пошелъ бы съ ними домой. Такъ бы поступилъ синьоръ. Но вѣдь онъ не синьоръ, а дикое, кровожадное животное.

Она могла говорить, что ей угодно,—ни Пьеро, ни его жена не слушали ее. Казалось, что слова ея ударяютъ въ непроницаемую стѣну.

Ребенокъ въ это время подошелъ къ отцу и хотѣлъ взять его за руку. Онъ съ ненавистью взглянулъ на мальчика. Теперь, одѣтый дѣвочкой, съ гладко зачесанными волосами, онъ былъ поразительно похожъ на Марчію; раньше онъ этого не замѣчалъ. Пьеро ногой оттолкнулъ отъ себя сына Марчіи.

Что-то тяжелое нависло надъ площадью. Сосѣди тихо и медленно расходились по домамъ. Многіе уходили неохотно и медлили,

но все-таки уходили. Мужъ, казалось, ждалъ, когда уйдутъ послѣдніе.

Довна Микаэла замолчала, она взяла изображеніе Христа и положила его на руки Марчіа.

— Возьми это, сестра моя Марчіа, и пусть оно оградить тебя,— сказала она.

Пьеро увидалъ это, и, казалось, это еще усилило его гнѣвъ. Онъ словно не могъ больше ждать, чтобы остаться съ ней вдвоемъ. Все тѣло его напрягалось, онъ былъ похожъ на дикаго звѣря, готоваго къ прыжку.

Но изображеніе не напрасно покоилось на рукахъ Марчіа. „Отверженный“ далъ ей силу на проявленіе высшей любви.

„Что мнѣ скажетъ Христосъ въ раю, мнѣ, которая сначала обманула мужа, а потомъ сдѣлала его убійцей?“— подумала она. И она вспомнила, какъ она любила этого Пьеро въ веселые дни ихъ юности. Тогда она и не думала, что накликаетъ на него такое горе.

— Нѣтъ, Пьеро, нѣтъ, не убивай меня! — закричала она. — Они сошлуютъ тебя на галеры. Ты и такъ больше не увидишь меня!

Она бросилась на другую сторону площади по направленію къ пропасти. Ясно было видно, что она задумала. Выраженіе лица выдадо ее. Многіе бросились за ней, но она была далеко впереди всѣхъ. Въ это время изображеніе, которое она все еще держала, выскользнуло изъ ея рукъ и упало ей подъ ноги. Она споткнулась на него и упала. Тутъ ее догнали и схватили.

Она старалась вырваться, но сильныя мужскія руки крѣпко держали ее.

— Ахъ, пустите меня! — кричала она. — Такъ будетъ лучше для него!

Но теперь и мужъ подошелъ къ ней. Онъ схватилъ ее ребенка и взялъ его на руки. Онъ былъ сильно растроганъ.

— Ну, полно, Марчіа, довольно! — сказалъ онъ. Онъ казался

смущеннымъ, но его темные глаза сверкали радостью и говорили больше словъ. — Можетъ быть, по-старому слѣдовало бы поступить иначе; но что мнѣ до этого? Пойдемъ; жалко было бы потерять такую женщину, какъ ты, Марчіа!

Онъ обнялъ ее и повелъ въ свой домъ наверху въ развалинахъ палаццо Корвайя. И казалось, что это возвращается домой одинъ изъ прежнихъ бароновъ. Жители Корвайя стояли по краямъ дороги и кланялись ему и Марчіи.

Проходя мимо донны Микаэлы, они остановились, низко поклонились передъ ней и, поцѣловавъ изображеніе, передали его ей обратно. Донна Микаэла поцѣловала Марчію.

— Молись за меня въ своемъ счастьѣ, сестра Марчіа! — сказала она.

Х.

Фалько Фальконе.

Слѣпыя пѣвцы уже нѣсколько недѣль ходили изъ города въ городъ воспѣвая желѣзную дорогу Діаманте, и кружка для пожертвованій въ Санъ-Паскале каждый день наполнялась новыми пожертвованіями. Синьоръ Альфредо изслѣдуетъ и измѣряетъ склоны Этны, а прядильщицы въ темныхъ улочкахъ рассказываютъ объ изумительныхъ чудесахъ, совершенныхъ маленькимъ изображеніемъ Христа, которое находится въ заброшенной церкви. Богатые и сильные помѣщики съ Этны посылали письма за письмами, предоставляя свои земли въ распоряженіе предпріятія, благословеннаго свыше. За послѣднее время число пожертвованій увеличилось. Одни присылали кирпичъ для постройки станцій, другіе — порохъ, чтобы взрывать груды лавы, а третьи жертвовали пищу для рабочихъ. А бѣдняки изъ Корвайя, которымъ нечего было жертвовать, схо-

дились на путь ночью по окончаніи работъ. Они приходили съ лопатами и тачками, сравнивали землю и прокладывали путь. И утромъ синьору Альфреду и его рабочимъ не оставалось думать ничего другого, какъ то, что колдуны Этны выходили по ночамъ изъ оковъ лавы и помогали имъ въ работѣ.

Но все это время всѣхъ занималъ и беспокоилъ одинъ вопросъ: гдѣ же король Этны, Фалько Фальконе? Гдѣ могущественный Фалько, въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ владѣвшій Этной? Онъ написалъ вдовѣ дона Ферранте, что она не должна строить желѣзную дорогу. Что хотѣлъ онъ сказать своей угрозой? Почему онъ не подаетъ признаковъ жизни, когда нарушаютъ его запрещеніе? Почему онъ не перестрѣляетъ бѣдняковъ съ Корвайя, когда они проходятъ ночью съ лопатами и тачками? Почему онъ не переловитъ въ каменоломнѣ слѣпыхъ пѣвцовъ и не изобьетъ ихъ? Почему онъ не похититъ донну Микаэлу изъ лѣтняго дворца и не потребуетъ въ видѣ высокаго выкупа за ея жизнь прекращенія постройки?

Донна Микаэла тоже спрашивала себя: „Забылъ ли Фалько Фальконе свое слово или онъ выжидаетъ время и хочетъ нанести ударъ, когда это будетъ чувствительнѣе всего?“

И всѣ жители Діаманте думали то же самое:

„Когда же разразится гнѣвъ Этны на желѣзную дорогу? Когда же Монджибелло поглотитъ ее въ своемъ изверженіи? Когда рѣшится разрушить ее могущественный Фалько Фальконе?“

И все это время всѣ только и заняты разговорами о Фалько Фальконе и о томъ, что онъ предприметъ, особенно же это заботило рабочихъ, работавшихъ подъ началомъ синьора Альфредо.

Разсказывали, что какъ разъ противъ церкви Санъ-Паскале, на голой отвѣсной скалѣ стоитъ маленькій домикъ, такой узкій и высокій, что онъ похожъ на дымовую трубу, сохранившуюся на пожарищѣ. Онъ такой узкій, что лѣстницы не могутъ помѣститься внутри

и идутъ съ наружной стороны. Тутъ и тамъ по стѣнамъ лѣпились какъ гнѣзда балкончики и разныя пристройки.

Въ этомъ домѣ родился Фалько Фальконе. Родители его были бѣдные рабочіе. Но въ этой - то бѣдной хижинѣ и научился Фальконе своему высокомубрію.

Его мать была несчастная женщина, потому что въ первые годы брака она имѣла только дочерей. Ея мужъ и всѣ сосѣди презирали ее за это.

Единственной мечтой этой женщины стало рожденіе сына. Когда она ждала пятаго ребенка, она каждый день сыпала соль на порогъ и сидѣла у дверей, высматривая, кто пройдетъ первый: мужчина или женщина? Родится ли у нея сынъ или дочь?

Цѣлыми днями сидѣла она и считала. Она считала буквы въ имени мужа и своемъ, потомъ складывала и дѣлила ихъ. Если выходило четное число — она радовалась: это означало, что родится сынъ. А на слѣдующій день она снова принималась считать. — Можеть быть, я ошиблась вчера, — говорила она.

Когда же Фалько родился, то мать его окружили такимъ почетомъ, что уже за одно это она полюбила его больше другихъ дѣтей. Когда отецъ, вернувшись домой, узналъ, что у него родился сынъ, онъ снялъ шляпу и низко поклонился.

Надъ дверями дома повѣсили шляпу, какъ почетный знакъ. Воду, въ которой купали ребенка, вылили за порогъ и дали ей течь по улицѣ. Когда Фалько понесли въ церковь, его положили на правую руку крестной матери, а сосѣдки, приходившія навѣстить его мать, низко кланялись ребенку, спавшему въ колыбели.

Онъ былъ крупнѣе и сильнѣе, чѣмъ другія дѣти его возраста. Онъ родился съ жесткими волосами, а восьми дней у него появился уже первый зубъ. А когда мать прикладывала его къ груди, онъ начиналъ такъ сильно сосать, что она смѣялась и говорила:

— Ужъ не родила ли я героя!

Она ожидала отъ Фалько великихъ дѣлъ и этимъ внушала ему высокомеріе. Но развѣ можно было чего-нибудь ждать отъ него? Фалько не могъ даже выучиться читать. Мать взяла книгу и начала учить его буквамъ. Она показывала ему А и говорила, что оно похоже на большую шляпу, В — похоже на очки, а С — на змѣю. Это онъ понималъ. Но потомъ мать сказала: — Если ты возьмешь очки и большую шляпу, то это будетъ „Ва“. Этого онъ не могъ понять. Онъ разсердился и побилъ мать. И тогда она оставила его въ покоѣ. — Изъ тебя все равно выйдетъ великій человѣкъ, — сказала она.

Въ дѣтствѣ и юности Фалько былъ лѣнивый и злой. Ребенкомъ онъ не любилъ играть, а юношей никогда не танцевалъ. И у него не было возлюбленной. Онъ охотно ходилъ только туда, гдѣ можно было ожидать ссоры и драки.

У Фалько было два брата, они были люди обыкновенные и цѣнили ихъ гораздо больше, чѣмъ его. Фалько чувствовалъ себя оскорбленнымъ преимуществомъ своихъ братьевъ, но онъ былъ слишкомъ гордъ, чтобы это показать. Да и мать всегда была на его сторонѣ. Послѣ смерти отца она сажала его на почетное мѣсто за столомъ и не позволяла задѣвать его. — Мой старшій сынъ важнѣе васъ всѣхъ здѣсь, — говорила она.

Вспоминая случаи изъ его жизни, всѣ говорили, что Фалько высокомеренъ. Онъ поставитъ себѣ за честь разрушить желѣзную дорогу.

И какъ только начали этого бояться, вспомнили про него и другія исторіи.

Цѣлыхъ тридцать лѣтъ Фалько прожилъ такъ, какъ и другой рабочій людъ на Этиѣ. По понедѣльникамъ онъ вмѣстѣ съ братьями отправлялся работать въ поля. Онъ забиралъ въ мѣшокъ хлѣба на цѣлую недѣлю, а супъ варилъ себѣ изъ бобовъ и риса, какъ и всѣ другіе. И онъ радовался, когда по субботамъ возвращался домой и

находили тамъ приготовленные макароны и вино и постель съ мягкими подушками.

Это было въ одинъ изъ субботнихъ вечеровъ. Фалько съ братьями возвращались домой, и по обыкновенію шель нѣсколько въ отдаленіи отъ нихъ—у него была неповоротливая и медленная походка. Но, когда братья вошли въ домъ, столъ не былъ накрытъ, постели не приготовлены, и на порогѣ лежалъ толстый слой пыли. Ужъ не вымерли ли всѣ дома? Тутъ они увидали, что мать ихъ сидитъ на полу въ темномъ углу. Волосы ея были растрепаны, и она водила пальцами по землѣ.

— Что случилось? — спросили братья.

Она не подняла головы и произнесла, словно разговаривая съ землей:

— Мы разорены, мы нищѣ!

— У насъ хотять отнять домъ? — воскликнули братья.

— У насъ отнимають хлѣбъ и честь!

И она рассказала:

— Ваша старшая сестра служила у булочника Гаспаро. Это было очень хорошее мѣсто. Синьоръ Гаспаро отдавалъ Пепѣ весь хлѣбъ, какой оставался по вечерамъ послѣ продажи, и она приносила его мнѣ домой. Его было такъ много, что хватало на насъ всѣхъ. Я такъ радовалась, что Пепя поступила на мѣсто. Теперь мнѣ не надо заботиться на старости лѣтъ, думала я. Но въ понедѣльникъ Пепя въ слезахъ вернулась домой. Синьора Гаспаро прогнала ее.

— Что же сдѣлала Пепя? — спросилъ Нино, старшій послѣ Фалько.

— Синьора Гаспаро обвиняла Пепу, что она воруетъ хлѣбъ. Я пошла къ синьорѣ Гаспаро и просила ее взять Пепу обратно. — Нѣтъ, сказала она, она не честная дѣвушка. — Синьоръ Гаспаро самъ отдавалъ хлѣбъ Пепѣ, сказала я, спросите его самого! — Я

не могу спросить его, — отвѣчала синьора, онъ уѣхалъ и вернется только черезъ мѣсяцъ.

— Синьора, — сказала я, — мы очень бѣдны, возьмите Пепу назадъ на службу! — Нѣтъ, сказала она, я уѣду, если синьоръ Гаспаро опять возьметъ эту дѣвку. — Берегитесь, сказала я, вы отнимаете у меня хлѣбъ, я отниму у васъ жизнь. — Она испугалась и позвала своихъ людей, и мнѣ пришлось уйти.

— Что же теперь дѣлать? — сказали Нино. — Пена должна поискать другого мѣста!

— Нино, — сказала мать, — ты не знаешь, что эта женщина рассказывала всѣмъ сосѣдямъ про Пепу и синьора Гаспаро.

— Кто можетъ запретить женщинамъ распускать клеветы? — сказали Нино.

— Если Пена не можетъ найти мѣста, пусть она варить ѣду намъ самимъ, — сказали Турридо.

— Синьора Гаспаро сказала, что ея мужъ позволялъ Пепѣ брать хлѣбъ за то, что она...

— Мать! — перебилъ ее Нино, вспыхнувъ. — Я вовсе не желаю изъ-за Пены идти на галеры.

— На галерахъ живутъ и крещенные! — сказала мать Дзіа.

— Нино, — сказали тогда Турридо, — пойдемъ въ городъ за ѣдой.

Когда онъ это говорилъ, онъ услышалъ, что кто-то смѣется сзади него. Это былъ Фалько.

Немного спустя Фалько вошелъ въ лавку синьоры Гаспаро купить хлѣба. Бѣдная женщина испугалась, увидя, что въ лавку вошелъ братъ Пены. Но потомъ она подумала: „Онъ идетъ съ работы. Онъ еще не былъ дома и, пожалуй, ничего не знаетъ“

— Беппо, — сказала она ему, — тогда еще его не звали Фалько, — хорошо ли идетъ у васъ сборъ винограда? — Она не ожидала, что онъ что-нибудь отвѣтитъ ей.

Но Фалько оказался разговорчивѣе обыкновеннаго и сейчас же рассказалъ, сколько винограда они уже положили подъ прессъ.

— Вы слышали, — продолжалъ онъ, — что вчера убили нашего арендатора?

— Ахъ, да, бѣдный синьоръ Ріего, да, я слышала. — И она спросила, какъ это случилось.

— Его убилъ Сальваторе. Но синьоръ будетъ противно слушать эту исторію.

— Ахъ, вѣтъ, разъ это случилось, про это можно рассказать.

— Сальваторе подошелъ къ нему вотъ такъ, синьора, — Фалько вытащилъ ножъ и положилъ руку на голову женщины, — и перерѣзалъ ему шею отъ уха до уха!

И говоря это, Фалько перерѣзалъ ей горло.

Бѣдная женщина не успѣла и вскрикнуть. Ударъ былъ нанесенъ мастерской рукой.

За это Фалько былъ сосланъ на галеры и пробылъ тамъ пять лѣтъ.

И эти рассказы пугаютъ еще больше.

— Фалько храбръ, — говорятъ въ народѣ. — Ничто не можетъ удержать его отъ принятаго рѣшенія.

И тутъ же вспоминаютъ еще другую исторію.

Фалько былъ отправленъ на галеры въ Августу, и тамъ онъ познакомился съ Біаджіо, съ которымъ больше не разставался всю жизнь. Однажды его, Біаджіо и еще третьяго заключеннаго отправили работать въ поле. Одинъ изъ надзирателей хотѣлъ разбить садъ около своего дома. Они молча и тихо рыли землю; но вотъ взгляды ихъ понемногу стали блуждать вокругъ. Они были внѣ стѣнъ тюрьмы, они видѣли равнину и горы, и вдали виднѣлась даже Этна.

— Пора, — шепнулъ Фалько Біаджіо.

— Лучше умереть, чѣмъ вернуться назадъ въ тюрьму, — отвѣчалъ Біаджіо.

Тогда они начали шептаться съ третьимъ, чтобы онъ помогать имъ. Но тотъ не соглашался, потому что срокъ его наказанія скоро подходилъ къ концу.

— Тогда мы убьемъ тебя! — сказали они.

И ему пришлось согласиться.

Но сзади нихъ стоялъ сторожъ съ заряженнымъ ружьемъ. Благодаря звону цѣпей Фалько и Бιάджіо незамѣтно подкрались и набросились на него. Они замахнулись на сторожа лопатами, повалили его, прежде чѣмъ онъ успѣлъ выстрѣлить, связали и забили ему ротъ землей. Потомъ они разбили лопатами цѣпи, сняли ихъ и ушли въ равнину, а оттуда въ горы.

Ночью Фалько и Бιάджіо убѣжали отъ каторжника, котораго взяли съ собой. Онъ былъ старъ и слабъ и былъ имъ въ бѣгствѣ только обузой.

На слѣдующій день карабинеры догнали его и застрѣлили.

Всѣ эти рассказы приводятъ населеніе въ ужасъ:

— Фалько безжалостенъ.

Всѣ были увѣрены, что онъ не пощадитъ желѣзной дороги.

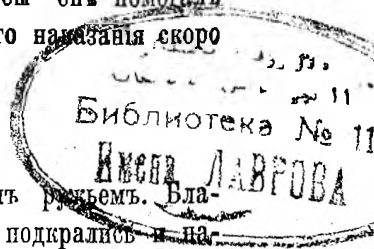
И всѣ эти исторіи пугаютъ бѣдныхъ рабочихъ, которые прокладываютъ путь на склонахъ Этны.

Разсказывали о шестнадцати убійствахъ, совершенныхъ имъ, о безчисленныхъ нападеніяхъ и грабежахъ.

Но одна исторія ужаснѣе всѣхъ другихъ.

Вернувшись съ галеръ, Фалько жилъ въ лѣсахъ, пещерахъ и большихъ каменоломняхъ въ окрестностяхъ Діаманте. Вскорѣ вокругъ него собралась цѣлая шайка. Онъ сталъ могущественнымъ и знаменитымъ разбойникомъ.

И къ его роднымъ стали теперь относиться иначе, чѣмъ прежде. Ихъ уважали и почитали, какъ знатныхъ особъ. Имъ почти не приходилось работать, потому что Фалько любилъ свою семью и былъ

очень щедръ къ ней. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не дѣлалъ имъ никакихъ поблажекъ и былъ очень строгъ.

Мать Дзіа умерла, Нино женился и жилъ въ родительскомъ домѣ. И вотъ случилось однажды, что Нино понадобились деньги, и онъ не нашелъ другого выхода, какъ пойти къ настоятелю церкви, не къ дону Маттео, а къ старому дону Джіованни.

— Ваше преподобіе,— сказалъ ему Нино,— мой братъ просить у васъ пятьсотъ лиръ.

— Гдѣ же я возьму пятьсотъ лиръ?—спросилъ донъ Джіованни.

— Моему брату они крайне необходимы,— продолжалъ Нино.

Тогда старый донъ Джіованни обѣщалъ достать деньги, только просилъ дать ему на это время. Нино съ трудомъ согласился на это.

— Ты вѣдь не можешь требовать, чтобы я вынулъ пятьсотъ лиръ изъ моей табакерки?— сказалъ донъ Джіованни.

Нино далъ ему три дня срока.

— Только берегись въ это время попасться на глаза моему брату,— сказалъ онъ.

На слѣдующій день донъ Джіованни поѣхалъ въ Николози, чтобы попытаться достать денегъ. По дорогѣ онъ встрѣтилъ самого Фалько и двоихъ изъ его бандитовъ. Донъ Джіованни спрыгнулъ съ осла и упалъ передъ Фалько на колѣни.

— Что это значить, донъ Джіованни?

— Я еще не досталъ для тебя денегъ, Фалько, но я приготавливаю ихъ тебѣ. Сжался надо мной!

Фалько спросилъ его, въ чемъ дѣло, и донъ Джіованни рассказалъ ему.

— Ваше преподобіе,— сказалъ Фалько,— васъ хотѣли обмануть.

Онъ попросилъ дона Джіованни вернуться съ нимъ въ Діаманте. Когда они подъѣхали къ старому дому, донъ Джіованни остался за стѣной Санъ - Паскале, а Фалько вызвалъ Нино. Нино вышелъ на балконъ.

— Эй, Нино! — сказалъ, смѣясь, Фалько. — Ты хотѣлъ выманить у священника деньги?

— А ты уже знаешь? — спросилъ Нино. — Я только что хотѣлъ рассказать тебѣ.

Фалько вдругъ сдѣлался серьезень.

— Нино, — сказалъ онъ. — Священникъ мой другъ, а теперь онъ думаетъ, что я хотѣлъ ограбить его. Ты поступилъ очень дурно.

Съ этими словами онъ прицѣлился и убилъ Нино наповалъ. Потомъ онъ обернулся къ дону Джіованни, который отъ страха едва не упалъ съ осла.

— Теперь вы видите, ваше преподобіе, что я не принималъ никакого участія въ поступкѣ Нино!

Это случилось двадцать лѣтъ тому назадъ, когда Фалько былъ разбойникомъ всего только пять лѣтъ.

— Развѣ Фалько пощадить желѣзную дорогу, — говорили при этихъ разсказахъ, — если онъ не пощадилъ родного брата?

Вспоминали и другія событія.

Послѣ убійства Нино Фалько навлекъ на себя vendetta. Жена Нино, Катерина, найдя мужа мертвымъ, испугалась такъ сильно, что у нея отнялась вся половина тѣла и ноги, такъ что она не могла больше ходить. Но она взяла ружье и сѣла у окна стараго домика, поджидая Фалько. И такъ сидѣла она и ждала уже двадцать лѣтъ. И ея боялся старый разбойникъ. Цѣлыхъ двадцать лѣтъ онъ не проходилъ мимо родительскаго дома.

Жена Нино ни разу не покинула своего поста. И всѣ проходящіе въ церковь Санъ-Паскале постоянно видѣли ее у окна, съ глазами, горящими мстью. Кто видѣлъ, чтобы она спала или работала? Она ничего не могла дѣлать, она только ждала убійцу мужа.

Этотъ разсказъ наводитъ еще большій ужасъ. Фалько везетъ счастье. Женщина, жаждущая убить его, не можетъ двинуться съ мѣста! Ему везетъ! Ему удастся помѣшать и построить дороги.

Счастье никогда не покидало Фалько. Сколько ни охотились за нимъ карabinеры, имъ никогда не удавалось поймать его. Карabinеры боялись Фалько еще сильнѣе, чѣмъ онъ ихъ боялся.

Разсказываютъ объ одномъ молодомъ офицерѣ карabinеровъ, посланномъ въ погоню за Фалько. Онъ устроилъ облаву и гналъ Фалько изъ чащи въ чащу. Наконецъ офицеру удалось его загнать въ маленькій лѣсокъ, который солдаты оцѣпили вокругъ. Офицеръ взялъ ружье и вошелъ въ лѣсокъ. Но какъ онъ ни высматривалъ, онъ нигдѣ не видѣлъ Фалько. Онъ вышелъ изъ лѣсу, и тутъ ему встрѣтился крестьянинъ.

— Не видалъ ли ты Фалько Фальконе?

— Да, синьоръ, онъ только что прошелъ мимо меня и просилъ вамъ кланяться!

— Diavolo!

— Онъ видѣлъ васъ въ чащѣ и едва не застрѣлилъ, но онъ этого не сдѣлалъ, потому что подумалъ, что, можетъ, вамъ приказано поймать его.

— Diavolo! Diavolo!

— Но если вы еще разъ попытаетесь...

— Diavolo, Diavolo, Diavolo!

Офицеръ сейчасъ же вернулся обратно и попросилъ перевода въ другую область, гдѣ не надо охотиться за разбойниками.

И рабочіе, отправляясь на Этну, говорили между собой:

— Кто защититъ насъ отъ Фалько Фальконе? Онъ ужасенъ. Даже солдаты дрожатъ передъ нимъ.

Правда, они вспоминаютъ, что Фалько Фальконе теперь старикъ, онъ больше не нападаетъ на почтовые кареты и не грабитъ помѣщиковъ. Большею частью онъ сидитъ спокойно въ своихъ каменоломняхъ близъ Діаманте и вмѣсто того, чтобы грабить и разбойничать, собираетъ деньги, какъ бы въ видѣ податей.

Онъ получаетъ плату съ крупныхъ землевладѣльцевъ за то, что

охраняетъ ихъ помѣстья отъ другихъ грабителей, и на Этнѣ водворился миръ и спокойствіе, потому что онъ не позволяетъ причинять какое-либо зло тѣмъ, кто платитъ ему.

По это никого не успокаиваетъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Фалько дружить съ богачами, ему еще легче повредить постройки дороги.

И они вспоминаютъ исторію съ Никкола Галли, управляющимъ въ южномъ имѣніи маркиза Санъ-Стефано. Однажды во время жатвы рабочіе прекратили работы. Никкола Галли былъ въ отчаяніи. Пшеница созрѣла, а убрать ее было некому. Рабочіе отказались работать и улеглись спать по краямъ канавы.

Никкола вскочилъ на осла и поѣхалъ въ Катанію спросить распорядженій маркиза. По дорогѣ онъ встрѣтилъ двухъ вооруженныхъ людей.

— Куда ты ѣдешь, Никкола?

И прежде чѣмъ Никкола успѣлъ отвѣтить, они взяли его осла подъ уздцы и повернули обратно.

— Тебѣ незачѣмъ ѣхать къ маркизу Никкола!

— Какъ незачѣмъ?

— Нѣтъ, поѣзжай обратно домой.

И они поѣхали обратно. Никкола дрожалъ, сидя на своемъ ослѣ. Когда они пріѣхали въ имѣнье, одинъ изъ спутниковъ сказалъ:

— Проведи насъ на поле!

И они пришли къ рабочимъ.

— На работу, мерзавцы! Маркизъ заплатилъ подати Фалько Фальконе! Вы можете прекращать работы гдѣ хотите, но только не здѣсь.

Никогда еще поле не было убрано такъ хорошо. Фалько стоялъ на одномъ концѣ, а Бѣджіо на другомъ. Жатва идетъ быстро, когда стоятъ такіе надсмотрщики.

Но всѣ эти воспоминанія не умаляютъ страха.

— Фалько держать слово,— говорятъ въ народѣ.— Онъ выполнять свои угрозы.

Никто не стоялъ такъ долго во главѣ разбойничьей шайки, какъ Фалько. Всѣ другіе знаменитые разбойники умирали и попадали въ плѣнъ. Онъ одинъ съ невѣроятнымъ счастьемъ и изумительной ловкостью отстаивалъ свою жизнь и дѣятельность.

Постепенно вокругъ него собрались всѣ его родные. Его зятя и племянники вступили въ его шайку. Большинство изъ нихъ попало на галеры. Никто изъ нихъ не спрашивалъ, попадетъ ли онъ въ тюрьму, всѣ думали только о томъ, чтобы Фалько былъ ими доволенъ.

Въ газетахъ часто пишутъ о подвигахъ Фалько. Англичане даютъ проводникамъ по десяти лиръ, чтобы имъ показали тропинку къ каменоломнѣ Фалько Фальконе. Даже карабинеры больше не охотятся за нимъ, потому что онъ послѣдній великій разбойникъ.

Онъ совсѣмъ не боится быть схваченнымъ и часто ѣздитъ въ Мессину и Палермо. Онъ даже переѣхалъ проливъ и побывалъ въ Италіи. Онъ былъ въ Неаполѣ, когда туда пріѣзжали Вильгельмъ и Гумбертъ присутствовать при спускѣ броненосца. Онъ ѣздитъ въ Римъ, когда Гумбертъ и Маргарита справляли свою серебряную свадьбу.

Съ дрожью и страхомъ вспоминаютъ все это. „Фалько любятъ и передъ нимъ преклоняются,—говорили рабочіе.—Его обожаютъ. Онъ можетъ дѣлать все, что ему угодно“.

Извѣстно также, что Фалько очень понравилось празднованіе серебряной свадьбы королевы Маргариты, и онъ сказалъ:—Когда я проживу на Этнѣ двадцать пять лѣтъ я тоже отпраздную свою серебряную свадьбу съ Монджибелло!

Тогда всѣ смѣялись и находили, что онъ прекрасно придумалъ, потому что у Фалько никогда не было возлюбленной. А Монджибелло со своими пещерами и полями служила ему и охраняла его,

какъ вѣрная жена. Никому въ мірѣ не обязанъ Фалько такой благодарностью, какъ Монджибелло.

Всѣ беспокоились и спрашивали, когда же наступитъ время этого празднованія. И, когда говорили, что срокъ истекаетъ въ ближайшую весну, рабочіе со страхомъ думали: „Въ день своего обрученія съ Монджибелло, онъ разрушитъ нашу желѣзную дорогу!“

Рабочіе полны страха и тревоги. Они не рѣшаются продолжать работы. Чѣмъ ближе приходитъ время празднованія серебряной свадьбы Фалько съ Монджибелло, тѣмъ меньше рабочихъ остается съ синьоромъ Альфредо. И скоро онъ выходитъ на работы почти одинъ.

Немногіе изъ жителей Діаманте видѣли большую каменоломню на Этнѣ. Они избѣгаютъ ходить мимо, потому что тамъ живетъ Фалько Фальконе. Они боятся попасть подъ его выстрѣлы.

Они не видѣли огромнаго зѣва, изъ котораго ихъ предки, греки, добывали камень въ давно истекшія времена. Они не видали разноцвѣтныхъ стѣнъ и великолѣпныхъ гранитныхъ глыбъ, напоминающихъ обломки колоннъ. И они, пожалуй, не знаютъ, что въ каменоломнѣ растутъ рѣдкіе цвѣты, какъ въ какой-нибудь оранжереѣ. Тамъ уже не Сицилія, а Индія.

Въ каменоломнѣ растутъ мандариновыя деревья, сплошь покрытыя желтыми плодами и похожія на гигантскіе подсолнечники, а камелии тамъ величиною съ барабанъ. А на землѣ лежатъ груды великолѣпныхъ финиковъ и пушистыхъ персиковъ, упавшихъ съ дерева.

Однажды вечеромъ Фалько сидѣлъ одинъ въ каменоломнѣ. Онъ сидѣлъ и плелъ вѣнокъ, а вокругъ него лежала груда цвѣтовъ. Онъ связывалъ его бечевкой, толстой, какъ веревка, а ногой придерживалъ клубокъ, чтобы онъ не откатывался. Онъ надѣлъ очки, но они все время сползаютъ съ его крючковатаго носа.

Фалько свирѣпо ругается, руки его, огрубѣвшія отъ вѣчнаго обращенія съ ружьемъ, никакъ не могутъ сладить со цвѣтами. Паль-

цы его впиваются въ стебли, какъ желѣзные клещи. Фалько сыплеть проклятіями, когда лиліи и анемоны ломаются отъ одного его прикосновенія.

Фалько сидитъ въ своихъ кожаныхъ штанахъ и длинной застегнутой курткѣ, окруженный цвѣтами, какъ какой-нибудь святой въ день праздника. Біаджіо и его племянникъ Пассафіоре набрали для него груды цвѣтовъ, они опустошили для него всю Этну. Лиліи, цвѣты кактуса, розы и пеларгоніи разсыпаны вокругъ него. А онъ осыпаетъ цвѣты бранью; онъ растопчетъ ихъ въ прахъ, если они не будутъ повиноваться ему.

Фалько Фальконе никогда не имѣлъ дѣла съ цвѣтами. Во всю свою жизнь онъ ни разу не собралъ букетика для дѣвушки, ни разу не воткнулъ себѣ розы въ петлицу. Онъ ни разу даже не положилъ вѣнка на могилу матери.

Поэтому нѣжные цвѣты и не повинуются ему. Стебельки запутались у него въ волосахъ и на шляпѣ, а жесткая борода усыпана лепестками. Онъ рѣзко встряхиваетъ головой, и рубцы на щекахъ ярко пылаютъ, какъ въ прежнія времена, когда онъ сражался съ карабинерами.

Но вѣнокъ толщиной со стволъ дерева все-таки растетъ и двигается вокругъ ногъ Фалько. Фалько проклинаетъ его, словно это желѣзные оковы, которые онъ нѣкогда волочилъ на ногахъ. Когда онъ колется о шпы или жжется о крапиву, онъ стонетъ сильнѣе, чѣмъ когда плеть надзирателя гуляла по его спинѣ.

Біаджіо и Пассафіоре не рѣшаются приближаться къ нему и лежать въ отдаленномъ гротѣ, дожидаясь, когда онъ кончитъ. Они громко смѣются надъ Фалько, потому что подобныхъ стоновъ въ каменоломнѣ не слышно было съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь перестали работать военнопленные.

Біаджіо взглядываетъ на Этну, краснѣющую въ лучахъ заходящаго солнца.

— Посмотри на Монджибелло,—говоритъ онъ Пассафіоре,—смотри, какъ она покрасивѣла: она, должно быть, догадывается, что дѣлаетъ Фалько.

И Пассафіоре отвѣчаетъ:—Монджибелло, вѣроятно, никогда не думала, что на ея вершинѣ будетъ лежать что-нибудь, кромѣ пепла и снѣга.

Но Біаджіо вдругъ перестаетъ смѣяться.

— Это нехорошо, Пассафіоре,—говоритъ онъ.—Фалько становится слишкомъ заносчивъ. Боюсь, какъ бы Монджибелло не сыграла съ нимъ плохой шутки.

Оба они пылливо смотрятъ другъ другу въ глаза.—Хорошо, если это только заносчивость,—говоритъ Пассафіоре.

Оба они смотрятъ въ сторону; они не рѣшаются высказать больше. Одна и та же мысль, одинъ и тотъ же страхъ охватилъ обоихъ. Фалько на пути къ безумію. Иногда на него уже находятъ припадки безумія. Это всегда случается съ великими разбойниками, въ концѣ концовъ они не въ силахъ больше вынести своего величія и славы и сходятъ съ ума.

Пассафіоре и Біаджіо уже давно замѣтили это; но они молчали, каждый надѣясь, что другой ничего не замѣчаетъ. Теперь они поняли, что оба знаютъ это, и они молча пожали другъ другу руку.

Въ Фалько сохранилось еще много величія. Оба они, Пассафіоре и Біаджіо, будутъ теперь стараться, чтобы никто не замѣтилъ въ немъ этой перемѣны.

Наконецъ, Фалько кончилъ вѣнокъ, повѣсилъ его на стволъ ружья и вышелъ къ товарищамъ. Всѣ трое выходятъ изъ каменоломни, берутъ въ ближайшей усадьбѣ лошадей и отправляются на вершину Монджибелло.

Они ѣдутъ гуськомъ и не могутъ говорить между собой, но, проѣзжая мимо деревень, они видятъ, какъ молодежь танцуетъ на плоскихъ крышахъ, а изъ сараевъ, гдѣ ночуютъ рабочіе, доно-

сятся смѣхъ и громкая болтовня. Тамъ сидятъ веселые мирные люди, беззаботно болтаютъ и поютъ. Но Фалько проносится мимо. Все это не для него. Фалько великій человѣкъ.

Они мчатся къ вершинѣ. Сначала они проѣзжаютъ среди миндалевыхъ деревьевъ и кактусовъ, затѣмъ начинаются платаны и сосны, а потомъ они въѣзжаютъ въ область дубовъ и каштановъ.

Ночь темная. Они не видятъ всѣхъ красотъ Монджибелло. Они не видятъ утопающей въ виноградникахъ Монте-Россо, не видятъ двухсотъ разверстыхъ кратеровъ, окружающихъ подобно башнямъ вершину Этны, они не видятъ всей зрелости цвѣтущихъ лѣсовъ.

У каза-дель-Боско, гдѣ кончается дорога, они слѣзаютъ съ лошадей. Біаджіо и Пассафіоре несутъ вѣнокъ. Во время поѣзда Фалько начинаетъ разговаривать. Къ старости онъ становится болтливымъ.

Фалько говоритъ, что въ горѣ отражаются всѣ двадцать пять лѣтъ его жизни, проведенныхъ здѣсь. Въ первые годы его величія жизнь его полна подвиговъ. Онъ словно шелъ по безконечной аллеѣ, обсаженной лимонами и виноградомъ. Жизнь его изобилувана подвигами, какъ изобилуютъ плодами апельсиновые деревья, растущія у подножья Этны. Съ годами подвиги его становились рѣже, но зато они были геллнчественны, какъ дубы и каштаны на склонахъ горы. А теперь, стоя на вершинѣ величія, онъ презираетъ всякое дѣло. Его жизнь безстрастна и холодна, какъ горячая вершина; съ него довольно, что міръ лежитъ у его ногъ. Но надо понимать, что, если онъ что-либо предприметъ теперь, ничто не сможетъ ему препятствовать. Онъ такъ же ужасенъ, какъ огнедышащая вершина.

Фалько идетъ впереди и говоритъ, Пассафіоре и Біаджіо слѣдуютъ за нимъ въ вѣдомомъ ужасѣ. Въ темнотѣ они неясно различаютъ могучіе склоны Этны съ развертывающимися подъ ихъ ногами городами, полями и лѣсами. И Фалько мнитъ себя такимъ же могучимъ, какъ эта гора.

Сильвія не слышитъ его шаговъ. Первое, что она замѣчаетъ, это его тѣнь, извивающуюся передъ ней, тонкую, какъ змѣя.

Увидя тѣнь, она поднимаетъ голову. Тогда нищій кланяется ей и проситъ у нея макаронъ.

— Макароны у меня какъ разъ варятся, — говоритъ донна Сильвія, — сядь и подожди, пока они будутъ готовы.

Нищій садится возлѣ донны Сильвіи и немного погода вступаетъ съ ней въ разговоръ. Разговоръ скоро переходитъ на Фалько Фальконе.

— Правда, что вы позволяете вашимъ сыновьямъ работать на желѣзной дорогѣ донны Микаэлы? — спрашиваетъ нищій.

Донна Сильвія киваетъ утвердительно.

— Вы храбрая женщина, донна Сильвія. Фалько можетъ мстить вамъ за это.

— Пусть дѣлаетъ что хочетъ! — говоритъ донна Сильвія. — Я не хочу повиноваться убійцѣ моего отца. Онъ заставилъ его бѣжать изъ тюрьмы въ Августѣ, и моего отца поймали и застрѣлили.

Сказавъ это, она встала и пошла за макаронами.

Когда она вошла въ кухню, она увидала, что нищій сидѣлъ на каменной скамьѣ, раскачиваясь назадъ и впередъ. Ни секунды онъ не остается спокойнымъ. А передъ нимъ извивается его тѣнь, узкая и подвижная, какъ змѣя. И тутъ донна Сильвія вдругъ вспоминаетъ, что слышала она однажды отъ Катарины, жены Нино. — „Какъ узнаете вы Фалько послѣ столькихъ лѣтъ?“ — спросили ее. — „Какъ же мнѣ не узнать человека съ тѣнью змѣи, — отвѣчала она. — Это останется у него на всю жизнь“.

Донна Сильвія остолбѣла отъ ужаса. Тамъ на дворѣ сидитъ самъ Фалько Фальконе. Онъ пришелъ отомстить ей за то, что ея сыновья работали на желѣзной дорогѣ. Подожжетъ онъ домъ или убьетъ ее?

Донна Сильвія дрожитъ всѣмъ тѣломъ, накладывая ему макаронъ.

А Фалько начинает уже скучать, сидя тамъ и дожидаясь ее. Въ это время къ нему подбѣгаетъ маленькая собачка и начинаетъ ласкаться. Фалько ищетъ въ карманѣ хлѣбъ, но находитъ только камушекъ и бросаетъ его собакѣ.

Собака хватается камень и приноситъ его обратно Фалько. Фалько снова бросаетъ камень, на этотъ разъ собака схватываетъ его и отбѣгаетъ съ нимъ.

Тутъ Фалько вспоминаетъ, что этотъ камушекъ онъ взялъ на память съ Монджибелло, и онъ идетъ за собакой, чтобы отнять его. Онъ повзываетъ собаку, и она сейчасъ же подбѣгаетъ къ нему.

— Отдай-ка камень!

Собака отворачиваетъ голову въ сторону и не хочетъ отдать камень.

— Отдай камень, негодная!

Собака скалитъ зубы, у нея нѣтъ никакого камня.

— Поди, покажи, покажи! — говоритъ Фалько. Онъ сжимаетъ голову собаки и заставляетъ ее раскрыть пасть. Камень лежитъ глубоко за скулой, и Фалько засовываетъ ей въ пасть пальцы, чтобы достать его. Но собака въ кровь кусаетъ ему руку.

Фалько блѣднѣетъ; онъ идетъ къ доннѣ Сильвіи.

— Ваша собака здорова? — спрашиваетъ онъ.

— Моя собака? У меня нѣтъ никакой собаки. Она издохла!

— Да тутъ сейчасъ пробѣгала собака?

— Я не знаю, я никакой не видала, — говоритъ она.

Фалько молчитъ. Онъ уходитъ, не сдѣлавъ доннѣ Сильвіи ничего дурного. Онъ испугался. Онъ думаетъ, что собака можетъ, быть, была бѣшеная и теперь онъ заболѣетъ водобоязнью.

Однажды вечеромъ донна Микаэла сидѣла одна въ концертной залѣ. Она потушила лампы и открыла дверь на балконъ. Она любить сидѣть такъ одна по вечерамъ и прислушиваться къ улич-

ному шуму. Тогда не слышно больше криковъ кузнецовъ, точильщиковъ и разносчиковъ. Раздается только пѣнье, смѣхъ, шопотъ и звуки мандолины.

Вдругъ она видитъ, что на балюстрадѣ балкона появляется чья-то темная рука. За одной рукой появляется другая, затѣмъ показывается голова, и черезъ мгновенье какой-то человѣкъ вспрыгиваетъ на балконъ. Она ясно видитъ его, потому что фонари горятъ. Это невысокій широкоплечій человѣкъ съ длинной бородой. Онъ одѣтъ какъ пастухъ, на немъ кожаные штаны, широкополая шляпа, а за спиной виситъ зонтикъ. Ставъ на ноги, онъ снимаетъ съ плеча ружье и, держа его въ рукахъ, входитъ въ комнату.

Донна Микаэла сидитъ, притаившись, не подавая признаковъ жизни. Она не успѣла ни позвать на помощь, ни убѣжать. Она надеется, что этотъ человѣкъ заберетъ, что ему нужно, и уйдетъ, не замѣтивъ ее, потому что она сидитъ въ глубинѣ комнаты въ темномъ углу.

Человѣкъ ставитъ ружье между ногъ, и она слышитъ, что онъ чиркаетъ спичкой. Она закрываетъ глаза. Пусть онъ подумаетъ, что она спитъ.

Освѣтивъ комнату, разбойникъ сразу замѣчаетъ ее. Онъ кашляетъ, чтобы разбудить ее. Но, такъ какъ она не шевелится, онъ тихонько прокрадывается къ ней и осторожно касается пальцемъ до ея руки.

— Не трогайте меня, не трогайте меня! — кричитъ она. Она не можетъ больше сидѣть спокойно. Человѣкъ сейчасъ же отскакиваетъ назадъ.

— Милая донна Микаэла, я хотѣлъ только разбудить васъ!

Она сидитъ, дрожа отъ страха, и онъ слышитъ, что она плачетъ.

— Милая синьора, милая синьора, — повторяетъ онъ.

— Зажгите огонь, чтобы я видѣла, кто вы! — кричитъ она.

Онъ достаетъ спички, снимаетъ съ лампы стекло и колпакъ и зажигаетъ ее, какъ хорошій лакей. Потомъ онъ снова становится въ дверяхъ, какъ можно дальше отъ нея. А потомъ онъ беретъ ружье и отходитъ на балконъ.

— Ну, теперь-то вы можете не бояться меня, синьора.

Но, такъ какъ она не перестаетъ плакать, онъ говоритъ.

— Синьора, я—Пассафiore, племянникъ Фальконе. Я пришелъ къ вамъ съ порученiемъ отъ Фалько. Онъ не хочетъ больше разрушать вашу желѣзную дорогу!

— Вы пришли издѣваться надо мной!—говоритъ она.

И тогда онъ отвѣчаетъ, чуть не плача:— Дай Богъ, чтобы все это были шутки и чтобы Фалько былъ прежнимъ человѣкомъ!

Онъ рассказалъ ей, какъ Фалько поднялся на Монджибелло и увѣнчалъ ея вершину. Но это, вѣроятно, не понравилось горѣ, и она наказала Фалько. Маленького камешка пемзы съ Монджибелло было достаточно, чтобы разбить этого ужаснаго человѣка.

— Теперь Фалько человѣкъ конченый,—говоритъ Пассафiore.— Онъ бродитъ по каменоломнѣ и ждетъ наступленiя болѣзни. Уже восемь дней, какъ онъ не спитъ и ничего не ѣстъ. Онъ еще не боленъ, но рана на его рукѣ не заживаетъ. Онъ думаетъ, что кровь его отравлена. „Скоро я сдѣлаюсь бѣшеной собакой“,—говоритъ онъ. Никакія кушанья и вина не прельщаютъ его. Его не радуетъ, когда я прославляю его подвиги. „Что говорить объ этомъ?—говоритъ онъ,—я кончу свою жизнь бѣшеной собакой?“

Донна Микаэла пытливо смотритъ на Пассафiore.— Что же ты хочешь, чтобы я сдѣлала? Уже не думаешь ли ты, что я должна спуститься въ каменоломню къ Фалько Фальконе?

Пассафiore смотритъ себѣ подъ ноги и не рѣшается отвѣтить.

Она рассказываетъ ему, чтѣ она выстрадала изъ-за Фалько. Онъ распугивалъ ея рабочихъ, онъ разбивалъ ея сокровенныя мечты.

Пассафіоре вдругъ бросается на колѣни. Онъ не смѣетъ подойти къ ней хоть на шагъ ближе, но онъ все-таки падаетъ передъ ней на колѣни.

Онъ проситъ ее понять, въ чемъ дѣло. Она вѣдь не знаетъ и не понимаетъ, кто такой Фалько. Фалько—великій человѣкъ. Пассафіоре съ самаго дѣтства слышалъ о немъ. Всю жизнь онъ мечталъ уйти къ нему въ каменоломню и жить съ нимъ. Всѣ его племянники ушли къ Фалько, вся семья была съ нимъ. Но настоятель вбилъ себѣ въ голову, что Пассафіоре ни за что не долженъ уходить къ нему. Онъ отдалъ его въ портные, подумайте только—въ портные! Онъ все время убѣждалъ его не уходить къ Фалько! Онъ говорилъ, что жить, какъ Фалько,—страшный грѣхъ. Пассафіоре долгіе годы боролся съ собой, чтобы угодить дону Маттео. Но въ концѣ концовъ онъ не устоялъ и бѣжалъ въ каменоломню. И вотъ онъ прожилъ у Фалько не больше года, а тому приходитъ уже конецъ. Это все равно какъ если бы солнце погасло на небѣ. Вся его жизнь была разбита.

Пассафіоре взглядываетъ на донну Микаэлу. Онъ видитъ, что она слушаетъ и понимаетъ его. Онъ напоминаетъ доняѣ Микаэлѣ, что она помогла Джеттаторе и невѣрной женѣ.

Почему же она будетъ жестока къ разбойнику? Изображеніе Христа въ Санъ-Паскале даруетъ ей все, о чемъ бы она ни попросила. Онъ навѣрное знаетъ, что она просила Младенца Христа оградить желѣзную дорогу отъ Фалько. И онъ исполнилъ ея просьбу и отнялъ у Фалько всю его силу посредствомъ маленькаго камешка съ Монджибелло. Неужели теперь она не смилуется и не поможетъ имъ, чтобы здоровье снова вернулось къ Фалько и онъ продолжалъ оставаться гордостью страны.

Пассафіоре удалось тронуть донну Микаэлу. Она ясно представляетъ себѣ положеніе стараго разбойника въ темныхъ пещерахъ каменоломни. Она видитъ, какъ онъ бродитъ по нимъ, ожидая, когда наступитъ безуміе. Онъ думаетъ о томъ, какой онъ былъ гордый и

какъ онъ теперь разбитъ и униженъ. Нѣтъ, нѣтъ, никто не долженъ такъ страдать... Это слишкомъ! Слишкомъ!

— Пассафiore, — говоритъ она, — скажи, чего ты хочешь! Я сдѣлаю все, что могу! Я больше не боюсь. Нѣтъ, я больше совѣмъ не боюсь!

— Донна Микаэла, мы просили Фалько, чтобы онъ пошелъ къ изображенію Христа и умолилъ его сжалься надъ нимъ. Но Фалько не вѣрить въ изображеніе. Онъ отказывается идти, онъ сидитъ и ждетъ, когда придетъ несчастье. Но сегодня, когда я опять началъ просить его объ этомъ, онъ сказалъ: „Ты знаешь, кто сидитъ въ старомъ домѣ напротивъ церкви и ждетъ меня. Пойди къ ней и спроси, позволить ли она мнѣ пройти въ церковь. Если она согласится, я увѣрю въ изображеніе и буду молиться ему.“

— Ну? — спросила донна Микаэла.

— Я былъ у старой Катаринны, и она позволила ему пройти въ церковь. „Онъ можетъ пройти въ церковь Санъ-Паскале, я не убью его“, сказала она.

Пассафiore продолжалъ стоять на колѣняхъ.

— И Фалько уже былъ въ церкви? — спросила донна Микаэла.

Пассафiore подвигается немного ближе и въ отчаяніи ломаетъ руки. — Донна Микаэла, Фалько очень боленъ. И это не отъ укуса собаки, это началось гораздо раньше.

И Пассафiore борется съ собой, прежде чѣмъ рѣшиться сказать объ этомъ. Наконецъ онъ признается, что, хотя Фалько великій человекъ, но иногда у него бываютъ припадки безумія. Теперь ужъ онъ говоритъ не только о Катаринѣ. „Я пойду къ изображенію, — сказалъ онъ, — если Катарина позволитъ мнѣ пройти и если донна Микаэла Алагона сойдетъ ко мнѣ въ каменоломню, возьметъ меня за руку и сама отведетъ въ церковь.“ И онъ упорно стоитъ на томъ, что донна Микаэла, самая лучшая и святая изъ женщинъ, должна притти за нимъ, иначе онъ не хочетъ идти.

Кончивъ говорить, Пассафіоре все-таки не рѣшается поднять головы и упорно смотреть въ землю.

Но разъ дѣло идетъ о Младенцѣ Христѣ у донны Микаэлы не можетъ быть никакихъ колебаній. Она, повидимому, и не думаетъ о томъ, что Фалько уже лишился разсудка. Въ ней нѣтъ ни капли страха. Вѣра ея въ изображеніе такъ велика, что она говоритъ тихо, какъ послушное дитя:

— Пассафіоре, я иду съ тобой!

И она, какъ во снѣ, слѣдуетъ за нимъ. Она, не задумываясь, идетъ съ нимъ на Этну. Она, не колеблясь, спускается по отвѣснымъ скаламъ въ каменоломню. Блѣдная, но съ чудно сіяющимъ взглядомъ входитъ она въ пещеру къ старому разбойнику и протягиваетъ ему руку. И онъ встаетъ, смертельно блѣдный, какъ и она, и слѣдуетъ за ней. Они двигаются, словно призраки, а не люди. Они молча идутъ къ своей цѣли. Ихъ собственная воля умерла, и чей-то властный духъ ведетъ и направляетъ ихъ.

Уже на слѣдующее утро все случившееся кажется доннѣ Микаэлѣ какой-то сказкой. Она убѣждена, что ни милосердіе, ни любовь къ ближнему не могли бы заставить ее пойти ночью въ разбойничью берлогу, ею руководила какая-то высшая сила. Она была какъ бы внѣ себя.

Въ то время какъ донна Микаэла шла въ пещеру къ разбойнику, старая Катарина сидѣла у окна и ждала Фалько. Она не ставила себя долго просить дать ему свободный пропускъ.

— Пусть онъ пройдетъ въ церковь, — сказала она. — Я двадцать лѣтъ жду его, но въ церковь онъ можетъ пройти!

Вскорѣ затѣмъ появляется Фалько, держась за руку донны Микаэлы. Пассафіоре и Біаджіо слѣдуютъ за ними. Фалько идетъ сгорбившись. Сразу видно, какой онъ старый и слабый. Онъ входитъ въ церковь одинъ, остальные остаются у дверей.

Старая Катарина ясно видѣла его; но она не тронулась съ мѣ-

ста. Она сидитъ неподвижно, пока Фалько остается въ церкви. Племянница, которая живетъ съ ней, думаетъ, что она молится и благодаритъ Бога, что онъ помогъ ей преодолѣть жажду мести.

Наконецъ, Катарина проситъ ее открыть окно.

— Я хочу видѣть, сохранилась ли у него тѣнь змѣи, — говоритъ она.

Она говоритъ мягко и кротно.

— Возьми ружье, если хочешь, — говоритъ она. Племянница беретъ ружье и кладетъ его на другой конецъ стола.

Наконецъ, Фалько выходитъ изъ церкви. Лунный свѣтъ падаетъ ему прямо на лицо, и она видитъ, какъ мало онъ похожъ на Фалько, сохранившагося въ ея воспоминаніяхъ. На лицѣ его не видно прежняго упрямства и гордости. Онъ идетъ согбенный и разбитый. Онъ почти внушаетъ ей жалость.

— Изображеніе поможетъ мнѣ! — обращается онъ громко къ Пассафоре и Біаджіо. — Оно обѣщало помочь мнѣ.

Разбойники хотятъ идти; но Фалько такъ радъ, что ему хочется поговорить о своемъ счастьѣ.

У меня больше нѣтъ шума въ головѣ, тревога и жаръ прошли. Оно поможетъ мнѣ!

Товарищи хватаютъ его подъ руки, стараясь его увести.

Фалько дѣлаетъ нѣсколько шаговъ и снова останавливается. Онъ выпрямляется и дѣлаетъ всѣмъ тѣломъ движеніе, которое передается змѣеобразной тѣни, извивающейся и ползущей по дорогѣ.

— Я буду совсѣмъ здоровъ, совсѣмъ здоровъ! — говоритъ онъ.

Товарищи тащатъ его за собой, но уже поздно.

Глаза Катарины упали на тѣнь змѣи. Она не можетъ больше сдержаться, она бросается на столъ, схватываетъ ружье, взводитъ курокъ и стрѣляетъ. У нея не было намѣренія убивать его; но, увидя его тѣнь, она не могла пропустить его. Она двадцать лѣтъ жила мыслью о мести. Это отняло у нея всякое самообладаніе.

— Катарина, Катарина! — закричала племянница.

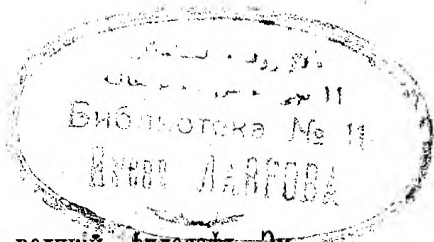
— Онъ просилъ дать ему пройти только въ церковь, — возразила старуха.

Старый Вѣджіо оправилъ тѣло Фалько и сказалъ громко:

— Теперь онъ выздоровѣтъ, совсѣмъ выздоровѣтъ!

XI.

Побѣда.

Въ древнія времена жилъ въ Сициліи великій философъ Эмпедоклъ. Онъ былъ такъ прекрасенъ, мудръ и великъ, что люди считали его богомъ, принявшимъ обликъ человѣка.

У Эмпедокла было на Этнѣ имѣнье, и однажды вечеромъ онъ далъ въ немъ своимъ друзьямъ праздникъ. Во время праздника онъ говорилъ такъ мудро и краснорѣчиво, что друзья кричали ему: — Ты — богъ, Эмпедоклъ, ты — богъ!

А ночью Эмпедоклъ думалъ:

„Ты достигъ высшаго, чего можно достигнуть на землѣ. Ты долженъ умереть прежде, чѣмъ тебя постигнетъ неудача и ты ослабѣешь“.

Онъ поднялся на вершину Этны и бросился въ пылающій кратеръ.

„Если никто не найдетъ моего трупа, — думалъ онъ, — то всѣ подумаютъ, что меня живымъ взяли къ богамъ“.

На слѣдующій день друзья искали его на виллѣ и по всей горѣ. Они поднялись до кратера и около отверстія его нашли сандалію Эмпедокла. И они поняли, что онъ бросился въ кратеръ, чтобы прослыть безсмертнымъ.

И это удалось бы ему, если бы кратеръ не выбросилъ его сандаліи.

Но, благодаря этой легендѣ, имя Эмпедокла не было забыто, и многіе занимались отысканіемъ того мѣста, гдѣ находилась его вилла. Исслѣдователи древностей и искатели кладовъ старательно разыскивали ее, потому что предполагали, что вилла такого человѣка должна изобиловать мраморными статуями, бронзами и мозаиками.

Отецъ донны Микаэлы, кавалере Пальмери, во что бы то ни стало рѣшилъ отыскать виллу. Каждое утро садился онъ на своего пони Доменико и отправлялся на изслѣдованія. Онъ снаряжался, какъ настоящій изслѣдователь, скребкомъ, лопатой и большимъ ранцемъ на спинѣ.

Каждый вечеръ, возвращаясь домой, кавалере Пальмери рассказывалъ доннѣ Микаэлѣ про Доменико.

Во всѣ эти годы, что онъ объѣзжалъ Этну, Доменико самъ обратился въ изслѣдователя древностей. Завидя развалины, Доменико сейчасъ же сворачиваетъ въ ихъ сторону. Онъ билъ землю копытами въ томъ мѣстѣ, гдѣ, по его мнѣнію, слѣдовало производить раскопки. Онъ презрительно фыркалъ и отворачивался, когда ему подносили фальшивую старинную монету.

Донна Микаэла терпѣливо и съ интересомъ выслушивала все это. Она не сомнѣвалась, что, если вилла будетъ найдена, часть открытія всецѣло будетъ принадлежать Доменико.

Но кавалере Пальмери никогда не спрашивалъ дочь объ ея предпріятіи. Онъ никогда не высказывалъ ни малѣйшаго интереса къ желѣзной дорогѣ. Казалось, что ему даже ничего неизвѣстно о ней.

Это было неудивительно, потому что онъ никогда не обнаруживалъ ни малѣйшаго интереса ко всему, что касалось его дочери.

Однажды, когда они сидѣли за обѣдомъ, донна Микаэла вдругъ заговорила о желѣзной дорогѣ.

— Она побѣдила, — сказала она, — наконецъ-то она побѣдила.

Онъ долженъ былъ выслушать повѣсти, какія она узнала сего-

дня. Теперь уже дѣло шло не о трамвай между Діаманте и Катаней, нѣтъ, теперь будетъ проведена настоящая желѣзная дорога вокругъ всей Этны.

Смерть Фалько не только освободила ее отъ вражды разбойника, но заставила повѣрить народъ, что великая Моджибелло и всѣ святыя были на ея сторонѣ. И тогда поднялось цѣлое движеніе въ пользу желѣзной дороги. Во всѣхъ городахъ Этны начались подписки. Было основано акціонерное общество. Сегодня была получена концессія. Завтра будетъ торжественно отпразднована закладка дороги.

Донна Микаэла была растрогана. Она не могла даже ѣсть. Сердце ея было переполнено счастьемъ и благодарностью. Она безъ устали рассказывала о могучемъ воодушевленіи, охватившемъ народъ. Со слезами на глазахъ говорила она о Младенцѣ Христѣ въ церкви Санъ-Паскале.

Трогательно было видѣть, какъ лицо ея сіяло надеждой. Казалось, что Провидѣніе устраиваетъ все къ ея благу и счастью. Она думала, что заключеніе Газтано было дѣломъ рукъ Божіихъ, чтобы снова вернуть его къ вѣрѣ. Маленькое изображеніе совершить чудо и освободить Газтано, и онъ увѣруетъ въ него и вернется къ своей прежней вѣрѣ. И тогда она сможетъ принадлежать ему. Какъ милостивъ былъ Господь!

Но въ то время, какъ все ея существо было переполнено счастьемъ, отецъ ея сидѣлъ совершенно холодный и равнодушный.

— Это поразительно! — говорилъ онъ только.

— Вѣдь ты будешь присутствовать завтра на закладкѣ?

— Не знаю, я занятъ своими изысканіями.

Донна Микаэла въ сильномъ волненіи начала крошить хлѣбъ. У нея не хватало больше терпѣнія. Она не просила его принимать участія въ ея страданіяхъ, но въ ея радости — въ ея радости онъ долженъ принять участіе!

И вдругъ разбилися цѣпи покорности и страха, которыя сковывали ея съ той минуты, какъ отецъ ея былъ заключенъ въ тюрьму.

— Ты такъ много ѣздилъ по Этиѣ, — заговорила она кротко, — тебѣ, вѣроятно, приходилось бывать въ Джелѣ?

Кавалере взглянулъ на нее и, казалось, старался припомнить: — Джела, Джела?

— Джела — маленькое селеніе въ сотню домовъ и лежитъ оно съ южной стороны у подножья Монте-Киаро, — продолжала донна Микаэла съ самымъ невиннымъ видомъ. — Оно лежитъ между Симето и горой, и рѣка часто заливаетъ улицу Джелы, такъ что не всегда тамъ можно выбрать сухое мѣстечко, чтобы пройти. Во время послѣдняго землетрясенія обваливалась крыша церкви, и ее не могли отстроить заново, — такъ бѣдно населеніе Джелы. Ты правда ничего не слыхалъ о Джелѣ?

Кавалере Пальмери отвѣчалъ съ неподражаемымъ спокойствіемъ: — Я произвожу свои изслѣдованія на горѣ. Мнѣ и въ голову не приходило искать въ Джелѣ виллу великаго философа.

— Но Джела очень интересное мѣстечко, — настойчиво продолжала донна Микаэла. — Тамъ нѣтъ отдѣльныхъ помѣщеній для скота. Свиньи живутъ въ нижнемъ этажѣ, люди — лѣстницей выше. И кромѣ того въ Джелѣ неимоверное количество свиней. Имъ живется тамъ лучше, чѣмъ людямъ, потому что народъ тамъ почти весь боленъ. Тамъ вѣчно страдаютъ лихорадками, и малярія никогда не прекращается. Тамъ такъ сыро, что погреба почти всегда залиты водой, и болотный туманъ разстилается по землѣ каждую ночь. Въ Джелѣ нѣтъ ни лавокъ, ни полиціи, ни почты, ни доктора, ни аптеки. Шестьсотъ человѣкъ живутъ тамъ одичалые и разбитые. — Да, такъ ты ничего не слыхалъ о Джелѣ? — Она съ изумленіемъ глядѣла на него.

Кавалере Пальмери покачалъ головой.

— Да, мнѣ приходилось слышать это названіе.

Донна Микаэла испытующе посмотрѣла на отца. Потомъ она быстро наклонилась къ нему и вынула изъ кармана маленькій кривой ножъ, какой употребляютъ обыкновенно для подрѣзыванья виноградъ.

— Бѣдный Эмпедоклъ, — сказала она и вдругъ все лицо ея озарилось шаловливой улыбкой. — Воображаешь, что вознесся къ богамъ, а Этна выбрасываетъ твою сандалію!

Кавалъере Пальмери съежился, какъ бы услышавъ выстрѣлъ.

— Микаэла, — произнесъ онъ растерянно, какъ человѣкъ, который не знаетъ, чѣмъ онъ можетъ защитить себя.

Но она снова заговорила серьезно и невинно.

— Мнѣ рассказывали, — говорила она, — что нѣсколько лѣтъ тому назадъ Джела едва не погибла. Всѣ жители ея занимаются винодѣліемъ, но на виноградникъ напала филоксера, и населеніе едва не умерло съ голода. Тогда земледѣльческое общество послало имъ американскіе ростки, которыхъ не пожираетъ филоксера. Жители Джелы посадили ихъ, но растенія погибли. Развѣ народъ въ Джелѣ умѣлъ ухаживать за американскими лозами? Ну, тогда къ нимъ явился одинъ человѣкъ и научилъ ихъ.

— Микаэла, — жалобно простаналъ онъ.

Донна Микаэла нашла, что отцу ея нанесено уже достаточно сильное пораженіе; но она продолжала, дѣлая видъ, что ничего не замѣчаетъ.

— Пришелъ одинъ человѣкъ, — произнесла она съ сильнымъ удареніемъ, — который выписалъ новыя растенія и началъ ихъ сажать въ ихъ виноградникъ. Народъ смѣялся надъ нимъ и говорилъ, что онъ старается попустому. Но его растенія выросли, окрѣпли и не погибли. И онъ спасъ Джелу!

— Я совсѣмъ не нахожу эту исторію интересной, Микаэла, — сказалъ кавалъере Пальмери, стараясь перебить ее.

— Она настолько же занимательна, какъ и изысканіе древностей, — спокойно замѣтила она. — Но послушай, что я тебѣ скажу: Однажды разъ я вошла къ тебѣ въ комнату, чтобы взять книгу объ изысканіи древностей, и тутъ я нашла, что всѣ полки завалены книгами о филоксерѣ, разведеніи виноградниковъ и винодѣліи.

Кавальере вертѣлся на стулѣ, какъ червякъ, пойманный на булавку.

— Замолчи, замолчи! — тихо просилъ онъ.

Онъ былъ потрясенъ сильнѣе, чѣмъ когда его обвиняли въ воровствѣ.

Но въ ея глазахъ снова загорѣлась веселая шаловливость.

— Иногда я просматриваю адреса твоихъ писемъ, — продолжала она. — Мнѣ хотѣлось знать, съ какими учеными ты переписываешься. И я очень удивлялась, что всѣ они адресованы президентамъ и секретарямъ земледѣльческихъ обществъ.

Кавальере Пальмери не былъ въ состояніи произнести ни слова. Донна Микаэла торжествовала, видя его такимъ безпомощнымъ.

Она смотрѣла ему прямо въ глаза.

— Я не думаю, чтобы Доменико умѣлъ узнавать развалины, — многозначительно сказала она. — Но вотъ грязные ребятишки въ Джелѣ привыкли играть съ нимъ и кормить его травой. Доменико считается чуть ли не божествомъ въ Джелѣ, не говоря уже объ его...

Кавальере Пальмери словно что-то вдругъ вспомнилъ

— А твоя желѣзная дорога, — сказалъ онъ, — что ты о ней говорила? Пожалуй, мнѣ завтра можно будетъ взглянуть на нее!

Но донна Микаэла не слушала его. Она вынула портмонеъ.

— У меня есть фальшивая старинная монета, — сказала она. — Я купила ее, чтобы показать Доменико. Онъ навѣрное начнетъ фыркать!

— Послушай же, дитя!

Она не откликнулась на его попытку умилостивить ее. Теперь

сила была на ея сторонѣ. Теперь для примиренія мало было ласковыхъ словъ.

— Какъ-то я открыла твой ранецъ—посмотрѣть, какія древности ты собралъ. Но я нашла тамъ только высохшую виноградную лозу.

Она такъ и сіяла радостью.

— Дитя! Дитя!

— Какъ же это назвать? Во всякомъ случаѣ не изслѣдованіемъ древностей. Можетъ быть... благотворительностью... искупленіемъ...

Тутъ кавалере Пальмери стукнулъ кулакомъ по столу такъ, что зазвенѣли стаканы и тарелки. Это было уже слишкомъ. Старый, почтенный человѣкъ не можетъ позволить такихъ шутокъ надъ собой.

— Помни, что ты моя дочь, и замолчи, наконецъ!

— Дочь, — произнесла она, и веселость ея сразу исчезла. — Развѣ я твоя дочь? Дѣти въ Джелѣ могутъ ласкать хоть Доменико, а я...

— Что же ты хочешь, Микаэла, чего ты требуешь отъ меня?

Они смотрѣли другъ на друга, и глаза ихъ наполнились слезами.

— У меня никого нѣтъ, кромѣ тебя, — прошептала она.

Кавалере Пальмери невольнымъ движеніемъ раскрылъ ей объятія. Она нерѣшительно поднялась, она не знала, такъ ли она появляла его.

— Я знаю, что теперь начнется, — ворчливо произнесъ онъ, — у меня не будетъ ни одной свободной минуты.

— Чтобы отыскивать виллу?

— Поди, подѣлуй меня, Микаэла! Сегодня ты опять обворожительна, въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ мы оставили Катанію!

Она бросилась ему въ объятія съ такимъ страшнымъ крикомъ, что онъ почти испугался.

Книга третья.

**„И у него будетъ много послѣдо-
вателей“.**

I.

Оазисъ и пустыня.

Весной 1874 года начали строить желѣзную дорогу на Этну, а осенью 1895 она была готова. Она поднималась отъ берега моря, опоясывала гору широкимъ полукругомъ и снова спускалась къ морю.

Поѣзда ходятъ ежедневно, и Монджибелло покорно сноситъ все это. Иностранцы съ изумленіемъ проѣзжаютъ по черной неровной поверхности лавы, сквозь бѣлыя рощи миндалевыхъ деревьевъ и старинные, мрачные сарацинскіе города.

— Смотрите, смотрите, какая страна еще существуетъ на землѣ!—говорятъ они.

И въ вагонѣ всегда найдется кто-нибудь, кто расскажетъ о томъ времени, когда изображеніе Христа находилось въ Діаманте.

Что это было за время! Каждый день изображеніе творило новыя чудеса. Всѣ ихъ невозможно и перечислить; каждая прожитая минута казалась радостью. Въ Діаманте не было больше мѣста ни горю, ни печали.

Если бы спросить, кто въ то время управлялъ Діаманте, то каждый отвѣтилъ бы: — Изображеніе Христа! — Все дѣлалось по его желанію. Никто не женился, не покупалъ билета въ лотерею и не

начиналъ постройки дома, не посоветовавшись съ Младенцемъ Христомъ.

Много преступленій было избѣгнуто, благодаря изображенію, сколько ссоръ улажено и сколько злыхъ словъ осталось произнесенными.

Каждый старался поступать хорошо, потому что было замѣтно, что изображеніе помогаетъ только добрымъ и милосердымъ. Ихъ одѣляло оно радостью и богатствомъ.

Если бы міръ былъ такимъ, какимъ онъ долженъ быть, то Діаманте скоро сталъ бы богатымъ и могущественнымъ городомъ. А вмѣсто этого часть міра, не вѣрующая въ изображеніе, разрушала всѣ его добрые поступки. Даруя столько счастья, оно не могло ничему помочь.

Частыя стачки рабочихъ разоряли богачей. А тутъ еще началась война въ Африкѣ. Развѣ можетъ человѣкъ быть счастливымъ, когда его сыновей, его деньги и его муловъ — все отправляютъ въ Африку? А война къ тому же велась несчастливо. Итальянцы терпѣли одно пораженіе за другимъ. Развѣ можно быть счастливымъ, когда на карту поставлена честь отечества?

Со времени постройки желѣзной дороги всѣ замѣчали, что Діаманте похоже на оазисъ среди пустыни. Оазису грозятъ сыпучіе пески, разбойники и дикіе звѣри. То же было и съ Діаманте. Оазисъ долженъ распространиться на всю пустыню, и тогда онъ будетъ чувствовать себя въ безопасности. Въ Діаманте начали вѣрить, что счастье наступитъ только тогда, когда весь міръ увѣруетъ въ изображеніе Христа.

Но выходило такъ, что всѣ надежды и стремленія Діаманте терпѣли неудачу.

Страстнымъ желаніемъ донны Микаэлы и всего Діаманте было возвращеніе Гаэтано. Когда желѣзная дорога была готова, донна Микаэла отправилась въ Римъ просить о помилованіи, но встрѣтила

отказъ. Король и королева очень бы хотѣли помочь ей, но они ничего не могли сдѣлать. Извѣстно, кто былъ тогда первымъ министромъ. Онъ управлялъ Италіей желѣзной рукой. Онъ никогда бы не допустилъ короля помиловать „сициліанскаго бунтовщика“.

Другимъ горячимъ желаніемъ всего Діаманте было, чтобы на долю Младенца Христа выпала вся та честь и поклоненіе, какихъ онъ заслуживаетъ. И донна Микаэла поѣхала въ Римъ просить аудіенціи у папы.

— Святой отецъ, — говорила она, — позвольте мнѣ рассказать вамъ, что случилось въ Діаманте у подножія Этны.

И, перечисливъ всѣ чудеса святого изображенія, она просила святого отца разрѣшить освятить церковь Санъ-Паскале и назначить туда священниковъ для служенія младенцу Христу.

Но и въ Ватиканѣ донна Микаэла потерпѣла неудачу.

— Дорогая княгиня Микаэла Алагона, — сказалъ папа, — случаи, рассказанные вами, церковь не можетъ считать за чудеса. Но вы не отчаивайтесь. Если Младенецъ Христосъ въ Діаманте чудотворецъ, то онъ подастъ намъ знаменіе. Онъ выразитъ намъ свою волю такъ ясно, что у насъ не останется больше никакихъ сомнѣній. Простите старому человѣку, дочь моя, что онъ поступаетъ такъ неосторожно!

Въ Діаманте жила еще и третья надежда. Всѣмъ хотѣлось хоть что-нибудь узнать о Гаэтано. Донна Микаэла поѣхала въ Комо, гдѣ онъ находился въ тюрьмѣ. У нея были рекомендательныя письма отъ вліятельныхъ особъ въ Римѣ, и она была убѣждена, что ей удастся видѣться съ нимъ. Но директоръ тюрьмы направилъ ее къ тюремному врачу.

А врачъ запретилъ ей видѣться съ Гаэтано.

— Вы просите о свиданіи съ заключеннымъ, — сказалъ онъ. — Вамъ не слѣдуетъ этого дѣлать! Вы говорите, что онъ васъ любитъ и думаетъ, что вы умерли. Оставьте ему эту увѣренность! Онъ при-

мирился. Онъ не страдаетъ больше тоской по васъ, неужели же вы хотите, чтобы онъ снова началъ страдать и томиться, узнавъ, что вы живы? Вы хотите убить его? Вотъ что я вамъ скажу: если онъ опять затоскуетъ, ему не прожить и трехъ мѣсяцевъ.

Онъ говорилъ такъ убѣдительно, что Микаэла поняла, что ей лучше отказаться отъ свиданія съ Гаэтано. Но какъ тяжело ей было перенести и это разочарованіе!

Вернувшись домой, она ходила какъ во снѣ, казалось, она никакъ не можетъ проснуться и вернуться къ жизни. Она никакъ не могла понять, что всѣ надежды ея рухнули. Она ловила себя на мысли:

„Когда я спасу Гаэтано...“ Но вѣдь теперь у нея не было ни малѣйшей надежды спасти его.

Она задумывала то одно, то другое предпріятіе. То она хотѣла провести канализацію по равнинѣ, то начать ломать мраморъ на Этнѣ. Она раздумывала и размышляла и не могла рѣшиться ни на что определенное.

Эта безнадежная апатія, овладѣвшая донной Микаэлой, охватила постепенно и весь городъ. Несомнѣнно, все, что исходило отъ людей, не вѣрующихъ въ изображеніе, кончалось плохо и неудачно. Даже и желѣзная дорога не избѣжала этого. На крутыхъ подъемахъ часто случались несчастія. А плата за проѣздъ была такая высокая, что народъ опять сталъ ѣздить на omnibusахъ и экипажахъ.

Донна Микаэла и многіе другіе стали думать о томъ, чтобы объѣхать съ изображеніемъ весь міръ. Они хотѣли показать всѣмъ людямъ, какъ оно даруетъ здоровье, спасеніе и радость всѣмъ честнымъ, трудолюбивымъ людямъ, помогающимъ своимъ ближнимъ. Когда люди убѣдятся въ этомъ, они увѣрують въ него.

— Святое изображеніе должно стоять на Капитоліи и управлять міромъ!—говорили въ Діаманте.

— Всѣ правящіе нами никуда не годятся, пусть лучше нами управляетъ Святой Младенецъ,—говорили другіе.

— Младенецъ Христосъ могучъ и милостивъ; если власть будетъ въ его рукахъ, бѣдные станутъ богатыми, а у богатыхъ тоже останется довольно. Младенецъ Христосъ знаетъ, кто желаетъ добра. Если бы власть была въ его рукахъ, то и бѣдные засѣдали бы въ залахъ совѣта. По міру прошелъ бы острый плугъ, и все, что безплодно лежитъ въ глубинѣ, принесло бы обильную жатву.

Но прежде чѣмъ эти планы были приведены въ исполненіе, въ первыхъ числахъ марта 1896 г. пришло извѣстіе о битвѣ при Адуа. Итальянцы были побиты, и многія тысячи ихъ были убиты или взяты въ плѣнъ.

Нѣсколько дней спустя въ Римѣ произошелъ министерскій кризисъ. Человѣкъ, занявшій постъ министра, боялся гнѣва и отчаянія сициліанцевъ. Чтобы задобрить ихъ, онъ велѣлъ освободить нѣкоторыхъ сициліанцевъ, томившихся въ тюрьмахъ. Онъ выбралъ нѣтерыхъ, наиболѣе любимыхъ народомъ. Это были: Да-Феличе, Боско, Ферро, Барбатто и Алагона.

Ахъ, донна Микаэла старалась радоваться, узнавъ объ этомъ, она старалась не плакать. Она вѣрила, что Газтано находится въ тюрьмѣ, потому что изображеніе Христа должно разрушить стѣны его темницы. Онъ былъ вверженъ туда по милости Господней, потому что онъ долженъ былъ преклонить голову передъ Младенцемъ Христомъ и сказать:

— Господь мой и Богъ!

А теперь его освободило не святое изображеніе. Онъ вернется такимъ же невѣрующимъ, какимъ былъ прежде. Между ними останется та же глубокая бездна.

Она старалась радоваться. Довольно ужъ того, что онъ свободенъ. Что значать въ сравненіи съ этимъ она и ея счастье?

Но такъ случалось со всѣмъ, на что надѣялось и чего жаждало Діаманте.

Великая пустыня была очень жестока къ бѣдному оазису.

II.

Въ Палермо.

Наконецъ, наступилъ этотъ день! Пробило часъ пополудни!

Тѣ, кто боится проспать, встають съ постелей, одѣваются и выходятъ на улицу.

А запоздалые посѣтителѣ кафэ вздрагивають, когда на улицѣ раздаются шаги. Они стряхивають съ себя усталось и спѣшатъ на улицу. Они смѣшиваются съ толпой, и время, кажется, бѣжитъ быстрѣе!

Мало знакомые люди обмѣниваются сердечными привѣтствіями и горячими рукопожатіями. Всѣ сердца пылають однимъ и тѣмъ же восторгомъ. На улицахъ можно видѣть много извѣстныхъ людей, старыхъ профессоровъ университета, важныхъ господъ и знатныхъ дамъ, которые въ другое время никогда не ходятъ пѣшкомъ по улицѣ. Всѣ одинаково радостны и веселы.

— Боже мой, Боже мой, наконецъ-то онъ вернется, наконецъ-то Палермо снова увидить его!—говорять они.

Студенты, всю ночь не покидавшіе своего сборнаго пункта въ Куатро-Канти, запаслись факелами и двѣтными фонариками. Ихъ зажгутъ только въ четыре часа, когда ~пріѣдетъ тотъ, кого они ждуть; но уже съ двухъ часовъ то тотъ, то другой начинаютъ пробовать, хорошо ли горить его факель. Потомъ они сразу зажигаютъ ихъ и привѣтствуютъ свѣтъ громкими кликами. Невозможно оставаться въ темнотѣ, когда душа рвется отъ радости. Въ отеляхъ будятъ путешественниковъ и предлагаютъ имъ встать.

— Сегодня ночью въ Палермо праздникъ, синьоры!

Путешественники спрашиваютъ, въ честь кого.

— Въ честь одного социалиста, котораго, наконецъ, выпустили изъ тюрьмы. Сегодня на разсвѣтѣ онъ приѣзжаетъ съ пароходомъ изъ Неаполя.

— Кто же этотъ человѣкъ?

— Его зовутъ Боско, и народъ обожаетъ его.

Всюду въ эту ночь идутъ хлопоты и приготовленія къ встрѣчѣ приѣзжающаго. Даже пастухъ козъ на Монте-Пелегрино принялся вязать маленькіе букетики, чтобы воткнуть ихъ за ошейники козамъ. А такъ какъ у него было сто козъ и всѣ носили ошейники, то... Но букетики должны быть сдѣланы. Его козы не могутъ на слѣдующее утро войти въ Палермо, не украшенные въ честь великаго дня.

Портнихи сидѣли далеко за полночь, сшивая кончить платья, которыя должны быть надѣты на утро. А кончивъ заказанную работу, маленькая швейка должна подумать и о себѣ. Она прикалываетъ къ шляпѣ нѣсколько перьевъ и громадный бантъ,— сегодня и она хочетъ быть нарядной!

Дома постепенно начинаютъ иллюминироваться. То тамъ, то здѣсь въ воздухѣ взлетаютъ ракеты. На всѣхъ углахъ трещатъ шутихи.

Торговцы цвѣтовъ на длинной улицѣ Биктора-Эммануила не успѣваютъ удовлетворять всѣмъ требованіямъ. Все больше и больше требуютъ бѣлыхъ померанцевыхъ цвѣтовъ! Все Палермо напоено сладкимъ благоуханіемъ померанцевъ.

Привратникъ при домѣ Боско не имѣетъ ни минуты покоя. Въ домъ поминутно являются посланные съ величественными тортами и гигантскими букетами. Привѣтственные телеграммы и письма такъ и сыплются дождемъ. Кажется, что и конца этому не будетъ.

Какъ-то ухитрились воткнуть букетъ даже въ руки бронзовой статуи жалкаго, некрасиваго Карла V, имѣющаго такой же тощій и голодный видъ, какъ у Санъ-Джіованни въ пустынѣ. Студенты, услышавъ объ этомъ, отправились цѣлымъ шествіемъ къ статуѣ импера-

тора, освѣтили ее факелами и прокричали „ура“ старому деспоту. Потомъ одинъ изъ нихъ снялъ букеты, чтобы подать его великому социалисту.

Затѣмъ студенты направились въ гавань.

Ихъ факелы уже давно потухли, но они не обращаютъ на это вниманія. Они идутъ обнявшись, громко распѣвая, по временамъ они прерываютъ свое пѣнье криками:

— Долой Криспи! Да здравствуетъ Боско!

А когда они снова запѣваютъ, тѣ, кто не умѣетъ пѣть, опять прерываютъ пѣвцовъ, обнимая и цѣлуя ихъ.

Общества, артели и цехи двигаются стройными рядами. Вотъ идутъ каменщики съ музыкой и знаменами, вотъ мастера мочальныхъ работъ, а дальше — рыбаки.

Встрѣчаясь, общества привѣтствуютъ другъ друга знаменами. Иногда они останавливаются и произносятъ рѣчи. Они говорятъ о пяти освобожденныхъ, о пяти мученикахъ, возвращенныхъ, наконецъ, на родину. И вся толпа кричитъ:

— Да здравствуетъ Боско! Да здравствуетъ да-Феличе! Да здравствуетъ Ферро! Да здравствуетъ Барбато! Да здравствуетъ Алагона!

Нѣкоторые, утомленные этимъ уличнымъ шумомъ, спѣшатъ укрыться отъ него въ гавани, но, придя туда, они съ удивленіемъ спрашиваютъ себя: „Что это за мѣсто? Madonna Santissima, куда это я попалъ?“

Всѣ ожидали, что въ гавани еще пустынно и темно.

Но всѣ лодки и пароходики уже заняты различными обществами и союзами. Они плаваютъ въ гавани, богато разукрашенные разнообразными венеціанскими фонариками, и ежеминутно пускаютъ большія раветы.

Жесткія скамьи покрыты роскошными коврами и матеріями, и на нихъ сидятъ прекрасныя палермскія дамы, въ свѣтлыхъ шелкахъ и блестящемъ бархатѣ.

Всѣ эти маленькія лодочки скользятъ то вмѣстѣ, то въ одиночку. На большихъ баркахъ мачты и реи доверху убраны вымпелами и фонариками, а маленькіе мѣстные пароходики плаваютъ взадъ и впередъ, съ трубами, обвитыми гирляндами цвѣтовъ.

Всѣ эти огни отражаются и переливаются въ тихихъ водахъ, свѣтъ каждого фонарика, повторяемый отраженіемъ, превращается въ цѣлую струю свѣта, а капли, падающія съ весель, кажутся расплавленнымъ золотомъ.

А въ гавани толпится стотысячная ликующая толпа. Народъ обнимается, кричитъ „ура!“, и всѣ исполнены такой глубокой радости. Они не могутъ сдержатъ своего восторга, и многіе плачутъ отъ переполняющаго ихъ чувства.

Огонь — символъ радости! И все залито потоками свѣта. Внезапно на Монте-Пелегрино вспыхиваетъ большое пламя. И на всей цѣпи горъ, окружающихъ городъ, загораются громадныя костры. Они пылаютъ на Монте-Фальконе, на Санъ-Мартино, на горѣ Тысячи, черезъ которую перешелъ Гарибальди.

.

А далеко въ морѣ медленно движется большой пароходъ изъ Неаполя. На этомъ пароходѣ возвращается социалистъ Воско.

Онъ не можетъ спать въ эту ночь, онъ вышелъ изъ своей каюты и ходитъ взадъ и впередъ по палубѣ. И его старая мать, пріѣхавшая встрѣтить его въ Неаполь, тоже выходитъ изъ своей каюты, чтобы быть вмѣстѣ съ нимъ. Но онъ почти не говоритъ съ ней. Онъ не можетъ говорить, онъ весь полонъ мыслью, что скоро онъ будетъ на родинѣ. Ахъ, Палермо! Палермо!

Онъ пробылъ въ тюрьмѣ больше двухъ лѣтъ. Это было два года тоски и мученій. А помогло ли это чему-нибудь? Вотъ что онъ хотѣлъ бы знать! Принесло ли пользу его дѣлу, что онъ остался ему вѣренъ и два года просидѣлъ за него въ тюрьмѣ? Помнятъ ли его

въ Палермо? Приобрѣлъ ли онъ своимъ страданіемъ хоть одного послѣдователя своихъ идей?

Его старуха мать сидитъ, съежившись на лѣстницѣ, ведущей въ каюты, и дрожить отъ ночной прохлады. Онъ разспрашивалъ ее, но она ничего не знаетъ объ его дѣлѣ. Она можетъ говорить только о маленькомъ Франческо и о маленькой Линѣ и о томъ, какъ они выросли. Она ничего не знаетъ о томъ дѣлѣ, за которое онъ боролся. Но вотъ онъ подходитъ къ матери, беретъ ее за руку, ведетъ къ борту и спрашиваетъ, не видитъ ли она чего-нибудь тамъ далеко, на югѣ. Она всматривается въ море своими потускнѣвшими глазами, но она видитъ кругомъ только ночной мракъ, мракъ и море. Она не видитъ, что на горизонтѣ стоитъ словно зарево.

Онъ опять начинаетъ ходить, а она садится подъ навѣсомъ. Ему не надо говорить съ ней, для нея огромная радость ужъ одно то, что онъ возвращается домой всего только послѣ двухъ лѣтъ. Онъ былъ приговоренъ къ двадцати четыремъ годамъ заключенія. Она уже не надѣялась увидѣть его. Но король помиловалъ его, потому что король былъ человѣкъ добрый. Если бы ему только позволяли поступать, какъ онъ хочетъ.

Боско переходитъ на переднюю часть палубы и спрашиваетъ матросовъ, отчего на горизонтѣ видно какое-то сіяніе.

— Это Палермо! — отвѣчаютъ моряки. — Ночью надъ нимъ всегда стоитъ свѣтлое облако.

Вѣдь это же не можетъ относиться къ нему. Онъ старается заставить себя думать, что его не ждетъ никакая встрѣча. Нельзя же требовать, чтобы всѣ люди вдругъ стали социалистами.

Но черезъ нѣсколько времени онъ думаетъ: „Тамъ, должно быть, происходитъ что-нибудь необыкновенное. Всѣ матросы столпились у борта и смотрятъ въ сторону Палермо“.

— Палермо горитъ, — говорятъ матросы.

Да, пожалуй, это и такъ.

Но тут моряки замѣчаютъ огни на горахъ.

Это не можетъ быть пожаромъ. Вѣроятно, это празднуется день какого-нибудь святого. И они спрашиваютъ другъ друга, что это можетъ быть за праздникъ.

Онъ тоже старается думать, что это дѣйствительно такъ. И онъ спрашиваетъ у матери, какой это праздникъ, вѣдь ихъ такъ много.

Они подходятъ все ближе. Отъ большого города имъ навстрѣчу несется ликующій праздничный шумъ.

— Все Палермо поетъ и веселится! — говоритъ кто-то.

— Должно быть, получена телеграмма о большой побѣдѣ въ Африкѣ, — высказываетъ свое предположеніе другой.

Никто и не думаетъ, что все происходитъ въ честь его, Боско. Онъ идетъ на корму, чтобы ничего не видѣть. Онъ не хочетъ обманывать себя надеждами. Неужели же все Палермо станетъ иллюминироваться ради какого-то жалкаго социалиста?

Въ эту минуту къ нему подходитъ мать:

— Не стой здѣсь! Пойди, полюбуйся на Палермо! Они, должно быть, ждутъ приѣзда короля! Посмотри, какъ это красиво!

Онъ задумывается. Нѣтъ, онъ не думаетъ, чтобы король теперь посѣтилъ Сицилію. Но онъ не рѣшается вѣрить, вѣдь никто, даже его мать не предполагаютъ этого.

Вдругъ раздается громкій крикъ. Онъ звучитъ почти какъ призывъ на помощь. Большая яхта подошла къ пароходу и скользитъ теперь рядомъ съ нимъ.

Яхта украшена цвѣтами и иллюминирована. Черезъ бортъ свѣтятся красныя и бѣлыя шелковыя ткани. Всѣ сидящіе въ яхтѣ одѣты въ красныя и бѣлыя цвѣта. Боско стоитъ на палубѣ и старается понять, что привезъ этотъ прекрасный вѣстникъ. Въ это время парусъ перекидывается на другую сторону, и на немъ сверкаютъ слова: „Да здравствуетъ Боско!“

Его имя! Его, а не имя святого, не короля, не одержавшаго

побѣду генерала? Всѣ эти почести приготовлены для него! Его имя стоитъ на парусѣ! Его имя!

Съ яхты пускають ракеты. Цѣлый снопъ звѣздъ сыплется на землю и исчезаетъ.

Пароходъ входитъ въ гавань. Всюду раздаются восторженные крики, всюду радость и ликование. И народъ говоритъ:

— Мы не знаемъ, можетъ ли онъ пережить это?

Но, понявъ, что всѣ эти почести относятся къ нему, Боско чувствуетъ, что онъ не достоинъ ихъ. Ему хотѣлось бы поклонить колѣни передъ этой стотысячной толпой, привѣтствующей его, и просить у нея прощенья, что онъ ничего не сдѣлалъ, ничего не смогъ сдѣлать для нея.

Случайно донна Микаэла въ эту ночь была въ Палермо. Она пріѣхала похлопотать о какомъ-то предпріятіи, которое она задумала, чтобы наполнить жизнь и не потерять разсудка. Она пріѣхала хлопотать о канализаціи или ломкѣ мрамора.

Она тоже отправилась въ гавань. При ея появленіи всѣ обращаютъ на нее вниманіе: эта высокая печальная синьора съ величественной осанкой, блѣднымъ лицомъ съ энергичными чертами и умоляющими, тоскующими, полными страданія глазами, нигдѣ не можетъ пройти незамѣченной.

Во время торжественной встрѣчи парохода донна Микаэла переживаетъ въ душѣ мучительную борьбу. „Что, если бы это былъ Газтано, — думаетъ она, — могла ли бы я, могла ли бы я... Если бы всѣ такъ же привѣтствовали его, могла ли бы я...“

Ей никогда не приходилось видѣть такой радости и восторга. Всѣ люди любятъ другъ друга какъ братья. И это не потому, что возвращается одинъ изъ социалистовъ, но потому, что всѣ вѣрятъ, что скоро на землѣ настанетъ счастье.

„Если бы онъ пріѣхалъ! Когда я охвачена такой радостью,— думаетъ она, — могла ли бы я...“

Она видитъ, какъ экипажъ Боско медленно движется въ толпѣ. Лошади идутъ шагомъ, и часто имъ приходится останавливаться. Имъ понадобится нѣсколько часовъ, чтобы доѣхать до дому.

„Если бы это былъ онъ, если бы я видѣла, какъ всѣ толпятся вокругъ него, могла ли бы я удержаться и не броситься къ нему? Могла ли бы я?“

Выбравшись изъ толпы, она беретъ экипажъ и ѣдетъ Сото d'ого въ большой соборъ нормандскихъ королей въ Монреале.

Она входитъ въ соборъ и остается съ глазу на глазъ съ прекраснѣйшимъ изображеніемъ Христа, когда-либо созданнымъ искусствомъ человѣка. Высоко надъ хорами помѣщается изображеніе Христа чудной мозаичной работы. Онъ могучъ, величественъ и таинственъ. Безчисленное число молящихся съѣзжается въ Монреале, чтобы искать помощи и утѣшенія у Спасителя. Огромное множество людей въ далекихъ странахъ мечтаютъ поклониться ему. Земля колеблется подъ ногами того, кто въ первый разъ взглядываетъ на икону. Взглядъ Христа заставляетъ посѣтителя преклонить колѣни. И губы его невольно шепчутъ: „Ты мой Богъ и повелитель!“

На стѣнахъ, крышахъ развѣшаны великолѣпныя мозаики, изображающія великія событія. Онѣ готовятъ къ лицезрѣнію Его. Онѣ служатъ какъ бы для того, чтобы сказать: „Все прошлое принадлежитъ Ему. Все настоящее въ Его рукахъ. И также все будущее!“

Тайны жизни и смерти покоятся въ Немъ.

Въ Немъ живетъ духъ, управляющій судьбами міра. Въ Немъ сіяетъ любовь, ведущая міръ къ спасенію.

И донна Микаэла молить его:

— Ты, Сынъ Божій, не разлучай меня съ Собой! Не дай же одному человѣку власти разлучить меня съ Тобой!

III.

Возвращеніе на родину.

Какое странное чувство испытываетъ человѣкъ, возвращаясь на родину. Пока онъ находится въ пути, онъ не испытываетъ ничего особеннаго.

Когда подъѣзжаешь къ Реджіо на Мессинскомъ заливѣ и Сицилія выступаетъ въ море въ видѣ миража, то въ первую минуту испытываешь нѣкоторое разочарованіе: „И только-то? Да вѣдь это такая же страна, какъ и всякая другая“.

Когда Гаэтано высадился въ Мессинѣ, онъ почувствовалъ глубокое огорченіе. Вѣдь должно же было хоть что-нибудь измѣниться къ лучшему во время его отсутствія. А его встрѣтила все та же нищета, все тѣ же лохмотья и все то же горе.

Стояла полная весна. Фиговыя деревья зазеленѣли, виноградные стволы дали ростки, а бобы и горохъ пѣлыми кучами лежатъ на лоткахъ въ гавани.

А сѣрые кактусы, цѣпляющіеся по скаламъ, окружающимъ городъ, покрылись огненно-красными цвѣтами. Они мелькаютъ всюду подобно огненнымъ язычкамъ пламени. Кажется, что внутри кактуса горитъ огонь, прорывающійся наружу.

Но какъ бы ни были ярки его цвѣты, кактусъ всегда остается сѣрымъ и некрасивымъ, словно покрытымъ пылью. И говорятъ, что кактусъ въ этомъ похожъ на Сицилію; она всегда остается страной бѣдности, какіе бы роскошные цвѣты ни росли на ней.

Гаэтано не можетъ понять, какъ это ничего не измѣнилось. Онъ ожидалъ, что вся Сицилія проснулась и пересоздалась за время его отсутствія.

Проѣзжая дальше вдоль берега, Гаэтано испытывалъ все большее разочарованіе. Крестьяне попрежнему пахали землю деревянными плугами, и лошади были худыя и истощенныя.

Да, все осталось попрежнему. Солнце заливаетъ землю золотымъ дождемъ, пеларгоніи цвѣтутъ вдоль дорогъ, а море раскинулось спокойной голубой равниной и ласкаетъ берегъ.

Дикія горы и крутые утесы поднимаются вдоль берега. Снѣжная вершина стѣны сверкаетъ вдали.

Но Гаэтано вдругъ почувствовалъ, что съ нимъ происходитъ что-то странное. Онъ уже не испытывалъ огорченія и только наслаждался видомъ цвѣтущихъ полей, горъ и моря. Ему кажется, что къ нему вернулось отнятое у него сокровище. Онъ не думаетъ больше ни о чемъ другомъ.

Наконецъ, Гаэтано идетъ уже по пути къ дому, гдѣ онъ провелъ свои дѣтскіе годы. Чего только онъ не передумалъ въ свое отсутствіе! Онъ никогда больше не хотѣлъ видѣть этого убогаго домика, потому что онъ такъ много страдалъ въ немъ. И вотъ вдалекѣ показывается горный городокъ, онъ смотритъ такъ невинно и ласково и, повидимому, совсѣмъ не сознаетъ своей вины.

„Приди и полюби меня снова“, говоритъ онъ. И Гаэтано чувствуетъ радость и благодарность, что хоть кто-нибудь нуждается въ его любви.

Ахъ, а что онъ испытываетъ, поднимаясь по извилистой дорогѣ къ городскимъ воротамъ! Легкая тѣнь оливковыхъ деревьевъ какъ лаской, обнимаетъ его. Маленькая ящерица выбѣгаетъ на стѣну, останавливается и смотритъ на него. Можетъ быть, эта ящерица старый другъ его дѣтства и говоритъ ему „добро пожаловать“?

Вдругъ ему становится страшно. Сердце его начинаетъ сильно биться. Онъ вспоминаетъ, что вѣдь совершенно не знаетъ, что ждетъ его дома. Онъ столько лѣтъ не писалъ и не получалъ никакихъ писемъ. Онъ отклонялъ отъ себя все, что могло ему напомнить ро-

дину. Онъ считалъ, что такъ будетъ лучше всего, разъ ему не суждено больше вернуться. И онъ заглушилъ и убилъ въ себѣ всякую тоску по родинѣ.

Но въ эту минуту ему кажется, что онъ не перенесетъ и малѣйшей перемѣны на родной горѣ. Онъ будетъ страшно огорченъ, если Монте-Киаро потерялъ хоть одну пальму или хоть одинъ камень выпалъ изъ городской стѣны.

Стоить ли большая агава на своей скалѣ? Нѣтъ, агавы больше нѣтъ. Она заглохла, и ее срубили. А каменная скамья на поворотѣ развалилась. Ему жаль скамью, здѣсь такъ хорошо было отдыхать. А на зеленой лужайкѣ подъ миндалевыми деревьями они выстроили сарай. Теперь ужъ нельзя будетъ валяться на цвѣтущемъ клеверѣ.

Онъ трепещетъ на каждомъ шагу. Что ждетъ его дальше?

Онъ такъ взволнованъ, что можетъ расплакаться, если хоть одна нищая старуха умерла за время его отсутствія.

Нѣтъ, онъ не думалъ, что возвращеніе такъ растрогаетъ его.

Онъ всего нѣсколько недѣль назадъ вышелъ изъ тюрьмы, и отчужденность и апатія еще невольнѣ покинули его. Онъ не знаетъ даже, стоитъ ли ему возвращаться на родину. Любимая женщина умерла. Было бы слишкомъ ужасно снова тосковать по ней. Онъ въ нерѣшительности провелъ нѣсколько дней, все откладывая отъѣздъ. И, наконецъ, онъ рѣшилъ, что долженъ вернуться къ своей старой матери.

И, когда онъ вернулся, то понялъ, какъ онъ тосковалъ всѣ эти годы по каждому камешку, по каждой травкѣ.

Какъ только онъ вошелъ въ лавку, донна Элиза подумала:

„Теперь я должна поговорить съ нимъ о Микаэлѣ, можетъ быть онъ еще не знаетъ, что она жива“.

Но она откладывала это съ минуты на минуту, ей хотѣлось побольше побыть съ нимъ одной, а къ тому же она боялась причинить ему боль и страданіе, упомянувъ имя донны Микаэлы. Вѣдь

донна Микаэла не выйдетъ за него замужъ, она тысячу разъ говорила это доннѣ Элизѣ. Она хотѣла освободить его изъ тюрьмы; но она не можетъ быть женой невѣрующаго.

Только полчаса хотеть донна Элиза побыть одна съ Газтано, только полчаса!

Но и такого короткаго срока не даютъ ей посидѣть съ нимъ, держа его за руку и закидывая тысячью вопросовъ. Въ Діаманте уже разпелась вѣсть объ его возвращеніи. Вся улица полна народа, всѣ хотятъ видѣть его. Донна Элиза заперла двери, она знала, что имъ не дадутъ ни одной минуты покоя, какъ только они найдутъ его. Но это не помогло. Они стучали въ окна и двери.

— Донъ Газтано — кричали они, — донъ Газтано!

Газтано, улыбаясь, выходитъ на лѣстницу. Толпа кидаетъ шапки и кричить „ура“. Онъ сходитъ къ толпѣ и обнимаетъ всѣхъ по очереди.

Но имъ этого мало. Онъ долженъ стать на лѣстницу и сказать имъ рѣчь. Онъ долженъ рассказать имъ, что онъ вытерпѣлъ въ тюрьмѣ.

Газтано смѣется и поднимается на лѣстницу.

— Тюрьма, — говоритъ онъ, — что говорить о ней! Я каждый день получалъ похлебку, а этого не можетъ сказать каждый изъ васъ.

Маленькій Гондольеро махаетъ шапкой и кричить:

— Теперь въ Діаманте гораздо больше социалистовъ, чѣмъ когда васъ увезли, донъ Газтано!

— А какъ же можетъ быть иначе? — смѣется Газтано. — Всѣ должны стать социалистами! Развѣ социализмъ что-нибудь дурное или страшное? Социализмъ — это идиллія, мечта о собственномъ очагѣ и свободномъ трудѣ; каждый человѣкъ съ дѣтства мечтаетъ объ этомъ и стремится къ этому. Вся земля полна...

Онъ внезапно обрываетъ свою рѣчь, потому что взглядъ его

упалъ на лѣтній дворецъ. На одномъ изъ балконовъ стоитъ донна Микаэла и смотритъ на него.

Онъ ни секунды не вѣритъ, что это галлюцинація или привидѣнiе. Онъ ясно видитъ, что она дѣйствительно жива. Но вотъ именно поэтому... И къ тому же тюрьма подточила его силы, его нельзя считать за вполне здороваго челоуѣка...

Ему страшно досадно, что онъ не можетъ держаться на ногахъ. Онъ хватается руками воздухъ, хочетъ опереться о притолку двери; все напрасно. Ноги его подкашиваются, онъ падаетъ съ лѣстницы и ударяется головой о камень.

Онъ лежитъ какъ мертвый.

Его поднимають, вносятъ въ домъ, посылають за фельдшеромъ и докторомъ, пробують всѣ средства и прилагають всѣ усилiя помочь ему.

Донна Элиза и Пачифика укладываютъ его въ одной изъ спаленъ. Лука разгоняетъ народъ и караулитъ у его запертой двери. Донна Микаэла вошла вмѣстѣ съ толпой. Ей-то не слѣдовало оставаться здѣсь. Лука видѣлъ, что Газтано упалъ, какъ подстрѣленный, увидя ее.

Приходитъ докторъ и пробуетъ привести Газтано въ чувство. Это ему не удается, Газтано лежитъ какъ мертвый. Докторъ думаетъ, что, падая, онъ сильно ушибъ голову. Онъ не ручается за его жизнь.

Обморокъ самъ по себѣ не опасенъ, но его беспокоитъ ударъ головой о каменныя ступени.

Въ домѣ царитъ большая суетня. Изгнанной толпѣ ничего не оставалось, какъ стоять, прислушиваться и ждать.

Такъ стоятъ они цѣлый день передъ домомъ донны Элизы. Тутъ стоятъ донна Кончетта и донна Эмилия. Онѣ неособенно ладятъ между собой, но сегодня онѣ стоятъ рядомъ и плачутъ.

Много тревожныхъ глазъ, не отрываясь, смотрять на окна донны

Элизы. Маленькій Гондольеро и старая Ассунта съ соборной паперти и старикъ столяръ стоятъ здѣсь цѣлый день, не чувствуя усталости. Такъ ужасно думать, что Газтано умереть теперь, когда его снова вернули имъ.

Пришли и слѣпые, словно ожидая, что онъ можетъ вернуть имъ зрѣніе, и всѣ бѣдняки Джерачи и Корвайи толпились здѣсь, ожидая вѣстей о своемъ молодомъ господинѣ, послѣднемъ Алагона.

Онъ желалъ имъ добра и онъ обладалъ большой силой и властью. Только бы онъ остался живъ...

— Господь отнялъ отъ Сициліи свою руку, — говорили они. — Онъ даетъ погибнуть всѣмъ, кто хочетъ помочь народу.

Весь день и вечеръ и даже ночь стоитъ народъ у дома донны Элизы. Около двѣнадцати часовъ донна Элиза отпираетъ двери и выходитъ на лѣстницу.

— Ему лучше? — раздаются вопросы.

— Нѣтъ, ему не лучше!

Всѣ смолкаютъ; наконецъ, раздается отдѣльный дрожащій голосъ.

— Ему хуже?

— Нѣтъ, нѣтъ, ему не хуже. Все такъ же. У него докторъ.

Донна Элиза набросила на голову шаль, въ рукахъ у нея фонарь. Она сходитъ по лѣстницѣ на улицу, гдѣ толпится, сидя и лежа, народъ. Она съ трудомъ пробирается впередъ.

— Гондольеро здѣсь? — спрашиваетъ она.

— Да, донна Элиза, — и Гондольеро подходитъ къ ней.

— Пойди со мной и отопри мнѣ церковь.

Всѣ, кто слышатъ слова донны Элизы, понимаютъ, что она хочетъ идти къ Младенцу Христу въ Санъ-Паскале и просить его за Газтано. Они встаютъ, чтобы слѣдовать за ней.

Донна Элиза тронута такимъ участіемъ. Сердце ея полно любовью ко всѣмъ.

— Я хочу вамъ разсказать, какой мнѣ приснился сонъ, — говорить она, и голосъ ея сильно дрожитъ.

— Я сама не знаю, какъ случилось, что я могла заснуть въ эту ночь. Я сидѣла на постели, дрожа отъ безпокойства, и задремала. И какъ только я заснула, ко мнѣ явился Младенецъ Христосъ въ золотой коронѣ и золотыхъ башмачкахъ, какъ онъ стоитъ въ Санъ-Паскале. И онъ сказалъ мнѣ: „Возьми въ жены своему сыну бѣдную женщину, которая лежитъ распростершись и молится въ моей церкви, и тогда Гаэтано будетъ здоровъ“. Какъ только онъ это сказалъ, я проснулась, и, когда я открыла глаза, мнѣ показалось, что я вижу, какъ святое изображеніе исчезло въ стѣнѣ. Теперь я должна пойти въ церковь и поглядѣть, кто тамъ есть.

— А теперь слушайте всѣ. Я даю обѣтъ исполнить приказаніе изображенія, если я найду женщину въ церкви Санъ-Паскале. И если это будетъ самая жалкая и несчастная дѣвушка, я все равно возьму ее съ собой и отдамъ въ жены своему сыну.

Сказавъ это, донна Элиза отправляется въ церковь Санъ-Паскале, и всѣ бывшіе на улицѣ слѣдуютъ за ней. Всѣ охвачены лихорадочнымъ нетерпѣніемъ. Они едва сдерживаются, чтобы не обогнать донну Элизу, такъ хочется имъ забѣжать впередъ и посмотреть, кто находится въ церкви.

Что, если тамъ пріютилась на ночь какая-нибудь бродячая цыганка! Кто же можетъ зайти ночью въ церковь, какъ не жалкое бездомное созданіе? Донна Элиза дала страшный обѣтъ.

Наконецъ, они у городскихъ воротъ и быстро - быстро поднимаются въ гору. Ахъ, что же это, двери церкви открыты! Значить дѣйствительно тамъ кто-то есть!

Фонарь дрожитъ въ рукахъ донны Элизы. Гондольеро хочетъ его взять у нея, но она крѣпко сжимаетъ его.

— Господи Боже! Господи Боже! — шепчетъ она, входя въ церковь.

Народъ, чуть не давя другъ друга, толпится сзади нея, но отъ волненія всё молчатъ. Никто не произноситъ ни слова. Всѣ взоры устремляются къ алтарю. Есть тамъ кто-нибудь? Маленькая лампадка у изображенія горитъ такъ тускло. Есть ли тамъ кто-нибудь?

Да, тамъ кто-то есть! Передъ алтаремъ на колѣняхъ лежитъ женщина, голова ея склонена такъ низко, что невозможно разглядѣть, кто она. Но, услыша за собой шаги, она поднимаетъ склоненную голову и оглядывается.

Это донна Микаэла!

Въ первую минуту она пугается и вскакиваетъ, готовая бѣжать. Донна Элиза тоже испугана, и онѣ смотрятъ другъ на друга, словно встрѣтись въ первый разъ. Но потомъ донна Микаэла тихо произноситъ:

— Ты тоже пришла молиться за него, невѣстка!

И всѣ видятъ, какъ она сторонится и даетъ доннѣ Элизѣ мѣсто передъ изображеніемъ.

Рука донны Элизы дрожитъ такъ сильно, что она вынуждена поставить фонарь на полъ, и голосъ ея звучитъ рѣзко, когда она заговариваетъ:

— Кромѣ тебя здѣсь никого не было сегодня ночью, Микаэла?

— Нѣтъ, никого!

Донна Элиза опирается на стѣну, чтобы не упасть. И донна Микаэла видитъ это. Она быстро подходитъ и поддерживаетъ ее.

— Ахъ, сядь же, сядь!

Она ведетъ не къ ступенямъ алтаря, а сама опускается передъ ней на колѣни.

— Развѣ ему такъ плохо? Мы будемъ обѣ молиться за него.

— Микаэла,— говоритъ донна Элиза,— я думала, что я найду здѣсь помощь.

— Да, и ты найдешь ее.

— Мнѣ снилось, что изображеніе пришло ко мнѣ и велѣло мнѣ итти сюда!

— Вѣдь оно уже и раньше столько разъ помогало намъ.

— И оно сказало мнѣ: „Возьми въ жены своему сыну бѣдную женщину, которая лежитъ передъ моимъ алтаремъ и молится, и тогда твой сынъ будетъ здоровъ!“

— Что ты говоришь? Что оно сказало?

— Я должна взять въ жены сыну женщину, которая молится здѣсь.

— И ты согласилась? Вѣдь ты не знала, кого ты встрѣтишь здѣсь?

— Идя сюда, я дала обѣтъ, и всѣ слышали его, что я возьму эту женщину за руку и отведу къ себѣ въ домъ, кто бы она ни была. Я думала, это какая-нибудь бѣдная женщина, которой Богъ хочетъ помочь.

— Да вѣдь такъ это и есть!

— Я была такъ огорчена, увидя, что здѣсь нѣтъ никого, кромѣ тебя.

Донна Микаэла не отвѣчала, она подняла глаза на изображеніе:

— Ты хочешь этого? Ты хочешь этого? — съ безпокойствомъ шептала она.

Донна Элиза продолжала сѣтовать.

— Я такъ ясно видѣла изображеніе, и оно никогда не обманывало меня. Я думала, что найду здѣсь бѣдную дѣвушку, у которой нѣтъ приданого и которая просила Христа послать ей мужа. Такъ случалось уже раньше. Что же мнѣ теперь дѣлать?

— Такъ возьми въ жены своему сыну бѣдную женщину, которая молится здѣсь, донна Элиза!

Донна Элиза взглянула на нее. Какое у нея сдѣлалось лицо, оно все сіяло любовью, очарованіемъ и радостью!

Но оно мелькнуло только на секунду. Донна Микаэла спрятала лицо въ старой черной шали донны Элизы.

Донна Микаэла и донна Элиза возвращаются обратно въ городъ. Улица дѣлаетъ поворотъ, такъ что онѣ могутъ видѣть домъ, только подойдя къ нему. И тогда онѣ видятъ, что окна лавки освѣщены. Четыре толстыя восковыя свѣчи горятъ позади гирляндъ изъ четокъ.

Женщины пожимаютъ другъ другу руки.

— Онъ живъ,— шепчутъ онѣ,— онъ живъ!

— Не говори ему ничего о томъ, что приказало тебѣ сдѣлать изображеніе! — говоритъ донна Микаэла доннѣ Элизѣ.

Передъ дверями лавки онѣ обнимаются и расходятся по домамъ.

Немного спустя Гаэтано выходитъ на лѣстницу. Онъ останавливается на минуту и вдыхаетъ свѣжій ночной воздухъ. Онъ видитъ, какъ въ лѣтнемъ дворцѣ зажигаютъ все больше и больше свѣта. Онъ видитъ, какъ тамъ бѣгаютъ и суетятся, пока не освѣщаются, наконецъ, всѣ окна.

Гаэтано тяжело и быстро дышитъ. Онъ словно боится тронуться съ мѣста. Но вдругъ онъ бросается впередъ, какъ человѣкъ, стремящійся навстрѣчу неизбежной опасности. Онъ быстро перебѣгаетъ улицу, распахиваетъ незапертыя двери лѣтнаго дворца, въ нѣсколько прыжковъ взбѣгаетъ на лѣстницу и, не постучавшись, открываетъ дверь въ концертную залу.

Донна Микаэла сидитъ тамъ и думаетъ, придетъ ли онъ сегодня же ночью или только завтра утромъ. Тутъ она слышитъ его шаги по галлерей, и ее охватываетъ ужасъ. Какимъ онъ теперь сталъ? Она такъ сильно тосковала по немъ. Будетъ ли онъ такимъ, какъ она мечтала о немъ?

Или между ними опять вырастетъ стѣна? Смогутъ ли они, наконецъ, все высказать другъ другу? Будутъ ли они говорить о любви, а не о социализмѣ?

Когда онъ появляется на порогѣ, она пытается подняться и пойти

ему навстрѣчу; но у нея не хватаетъ силъ. Она вся дрожитъ. Она садится и закрываетъ глаза рукой.

Она ждетъ, что онъ обниметъ и поцѣлуетъ ее. Но онъ этого, разумѣется, не сдѣлаетъ. Газтано никогда не дѣлаетъ того, чего отъ него ждутъ.

Какъ только онъ пришелъ въ себя, онъ быстро одѣлся, чтобы итти къ ней. Онъ преисполненъ радости, что, наконецъ, видитъ ее. Ему хочется, чтобы и она относилась къ этому болѣе легко. Онъ не хочетъ волноваться. Вѣдь онъ цѣлый день пролежалъ безъ чувствъ. Онъ ничего больше не сможетъ перенести.

Онъ стоитъ возлѣ нея, пока она не успокаивается.

— У васъ слабые нервы! — говорить онъ.

И это все, что онъ сказалъ.

Она, и донна Элиза, и весь народъ на улицѣ убѣждены, что онъ пришелъ просить ея руки и сказать ей, что любитъ ее. Но именно поэтому Газтано и не можетъ этого сдѣлать! Есть такіе злые люди. По своей природѣ они никогда не могутъ сдѣлать то, чего всѣ ждутъ отъ нихъ.

Газтано начинаетъ рассказывать ей о своемъ путешествіи. Онъ ни слова не говоритъ о социализмѣ. Онъ говоритъ о скорыхъ поѣздахъ, о кондукторахъ и интересныхъ попутчикахъ.

Донна Микаэла сидитъ и смотритъ на него. Глаза ея умоляютъ его. Газтано такъ, повидимому, радъ и счастливъ, что видитъ ее. Но почему же онъ не говоритъ того, что долженъ сказать?

— Вы пріѣхали по желѣзной дорогѣ черезъ Этну? — спрашиваетъ она.

— Да, — отвѣчаетъ онъ и непринужденно бесѣдуетъ о красотѣ и пользѣ этой желѣзной дороги. Онъ не знаетъ, какъ она возникла.

Въ душѣ Газтано называетъ себя варваромъ. Почему онъ не произноситъ словъ, которыхъ она такъ трепетно ждетъ? Но зачѣмъ

она такъ покорна? Вѣдь ему стоитъ только протянуть руку, чтобы взять ее. Онъ такъ счастливъ, видя ее возлѣ себя, но онъ такъ увѣренъ въ ней... Ему доставляетъ удовольствіе получить ее.

А жители Діаманте стоятъ внизу на улицѣ. И всѣ такъ рады, какъ будто выдаютъ замужъ своихъ дочерей.

Они стояли сначала молча, чтобы дать Газтано время объясниться. Но, спустя нѣкоторое время, они рѣшили, что все уже кончено, и раздались возгласы:

— Да здравствуетъ Газтано! Да здравствуетъ Микаэла!

Донна Микаэла смотритъ на него съ невыразимой тревогой. Онъ долженъ понять, что она не имѣетъ къ этому никакого отношенія.

Она выходитъ на галлерею и посылаетъ Лючію просить ихъ перестать кричать.

Когда она возвращается, Газтано поднимается съ мѣста. Онъ протягиваетъ ей руку, онъ собирается уходить.

Донна Микаэла тоже протягиваетъ ему руку, сама того не сознавая. Но потомъ отдергиваетъ ее назадъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,— говоритъ она.

Онъ уйдетъ, и, кто знаетъ, вернется ли онъ завтра. А она не поговорила съ нимъ, она не имѣла силъ сказать ему хоть одно слово изъ всего, что она хотѣла сказать ему.

Разумѣется, они не были обыкновенными влюбленными. Вѣдь этотъ человѣкъ былъ смысломъ ея жизни въ теченіе столькихъ лѣтъ. Въ сущности, не важно, будетъ онъ или нѣтъ говорить ей о своей любви. Но она хочетъ ему высказать, чѣмъ онъ былъ для нея.

И теперь, именно теперь! Имѣя дѣло съ Газтано, не надо терять времени. Она не можетъ отпустить его.

— Вы еще не должны уходить,— говоритъ она.— Мнѣ надо сказать вамъ нѣсколько словъ!

Она подвигаетъ ему стулъ, а сама садится немного позади

него. Его глаза мѣшаютъ ей. Они сверкаютъ такой большой радостью.

Тогда она начинаетъ говорить. Она открываетъ ему всѣ сокровенные тайники своей души. Она повторяетъ ему всѣ слова, какія онъ говорилъ ей, и повѣряетъ ему всѣ мечты, какія онъ пробуждалъ въ ней. Она все собрала и запомнила. Это было цѣлымъ богатствомъ ея жизни.

Сначала она говорила быстро, какъ бы отвѣчая выученный урокъ. Она все еще боялась его; она не знала, понравится ли ему, что она это рассказываетъ. Потомъ она рѣшается взглянуть на него. Онъ смотритъ серьезно, но не насмѣшливо. Онъ сидитъ неподвижно и слушаетъ, какъ бы боясь проронить слово. И только болѣзненное и блѣдное лицо его измѣнилось. Оно словно озарилось внутреннимъ свѣтомъ.

А она все продолжала говорить. По его лицу она видитъ, что она прекрасна. Да и какъ же ей не быть прекрасной? Вѣдь должна же она, наконецъ, высказаться ему. Она должна рассказать ему, какъ любовь захватила ее и уже больше не покидала. Она должна, наконецъ, сказать ему, что онъ былъ для нея всѣмъ въ жизни.

Слова не могутъ достаточно выразить ея чувства, она беретъ его руку и цѣлуетъ ее.

Онъ позволяетъ ей сдѣлать это и не шевелится. Лицо его блѣднѣетъ и становится какимъ-то яснымъ, прозрачнымъ. Ей вспоминаются слова Гандольфо, что Гаэтано былъ такъ блѣденъ, что лицо его, казалось, свѣтилось.

Онъ не прерываетъ ее. Она рассказываетъ ему о желѣзной дорогѣ, перечисляетъ чудеса. Иногда онъ взглядываетъ на нее. Его глаза сияютъ. Онъ не смѣется надъ ней.

Она мысленно спрашиваетъ себя, что съ нимъ происходитъ. У него такой видъ, какъ будто она не говоритъ ему ничего новаго. Онъ словно знаетъ все это. Неужели же онъ испытывалъ ту же лю-

божь, что и она къ нему? Неужели ея чувства связаны со всѣми его благороднѣйшими чувствами? Была ли и она тоже двигательной силой въ его жизни? Быть можетъ, она побудила его къ искусству? Она заставила его полюбить бѣдныхъ и гонимыхъ? Неужели и теперь у нея есть сила дать ему почувствовать, что онъ художникъ, апостоль, что для него нѣтъ ничего недостижимаго?

Но такъ какъ онъ продолжаетъ молчать, ей приходитъ мысль, что онъ не хочетъ связывать себя съ ней. Онъ любитъ ее; но онъ хочетъ оставаться свободнымъ человѣкомъ. Онъ понимаетъ, что она не можетъ быть женой социалиста.

Кровь бросается ей въ лицо. Быть можетъ, онъ думаетъ, что она умоляетъ его о любви.

Она рассказала ему почти уже про все, что случилось въ его отсутствіе. Теперь она вдругъ прерываетъ свой рассказъ.

— Я любила васъ,— говоритъ она,— я всегда буду любить васъ, и мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы еще разъ сказали, что любите меня. Мнѣ легче будетъ тогда перенести разлуку.

— Разлуку? — переспросилъ онъ.

— Развѣ я могу быть вашей женой? — говоритъ она, и голосъ ея дрожить отъ скорби. — Я не боюсь, какъ прежде, вашего ученья, я не боюсь вашихъ бѣдняковъ, я бы тоже хотѣла ошастливить міръ. Но я вѣрующая! Какъ могу я жить съ вами, если вы не будете въ этомъ слѣдовать за мной? Или, быть можетъ, вы будете соблазнять меня въ невѣріе? Тогда весь міръ умретъ для меня. Все потеряетъ для меня смыслъ и значеніе. Я буду несчастнымъ, ограбленнымъ человѣкомъ. Поэтому мы должны разстаться.

— Въ самомъ дѣлѣ! — Онъ оборачивается къ ней, и глаза его горятъ негодованіемъ.

— Уходите,— тихо произноситъ она. — Я сказала вамъ все, что хотѣла сказать. Я бы желала, чтобы вы тоже что-нибудь сказали

миѣ. Но, можетъ быть, такъ будетъ лучше. Не будемъ дѣлать нашу разлuku тяжелѣе, чѣмъ это нужно.

Газтано одной рукой крѣпко обхватываетъ ее за руки, а другой обнимаетъ ее за голову. И онъ цѣлуетъ ее.

Надо же быть такой безумной, чтобы думать, что теперь что-либо на свѣтѣ можетъ разлучить ихъ.

IV.

Царство мое лишь на землѣ.

Когда она была маленькой, народъ говорилъ: „Она будетъ святой, она будетъ святой!“

Ее звали Маргарита Корнадо. Она жила въ Джирдженти, которое лежитъ въ южной части Сициліи въ области рудниковъ. Когда она была ребенкомъ, отецъ ея работалъ въ рудникахъ. Но потомъ онъ получилъ маленькое наслѣдство и могъ оставить работу.

На крышѣ дома Маргариты Корнадо въ Джирдженти была устроена маленькая узкая терраса. Къ ней вела узкая крутая лѣсенка, а на террасу приходилось почти вползать въ низенькую дверку. Но все-таки стоило труда туда подняться. Съ террасы видны были не только крыши, оттуда открывался видъ на весь городъ со всѣми шпицами и башенками церквей. И всѣ эти фасады и башни казались кружевомъ съ узоромъ статуй, лоджій и сверкающихъ балдахинѡвъ.

А дальше открывался видъ на широкую равнину, спускающуюся къ морю, и на горы, окаймляющія равнину. Равнина отливала краснымъ цвѣтомъ, море было ярко-голубое, а горы — желтыя. Это была сказочная картина, пестрѣющая богатыми, яркими красками.

Но взорамъ открывалось отсюда еще многое другое. По всей долинѣ были разбѣяны старинные храмы, развалины древнихъ стѣнъ

и какія-то старинныя башни. Это былъ цѣлый міръ сказокъ и легендъ.

Въ дѣтствѣ Маргарита Корнадо почти цѣлыя дни проводила на этой террасѣ. Но она никогда не любовалась роскошнымъ видомъ. Она думала совсѣмъ о другомъ.

Отецъ часто рассказывалъ ей о жизни въ рудникахъ, гдѣ онъ работалъ. И, сидя на открытомъ воздухѣ на террасѣ, Маргарита Корнадо непрестанно думала о темныхъ подземныхъ переходахъ и мрачныхъ шахтахъ.

Она не переставала думать о всѣхъ ужасахъ, царящихъ въ рудникахъ, больше же всего ее тревожила мысль о дѣтяхъ, которыя таскаютъ руду изъ глубины на поверхность. „Маленькія телѣжки“, какъ ихъ называли. Это названіе не выходило у Маргариты изъ головы. „Бѣдныя, бѣдныя маленькія телѣжки, маленькія рудничныя телѣжки!“

Каждое утро отправлялись онѣ въ шахты, каждая къ своему рабочему. Наколовъ достаточно руды, онѣ накладывалъ ее въ корзину, и „рудниковая телѣжка“ отправлялась съ ней наверхъ. Иногда ихъ встрѣчалось нѣсколько въ длинныхъ темныхъ коридорахъ, онѣ образовывали цѣлую цѣпь и начинали пѣть.

„Пройденъ ужъ одинъ путь въ поту и мукѣ!

„Осталось еще девятнадцать въ тяжелый день“.

Выйдя наверхъ, онѣ высыпали руду изъ корзины и сами бросались на землю, чтобы передохнуть минуту. Многія тащились къ лужамъ сѣрнистой воды и жадно пили вонючую воду.

Но скоро онѣ должны были снова спускаться и собирались всѣ вмѣстѣ у входа въ шахту. И, спускаясь, онѣ кричали:

— Господи Боже мой, сжался надъ нами и помилуй насъ!

Съ каждымъ новымъ подъемомъ пѣнье „маленькихъ телѣжекъ“ становилось все печальнѣе.

Онѣ вздыхали и плакали, съ трудомъ карабкаясь по крутой лѣстницѣ.

Онѣ обливались потомъ, корзины съ рудой врѣзывались имъ въ плечи, а онѣ все пѣли свои пѣсни:

„Осталось еще семь подъемовъ!

„Ахъ, наша жизнь ужаснѣе смерти!“

Съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ Маргарита Корнадо думала объ этихъ несчастныхъ дѣтяхъ и жалѣла ихъ. И то, что она постоянно думала и скорбѣла о нихъ, и дало людямъ поводъ считать ее святой.

Но она не забыла ихъ и когда выросла. Какъ только она стала взрослой, она отправилась въ Гротте, гдѣ находится большинство рудниковъ, и, стоя у входа въ шахту съ свѣжей чистой водой, она поджидала, когда „маленькія тележки“ поднимутся на землю. Она вытирала имъ потъ съ лица и перевязывала раны на плечахъ. Она не могла сдѣлать для нихъ многого; но скоро ужъ „маленькимъ тележкамъ“ стало казаться, что онѣ не смогутъ больше выдержать своей работы, если Маргарита не будетъ приходить утѣшать ихъ.

Къ несчастью для „маленькихъ тележекъ“, Маргарита была очень хороша собой. Однажды одинъ изъ инженеровъ увидалъ, какъ она ухаживала за дѣтьми, и сейчасъ же влюбился въ нее.

Черезъ нѣсколько недѣль Маргарита перестала ходить на рудники Гротте. Въмѣсто этого она сидѣла у себя въ Джирдженти и шила себѣ приданое. Она выходила замужъ за инженера. Это была прекрасная партія, она должна была войти въ лучшій кругъ городского общества. Ей уже некогда было заботиться о „маленькихъ тележкахъ“.

Для за два до свадьбы пришла старая нищая Сантуцци, бывшая крестной матерью Маргаритѣ, и сказала, что хочетъ поговорить съ ней. Онѣ поднялись на террасу, чтобы имъ никто не помѣшалъ.

— Маргарита,— сказала старуха, — ты живешь теперь счастливо и богато, и, пожалуй, мнѣ не слѣдуетъ говорить тебѣ о тѣхъ, кто живетъ въ нуждѣ и печали. Ты забыла о нихъ!

Маргарита сказала, что она можетъ все говорить.

— Я принесла тебѣ поклонъ отъ моего сына Ореста. Ему очень плохо, и онъ хочетъ попросить у тебя совѣта!

— Ты знаешь, что ты можешь говорить со мной вполне откровенно, Сантупци,— сказала дѣвушка.

— Орестъ, какъ ты знаешь, больше не работаетъ въ Гротте. Онъ въ Ракальмута. И ему приходится тамъ очень плохо. Не потому, чтобы ему плохо платили, а потому, что ихъ инженеръ высасываетъ у бѣдныхъ людей послѣднюю каплю крови.

И старуха рассказала, какъ инженеръ мучить рабочихъ. Онъ обчитываетъ ихъ и за малѣйшую провинность налагаетъ штрафы. Шахты въ очень плохомъ состояніи, и часто бываютъ обвалы. Никто не увѣренъ въ своей жизни, когда спускается въ рудники.

— Такъ, видишь ли, Маргарита, у Ореста былъ сынъ, славный мальчикъ, которому недавно минуло девять лѣтъ. Инженеръ хотѣлъ купить мальчика у Ореста, чтобы сдѣлать изъ него „маленькую телѣжку“. Но Орестъ отказалъ. Онъ не хотѣлъ губить мальчика на такой работѣ.

Но инженеръ пригрозилъ Оресту, что онъ потеряетъ свое мѣсто въ рудникахъ.

Сантупци замолчала.

— Что же тогда? — спросила Маргарита.

— Тогда Орестъ отдалъ мальчика инженеру. На слѣдующій же день онъ высккъ мальчика. Онъ наказывалъ его каждый день. Мальчикъ становился все слабѣе и слабѣе. Орестъ видѣлъ это и просилъ инженера сжалиться надъ мальчикомъ; но тотъ не зналъ никакого милосердія. Онъ говорилъ, что мальчикъ лѣзнется, и продолжалъ

преслѣдовать его. А теперь ребенокъ умеръ! Мой внукъ умеръ, Маргарита!

Дѣвушка сразу забыла все свое счастье. Она снова стала дочерью рудокопа, защитницей „маленькихъ телѣжекъ“, маленькой дѣвочкой, которая сидѣла на веселой террасѣ и оплакивала ужасы мрачныхъ шахтъ.

— Почему же онъ еще живъ? — воскликнула она.

Старуха пылливо взглянула на нее. Потомъ она вынула спрятанный ножъ.

— Вотъ это посылаетъ тебѣ Орестъ съ тысячею вопросовъ, — сказала она.

Маргарита Корнадо взяла ножъ, поцѣловала лезвіе и молча отдала его обратно.

Наступилъ вечеръ за день до свадьбы. Родители жениха ждали сына. Онъ долженъ былъ вернуться къ вечеру изъ рудниковъ. Но онъ такъ и не пришелъ. Ночью послали слугъ въ Гротте искать его. Его нашли неподалеку отъ Джирдженти. Онъ лежалъ зарѣзанный на краю дороги.

Начались поиски убійцы. Рудокопы Гротте были подвергнуты строгому допросу; но виновный не находился. Не было никакихъ свидѣтелей, никто не хотѣлъ выдать товарища.

Тогда Маргарита Корнадо выдала Ореста, сына своей крестной матери, который и не думалъ работать въ Ракальмута.

Она сдѣлала это, хотя узнала, что женихъ ея былъ виноватъ во всемъ, въ чемъ его обвиняла Сантуцци. Она сдѣлала это, хотя сама дала разрѣшеніе на убійство, поцѣловавъ ножъ.

Но едва она открыла убійцу, какъ раскаялась въ этомъ и испытала мучительныя угрызенія совѣсти.

Во всякой другой странѣ ея поступокъ не считался бы преступленіемъ; но въ Сициліи на вещи смотрятъ иначе. Сициліанецъ скорее умретъ, чѣмъ будетъ предателемъ.

Маргарита Корнадо ни днемъ, ни ночью не находила покоя. Жгучее раскаяніе грызло ей сердце, она чувствовала себя глубоко несчастной.

Ея проступокъ не судили строго, такъ какъ знали, что она любила убитого, и всѣ находили, что Сантуцци поступила съ ней слишкомъ жестоко. Никто не презиралъ ее, и всѣ продолжали съ ней кланяться.

Но ея мукъ не облегчало всеобщее участіе. Раскаяніе мучило ее, и рана ея никогда не заживала.

Орестъ былъ приговоренъ къ пожизненной ссылке на галеры, а Сантуцци умерла вскорѣ послѣ произнесенія приговора надъ сыномъ. Маргаритѣ некого было молить о прощеніи.

Она обратилась къ святымъ, но они не хотѣли помочь ей. Казалось, что ничто на свѣтѣ не имѣетъ силы освободить ее отъ ужаснѣйшихъ угрызений совѣсти.

Въ это время въ Джирдженти прибылъ знаменитый францисканскій монахъ, патеръ Гондо. Онъ проповѣдывалъ и собиралъ паломниковъ на поклоненіе Младенцу Христу въ Діаманте.

Патеръ Гондо не заботился о томъ, что святой отецъ еще не призналъ чудотворнымъ изображеніе Христа въ Сант-Паскале. Въ своихъ странствіяхъ онъ встрѣтился со слѣплыми пѣвцами и слушалъ ихъ рассказы о чудесахъ, творимыхъ изображеніемъ. Въ чудныя ночи сидѣлъ онъ у ногъ отца Эліи и брата Томазо и отъ вечерней зари до утренней, не уставая, слушалъ ихъ рассказы.

И теперь великій проповѣдникъ направлялъ всѣхъ обездоленныхъ и несчастныхъ къ великому чудотворцу. Онъ совѣтовалъ людямъ не терять даромъ этого святого времени.

— Младенца Христа не очень чтили до сихъ поръ въ Сициліи, — говорилъ онъ. — А теперь пришло время, когда онъ пожелалъ имѣть здѣсь свою церковь и своихъ служителей. И для этого онъ даетъ своему святому изображенію силу творить чудеса одно за другимъ.

Патеръ Гондо, бывшій послушникомъ въ монастырѣ Ага соелі на Капитоліи, рассказывалъ народу объ изображеніи Христа, находящемся тамъ, и о тысячѣ чудесъ, совершенныхъ имъ.

— А теперь это милосердное Дитя хочетъ, чтобы Ему поклонялись и въ Сициліи,—говорилъ патеръ Гондо.— Не будемъ больше медлить и поспѣшимъ къ нему. Будемъ первыми, признавшими изображеніе! Пойдемъ, какъ волхвы и мудрецы, поклониться святому Младенцу, пока онъ лежитъ еще въ бѣдной пещерѣ въ ясляхъ!

Маргарита Корнадо, услышавъ это, взлелѣяла новую надежду. Она первая послѣдовала призыву патера Гондо. Ея примѣру послѣдовали и другіе. Сорокъ паломниковъ отправились съ ними черезъ гористую пустыню къ Діаманте.

Всѣ эти люди были бѣдны и несчастны. Но патеръ Гондо велѣлъ имъ идти съ молитвой и пѣньемъ. И взоры ихъ вскорѣ сверкали, словно они увидали звѣзду Вифлеемскую.

— Знаете ли вы,—говорилъ патеръ Гондо,—почему Сынъ Божій выше всѣхъ святыхъ? Потому что онъ одѣляетъ души блаженствомъ, прощаетъ грѣхи, потому что Онъ даруетъ миръ и успокоеніе, потому что царство Его не на землѣ!

Когда его маленькая паства уставала, онъ поддерживалъ въ ней мужество рассказами о чудесахъ, совершенныхъ изображеніемъ. Сказанія слѣпыхъ пѣвцовъ были для нихъ освѣжающими плодами и подкрѣпляющимъ виномъ. Бѣдные путники легкими шагами шли по горной пустынѣ Сициліи, словно поднимаясь къ Назарету, чтобы поклониться сыну плотника.

— Онъ сниметъ съ насъ все наше горе,—говорилъ патеръ Гондо.— Когда мы будемъ возвращаться, сердца наши будутъ веселы и радостны!

И уже при переходѣ черезъ выжженную, жгучую пустыню, гдѣ не было ни деревца, гдѣ вода имѣла привкусъ соли и сѣры, Маргарита Корнадо чувствовала, что на сердцѣ у нея становится легче.

— Маленькій Царь Небесный сниметъ съ меня всё, мои мученія,— говорила она.

Въ одинъ майскій день пилигриммы дошли наконецъ до подножья горы, гдѣ находится Діаманте. Здѣсь пустыня кончалась. Кругомъ они видѣли рощи оливковыхъ деревьевъ и свѣжую зелень. Гора и городъ — все сверкало и искрилось.

Они чувствовали, что пришли въ мѣстность, осѣненную милостью Божіей.

Они бодро поднимались по крутой извилистой дорогѣ и запѣли громкими ликующими голосами старинную пѣснь пилигриммовъ.

Когда они поднялись на гору, навстрѣчу имъ вышелъ народъ изъ Діаманте. Услыхавъ вдали однообразный напѣвъ старинной пѣсни паломниковъ, всё побросали работу и бросились имъ навстрѣчу. И жители Діаманте обнимали и цѣловали пилигриммовъ.

Ихъ ждали ужъ такъ давно и никакъ не могли понять, почему они такъ долго не приходили.

Діамантское изображеніе Христа было такъ чудотворно и милосердно, такъ любвеобильно, что весь народъ долженъ былъ стремиться къ нему.

Слушая все это, Маргарита Корнадо чувствовала, что сердце ея уже исцѣляется отъ своихъ страданій. Всѣ въ Діаманте утѣшали и поддерживали ее.

— Онъ, конечно, поможетъ тебѣ, вѣдь онъ помогаетъ всѣмъ,— говорили ей. — Еще никто не обращался къ нему напрасно.

У городскихъ воротъ пилигриммы разстались. Жители Діаманте разобрали ихъ по домамъ, чтобы они могли отдохнуть послѣ долгаго пути. Черезъ часъ они должны были встрѣтиться у Porta Aetna, чтобы идти на поклоненіе Младенцу Христу.

Но у Маргариты не было терпѣнія ждать цѣлый часъ. Она спросила дорогу къ Санъ-Паскале и пошла туда одна, не дожидаясь остальныхъ.

Когда часъ спустя патеръ Гондо и пилигриммы пришли въ Санъ-Паскале, они увидали, что Маргарита Корнадо сидитъ на ступеняхъ алтаря. Она сидѣла неподвижно и, казалось, не замѣтила ихъ прихода.

Но когда патеръ Гондо приблизился къ ней, она вскочила, какъ ужаленная, бросилась на него и начала его душить.

Она была женщина высокая и сильная. Между ними завязалась ожесточенная борьба, и, наконецъ, при помощи нѣсколькихъ пилигриммовъ патеру Гондо удалось высвободиться изъ ея рукъ. Она была какъ безумная, и ее пришлось связать.

Пилигриммы пришли въ церковь торжественной процессіей, они пѣли и держали въ рукахъ зажженные свѣчи. Процессія была очень длинная, потому что къ ней примкнули многіе жители Діаманте. Передніе ряды оборвали пѣнье, но задніе, не видя случившагося, продолжали пѣть. Но вѣсть о томъ, что произошло, переходила изъ устъ въ уста, и слушавшіе ее смолкали. Жутко было слышать, какъ торжественное пѣнье обрывалось и переходило въ стонъ и плачь.

И тутъ измученные пилигриммы поняли, что они напрасно пришли сюда. Все ихъ утомительное путешествіе было ни къ чему. Чудныя надежды, лелѣемыя ими въ пути, угасли. Святое изображеніе не облегчить ихъ страданій.

Самъ патеръ Гондо пришелъ въ ужасъ. Этотъ ударъ подѣйствовалъ на него тяжелѣе чѣмъ на другихъ, потому что всѣ они думали каждый только о своемъ горѣ, а онъ несъ въ своемъ сердцѣ страданія всѣхъ этихъ людей. Какую отвѣтственность онъ взялъ на себя, пробудивъ въ ихъ сердцѣ столько надеждъ.

Но вдругъ его лицо снова освѣтилось прекрасной, наивно-благочестивой улыбкой. Изображеніе хотѣло только испытать вѣру его и этихъ людей. Если они не усомнятся, оно поможетъ имъ.

Онъ снова запѣлъ псаломъ своимъ яснымъ голосомъ и поднялся на ступени алтаря.

Но, подойдя ближе къ изображенію, онъ внезапно смолкъ. Онъ стоялъ и смотрѣлъ на изображеніе широко раскрытыми глазами. Потомъ онъ протянулъ руку, взялъ корону и поднесъ ее къ глазамъ.

— Да, да, это написано тутъ! — пробормоталъ онъ. И корона выпала изъ его рукъ и покатила по полу.

Патеръ Гондо сразу узналъ, что передъ нимъ былъ изображеніе изъ Ага саелі.

Но онъ не сообщилъ объ этомъ сейчасъ же народу, а сказалъ съ своей обычной кротостью:

— Друзья мои, я хочу рассказать вамъ замѣчательную исторію!

Онъ рассказалъ имъ объ англичанкѣ, которая хотѣла украсть изображеніе Христа изъ Ага соелі. И онъ рассказалъ, какъ изображеніе было названо „Антихристомъ“ и сброшено въ міръ.

— Мнѣ и сейчасъ вспоминается старый фра Симоне, — говорилъ патеръ Гондо. — Показывая изображеніе въ Ага соелі, онъ всегда говорилъ: „Вотъ эта маленькая ручка звонила, вотъ эта маленькая ножка стучала въ дверь“.

Когда же я спрашивалъ фра Симоне, что случилось съ другимъ изображеніемъ, онъ отвѣтилъ: — Что же могло съ нимъ happen? Его вѣроятно разорвали на куски римскія собаки!

Рассказавъ это, патеръ Гондо совершенно спокойно подошелъ и подвнялъ корону, которую онъ уронилъ на полъ.

— Прочтите, что тутъ написано! — сказалъ онъ. И онъ передалъ корону.

Люди стояли со свѣчами въ рукахъ и освѣщали ими корону. Тѣ, кто умѣлъ читать, прочли надпись, а неграмотные видѣли во всякомъ случаѣ, что какая-то надпись есть.

И каждый бравшій въ руки корону, тушилъ потомъ свою свѣчу.

Когда потухла послѣдняя свѣча, патеръ Гондо обратился къ пидgrimмамъ, столпившимся вокругъ него.

— Я привелъ васъ сюда, — заговорилъ онъ, — поклониться тому, кто даруетъ покой вашимъ душамъ и введетъ васъ въ царствіе небесное! Но я повелъ васъ по ложному пути, потому что это изображеніе ничего не можетъ дать. Его царство лишь на землѣ!

— Наша бѣдная сестра лишилась разсудка, — продолжалъ патеръ Гондо, — потому что она пришла сюда въ надеждѣ на небесную милость. У нея помутился разумъ, когда она молилась изображенію, не получая помощи. А оно не могло услышать ее, потому что царство его лишь на землѣ.

Онъ замолчалъ, и всѣ смотрѣли на него, какъ бы вопрошая, что все это значить.

Потомъ онъ спросилъ попрежнему спокойно:

— Можетъ ли дольше оставаться на алтарѣ изображеніе, носящее на коронѣ такія слова?

— Нѣтъ, нѣтъ! — закричали пилигриммы.

Жители Діаманте молчали.

Патеръ Гондо схватилъ изображеніе и въ далеко протянутыхъ рукахъ понесъ черезъ всю церковь къ выходу.

Но какъ спокойно и кротко ни говорилъ патеръ Гондо, глаза его все время строго и внушительно покоились на толпѣ. И никто не могъ бороться съ его силой, такъ огромно было его вліяніе. Всѣ чувствовали себя разбитыми, и никто не могъ высказаться свободно.

Подойдя къ выходу, патеръ Гондо остановился и оглянулся. Острымъ сверкающимъ взглядомъ обвелъ онъ толпу.

— Дайте и корону, — сказалъ патеръ Гондо.

И корона была подана ему.

Онъ надѣлъ ее на изображеніе, вышелъ изъ церкви и остановился возлѣ статуи Санъ-Паскале. Онъ сказалъ что-то на ухо нѣкоторымъ пилигриммамъ, и тѣ сейчасъ же удалились. Они вернулись,

неся дрова и хворостъ. Они сложили костеръ у ногъ патера Гондо и зажгли его.

Всѣ, бывшіе въ церкви, столпились позади патера Гондо. Безвольные и подавленные стояли они на площади передъ церковью. Они видѣли, что монахъ собирается сжечь ихъ любимое [благодѣтельное изображеніе, но не оказывали никакого сопротивленія. Они сами не понимали, почему они не спѣшатъ спасти изображеніе.

Но патеръ Гондо, видя, что огонь разгорѣлся и изображеніе всецѣло въ его власти, выпрямился и, сверкая глазами, обратился къ толпѣ.

— Мои бѣдныя дѣти, — кротко заговорилъ онъ. — Вы пріютили у себя опаснаго гостя. Но какъ могло случиться, что вы не догадались раньше, кто онъ?

— Что мнѣ думать о васъ? — продолжалъ онъ строже. — Вы сами говорите, что изображеніе даровало вамъ все, о чемъ вы просили. Такъ, значитъ, во всѣ эти годы въ Діаманте не нашлось ни одного человѣка, который просилъ бы объ отпущеніи грѣховъ и душевномъ мирѣ?

Возможно ли это? Жители Діаманте просили только о выигрышахъ въ лоттерей и урожаѣ, о насущномъ хлѣбѣ, здоровьѣ и деньгахъ? Онъ раздавалъ вѣдь только земныя блага! Никто не молилъ его о небесной милости.

— Неужели это дѣйствительно такъ? Нѣтъ, это невозможно! — радостно проговорилъ патеръ Гондо, какъ бы преисполнившись внезапной надеждой. — Я ошибаюсь! Жители Діаманте знаютъ, что я не брошу изображенія въ огонь, не спросивъ ихъ согласія. Они ждутъ только, чтобы я замолчалъ, и тогда принесутъ доказательства въ пользу изображенія.

Теперь многіе выступаютъ впередъ и скажутъ: „Это изображеніе сдѣлало меня вѣрующимъ!“ И другіе скажутъ: „Оно даровало мнѣ отпущеніе грѣховъ!“ и еще другіе: „Оно открыло мнѣ глаза на бла-

гость Господню!“ Они выступать и скажутъ все это, а я буду отданъ на смѣхъ и порицаніе и я вынужденъ буду признать свое заблужденіе и самъ снова воздвигну его на алтарѣ!

Патеръ Гондо замолчалъ и, поощрительно смѣясь, смотрѣлъ на толпу. Сильное движеніе произошло въ толпѣ слушателей. Многие казалось, были готовы выступить и произнести свидѣтельства.

Они дѣлали нѣсколько шаговъ, но снова останавливались.

— Я жду, — сказалъ патеръ Гондо, и глаза его просили и звали.

Но никто не выступилъ изъ толпы. Вся толпа дрожала отъ ужаса при мысли, что въ этомъ отношеніи они не могутъ стоять за изображеніе. Никто не рѣшался заговорить.

— Мои бѣдныя дѣти, — произнесъ патеръ Гондо съ глубокой печалью. — Вы держали у себя Антихриста, и онъ пріобрѣлъ надъ вами власть. Вы забыли Бога! Вы забыли, что у васъ есть душа! Вы думаете только о земномъ!

Раньше говорили, что жители Діаманте самый благочестивый народъ въ Сициліи. Но теперь, очевидно, не такъ. Жители Діаманте рабы этого міра. Можеть быть, они даже невѣрующіе социалисты, которые любятъ только землю. Они не могутъ быть ничѣмъ другимъ. Вѣдь среди нихъ находился Антихристъ!

Когда толпа услышала эти обвиненія, она, казалось, получила способность защищаться. Гнѣвный ропотъ прошелъ по рядамъ.

— Изображеніе святое! — закричалъ одинъ. — Когда оно вѣзжало въ городъ, колокола Санъ-Паскале звонили цѣлый день!

— Развѣ они могли звонить меньше, предупреждая о такомъ несчастіи? — возразилъ монахъ.

И онъ съ еще большей горячностью продолжалъ свои нападки.

— Вы слуги нечестиваго, а не христіане! Вы служите ему, потому что онъ помогаетъ вамъ! Но въ васъ не покоится духъ благодати!

— Онъ былъ добръ и милосердъ, какъ Христосъ!— заговорили въ толпѣ.

— Развѣ въ этомъ-то и не все несчастье?— воскликнулъ гнѣвно патеръ Гондо.— Онъ принялъ образъ Христа, чтобы соблазнить васъ! Только такимъ путемъ могъ онъ поймать васъ въ свой сѣти. Разсыпая на васъ дары и милости, онъ заманилъ васъ въ свою ловушку и сдѣлалъ изъ васъ рабовъ міра! Или это не такъ? Можетъ быть, кто-нибудь можетъ опровергнуть это? Можетъ быть, кто-нибудь слышалъ, какъ человѣкъ, котораго нѣтъ здѣсь, молилъ изображеніе о милости Господней?

— Онъ снялъ съ Джеттаторе его злую силу!— воскликнулъ кто-то.

— Разрѣ Джеттаторе можетъ побѣдить кто-нибудь, кромѣ равнаго ему въ злой силѣ?— насмѣшливо переспросилъ патеръ Гондо.

Послѣ этого никто не пытался выступить въ защиту изображенія. Все, что они ни говорили, казалось, только вредило дѣлу.

Многіе обращали свои взоры на донну Микаэлу, тоже пришедшую сюда. Она стояла въ толпѣ, все слышала и видѣла, но ничего не сдѣлала, чтобы спасти изображеніе.

Она испугалась, когда патеръ Гондо сказалъ, что изображеніе было Антихристомъ, когда же онъ доказалъ, что жители Діаманте молились только о земныхъ благахъ, ее охватилъ ужасъ, и она ни на что не могла рѣшиться.

„Нѣтъ, нѣтъ!— думала она,— этого не можетъ быть! Она потеряетъ рассудокъ, если повѣрить, что столько лѣтъ служила злой силѣ“. Разумъ ея мутился.

И вѣра въ чудесное вдругъ порвалась въ ней, какъ туго натянутая струна.

Мысли ея съ безумной быстротой обозрѣвали всѣ чудеса, происходившія съ ней, и тщательно провѣряли ихъ. Развѣ было хоть одно доказанное чудо? Это были все случайности и совпаденія!

Она какъ бы распутывала мотокъ нитокъ. Отъ пережитаго лично ею она перешла къ чудесамъ прежнихъ временъ. Все только совпаденія, самовнушенія! А большая часть просто была фантазіей!

Разгнѣванный монахъ громилъ толпу страшными словами. Она старалась прислушиваться, чтобы избавиться отъ своихъ мыслей. Но всѣ его слова казались ей безуміемъ и ложью.

Но что же происходитъ съ ней? Или она становится невѣрующей?

Она взглянула на Гаэтано. Онъ тоже былъ здѣсь и стоялъ на ступеняхъ лѣстницы около монаха. Его взоры были обращены на нее. И безъ ея словъ онъ зналъ, что происходило въ ея душѣ. Но онъ, казалось, не радовался этому и не торжествовалъ. Напротивъ, онъ словно хотѣлъ заставить патера Гондо замолчать, чтобы сохранить въ ней хоть крупицу вѣры.

Но собственныя мысли донны Микаэлы не щадили ее. Онѣ безудержно неслись впередъ и опустошали ея душу. Цѣлый сіяющій міръ чудесъ былъ въ ней уничтоженъ. Она говорила себѣ, что никто ничего не знаетъ о небесномъ и не можетъ знать! Съ земли на небо несется много вѣстей, но съ неба на землю не доходитъ никакой вѣсти.

„Но я хочу еще вѣрить въ Бога“,— думала она и складывала руки, словно желая удержать послѣднее и самое дорогое.

— Взоры ваши, жители Діаманте, свирѣпыя и злыя,— говорилъ патерь Гондо. — Въ васъ нѣтъ Бога! Антихристъ разлучилъ васъ съ Богомъ!

Глаза донны Микаэлы снова искали Гаэтано.

„Сможетъ ли онъ дать какую-нибудь возможность жить такому бѣдному, ограбленному существу, какъ я?“— думала она. Ея глаза встрѣтились съ его гордо увѣреннымъ взглядомъ. Онъ прочелъ въ ея прекрасныхъ, умоляющихъ глазахъ, какъ ея потрясенная душа лънула

къ нему, ища поддержки. Онъ ни минуты не сомнѣвался, что можетъ сдѣлать ея жизнь прекрасной и богатой.

Она думала о радости, какую всюду вызывало его появленіе. Она думала о восторгѣ, какимъ все дышало въ ту ночь въ Палермо. Она знала, что эта радость родится изъ новой вѣры въ счастливую жизнь. Могутъ ли эта радость и эта вѣра охватить и ее?

Она въ тоскѣ ломала руки. Можетъ ли это „новое“ быть чѣмъ-нибудь и для нея? Или она всегда будетъ чувствовать себя такой же несчастной, какъ и въ эту минуту?

Патеръ Гондо наклонился надъ огнемъ.

— Говорю вамъ еще разъ! — воскликнулъ онъ. — Если хоть одинъ человѣкъ скажетъ, что изображеніе спасло его душу, я не сожгу его.

Донна Микаэла вдругъ почувствовала, что она не можетъ допустить гибели изображенія. Съ нимъ были связаны воспоминанія о прекраснѣйшихъ дняхъ ея жизни.

— Гандольфо, Гандольфо! — прошептала она. Она только что замѣтила его возлѣ себя.

— Я здѣсь, донна Микаэла!

— Не дай ему сжечь изображенія, Гандольфо!

Монахъ во второй и въ третій разъ повторилъ свой вопросъ. Никто не выступилъ на защиту изображенія.

Но маленькій Гандольфо проскользнулъ ближе къ костру.

Патеръ Гондо поднесъ изображеніе къ огню.

Гандольфо какъ бы невольно согнулся. На губахъ его мелькнула горделивая усмѣшка.

Донна Микаэла поняла, что онъ почувствовалъ, какъ теперь все Діаманте принадлежитъ ему. Горячее усердіе монаха дѣлало Гандольфо властителемъ душъ.

Она испуганно оглянулась. Ея взгляды перебѣгали съ одного

лица на другое. Происходит ли въ душахъ другихъ людей то же, что и въ ея душѣ? Ей казалось, что да.

— Ты, Антихристъ!—грозно произнесъ патеръ Гондо.— Никто не заботился о своей душѣ, пока ты царилъ здѣсь! Ты долженъ быть уничтоженъ!

И патеръ Гондо положилъ отверженнаго на костеръ.

Но едва изображеніе коснулось дровъ, какъ Гандольфо выхватилъ его съ костра.

Онъ поднялъ его высоко надъ головой и бросился бѣжать.

Пилигриммы бросились за нимъ, и по склонамъ Монте-Киаро потянулась дикая погоня.

Но маленькій Гандольфо все-таки спасъ изображеніе.

По дорогѣ въ это время какъ разъ проѣзжала большая, тяжелая дорожная карета. Гандольфо, чувствуя, что погоня настигаетъ его, и не зная, какъ быть, бросилъ изображеніе въ карету.

И потомъ онъ спокойно далъ себя схватить.

А когда преслѣдователи хотѣли броситься за каретой, онъ закричалъ имъ:

— Берегитесь, въ каретѣ ѣдетъ англичанка!

Это была синьора Фавара, которой наскучило, наконецъ, Діаманте, и она снова отправилась странствовать по свѣту.

Она уѣхала безпрепятственно. Ни одинъ сидиліанецъ никогда не рѣшится потревожить англичанку.

Фреска Синьорелли.

Недѣлю спустя патеръ Гондо прибылъ въ Римъ. Онъ получилъ аудіенцію у святого отца въ Ватиканѣ и разсказалъ ему, какъ нашелъ Антихриста въ образѣ Христа, какъ Антихристъ совратилъ всѣхъ жителей Діаманте къ мірской суетѣ и какъ онъ, патеръ Гондо, хотѣлъ сжечь его. Онъ разсказалъ еще, что ему не удалось вернуть народъ къ вѣрѣ въ Бога. Напротивъ, все Діаманте обратилось въ невѣрующихъ и соціалистовъ. Никто не хотѣлъ думать о душѣ, никто не стремился къ нему. Патеръ Гондо спрашивалъ, что теперь станетъ съ этимъ несчастнымъ народомъ.

Старикъ папа, мудрейшій изъ людей, не засмѣялся надъ разсказомъ патера Гондо, но глубоко опечалился.

— Ты поступилъ неправильно, ты поступилъ очень неправильно, — сказалъ онъ.

Онъ задумчиво помолчалъ и потомъ продолжалъ:

— Ты былъ въ соборѣ въ Орвіето?

— Нѣтъ, святой отецъ!

— Поѣзжай и осмотри его! — сказалъ папа, — а когда вернешься приди и разскажи мнѣ, что ты тамъ увидишь!

Патеръ Гондо повиновался. Онъ отправился въ Орвіето и осмотрѣлъ соборъ. Два дня спустя онъ снова былъ въ Ватиканѣ

— Что же ты видѣлъ въ Орвіето? — спросилъ у него папа.

Патеръ Гондо разсказалъ, что въ одной изъ часовенъ собора онъ нашелъ фрески Луки Синьорелли, изображающія конецъ міра. Но онъ не особенно разсматривалъ изображеніе страшнаго суда и воскресенія умершихъ, потому что вниманіе его приковала къ себѣ большая картина, которую ему называли „Чудесами Антихриста“.

— Что же ты тамъ увидалъ?—спросилъ папа.

— Я увидалъ, что Синьорелли изобразилъ Антихриста такимъ же бѣднымъ и простымъ человѣкомъ, какимъ Сынъ Божій сошелъ на землю. Я увидѣлъ, что онъ былъ одѣтъ, какъ Христосъ, и лицо у него было, какъ у Христа.

— Что же ты увидѣлъ еще?—спросилъ папа.

— Сначала я увидѣлъ, что Антихристъ проповѣдуетъ, а богатые и могущественные люди сносятъ къ его ногамъ всѣ свои сокровища.

Потомъ я увидѣлъ, что къ Антихристу принесли больного и онъ испѣлилъ его.

Затѣмъ я видѣлъ какъ послѣдователя Антихриста предали мученической смерти; на большой картинѣ во всю стѣну я видѣлъ, какъ люди спѣшили въ огромный храмъ мира, какъ духъ вражды былъ свергнутъ съ небесъ и всѣ притѣснители были поражены небеснымъ огнемъ.

— Что ты подумалъ, увидя это?—спросилъ папа.

— Увидя эту картину, я подумалъ: этотъ Синьорелли былъ безумный. Неужели онъ думаетъ, что во времена Антихриста не будетъ вражды и на землѣ воцарится миръ и радость, какъ въ раю?

— Что же ты еще видѣлъ?

— Я видѣлъ, что священники и монахи были брошены на костры и сожжены. А въ концѣ-концовъ я увидѣлъ, что возлѣ Антихриста нарисованъ дьяволъ, который все время шепчетъ ему на ухо, что онъ долженъ говорить и дѣлать.

— А что ты подумалъ, когда увидалъ это?

— Я сказалъ себѣ: этотъ Синьорелли не безумецъ, а пророкъ. Антихристъ, разумѣется, придетъ въ образѣ Христа и водворитъ рай на землѣ! Онъ сдѣлаетъ ее такой прекрасной, что люди забудутъ о небѣ! И это будетъ самымъ ужаснымъ искушеніемъ для міра!

— Теперь ты понимаешь,—сказалъ папа,—что твой рассказъ

не сообщилъ мнѣ ничего новаго? Церковь всегда знала, что Антихристъ придетъ, украшенный добродѣтелями Христа.

— Такъ вы знали, что онъ уже пришелъ, святой отецъ?—спросилъ патеръ Гондо.

— Неужели бы я могъ изъ года въ годъ сидѣть на тронѣ Петра и не знать, что онъ пришелъ?—сказалъ папа.— Я видѣлъ, какъ возникло народное движеніе, горящее любовью къ ближнему, но отвергающее Бога. Я вижу, какъ люди идутъ на мученическую смерть за новую вѣру въ счастливую жизнь. Я вижу, какъ народъ черпаетъ новыя радости и новое мужество изъ словъ: „Думайте о землѣ!“ Какъ раньше онъ черпалъ ихъ изъ словъ: „Думайте о небѣ!“ Я зналъ, что пришелъ тотъ, о комъ возвѣстилъ Синьорелли.

Патеръ Гондо молча склонилъ голову.

— Понимаешь ты теперь, въ чемъ ты поступилъ неправильно?

— Святой отецъ, просвѣти меня въ моемъ грѣхѣ!

Старый папа поднималъ глаза. Его ясный взглядъ проникалъ, казалось, за завѣсу случайностей и видѣлъ истинное положеніе вещей.

— Патеръ Гондо,—сказалъ папа,—знаете ли вы, что такое это маленькое дитя, съ которымъ вы вступили въ борьбу въ Діаманте, дитя—милосердное и чудотворное, какъ Христосъ, бѣдное, презираемое дитя, которое вы побѣдили и которое вы называете Антихристомъ?

— Нѣтъ, святой отецъ!

— А кто тотъ, кто исцѣляетъ больныхъ на картинѣ Синьорелли, трогаетъ богачей своей проповѣдью и неспровергаетъ притѣснителей, тотъ, кто обратитъ землю въ рай и заставитъ людей забыть о Богѣ! Вы не знаете, кто онъ?

— Нѣтъ, святой отецъ!

— Что же это можетъ быть, какъ не антихристіанство, не социализмъ?

Патеръ Гондо въ ужасѣ глядѣлъ на него.

— Патеръ Гондо,—строго произнесъ папа,—ты хотѣлъ сжечь изображеніе! Зачѣмъ? Почему ты не обошелся съ нимъ ласково и не отнесъ его къ Младенцу Христу на Капитолій, откуда его свергли?

Но вы, монахи, вы всегда поступаете такъ! Вы могли бы овладѣть народнымъ движеніемъ, пока оно еще какъ спеленутый младенецъ лежало въ колыбели, вы могли отнести его къ ногамъ Іисуса, и тогда Антихристъ увидѣлъ бы, что онъ не что иное, какъ поддѣльное изображеніе Христа и призналъ бы своего Господина и Владыку. Но вы не заботитесь объ этомъ! Вы бросаете антихристіанство на костеръ; берегитесь, какъ бы оно само не бросило васъ туда же!

Патеръ Гондо преклонилъ колѣна.

— Я понимаю, святой отецъ. Я пойду и отыщу изображеніе!

Папа поднялся во всемъ своемъ величіи.

— Не ищите изображенія, пусть оно совершить свой путь по міру. Мы не боимся его! Когда оно приступитъ къ Капитолію, чтобы завладѣть престоломъ міра, мы выйдемъ къ нему навстрѣчу и приведемъ его къ Христу! Мы примиримъ землю съ небесами. А вы поступаете неправильно,—мягче продолжалъ онъ,—ненавидя его! Вы забыли, что Сибилла назвала его однимъ изъ обновителей міра. На Капитоліи будутъ поклоняться обновителю міра — Христу или Антихристу!

— Святой отецъ, если онъ исцѣлитъ страданія міра и небо не пострадаетъ отъ этого, то я не буду ненавидѣть его!

Старый папа тонко усмѣхнулся.

— Патеръ Гондо, позволь и мнѣ рассказать тебѣ одну сициліанскую легенду. Рассказываютъ, патеръ Гондо, что, когда Господь нашъ творилъ землю, Ему захотѣлось узнать, что Ему еще осталось творить. И Онъ послалъ святого Петра посмотрѣть, готовъ ли міръ.

Когда святой Петръ вернулся, онъ сказалъ:

„Всѣ плачутъ, рыдаютъ и стонутъ“.

„Такъ міръ еще не готовъ“, — сказалъ Господь и продолжалъ творить.

Черезъ три дня Господь снова послалъ святого Петра на землю.

„Всѣ смѣются и ликуютъ“, — сказалъ, вернувшись, святой Петръ.

„Такъ міръ еще не готовъ“, — сказалъ Господь и продолжалъ творить.

И вотъ святой Петръ былъ посланъ въ третій разъ.

„Одни смѣются, а другіе плачутъ“, — сказалъ Петръ.

„Такъ значитъ міръ готовъ“, — сказалъ Господь.

— И такъ всегда будетъ и останется, — заключилъ папа. — Никто не можетъ избавить людей отъ страданія, но многое простится тому, кто поддерживаетъ въ нихъ мужество переносить ихъ горе!

Unb 9435

1 руб.

Издание В. М. Саблина.

Складъ: Москва, Петровка, домъ Обидиной.

Телефонъ 131-34.